3 1761 08821311 1

Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/polnoesobranieso01grig

(46)

717

Полное собраніе сочиненій

Д. В. ГРИГОРОВИЧА.

Изданіе Н. Т. Мартынова.

Grigorovich, Dmitry Vasil'evich
G 8576

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

Polnoe sobranie
sochinenyi. t. 1.

СОЧИНЕНІЙ

Дм. Вас. Григоровича.

---

t. 1

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1890.

ПОВѢСТИ, РАЗСКАЗЫ

и

ОЧЕРКИ.

1843—1849 гг.

Д. В. ГРИГОРОВИЧА.

#62776
6.6.47

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе книгопродавца Н. Г. МАРТЫНОВА.

1890.

Типо-Литографія и Фототипія В. И. Штейнъ. Почтамтская ул., № 13.

ОГЛАВЛЕНІЕ

	стр.
1843. Петербургскіе шарманщики.	1
1844. Сосѣдка	29
1845. Лотерейный балъ	59
1846. Деревня	92
1848. Антонъ горемыка	163
1848. Бобыль.	284
1848. Капельмейстеръ Сусликовъ.	308
1849. Четыре времени года	350

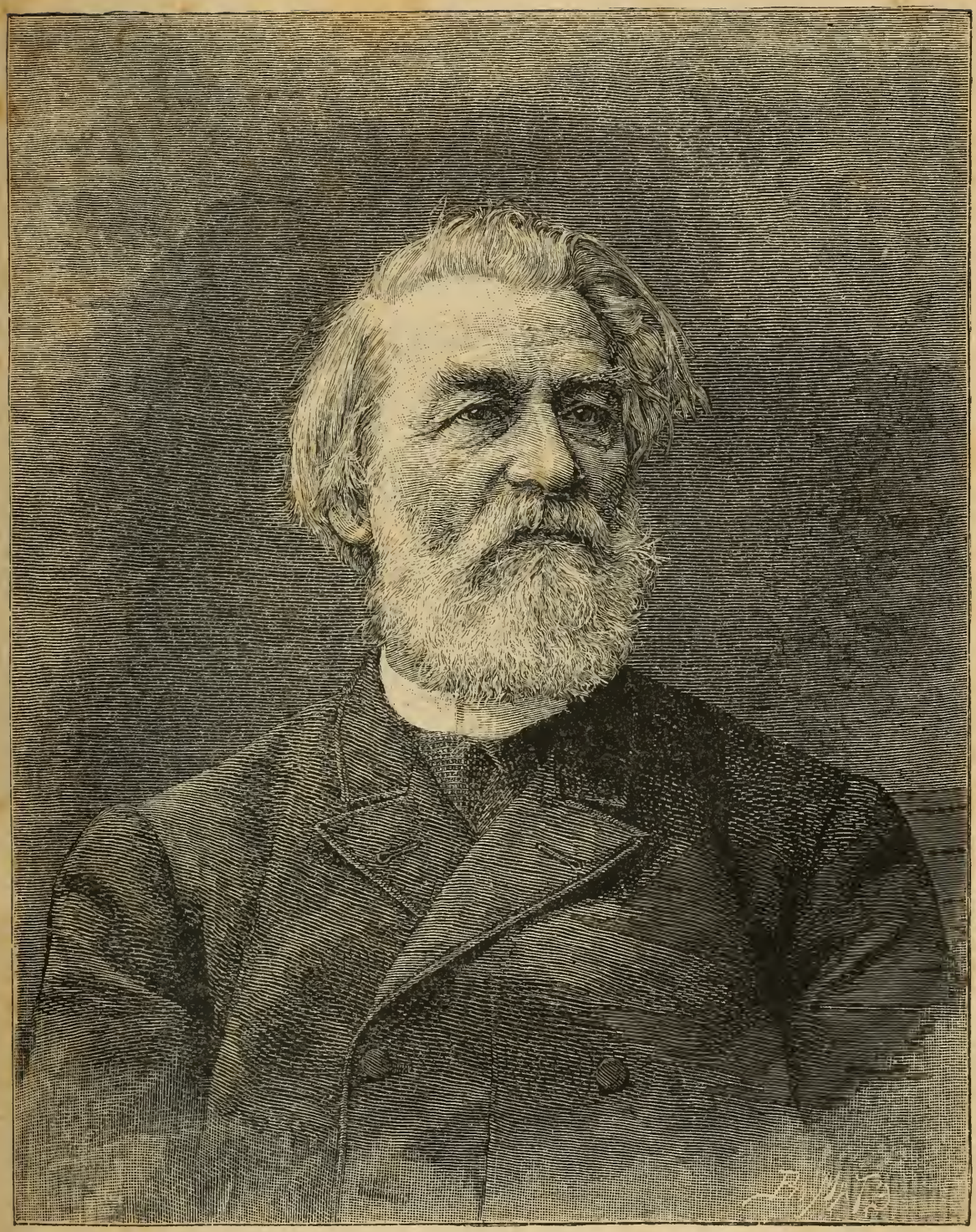
ПОВѢСТИ, РАЗСКАЗЫ

и

ОЧЕРКИ.

1843—1849 гг.

Изд. Н. Г. Мартынова.



Дозволено цензурою. СПБ.
21 Апрѣля 1889 г.

Типографія В. Безобразова и К°.
(В. О., 8 л., д. № 45).

ПЕТЕРБУРГСКІЕ ШАРМАНЩИКИ.

I.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Взгляните на этого человѣка, медленно переступающаго по тротуару; всмотритесь внимательнѣе во всю его фигуру. Разодранный картузъ, изъ-подъ котораго въ безпорядкѣ вырываются длинные, какъ смоль черные волосы, падающіе на худощавое, загорѣвшее лицо, куртка безъ цвѣта и пуговицъ, гарусный шарфъ, небрежно обмотанный вокругъ смуглой шеи, холстинные брюки, изувѣченные сапоги и наконецъ огромный органъ, согнувшій фигуру эту въ три погибели,—все это составляетъ принадлежность злополучнѣйшаго изъ петербургскихъ ремесленниковъ—шарманщика. Въ особенности наблюдайте за нимъ на улицѣ: лѣвая рука его съ трудомъ вертитъ мѣдную ручку, прикрѣпленную къ одной изъ сторонъ органа; звуки то заунывные, то веселые вырываются изъ инструмента, оглашая улицу, между тѣмъ какъ взоры хозяина внимательно устремлены на окна домовъ; онъ прислушивается къ малѣйшему крику, зову, и едва встрѣчаетъ привѣтливый взглядъ, какъ тотчасъ ставитъ свою шарманку и начинаетъ играть лучшую пьесу своего репертуара. Каждый разъ, какъ которая-нибудь изъ трубъ, позабывъ уваженіе къ человѣческимъ ушамъ, заверещитъ

неестественно и нескладно,—посмотрите, какъ старательно завертитъ онъ рукою, думая тѣмъ загладить недостатки пискливаго своего инструмента и не возбудить въ слухѣ вашемъ непріятнаго ощущенія. Форточка отворяется, пятакъ или грошъ, завернутый въ бумажку, падаетъ къ ногамъ его въ награду за труды; но часто, весьма часто, истощивъ напрасно свой репертуаръ, онъ медленно удаляется, грустный, унылый, не произнося ни жалобы, ни ропота. Онъ уже давно привыкъ къ такой жизни.—Какая бы на улицѣ ни стояла погода, знойный жаръ, дождь, трескучій морозъ, вы его увидите въ томъ же костюмѣ, съ тою же шарманкою на спинѣ,—и все для того, чтобъ получить мѣдный грошъ, а иногда и «надлежащее распеканье» отъ дворника, присланнаго какимъ-нибудь регистраторомъ, вернувшимся изъ департамента и послѣ сытнаго обѣда расположившимся лихо всхрапнуть. Часто шарманка кормитъ цѣлое семейство, и тогда можете себѣ представить, сколько ужасныхъ чувствъ волнуютъ горемыку при каждомъ тщетномъ покушеніи растрогать большею частью несострадательную къ нему публику. Изъ всѣхъ ремеслъ, изъ всѣхъ возможныхъ способовъ, употребляемыхъ народомъ для добыванія хлѣба самое жалкое, самое неопредѣленное есть ремесло шарманщика. Нѣтъ ремесленника, который пріобрѣталъ бы копейку, не имѣя въ виду явнаго барыша: полунищая баба въ грязномъ салопѣ, покрытомъ заплатками сверху до низу, продающая на Сѣнной площади вареный картофель, прикрываемый, для сохраненія въ немъ надлежащей теплоты, извѣстнымъ способомъ, то-есть безъ помощи чего нибудь посторонняго, кромѣ тряпья, составляющаго ея исподнее платье, — приглашая гг. инвалидовъ и мужиковъ «на картофель, на горячій, служба, служба! на карто, на карто... кавалеръ, на горячій, на карто, на карто...» и та даже совершенно увѣрена, что вернется домой съ доброю краюхой хлѣба, достаточной величины, чтобы накормить двухъ-трехъ пострѣлятъ мужескаго или женскаго пола, что очень часто трудно бываетъ разобрать, если судить по одной одеждѣ. Шарманщикъ же, спускаясь изъ-подъ кровли пяти-этажнаго дома или подымаясь изъ своего под-

вала, рѣдко бываетъ увѣренъ, доставитъ-ли ему скудный его промыселъ кусокъ хлѣба, соберетъ-ли онъ столько денегъ, чтобы въ концѣ мѣсяца заплатить за квартиру,— большею частью уголъ, нанимаемый имъ у той же торговки картофелемъ, которая за неисправный платежъ будетъ вправѣ прогнать его со двора. Вникнувъ хорошенько въ нравственную сторону этого человѣка, находишь, что подъ грубою его оболочкою скрывается очень часто доброе начало—совѣсть. Онъ могъ бы, какъ другіе бѣдняки, просить подаяніе; что останавливаетъ его? Къ чему таскаетъ онъ цѣлый день на спинѣ шарманку, лишаетъ себя свободы, убиваетъ цѣлые мѣсяцы на дрессировку собаченокъ, или изощряетъ свое терпѣніе, чтобы выучить обезьяну дѣлать разныя штуки? Что же вынуждаетъ его на такіе подвиги, если не чувство, говорящее ему, что добывать хлѣбъ подаяніемъ или плутовствомъ безчестно? Я не хочу здѣсь представлять шарманщика идеаломъ добродѣтели; еще менѣе расположенъ я доказывать, что добродѣтель составляетъ въ наше время исключительный удѣлъ шарманщиковъ и что, слѣдовательно, вы должны запастись шарманкою и отправиться съ нею по улицамъ, если считаете себя добродѣтельнымъ; далекъ я также отъ мысли разсчитывать на ваше состраданіе, представляя шарманщика злополучнѣйшимъ изъ людей. Нѣтъ, я хочу только сказать, что въ шарманщикѣ, въ его частной и въ общественной, уличной жизни многое достойно вниманія. И если вы со мною согласны, то мнѣ нечего и просить васъ читать далѣе: вы это сдѣлаете сами... Я намѣренъ заняться своимъ героемъ со всѣмъ подобающимъ усердіемъ...

II.

РАЗРЯДЫ ШАРМАЩИКОВЪ.

Трудно опредѣлить происхожденіе слова «шарманщикъ»; тѣмъ болѣе трудно, что оно, кажется, родилось на Руси и обязано жизнію простолюдью. Назвать незнакомое лицо или предметъ безъ основанія, часто даже

безъ очевиднаго смысла, хотя подъ-часъ и характеристически мѣтко, свойственно русскому человѣку, который, какъ вы знаете, «за словомъ въ карманъ не полѣзетъ»; недосугъ ему затрудняться въ причинахъ, почему и какъ, а тутъ же, экспромтомъ, отпуститъ онъ иногда такое, что послѣ думаешь, думаешь, и все-таки не придумаешь, почему выразился онъ такъ, а не иначе, назвалъ органъ шарманкой, а не оглоблей, что было-бы для него все равно... Еслибъ я принадлежалъ къ числу почтенныхъ мужей, называющихъ себя корнесловами, то по поводу происхожденія слова шарманка предложилъ бы вамъ множество остроумныхъ догадокъ. «Всего вѣроятнѣе, сказалъ бы я, — что первоначальное слово было: ширманка и произошло отъ ширмъ, изъ-за которыхъ Пульчинелла, до-нынѣ почти всегдашній спутникъ шарманщика, звонкимъ своимъ голосомъ призываетъ зѣвакъ и любопытныхъ. Такое предложеніе, присовокупилъ бы я съ большею увѣренностью, тѣмъ болѣе основательно, что первые, появившіеся у насъ органы были неразлучны съ кукольною комедіей, существующею съ незапамятныхъ временъ въ Италіи». Но такъ какъ и безъ того въ продолженіе разсказа я не отчаяваюсь вамъ наскучить, то, оставивъ въ покоѣ происхожденіе слова, перехожу къ самому шарманщику. Съ перваго взгляда кажется, что всѣ шарманщики составляютъ одно цѣлое, одинъ классъ уличныхъ промышленниковъ; но въ сущности подлежатъ они безчисленнымъ разрядамъ, рѣзко отдѣляющимся другъ отъ друга, какъ занятіями, такъ и духомъ національности. Шарманщики въ Петербургѣ вообще бываютъ трехъ различныхъ происхожденій: итальянцы, нѣмцы и русскіе. Между ними итальянцы занимаютъ первое мѣсто. Они неоспоримые основатели промысла, составляющаго у нихъ самобытную отрасль ремесленности, тогда какъ русскіе и нѣмцы не болѣе, какъ послѣдователи, которые хватаются за шарманку, какъ за якорь спасенія отъ голодной смерти, или по неспособности чаще по неохотѣ къ другому, болѣе дѣльному ремеслу.— Шарманщики рѣдко начинаютъ свое поприще съ инструментомъ, отъ котораго получили названіе; ручной органъ

или, какъ принято называть, шарманка, есть уже слѣдствіе улучшеннаго состоянія.—Тюлень, заключенный въ ящикѣ и показываемый толпѣ съ обычнымъ присловьемъ: «посмотрите, господа, на звѣря морского», высокій ящикъ, покрытый зеленымъ сукномъ, съ какимъ-то дребезжаніемъ вмѣсто музыки, называемый у шарманщиковъ «фортепьяно англезе», віола съ безконечнымъ скрипомъ и плясомъ «хозяина и, наконецъ, флейта или кларнетъ—вотъ средства, съ какими впервые дебютируетъ шарманщикъ на своей обширной и богатой разнообразными декораціями сценѣ—на улицахъ. — Послѣ уже, спустя два или три года, достигаетъ онъ счастливѣйшаго дня (если только до того времени не нашелъ другого средства добывать хлѣбъ), блистающаго на блѣдномъ его горизонтѣ, какъ блудящій огонекъ, — вожделѣннаго и прекраснаго дня, въ который на скопленныя деньги покупаетъ онъ шарманку. — Съ этимъ пріобрѣтеніемъ осуществляетъ онъ всѣ надежды, всѣ мечты и, взваливъ на спину свое сокровище, думаетъ только о томъ, какъ-бы обратить на себя вниманіе и получить возмездіе за всѣ пропавшіе труды. То акомпанируетъ онъ вальсъ Ланнера свистками и трелями, то присоединяетъ къ себѣ двухъ маленькихъ дѣтей, нанятыхъ у бѣдной трубочистихи или прачки, и заставляетъ ихъ выплясывать безсмысленный танецъ своего изобрѣтенія; то, если представляется счастливый случай, мѣняетъ тощую свою шарманку на другую несравненно меньшую, но представляющую почтеннѣйшей публикѣ съ одной стороны презанимательное зрѣлище: Наполеона въ синемъ фракѣ и треугольной шляпѣ, вертящагося вокругъ безносыхъ дамъ, съ ногъ до головы облѣпленныхъ фольгою. — Если владѣлецъ этого сокровища итальянецъ, то онъ непремѣнно вступитъ съ вами въ разговоръ и, объясняя значеніе каждой куклы порознь, не утерпитъ, чтобъ не выбранить хорошенько Наполеона и Богъ вѣсть почему кружащихся съ нимъ австрійскихъ дамъ. Если ему снова случается накопить нѣсколько денегъ, желанія его простираются тогда еще далѣе; онъ покупаетъ высокій органъ съ блестящими жестяными трубами, мѣдными бляхами, золо-

тыми кистями, горделиво качающійся на зеленой телѣжкѣ, везомой бурою клячею. И дѣйствительно, такое пріобрѣтеніе достойно всѣхъ пожертвованій: во-первыхъ, органъ не приходится носить, слѣдовательно, менѣе труда; во-вторыхъ, его можно возить по дачамъ, гдѣ, какъ извѣстно, люди какъ-то добрѣе, самые солидные отцы семейства наклоннѣе къ невиннымъ буколическимъ удовольствіямъ, пріѣхавшіе гулять особенно расположены тратить деньги, а главное — много дѣтей, которыя вообще большіе любители кукольной комедіи и шарманки; все это имѣетъ значительно благодѣтельное вліяніе на доходъ шарманщика, въ особенности, если онъ обладаетъ умѣньемъ занять хорошую позицію и задать серенаду кстати. — Не всѣмъ, однако, улыбается фортуна; есть бѣдняки, до глубокой старости осужденные наигрывать одну и туже арію на кларнетѣ, или выплясывать трепака по уличному паркету, устланному булыжникомъ, акомпанируя себѣ віолою.

Впрочемъ, такъ начинаютъ карьеру свою одни только «мѣщане» этого класса промышленниковъ; «аристократія» вступаетъ на нее съ большимъ достоинствомъ.

Шарманщики-аристократы рѣдко ходятъ по одиночкѣ, но большею частью компаніею; одинъ несетъ богатую шарманку, увѣнчанную бубенчиками, другой обезьяну въ гусарскомъ платьѣ и тирольской шляпѣ, третій ширмы и ящикъ, наполненный куклами, одѣтыми въ разноцвѣтное тряпье, испещренное блестками; шествіе закрываетъ старый осѣдланный пудель, служащій гусару въ тирольской шляпѣ вмѣсто лошади. Другіе блуждаютъ цѣлымъ оркестромъ; третьи присоединяютъ къ себѣ гаера, который на дырявомъ коврѣ дѣлаетъ salte mortale при завываніи шарманки; романсы съ акомпаниментомъ арфы, ученыя собаки, двѣ или три скрипки и кларнетъ, разыгрывающіе вѣчно одинъ и тотъ же галопъ — все это показываетъ уже нѣкоторымъ образомъ зажиточность хозяевъ и высоко ставитъ ихъ надъ многочисленнымъ классомъ «мѣщанства». Впрочемъ, и здѣсь, какъ всюду, разница сглаживается деньгами. Скромною жизнью, шарманщику-мѣщанину случается накопить маленькую сумму и тогда «ари-

стократія» (живущая несравненно богаче, семействомъ, и если впадающая иногда въ крайнюю нищету, то единственно по духу спекуляціи, чрезвычайно, какъ увидимъ ниже, въ ней развитому) спускается съ своихъ подмостковъ и, какъ-бы движимая добрымъ чувствомъ, сближается съ прежнимъ отверженцемъ, принимаетъ его въ компанію, или, если денегъ у него не окажется болѣе, чѣмъ предполагалось, привязываетъ его къ себѣ и еще прочнѣйшими узами—узами родства. Нужно замѣтить, что деньги — единственное условіе сближенія между двумя этими разрядами, вѣчно враждующими...

III.

ИТАЛЬЯНСКІЕ ШАРМАНЩИКИ.

Происхожденіе ихъ чрезвычайно темно; большею частью получаютъ они жизнь подъ деревянною полуразвалившеюся кровлею хижины, живописно расположенной въ Апенинскихъ горахъ, переименованныхъ ими monte Pegpi. Родители ихъ—полунищіе горцы, исполняющіе, за недостаткомъ земли, или по сродной всѣмъ итальянцамъ лѣности, скромную должность пастуховъ. Не имѣя достаточно хлѣба, чтобъ кормить часто многочисленное семейство, они отдаютъ дѣтей своихъ старому шарманщику, вернувшемуся на родину и вынужденному спустя нѣсколько времени снова приняться за шарманку и блуждать по бѣлому свѣту. Такимъ образомъ, мальчикъ покидаетъ родной кровъ, отца, мать и, ввѣрившись судьбѣ, спускается съ своихъ горъ, надѣясь когда-нибудь увидѣть ихъ снова. Швейцарія, Тироль, Франція, Германія—вездѣ наигрываетъ онъ пять или шесть пѣсень, составляющихъ весь репертуаръ его; нѣтъ ни одного городка, бурга, селенія, которое не слышало бы ихъ по нѣсколько разъ. Наконецъ, доходятъ до него слухи, что гдѣ-то на сѣверѣ, въ Россіи, собратья его рѣдки, что тамъ можетъ онъ получить вѣрный барышъ: туда! a Pietroborgo! восклицаетъ бѣднякъ, и предпринимаетъ трудный походъ. Его не

обманули: трудность дороги дѣйствительно вознаграждается грошами, довольно щедро выбрасываемыми на дворы и улицы. Иногда направляетъ онъ путь свой не прямо къ столицѣ, но обходитъ сначала провинціи, посѣщаетъ города, ярмарки, деревни и, скопивъ нѣсколько денегъ, является въ столицу, гдѣ нанимаетъ работниковъ изъ своего званія.—Мало-по-малу, съ прибылью денегъ, итальянецъ отстаетъ отъ бродячей жизни, заводитъ кругъ знакомства съ отечественниками-ремесленниками, гаерами, канатными плясунами, фигурщиками, носящими вѣчнаго амура съ сложенными на крестъ руками; кошку, болтающую вправо и влѣво головою, Наполеона, окрашеннаго розовой краской, всѣхъ возможныхъ формъ, видовъ и несходствъ и, наконецъ, женится на дочери одного изъ своихъ пріятелей. Заведясь такимъ образомъ хозяйствомъ, итальянскіе шарманщики неизвѣстно почему избираютъ жилище въ Подъяческихъ и Мѣщанской. Маленькій двухъ-этажный деревянный домъ, выкрашенный всегдашнею зеленогрязною краскою и возвышающійся въ углу темнаго двора, служитъ имъ убѣжищемъ. Наружность такого рода строеній облѣплена обыкновенно галлереей, на которую съ трудомъ взбираешься по шаткой лѣстницѣ, украшенной по угламъ (у каждой двери) кадкою, на поверхности которой плаваютъ яичныя скорлупы, рыбій пузырь и нѣсколько угольевъ; вообще лѣстницы эти, не считая уже спиртуознаго запаха (общей принадлежности всѣхъ петербургскихъ черныхъ лѣстницъ), показываютъ совершенное неуваженіе хозяевъ къ тѣмъ, которымъ суждено спускаться и подниматься по нимъ. Квартира шарманщика почти всегда находится въ концѣ такой галлереи, по причинѣ дешевизны, и состоитъ изъ двухъ комнатъ, сдѣланныхъ изъ одной.

Если вы хотите имѣть о ней точное понятіе, то потрудитесь нагнуться и войти въ первую комнату. Первый предметъ, на которомъ остановятся ваши взоры, отуманенные слезою (по причинѣ спиртуозности лѣстницы), будетъ неимовѣрной величины русская печь, покрытая копотью и обвѣшанная лохмотьями, составляющими гардеробъ хозяевъ; стѣны и потолокъ усѣяны тѣми пріят-

ными насѣкомыми, которыя пользуются честью носить названіе, одинаковое съ извѣстнымъ европейскимъ народомъ. (Я выразился бы и проще; но боюсь людей, непривыкшихъ «сморкаться» тамъ, гдѣ есть возможность «обойтись посредствомъ платка)...» Стѣны эти окружены скамьями, на которыхъ въ разныхъ, чрезвычайно нераціозныхъ положеніяхъ лежатъ работники — русскіе, нѣмцы, итальянцы, нанятые хозяиномъ, какимъ-нибудь signor Charlotto Bonissy. Посреди комнаты стоятъ ящики съ соломою, и три или четыре обезьяны не перестаютъ въ нихъ возиться и пищать самымъ непріятнымъ дискантомъ; нѣсколько ширмъ, коробокъ съ куклами, мѣшковь съ мукою и макаронамн разбросано по разнымъ угламъ; кадка съ помоями издаетъ изъ-подъ печки особенно непріятный запахъ; дымъ, віясь изъ коротенькихъ деревянныхъ трубокъ (необходимой принадлежности русскихъ работниковъ), наполняетъ освобожденное отъ хлама пространство; говоръ, хохотъ, пискъ обезьянъ, лай собакъ, визгъ дѣтей — заглушаютъ храпѣнье нѣсколькихъ шарманщиковъ, сверхъестественно согнувшихся на печкѣ, на лавкахъ и на полу. Наконецъ, одно маленькое окно пропускаетъ въ комнату нѣсколько лучей свѣта, и то не всегда, потому что если въ компаніи есть хоть одинъ русскій человѣкъ, то стекла непремѣнно залѣплены разными фигурками, съ извѣстнымъ искусствомъ вырѣзанными изъ сахарной бумаги, между которыми козелъ съ необыкновенно большими рогами и бородою прежде всѣхъ бросается въ глаза. Вторая комната представляетъ совершенно противоположное зрѣлище; тутъ тотчасъ замѣтно присутствіе женщинъ. Не только чистота и порядокъ составляютъ отличительное ея свойство, но даже замѣтно нѣкоторое притязаніе на роскошь: стѣнные часы огромнаго размѣра, годные для любой башни, съ привѣшеннымп вмѣсто гирь кирпичами; на окнахъ горшки съ жиденькими растеніями, занавѣски, комодъ, столъ съ блистающимъ самоваромъ, широкая постель, наконецъ, шарманки различныхъ величинъ и свойствъ, въ рядъ расположенныя вдоль стѣны — показываютъ присутствіе самого хозяина. Едва часы пробили восемь, какъ все народонаселеніе квартиры пробуждается, опоражниваетъ чаш-

ку щей или макаронъ и, взваливъ на плечи каждый свою принадлежность, спускается на улицу, гдѣ, раздѣлившись на партіи, принимаетъ разныя направленія. Главный промыселъ итальянцевъ — кукольная комедія. Разумѣется, та, которая доставляетъ на нашихъ дворахъ столько удовольствія подмастерьямъ въ пестрядинныхъ халатахъ, мамкамъ и дѣтямъ, а подчасъ и взрослымъ, не похожа на ту, которую вывезъ онъ изъ своего отечества. Обрусѣвшій итальянецъ перевелъ ее какъ могъ на словахъ русскому своему работнику, какому-нибудь забулдыгѣ, прошедшему сквозь огонь и воду, обладающему необыкновенною способностью врать не запинаясь и приправлять вранье свое прибаутками, — и тотъ уже преобразовалъ ее по-своему. Нигдѣ характеръ народнаго русскаго юмора такъ сильно не проявляется, такъ въ передѣлкахъ такого рода; нигдѣ такъ рѣзко не выказывается бѣднякъ, на фуфу заработывающій копейку. Въ діалогахъ Пульчинелла русскаго произведенія и соотвѣтствующихъ ему персонажей, въ ихъ дѣйствіяхъ, въ самомъ расположеніи комедіи, ими представляемой, вы тотчасъ найдете сродство съ тѣми русскими пѣснями, въ которыхъ слова набраны только для риѳмы и не заключаютъ въ себѣ ничего, кромѣ риѳмы, съ тѣми сказками, гдѣ все дѣлается по щучьему велѣнью и ни въ чемъ разсказчикъ ни себѣ, ни слушателямъ не отдаетъ отчета. Напримѣръ, при всѣхъ моихъ стараніяхъ, я никакъ не могъ добиться, почему въ извѣстной уличной комедіи, особенно любимой народомъ, является лицо, совершенно постороннее дѣйствію, ни съ которой стороны, повидимому, не нужное, — лицо, извѣстное подъ именемъ «Петрушки,» безъ котораго, какъ вы знаете, не обходится ни одно уличное представленіе? Или, по какой причинѣ, прежде нежели (въ той же комедіи) чортъ — чрезвычайно похожій на козла — долженъ увлечь Пульчинелла, являются на сцену два арапа, играющіе палкою и прерывающіе дѣйствіе?—для чего?.. Попробуйте добиться у шарманщика!— «Нѣтъ-съ, ужъ оно такъ, прежде-съ арапы, а ужъ послѣ чортъ уноситъ Пульчинелла, ужъ такъ водится, такъ быть слѣдуетъ,»—отвѣчаетъ онъ, оставивъ васъ въ совершенномъ недоумѣніи на счетъ появленія Петрушки и обоихъ араповъ.

Впрочемъ, кукольная комедія не есть еще единственный ресурсъ итальянскаго шарманщика; ученыя обезьяны, уличный гаеръ составляютъ также исключительную его принадлежность и кромѣ того жена и дочери (разумѣется, если таковыя есть на лицо) не мало способствуютъ къ благосостоянію дома. Выражаясь такъ, я хочу сказать только, что мать выливаетъ изъ воска херувимчиковъ, разыгрывающихъ на вербахъ не маловажную роль, а дочери, хорошенькія итальяночки съ продолговатыми личиками, шьютъ по заказу платья, или раскрашиваютъ модныя картинки и верхушки помадныхъ банокъ. Вообще, итальянскіе шарманщики не представляютъ намъ толпу безпутныхъ бродягъ, но, напротивъ того, картинку скромныхъ и тихихъ ремесленниковъ. Они чрезвычайно любятъ свое ремесло и считаютъ его благороднымъ искусствомъ, художествомъ; я никогда не забуду, какъ разъ одинъ изъ нихъ, на вопросъ мой: «каково идутъ дѣла его въ Петербургѣ?» отвѣчалъ мнѣ ломаннымъ французскимъ языкомъ: «Oh! mon signore, nous povero artisto pas bien vivere à Pietroborgo, à Pietroborgo on n'aime pas beaucoup ces artisto... le publico ne pas aimer la musica, signore!..» Страсть къ благородному искусству часто простирается до того, что итальянецъ проводитъ цѣлые мѣсяцы на улучшеніе шарманки; онъ облѣпливаетъ ее разными фигурками, украшеніями, прикрѣпляетъ къ сторонамъ ея треугольникъ, бубенчики, тарелки, турецкій барабанъ, навѣшиваетъ колокольчики и, приведя все въ движеніе веревочкою, привязанною къ ногѣ, гордо посматриваетъ на своихъ собратій, воображая себя обладателемъ восьмого чуда въ мірѣ.— Помѣщикъ, показывающій вновь выстроенный домъ свой, не пропуская малѣйшей подробности, и хвастающій даже устройствомъ тѣхъ мѣстъ, куда никто не заходитъ безъ настоятельной нужды, не такъ старается вырвать у васъ похвалу, какъ шарманщикъ, только-что купившій шарманку. Онъ нѣсколько разъ откроетъ ее, развинтитъ, попроситъ васъ посмотрѣть внутренность, пощупать, погладить, повертѣть ручкою, наконецъ, опредѣлить ея цѣнность, и все для того только, чтобъ не уронить въ вашемъ мнѣніи себя и горемычное ремесло свое.

Имѣя столько средствъ къ наживанію денегъ, итальянскіе шарманщики легко могли бы, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, вернуться въ свои горы, обезпеченные на всю жизнь, но природное влеченіе къ деньгамъ и спекуляціямъ часто ввергаетъ ихъ снова въ нищенское состояніе. То фабрика гипсовыхъ фигуръ, какъ извѣстно, раскупающихся плохо и за безцѣнокъ, то постройка балагана на Адмиралтейской площади, гдѣ показываютъ ученыхъ обезьянъ, китайскія тѣни, кукольную комедію, что все въ общей сложности представляетъ хозяину болѣе издержекъ, нежели барыша, то, наконецъ, попытка основать какое-нибудь ремесленное заведеніе — одно изъ такихъ предпріятій, рано ли, поздно ли, раззоряетъ бѣднаго труженика въ пухъ и снова вынуждаетъ бродить по улицамъ съ шарманкою, сбирать по грошу и кормить семейство кускомъ черстваго хлѣба, добываемаго трудомъ и потомъ.

IV.

РУССКІЕ И НѢМЕЦКІЕ ШАРМАНЩИКИ.

Хотя шарманка рѣдко бываетъ удѣломъ нѣмцевъ, все-таки сходство промысла даетъ имъ мѣсто въ общемъ классѣ, нами описываемомъ.

Нѣмецкіе шарманщики бываютъ двухъ родовъ. Одни приходятъ къ намъ изъ Швейцаріи, Тироля, Германіи и промышляютъ съ самаго дѣтства, другіе образовались въ Петербургѣ слѣдствіемъ какихъ-нибудь жизненныхъ переворотовъ. Вообще, частный бытъ какъ тѣхъ, такъ и другихъ не представляетъ большого интереса. Они живутъ кучками на Сѣнной и Гороховой въ самомъ жалкомъ и незавидномъ положеніи. Ужъ въ томъ отчасти ихъ натура виновата. Итальянецъ, напримѣръ, преданъ своему ремеслу душой и тѣломъ; онъ оборотливъ, смѣтливъ, хитеръ, веселъ и веселостью своею завлекаетъ, интересуетъ. электризуетъ свою публику. Нѣмецъ—сущая флегма; онъ вялъ, небреженъ и не возбуждаетъ никакого участія въ русскомъ человѣкѣ, который любитъ, чтобъ его тѣшили,

не жалѣя усилій. Онъ никогда не старается васъ позабавить, произвести на васъ пріятное впечатлѣніе; напротивъ, вся его цѣль—надоѣсть кому-нибудь одною и тою же скучною аріею и получить деньги отъ выведеннаго изъ терпѣнія обывателя, съ условіемъ оставить его въ покоѣ.

Вотъ политика нѣмецкаго шарманщика, не всегда приносящая денежный результатъ. Впрочемъ, средства ихъ промысла довольно многочисленны: органъ, издающій пискливые звуки—«по всей деревнѣ Катенька», сопровождаемые заунывнымъ акомпаниментомъ хозяина; арфа, на которой обыкновенно играетъ сухощавая нѣмка въ огромномъ чепцѣ и черной шали, нѣмка съ лоснящимся краснымъ лицомъ и необыкновенно острымъ носомъ, — въ то время, какъ мужъ ея выдѣлываетъ на своей скрипкѣ быстрыя варіаціи; ученыя собаки, прыгающія на заднихъ лапахъ, подъ музыку знаменитой поѣздки Мальбруга въ походъ и боязливо посматривающія на плечистаго хозяина, вооруженнаго бичомъ, годнымъ для слона; віола съ приплясываніемъ и присвистываніемъ маленькаго тирольца, одѣтаго въ національный костюмъ; наконецъ, бродячіе оркестры, состоящіе или исключительно изъ однихъ тромбоновъ, оглушающихъ скромныхъ жителей дворовъ, или изъ двухъ-трехъ скрипокъ да кларнета. Кромѣ того, подобно итальянцамъ, нѣмцы-шарманщики имѣютъ еще частные промыслы: приготовляютъ зажигательныя спички, курительныя свѣчи, порошки, воспитываютъ щенковъ, которыхъ, по окончаніи курса, передаютъ инвалиду съ раздутой губой, а инвалидъ сбываетъ ихъ чувствительнымъ, томнымъ барынямъ, носящимъ букли и ридикюль, или чиновникамъ, отцамъ семейства, любящимъ дѣлать сюрпризы дочерямъ и не находящимъ для такого употребленія ничего лучше мохнатыхъ болонокъ или курносыхъ мопсовъ.

Нѣмецкихъ шарманщиковъ въ Петербургѣ немного; большею частью они не долго остаются въ этомъ званіи, нисколько не соотвѣтствующемъ ихъ характеру.

Выгнанный хозяиномъ безродный подмастерье, закутившійся лакей, приказчикъ, пожертвовавшій хозяйскими деньгами пристрастію къ орлянкѣ, свайкѣ и картамъ, а

иногда и бѣднякъ, лишенный мѣста несправедливымъ бариномъ, составляютъ незначительную часть русскихъ шарманщиковъ, ежедневно шлифующихъ петербургскіе тротуары. Непреодолимое влеченіе оставлять послѣдній грошъ въ заведеніи подъ фирмою: «съ распивочной», рано или поздно, заставляетъ его обратиться къ итальянцу, содержащему шарманщиковъ. Правда, и русскіе шарманщики живутъ иногда въ независимости отъ итальянца-хозяина, но уже не иначе, какъ компаніею; рѣдко, весьма рѣдко, кто-нибудь изъ нихъ отдѣляется отъ толпы и живетъ одинъ съ своимъ органомъ; ему нужно непремѣнно «компанство», товарищи; онъ вообще склоненъ къ общественной жизни. Селятся они на Петербургской сторонѣ, въ скромной лачужкѣ, обнесенной съ трехъ сторонъ огородами; четвертая же какъ водится, смотритъ въ узкій переулокъ, въ перспективѣ котораго возвышается пестрая будка. Въ этихъ жилищахъ выказывается вполнѣ характеръ почтенныхъ нашихъ соотечественниковъ, народныхъ виртуозовъ, со всею ихъ безпечностью. Хотя горе (часто залетающее къ русскому шарманщику) приводитъ его иногда въ такое положеніе, что хоть ложись да умирай съ голоду; но, не смотря на то, въ немъ какъ и въ каждомъ русскомъ простолюдинѣ, не угасаетъ стремленіе къ художеству. Онъ непремѣнно оклеиваетъ стѣны своей лачуги любопытными картинками: «Торжество Мардохея», «Аманъ у ногъ своей любовницы», «Мужики Долбило и Гвоздило, побивающіе французовъ», «Видъ города Сызрани» (такого рода пейзажи состоятъ обыкновенно изъ маленькихъ пригорковъ въ видѣ сахарныхъ головъ, расположенныхъ одинъ на другомъ съ травкою на каждой вершинкѣ и увѣнчанныхъ рядомъ кривыхъ куполовъ), «Портной въ страхѣ» и тому подобныя созданія отечественной фантазіи рѣзко выдаются красными, пунцовыми и желтыми пятнами на закопченыхъ стѣнахъ. Рядомъ съ изображеніемъ какого-нибудь фельдмаршала, занимающаго съ лошадью все поле картины, вы увидите верхушку помадной банки съ надписью: «а ла віолетъ», или надъ трогательною сценою, погребеніе кота мышами, тотчасъ же прилѣпленъ портретъ Кизляръ-аги.

Нѣтъ ничего безпечнѣе русскаго шарманщика; онъ никогда не заботится о слѣдующемъ днѣ, и если случается ему перехватить кой-какія деньжонки, обезпечивающія его на нѣсколько дней, онъ не замедлитъ пригласить товарищей въ ближайшій кафе-ресторанъ, гдѣ за сходную цѣну можно получить пиво, селедку и чай, подаваемый въ помадныхъ банкахъ. Какъ неаполитанскій лазарони, онъ не будетъ работать, если денегъ, добытыхъ утромъ, достаточно на вечеръ: нашатавшись до-сыта нашъ виртуозъ возвращается домой и, если усталость не клонитъ его на жиденькій тюфякъ, служащій ему постелью, онъ предается мирнымъ занятіямъ, сроднымъ мягкой его душѣ: слушаетъ, какъ одинъ изъ его товарищей, грамотѣй труппы, читаетъ добытыя на толкучкѣ брошюрки. Его въ особенности восхищаютъ книги: «Жизнь нѣкотораго Аввакумовскаго Скитника, въ брынскихъ лѣсахъ жительствовавшаго, и курьезный разговоръ души его при переѣздѣ черезъ рѣку Стиксъ», «Анекдоты Балакирева», «Похожденіе Ваньки Каина со всѣми его сысками, розысками и сумазбродною свадьбою», «Исторія о храбромъ рыцарѣ Францылѣ Венцыанѣ и прекрасной королевѣ Ренцывенѣ», «Козелъ бунтовщикъ или Мишина свадьба, — сочиненіе удивительное, въ эпиграфъ которому прилажено: «всѣ сочиненія теперь въ пыли, а это только-что взято изъ были»; «Кандрашка Булавинъ», «Вредъ отъ пьянства»—книги, въ особенности послѣдняя, чрезвычайно назидательныя, но приносящія какъ читателямъ, такъ и слушателямъ мало существенной пользы.

Къ удивленію, въ публикѣ, русскій шарманщикъ какъ-то не общежителенъ, онъ мало обращаетъ вниманія на своихъ слушателей, всегда почти пасмуренъ, недоволенъ собою, развѣ завлечетъ его дружескій ударъ по плечу знакомаго кучера съ привѣтствіемъ, «эхъ: братъ Ванюха!»

V.

УЛИЧНЫЙ ГАЕРЪ.

Чердакъ одного изъ огромныхъ домовъ, окружающихъ Сѣнную площадь, служитъ обыкновенно мѣстомъ его рож-

денія. Какая-нибудь прачка, горничная третьяго разряда, обманутая лакеемъ, раздѣляющимъ любовь свою между кабакомъ и махоркою, причина появленія на свѣтъ будущаго уличнаго героя. Первый взглядъ, брошенный новорожденнымъ на полухмѣльного отца своего, бываетъ часто послѣднимъ взглядомъ; непостоянный, вскорѣ послѣ рожденія на свѣтъ залога любви, бросаетъ свою подругу и чердакъ, съ твердымъ намѣреніемъ разыграть роль Ловласа въ другихъ, болѣе удобныхъ мѣстахъ. Бѣдная женщина остается такимъ образомъ одна въ своемъ жилищѣ, гдѣ спартанецъ не нашелъ бы лишней роскоши. Убѣдившись въ невѣрности своего любезнаго, она тотчасъ-же принимается за работу; чувство матери придаетъ ей новыя силы и вскорѣ вознаграждаетъ потерянное время. Между тѣмъ малютка растетъ, онъ уже бѣгаетъ по комнатѣ, лепечетъ несвязныя слова и ѣстъ уголья и глину, заимствуя ихъ у печки—шалость, за которую мать имѣетъ причины не слишкомъ строго взыскивать. Птичка покидаетъ гнѣздо, едва почувствуетъ свои силы, и летитъ далеко въ небо, купаясь въ синевѣ его, или спускается въ кущу пахучей липовой рощи, оглашая громкимъ чиликаньемъ песчаный берегъ близъ-журчащей рѣчки; точно также и герой нашъ оставляетъ родной чердакъ, почувствовавъ себя въ силахъ помощью рукъ и ногъ спуститься по грязной лѣстницѣ на улицу. Воспитаніе его окончено; природа была первымъ его наставникомъ, время довершитъ остальное. Тротуары и мостовая, давно пожираемые жаднымъ его взоромъ съ чердака, гдѣ получилъ онъ существованіе, появляясь ему теперь въ полномъ блескѣ, представляютъ тысячу развлеченій и удовольствій. Толпы такихъ-же, какъ онъ, мальчишекъ, шарманщиковъ, кукольная комедія, бабки, лотки, уставленные апельсинами и пряниками, солдаты, проходящіе по площади съ музыкою впереди — все это до такой степени очаровываетъ молодое его воображеніе, что онъ готовъ лучше цѣлыя сутки просидѣть на улицѣ подъ дождемъ, любуясь на воду, извергаемую жолобомъ, нежели идти домой. Но извѣстно всякому, даже не читавшему дѣтскихъ прописей, что счастіе скоротечно и исполнено треволненій. Едва минуло

мальчугану восемь лѣтъ, какъ заботливая мать уже думаетъ о томъ, какъ бы доставить ему честное хлѣбное ремесло. То вталкиваетъ его въ общую колею уличной промышленности; привѣсивъ ему на шею деревянный ящикъ, наполненный спичками, снабдивъ его тросточками, сургучемъ, зелеными яблоками, или, если есть кой-какія средства, избираетъ своему дѣтищу болѣе прочное ремесло, поручая его богатому мастеровому. Натянувъ на плечи толстый полосатый халатъ, мальчикъ становится подмастерьемъ. Хотя халатъ можетъ помѣстить въ широкихъ полахъ своихъ трехъ такихъ молодцовъ, но подмастерье, уже вкусившій разъ свободу, чувствуетъ его тѣснымъ и, по возможности, старается стрясти съ себя это иго. Избалованные мальчишки-товарищи скоро увлекаютъ новичка; каждое воскресенье отправляются они на Крестовскій на цѣлый день, гдѣ проявляется впервые идея о кутежѣ. Съ пряниковъ и кедровыхъ орѣховъ переходятъ на трубку, съ трубки на вино; бѣднякъ увлеченный болѣе и болѣе, дѣлается негодяемъ и кончаетъ обыкновенно карьеру свою у хозяина воровствомъ или побѣгомъ.

Выгнанный хозяиномъ или бѣжавшій отъ него, онъ случайно сталкивается съ содержателемъ труппы кочующихъ фигляровъ; мать-ли его стираетъ бѣлье на эту труппу, или онъ самъ заводитъ знакомство, однимъ словомъ, бывшій подмастерье дѣлается членомъ труппы, въ качествѣ портного или сапожника, съ назначеніемъ перекраивать извѣстныя лохмотья или приставлять подметки. Но званіе это, вмѣсто того, чтобъ доставить ему кусокъ хлѣба, дѣлается источникомъ всѣхъ его бѣдъ и несчастій. Фигляры, волтижоры, канатные плясуны являются передъ нимъ господами, героями; страждущее самолюбіе не даетъ ему покоя ни днемъ, ни ночью; ему грезится бархатный камзолъ, шитый блестками, рукоплесканія, дружба и радушіе фигляровъ, вмѣсто презрѣнія, и онъ рѣшается, во что бы то ни стало, достигнуть высокой для него цѣли. Хитрый хозяинъ, подмѣтивъ эту слабость и не имѣя особеннаго желанія платить своему работнику, предлагаетъ ему, вмѣсто денегъ, услуги; бѣднякъ съ востор-

гомъ принимаетъ предложеніе и ввѣряетъ свои члены бичу и палкѣ хозяина.

Тутъ наступаетъ для него трудная школа, и если онъ до конца выдерживаетъ ее, то по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ удостоивается пріема въ компанію. Разумѣется, претензіи его на жалованье считаются дерзостью и потому онъ немедленно переходитъ въ другую труппу уже дѣйствующимъ лицомъ съ правомъ быть выставленнымъ на афишѣ. Въ этихъ труппахъ герой нашъ обязанъ выполнять всѣ возможныя «амплуа» по благоусмотрѣнію антрепренера, какого-нибудь г. Каспара, Вейнерта, Добрандини и т. д. Начиная съ обязанности ламповщика и кончая почетнымъ званіемъ волтижера, переходитъ онъ всѣ состоянія: поочередно является передъ почтеннѣйшей публикой клоуномъ, Кассандромъ, паяцомъ, чортомъ, глотаетъ шпаги, зажженный ленъ, подымаетъ гири, играетъ въ пантомимахъ, кончающихся обыкновенно тѣмъ, что всѣ дѣйствующія лица, безъ исключенія, исчезаютъ въ исполинской пасти холстяного чорта; дѣятельность его иногда баснословна: онъ въ одно и то-же представленіе сзываетъ зрителей, продаетъ билеты на входъ, дѣлаетъ salte mortale, танцуетъ на канатѣ, перепрыгиваетъ съ помощью трамплина чрезъ двѣнадцать солдатъ, танцуетъ на лошади, играетъ какую-нибудь роль въ слѣдующей за тѣмъ пантомимѣ и часто довершаетъ представленіе колѣнцомъ изъ русской пляски, отхватаннымъ съ примадонною труппы. Но непродолжительна блестящая эпоха его жизни; когда масляная, а затѣмъ и святая недѣли миновали, онъ вынужденъ безчестить (такъ выражается гаеръ) благородное ремесло свое, вступивъ гаеромъ къ богатому шарманщику, съ условіемъ получать по двадцати пяти копѣекъ мѣди съ рубля, добытаго на дворахъ и улицахъ.

Должно замѣтить, что уличный гаеръ всегда почти русскій; балаганные его товарищи, будучи иностранцами, тотчасъ-же по истеченіи праздниковъ уѣзжаютъ за границу, оставивъ его на произволъ судьбы. Спустясь съ своихъ подмостковъ на худощавый коверъ, бывшій Геркулесъ показываетъ намъ свое искусство при завываніи

шарманки и гуденіи тамбурина. Бо́льшую часть года уличный гаеръ проводитъ у шарманщиковъ, и это время составляетъ несчастнѣйшую часть его жизни.

Деньги, получаемыя на улицахъ, едва достаточны на содержаніе, а такъ какъ онъ любитъ послѣ дневныхъ трудовъ посибаритствовать, то нажитое въ балаганѣ мало-по-малу исчезаетъ въ заведеніяхъ. Съ каждымъ днемъ положеніе его становится хуже и хуже; къ концу года остается у него одно платье и онъ уже, по русскому обычаю, сбирается угостить товарищей на послѣдній камзолъ, шитый блестками, какъ является хозяинъ балагана и завербовываетъ его на слѣдующіе праздники. Безъ этого прощай и камзолъ, и человѣкъ, все бы погибло! Не смотря на скудную жизнь уличнаго гаера у шарманщика, онъ не унываетъ духомъ, и хотя наружность его пасмурна, смотритъ онъ изъ-подлобья и всегда ворчитъ, но это продолжается только до минуты, когда онъ входитъ на дворъ, намѣреваясь дать представленіе. Въ то время, какъ одинъ изъ его товарищей разстилаетъ на мостовой тощій коверъ, служащій ему ареною, гаеръ гордо поглядываетъ на толпу, сбѣжавшуюся смотрѣть на него. Взгляните, съ какою самодовольною улыбкою сбрасываетъ онъ съ себя длиннополый сюртукъ, скрывающій пунцовый камзолъ и широкіе бѣлые шаровары. Бубенъ и шарманка играютъ интродукцію, гаеръ встряхиваетъ курчавою головою, отходитъ нѣсколько шаговъ назадъ и, разбѣжавшись, становится на руки; salte mortale слѣдуютъ одно за другимъ, публика рукоплещетъ, гроши сыплются изъ всѣхъ оконъ, но гаеръ ничего этого не примѣчаетъ; у него давно на носу стулъ, на которомъ сидитъ маленькая дѣвочка, взятая изъ толпы... Унылые звуки «Лучинушки» возвѣщаютъ конецъ представленія; гаеръ надѣваетъ снова сюртукъ, нахлобучиваетъ на взъерошенные волосы избитую шляпу и оставляетъ дворъ, преслѣдуемый тою-же публикою, еще долго не покидающею его.

Не всѣ уличные гаеры случайно попадаютъ въ тяжкое свое ремесло; есть такіе, которые посвящаются ему съ самаго дѣтства. Дѣти стараго фигляра или гаера, они поневолѣ должны идти по стопамъ отца и обыкновенно

кончаютъ жизнь или на этомъ поприщѣ, или отъ неудачнаго salte mortale. Положеніе ихъ самое несчастное; отъ колыбели до гроба обречены они неимовѣрнымъ трудамъ, не имѣя другого способа кормить себя, тогда какъ гаеръ по призванію имѣетъ всегда время отказаться отъ гаерства, коль скоро почувствуетъ его тягостнымъ. Часто случается, что, проведя нѣсколько лѣтъ въ этомъ званіи, онъ возвращается къ прежнему ремеслу своему, и вы не мало удивитесь, увидѣвъ съ шиломъ или ножницами въ рукахъ того самаго гаера, которымъ восхищались на дворѣ, который такъ ловко ходилъ на рукахъ, держалъ на носу стулъ и повертывалъ на мизинцѣ тамбуринъ.

VI.

ПУБЛИКА ШАРМАНЩИКА.

Въ осенній вечеръ, около семи часовъ, партія шарманщиковъ поворотила съ грязнаго канала въ узкій переулокъ, обставленный высокими домами. Шарманщики замѣтно устали. Одинъ изъ нихъ, высокій мужчина флегматической наружности, лѣниво повертывалъ ручкою органа и едва передвигалъ ноги; другой, навьюченный ширмами, бубномъ и складными козлами, казалось, переставалъ уже и думать объ усталости; только рыжій мальчикъ съ ящикомъ куколъ ни мало не терялъ энергіи.

Шарманщики, кажется, намѣреваются войдти въ ворота одного знакомаго и прибыльнаго дома.

Такъ нѣтъ сомнѣнія! Комедія будетъ! они вошли на дворъ, вотъ уже заиграли какой-то вальсъ и раздался пронзительный крикъ Пульчинелла. Оборванный мальчишка, который до того времени спокойно сидѣлъ на тумбочкѣ, игралъ камешкомъ и дразнилъ сестру съ двумя маленькими ребятишками на рукахъ, вдругъ вскочилъ, сдѣлалъ братьямъ еще гримасу и, перескочивъ чрезъ всю группу, сломя голову бросился на дворъ. Будочникъ, стоявшій тутъ-же съ прилѣпленною къ стѣнѣ будкою, снисходительно улыбнулся и понюхалъ березинскаго. Два солдата,

занятые весьма интереснымъ разговоромъ, замѣтивъ вошедшихъ въ домъ шарманщиковъ, остановились, съ минуту оставались въ нерѣшимости и, наконецъ, вошли.

Баба съ необыкновенно-краснымъ лицомъ и вѣникомъ подъ мышкою, послѣдовала ихъ примѣру; однимъ словомъ, эффектъ былъ произведенъ.

Отчего же бы и намъ не зайдти? Дворъ широкъ и просторенъ; на него выходитъ до сотни оконъ. Посреди двора уже поставлены ширмы; флегматическій носитель шарманки успѣлъ уже уставить свою ношу на складныя козла и игралъ интродукцію. Представленіе не могло замедлиться, потому что на публику нельзя было жаловаться: она сбѣгалась со всѣхъ сторонъ. Но шарманщикъ не переставалъ оглядывать окна, изъ которыхъ начинали высовываться головы любопытныхъ, естественно ожидая отъ нихъ болѣе, чѣмъ отъ толпы сгруппировавшихся вокругъ него зѣвакъ.

Крикъ Пульчинелла раздается въ другой и третій разъ, верхніе этажи населяются, оживляются, кучки самыхъ разнообразныхъ головъ перевѣшиваются на подоконники; виденъ и чиновникъ въ пестромъ халатѣ, красной ермолкѣ, и съ трубкою въ зубахъ; рядомъ съ нимъ артель работниковъ заняла цѣлыя шесть оконъ сряду; хорошенькая женщина и болонка помѣстились на сафьяной подушкѣ, брошенной на окно; кое-гдѣ выглянуло нѣсколько размалеванныхъ лицъ, обратившихъ на мгновеніе общее вниманіе.

Чиновникъ Ѳедосей Ермолаевичъ, весьма почтенный человѣкъ, занимавшій выгодное мѣсто и котораго самъ директоръ однажды потрепалъ по плечу, также былъ пробужденъ послѣ-обѣденнаго отдыха призывными криками Пульчинелла.

— Терешка! что это, братецъ, тамъ такое? закричалъ Ѳедосей Ермолаевичъ, зѣвая и потягиваясь.

— Шарманщики, сударь, отвѣчалъ Терешка, дѣлая движеніе рукою и головою къ окошку.

— Да какъ же это они, братецъ... того?..

Но тутъ новый крикъ Пульчинелла совершенно разбудилъ Ѳедосея Ермолаевича, онъ потянулся еще разъ,

всталъ съ постели и заспанными глазами посмотрѣлъ на дворъ.

— Папенька, то-то-то, они вотъ все, такъ, вотъ все играютъ? спросилъ маленькій Ермолай Ѳедосеевичъ, таща всѣми силами отца къ окну. Ребенокъ гнусилъ, произнося послѣднія слова на-распѣвъ, что, впрочемъ, нисколько не мѣшало ему быть любопытнымъ и подавать большія надежды.

— Шарманщикъ, душечка...

— Нѣтъ, нѣтъ, то, вотъ они, вотъ такъ, вотъ все играютъ? продолжалъ ребенокъ, требуя непремѣнно объясненія.

— Шарманщикъ, душечка...

— Нѣтъ, нѣтъ, то, они все такъ...

Но и мы, не находя отвѣтъ Ѳедосея Ермолаевича удовлетворительнымъ, спустимся лучше внизъ вмѣстѣ съ нянькою, торопливо выносившею пискливаго ребенка, который не давалъ ей покоя цѣлые три часа.

Комедія должна начаться сію минуту, публикѣ некуда уже было помѣститься. Два солдата, долго колебавшіеся вмѣшаться въ толпу, стояли теперь на первомъ планѣ; ихъ плотно окружала орда мастеровыхъ въ изодранныхъ армякахъ, съ выпачканными сажею лицами; мамки, няньки, кормилицы съ ребятишками всѣхъ сортовъ и возрастовъ пестрѣли въ толпѣ яркими сарафанами; деньщикъ, возвращаясь съ четверткою вакштафа, которую съ нетерпѣніемъ ожидалъ вновь произведенный прапорщикъ, казалось позабылъ своего господина; босоногая дѣвчонка, обстриженная въ кружокъ, стояла въ какомъ-то безсмысленномъ созерцаніи, держа въ рукахъ корзинку съ копѣечными сухарями; толстый баринъ въ очкахъ, вышедшій подышать свѣжимъ воздухомъ, раздѣлялъ общее нетерпѣніе; трое писарей съ лихими ухватками подшучивали надъ шарманщикомъ, который перемѣнилъ уже два мотива и съ самой недовольной миной переходилъ на третій; съ улицы подходила безпрестанно толпа всякаго сброда, даже два моншера остановились у входа воротъ, завернувъ ногу назадъ и картинно упершись на тросточку.

Толпа волновалась и шумѣла; всѣ ожидали, всѣ тре-

бовали представленія; одинъ только знакомый намъ мальчишка бѣгалъ кругомъ, какъ гончая собака, обнюхивалъ каждаго, высовывалъ языкъ всѣмъ, кто ему не нравился, щипалъ изподтишка дѣтей и, протянувъ руку, готовился стащить пятый сухарь у дѣвочки, какъ вдругъ надъ шарманкою показался Пульчинелла. Пульчинелла принятъ съ восторгомъ; характеромъ онъ чудакъ, крикливъ, шумливъ, забіяка, однимъ словомъ, обладаетъ всѣми достоинствами, располагающими къ нему его публику.

— «Здравствуйте, господа! самъ пришелъ сюда, васъ повеселить, да себѣ что-нибудь въ карманъ положить!» Такъ начинаетъ Пульчинелла.

Его привѣтствіе замѣтно понравилось; солдатъ подошелъ поближе, мальчишка сдѣлалъ гримасу, одинъ изъ мастеровыхъ почесалъ затылокъ и сказалъ: «ишь ты!» тогда какъ другой, его товарищъ, схватившись за бока, залился уже во все горло. Но вотъ хохотъ утихаетъ; Пульчинелла спрашиваетъ музыканта; взоры всѣхъ обращаются на его флегматическаго товарища.

— А что тебѣ угодно, г. Пульчинелла? отвѣчаетъ шарманщикъ.

Пульчинелла проситъ его сыграть «По улицѣ мостовой;» музыкантъ торгуется: да что съ тебя, мусью? 25 рублей ассигнаціями!

Пульчинелла. Да я и отъ роду не видалъ 25 рублей, а по моему полтора рубля шесть гривенъ.

Музыкантъ. Ну, хорошо, мусью Пульчинелла, мы съ тобою разсчитаемся. Сказавъ это, онъ принимается вертѣть ручкою органа.

Звуки «По улицѣ мостовой» находятъ теплое сочувствіе въ сердцахъ зрителей: дюжій парень шевелитъ плечами, раздаются прищелкиваніе, притопываніе.

Но вотъ надъ ширмами является новое лицо: капитанъ-исправникъ; ему нуженъ человѣкъ въ услуженіе; музыкантъ рекомендуетъ мусью Пульчинелла.

— Что вамъ угодно, ваше высокоблагородіе? спрашиваетъ Пульчинелла.

— Что ты очень хорошій человѣкъ, не желаешь-ли идти ко мнѣ въ услуженіе?

Пульчинелла торгуется; онъ неизвѣстно почему не довѣряетъ ласкамъ капитана-исправника; публика живо входитъ въ его интересы.

Капитанъ-исправникъ. Экой, братецъ, ты со мною торгуешься! много-ли, мало-ли ты станешь обижаться.

Пульчинелла. Не то, чтобы обижаться, а всѣми силами стану стараться!

Капитанъ-исправникъ. У меня, братецъ, жалованье очень хорошее, кушанье отличное, пудъ мякины да полъ-четверика гнилой рябины, а если сходишь къ мамзель Катеринѣ и отнесешь ей записку, то получишь 25 рублей награжденія.

Пульчинелла. Очень хорошо, ваше благородіе, я не только записку снесу, но и ее приведу сюда.

Публика смѣется довѣрчивому Пульчинеллѣ, который побѣжалъ за мамзель Катериною. Вотъ является и она сама на сцену, танцуетъ съ капитаномъ-исправникомъ и уходитъ. Толпа слушаетъ розиня ротъ, у нѣкоторыхъ уже потекли слюнки.

Новыя затѣи: Пульчинелла хочетъ жениться; музыкантъ предлагаетъ ему невѣсту; въ зрителяхъ совершенный восторгъ отъ девяносто-девяти-лѣтней Матрены Ивановны, которая живетъ «въ Семеновскомъ полку, на уголку, въ пятой ротѣ, на Козьемъ-Болотѣ.» Хотя Пульчинелла и отказывается отъ такой невѣсты, но все-таки по свойственному ему любопытству стучитъ у ширмъ и зоветъ нареченную. Вмѣсто Матрены Ивановны, выскакиваетъ собака, хватаетъ его за носъ и теребитъ что есть мочи.

Публика приходитъ въ неистовый восторгъ: «тащи его: тащи... такъ, такъ, тащи его, тащи, тащи!..» раздается со всѣхъ сторонъ; Пульчинелла валится на край ширмъ и самымъ жалобнымъ голосомъ призываетъ доктора, не забывая, однако, спросить, сколько будетъ стоить визитъ.

Является докторъ, исцѣляетъ Пульчинелла и въ благодарность получаетъ отъ него оплеуху.

За такое нарушеніе порядка и общественнаго спокойствія, исполненный справедливаго негодованія капитанъ-исправникъ отдаетъ Пульчинелла въ солдаты.

— Ну-ка, становись, мусью, говоритъ капралъ, вооружая его палкою, слушай! на кра-улъ!

По исполнительной командѣ, Пульчинелла начинаетъ душить своего наставника вправо и влѣво, къ величайшему изумленію зрителей. Ясно, что такого рода буянъ, сумасбродъ, безбожникъ, не можетъ болѣе существовать на свѣтѣ; мѣры нѣтъ его наказанію: человѣческая власть не въ состояніи унять его, и потому самъ адъ изрыгаетъ чорта, чтобы уничтожить преступника.

Комедія кончается; Петрушка, лицо неразгаданное, миѳическое, неумѣстнымъ появленіемъ своимъ не спасаетъ Пульчинелла отъ роковой развязки, и только возбуждаетъ въ зрителяхъ недоумѣніе. Неунывающій Пульчинелла садится верхомъ на чорта (необыкновенно похожаго на козла), но чортъ не слушается: всадникъ зоветъ Петрушку на помощь, но уже поздно: приговоръ изреченъ, и Пульчинелла погибаетъ образомъ весьма достойнымъ сожалѣнія, то-есть исчезаетъ за ширмами.

Раздается финальная арія, представленіе кончилось. Публика чрезвычайно довольна, но когда шарманщикъ взялъ бубенъ, завертѣлъ его на мизинцѣ и сталъ обходить зрителей, толпа замѣтно стала рѣдѣть. Первыми дезертёрами оказались два солдата и баба съ вѣникомъ подъ мышкою; ревъ дѣтей, на минуту умолкнувшій, возобновился съ бо̀льшей силой и заставилъ мамокъ поскорѣе удалиться; словомъ, изъ толпы утекали поминутно. Къ совершенному отчаянію шарманщика, даже и самъ толстый господинъ въ очкахъ, остановившійся послушать комедію, посмотрѣлъ на бубенъ, подносимый ему шарманщикомъ, какъ-бы не понимая, чего хотѣлось просителю; съ горя, шарманщикъ обратился къ ложамъ, то-есть къ окнамъ, въ которыхъ все еще торчали головы любопытныхъ; наконецъ, одинъ пятакъ упалъ, звеня и прыгая, на мостовую, за нимъ другой, потомъ третій, брошенный собственноручно сыномъ Ѳедосея Ермолаевича, которому папенька вручилъ его съ наставленіемъ: «брось ему, душенька, въ бубенъ».

— Нѣтъ, нѣтъ, то, то, они вотъ, такъ вотъ все играютъ? твердилъ упрямый мальчишка...

Пятакъ какъ-то неловко упалъ между камнями; тутъ чиновникъ въ красной ермолкѣ, не давшій рѣшительно ничего и болѣе другихъ хлопотавшій о начатіи комедіи, принялъ необыкновенное участіе въ судьбѣ шарманщика.

— Направо, направо, кричалъ онъ, указывая ему пальцемъ на то мѣсто, куда упалъ пятакъ. Еще правѣе... эхъ, братецъ! не туда! говорятъ тебѣ, правѣе.

— Направо, теперь еще немножко назадъ, слышался голосъ изъ другого окошка.

— «Эхъ вы», думалъ шарманщикъ, нагибаясь, чтобы поднять деньги, «хлопотать-то ваше дѣло, на то вы мастера, а вотъ какъ самому что-нибудь положить, такъ нѣтъ... эхъ! житье, житье!»

Шарманку сняли, и подъ звуки плачевной музыки она тронулась съ мѣста; толпа расходилась, чѣмъ бы, кажется, и все должно было кончиться, но тутъ случилось обстоятельство, котораго пропустить невозможно. Дождь, накрапывавшій еще до окончанія комедіи и непримѣчаемый увлекшеюся публикою, полилъ какъ изъ ведра: чиновникъ въ очкахъ, по благоразумному своему обыкновенію въ такихъ случаяхъ, полѣзъ въ карманъ, чтобы вытащить оттуда платокъ и обернуть имъ еще новую шляпу, какъ къ совершенному своему изумленію, вмѣсто платка, вытащилъ чью-то руку, уже прежде нырнувшую туда за платкомъ.

Чиновникъ обернулся, но мальчишка, нашъ старый знакомый (это былъ онъ), однимъ движеніемъ руки вырвался изъ тисковъ оскорбленнаго чиновника, ринулся впередъ и исчезъ въ толпѣ.

— «Держи! держи!» закричалъ чиновникъ; «держи! держи!» раздалось повсюду, «держи!» закричали мастеровые.

Дворъ опустѣлъ до единаго; одинъ только мужикъ, восторженно хохотавшій отъ самаго начала до развязки, остался на прежнемъ мѣстѣ; улыбка удовольствія еще не покидала лица его; онъ осмотрѣлся кругомъ, взглянулъ на то мѣсто, гдѣ стояла шарманка, не забылъ посмотрѣть на окна, которыя запирались отъ проливнаго дождя и, сдѣлавъ недовольную мину, отправился къ воротамъ.

Подъ воротами онъ встрѣтилъ бѣдную собаченку, дрожавшую отъ холода и прижимавшуюся къ стѣнкѣ. Мужикъ остановился, посмотрѣлъ на нее пристально, нагнулся къ ней какъ можно ближе и произнесъ: «озябла!..» послѣ чего тотчасъ-же покинулъ дворъ, весьма довольный собою.

VII.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Случалось-ли вамъ идти когда-нибудь осенью поздно вечеромъ по отдаленнымъ петербургскимъ улицамъ?

Высокія стѣны домовъ, изрѣдка освѣщенныя тусклымъ блескомъ фонарей, кажутся еще чернѣе неба; мѣстами, зданія и сѣрыя тучи сливаются въ одну массу и огоньки въ окнахъ блестятъ, какъ движущіяся звѣздочки; дождь съ однообразнымъ шумомъ падаетъ на кровли и мостовую; холодный вѣтеръ дуетъ съ силою и, забиваясь въ ворота, стонетъ жалобно; улицы пусты, кое-гдѣ плетется развѣ запоздалый пѣшеходъ, или тащится извозчикъ-ночникъ, проклиная ненастье; но скоро все утихаетъ, изрѣдка только слышится продолжительный свистъ на каланчѣ, или скрипъ барки, качаемой порывами вѣтра, и снова все погружается въ безмолвіе.

Погода всегда имѣетъ сильное вліяніе на расположеніе духа, и вамъ какъ-то невольно становится грустно. Постепенно одна за другою приходятъ на умъ давно забытыя горести; одно печальное, неотрадное наполняетъ душу и невыразимая тоска овладѣваетъ всѣмъ существомъ вашимъ...

Вы входите въ глухой, темный переулокъ; сердце ваше сжимается еще сильнѣе прежняго. Высокіе заборы исчезаютъ въ темнотѣ; полуразвалившіяся лачужки безъ признака жизни, все пусто, ни живой души, развѣ пробѣжитъ мокрая собаченка, фыркая и чутко обнюхивая, въ тщетной надеждѣ напасть на слѣдъ потеряннаго хозяина... Вдругъ посреди безмолвія и тишины раздается шарманка; звуки «Лучинушки» касаются слуха вашего, и фигура шарманщика быстро проходитъ мимо.

Вы какъ-будто ожили, сердце ваше сильно забилось, грусть мгновенно исчезаетъ, и вы бодро достигаете дома. Но не скоро унылые звуки «Лучинушки» перестанутъ носиться надъ вами; долго еще станетъ мелькать жалкая фигура шарманщика, встрѣтившаяся съ вами въ темномъ переулкѣ поздно ночью, и вы невольно подумаете: можетъ быть, въ эту самую минуту продрогшій отъ холода усталый, томимый голодомъ, одинокій, среди безжизненной природы, вспоминалъ онъ родныя горы, старуху-мать, оливу, виноградъ, черноокую свою подругу, и невольно спросите вы: для чего, какимъ вѣтромъ занесенъ онъ Богъ знаетъ куда, на чужбину, гдѣ ни слова ласковаго, ни улыбки привѣтливой, гдѣ, вставши утромъ, не знаетъ онъ, чѣмъ окончится день, гдѣ ему холодно, тяжело...

СОСѢДКА.

Второго августа 1846 года, въ 12 часовъ пополудни, молодой человѣкъ, весьма недурной наружности, въ сѣромъ пальто и новомодной шляпѣ, вошелъ на дворъ одного изъ самыхъ высокихъ домовъ Щербакова переулка. Онъ случайно прочелъ на ярлыкѣ, прикрѣпленномъ къ воротамъ дома, слѣдующее: «*Здѣсь оддается комната сатапленгемъ и прислугою въ 4-мъ этаже, спросить золотильщика Василья Ермилова Габкова*». Осмотрясь на стороны, молодой человѣкъ подошелъ къ низенькой подвальной двери съ надписью «дворникъ» и постучался. Не получивъ, однако, никакого отвѣта, онъ обратился къ мальчику, возившему по двору башмакъ.

— Послушай, миленькій, сказалъ онъ:—не знаешь-ли, гдѣ дворникъ?

Мальчишка остановился, поглядѣлъ на него минуты двѣ молча, потомъ ударилъ себя по икрамъ кнутикомъ и снова пустился вскачь.

— Чортъ бы побралъ проклятыхъ этихъ дворниковъ! никогда не добьешся толку, произнесъ юноша и схватился за звонокъ первой попавшейся на глаза двери.

— Вамъ кого надо? спросила сухощавая, длинная женщина въ чепцѣ и кацавейкѣ.

— Позвольте узнать, не здѣсь-ли отдается квартира?

— Что это вы, батюшка! какая тутъ квартира! что

приходите стучаться!.. Спросили бы прежде у дворника...

— Не нашелъ его...

— Ну такъ подождали бы... Такъ дѣлать не приходится.

Сказавъ это, старуха безъ дальнихъ объясненій захлопнула ему подъ носъ дверь. Молодой человѣкъ былъ въ весьма затруднительномъ положеніи, понятномъ развѣ тѣмъ только изъ злополучныхъ обывателей Петербурга, которые сами вынуждены отыскивать себѣ квартиры. Положеніе его было тѣмъ болѣе непріятно, что изъ оконъ начали высовываться головы любопытныхъ. Онъ готовился уже вернуться подъ ворота, съ твердымъ намѣреніемъ отыскать другое жилье, какъ кто-то изъ зрителей крикнулъ ему: «Да вамъ кого надо?»

— Въ этомъ домѣ, кажется, квартира отдается?..

— Такъ давно бы сказали!.. Пожалуйте сюда... вотъ здѣсь, здѣсь, все прямо по лѣстницѣ, первая дверь направо.

— Слава тебѣ Господи! произнесъ молодой человѣкъ! слѣдуя по указанію голоса. «Ну, лѣстница еще недурна! думалъ онъ. Кажется, и фонарь горитъ по ночамъ... Нѣсколько дурной запахъ... впрочемъ, это еще небольшая бѣда: на старой квартирѣ было гораздо хуже».

Онъ постучался у двери. Изъ нея выглянула неуклюжая, непомѣрно толстая кормилица, съ ребенкомъ на рукахъ, который кричалъ во всю мочь.

— Здѣсь живетъ золотильщикъ?

— Какого нашли золотильщика!.. никакого нѣтъ золотильщика...

— Ахъ, Боже мой! мнѣ именно показали внизу, что здѣсь квартируетъ Василій Ермиловъ.

— Такъ вы бы такъ и сказали!.. Здѣсь, батюшка, ступайте налѣво-то...

Молодой человѣкъ поблагодарилъ и постучался налѣво.

— Кого вамъ угодно? произнесъ басомъ мужчина въ очкахъ и въ халатѣ.

— Извините... не здѣсь-ли отдается комната?

— Здѣсь, здѣсь! извольте только подождать: я сейчасъ вынесу ключъ... вотъ и дверь квартиры.

— Да это чудо! почти вскрикнулъ юноша:—отдѣльный входъ! Признаюсь, вотъ была бы находка!.. Боюсь только, дорого запроситъ. Надо еще заплатить за нынѣшній мѣсяцъ сапожнику... Ну, да посмотримъ: можетъ, и хватитъ.

— Извольте войти, сказалъ басъ, отворяя дверь и вводя молодого человѣка въ небольшую продолговатую комнату о двухъ окнахъ, выходившихъ на улицу. — Вотъ квартира... и жили все хорошіе люди: повивальная бабушка одна простояла три года сряду... дочку выдала замужъ, такъ съѣхала... чиновникъ также жилъ — годъ что ли-то, да мы сами этому отказали: пилъ больно: мы такихъ не держимъ... у насъ все хорошіе люди живутъ; также мамзель какая-то переѣхала, было и хорошо платила, да тоже держать не стали: шумливая такая! бывало, всю ночь спать не даетъ—пиръ подыметъ, содомъ...

— Скажите же, сколько они вамъ платили?

— Вотъ видите-ли, батюшка, у насъ крайняя цѣна: я вамъ доложу, менѣе 20 рублей комната эта никогда не хаживала; а насчетъ ухода будьте благонадежны, лучше нигдѣ не найдете. Зимою, доложу вамъ, баня, сущая баня: и выйти не захотите... Вотъ, извольте видѣть, и лежаночка есть...

— Да, квартира, дѣйствительно, недурна; но все-таки послушайте, право, слишкомъ дорого...

— Ужъ вы насчетъ того будьте спокойны: сколько ни жило о-сю пору жильцовъ, всѣ, всѣ, сударь, оставались довольны.

— Не можете-ли хоть сколько-нибудь уступить?

— Да вамъ, позвольте спросить, какъ—самоварчикъ будетъ свой или хозяйскій? и сапоги также чистить надо будетъ?

— Конечно, и сапоги... Вы согласитесь, мнѣ самому... это нѣкоторымъ образомъ...

— Такъ извольте посудить теперь, можно-ли взять дешевле: вѣдь у насъ также своя работа идетъ...

— Кто же у васъ прислуживаетъ?

— Я или, если угодно, хозяйка моя... будьте благо-

надежны, останетесь довольны! полы будемъ мыть каждую недѣлю,—все будетъ въ исправности.

— Хорошо, я оставлю за собою квартиру, только, пожалуйста, чтобъ все было, какъ вы говорите.

— Ахъ, сударь! какіе вы, право! ужъ будьте благонадежны. Намъ не въ впервые жильцовъ держать: слава Господу Богу! паребывало много...

— Что жъ, задатокъ вамъ надо?

— Сами изволите знать—порядокъ.

— Вотъ вамъ покуда пять рублей; больше, право не могу.

— Покорно благодаримъ; а позвольте узнать, сударь, какъ васъ звать по имени и отчеству?

— Петръ Ивановичъ.

— А фамилія какъ? позвольте спросить.

— Ласточкинъ.

— А когда, сударь, переѣзжаете къ намъ?

— Сегодня же; я даже думаю, никакъ не позже шестого часа. Покуда прощайте. Мнѣ нужно еще кое-что приготовить.

— Мое почтеніе! дай вамъ Богъ всякаго благополучія! отвѣчалъ золотильщикъ Василій Ермиловъ, отворяя дверь и выпуская новаго жильца своего на лѣстницу.— Будьте благонадежны, продолжалъ онъ:—останетесь, останетесь довольны!

Часа два спустя послѣ найма квартиры, на тотъ же дворъ въѣхали съ шумомъ длинныя дроги ломового извозчика, навьюченныя мебелью и пожитками Петра Иваныча Ласточкина. Самъ онъ слѣдовалъ за ними на дрожкахъ, тщательно прикрывая фалдами своего пальто чайникъ, два стакана и нѣсколько блюдечекъ. Не должно удивляться быстротѣ, съ какою переселился Петръ Иванычъ изъ одной квартиры на другую: движимаго имущества у него было не Богъ знаетъ сколько; если хотите, можно даже пересчитать его по порядку: диванъ, обятнутый нѣсколько поистертымъ, полинявшимъ ситцемъ съ разводами, комодъ, четыре стула, изъ которыхъ два врядъли даже могли носить это названіе: на каждомъ недоставало трехъ ножекъ; письменный небольшой столикъ

краснаго дерева, двѣ подушки, завязанныя въ простыню, вольтеровскія кресла, обитыя красною байкою, ощеливавшею мѣстами рогожу и паклю, два чубука, жестяная сахарница, сапожная щетка и, упомянутые выше, чайникъ, стаканы и блюдечки.

Когда Ласточкинъ въѣхалъ на дворъ, имъ снова овладѣло непріятное чувство. Изъ всѣхъ почти оконъ торчали головы и глядѣли на его пожитки. Петру Иванычу было тѣмъ болѣе досадно, что въ числѣ любопытныхъ находилось нѣсколько хорошенькихъ женщинъ.—«Какъ это» — думалъ онъ, стараясь прикутать чайникъ и блюдечки — «ахъ, какъ это непріятно!.. Чего онѣ не видали... и угораздила же меня нелегкая взять съ собою проклятую эту посуду!.. Ну, какъ я теперь встану?..» Положеніе Петра Иваныча было, дѣйствительно, очень непріятно; онъ желалъ въ эту минуту провалиться сквозь землю.

— Что жъ, баринъ, не слѣзаете? сказалъ извозчикъ.— Вы не рядились, что ждать станете.

— Сейчасъ, братецъ, погоди... Послушай, дворникъ! дворникъ!.. Ахъ, Боже мой, его опять нѣтъ!.. Любезный, сказалъ онъ ломовому: — послушай, позови сюда моего хозяина... ступай все прямо по лѣстницѣ, первая дверь налѣво.

Число зрителей въ окнахъ увеличивалось. Петръ Иванычъ сидѣлъ какъ на иголкахъ. Онъ уже задумывалъ было сунуть какъ-нибудь подъ дрожки чайникъ и стаканы; но къ счастью, подоспѣлъ Василій Ермиловичъ и предупредилъ несчастіе. Петръ Иванычъ осторожно подалъ ему изъ-подъ фалды посуду, сказавъ шопотомъ: «пожалуйста, чтобъ не видали», на что Василій Ермиловъ отвѣчалъ ему: «ничего-съ, будьте благонадежны»! и вслѣдъ затѣмъ, къ общему соблазну, сунулъ чайникъ подъ мышку. Петръ Иванычъ побагровѣлъ и, чтобы поправиться, поспѣшилъ вынуть изъ кармана довольно красивенькій кошелекъ.

— Вотъ тебѣ, братецъ! громко произнесъ онъ, подавая извозчику плату. — Ты, правда, хорошо везъ — вотъ тебѣ еще двугривенный... надо, надо прибавить.

Петръ Иванычъ всыпалъ деньги въ кошелекъ и, какъ

бы вовсе не замѣчая устремленныхъ на него взоровъ обывателей, бросилъ его съ невыразимою безпечностью на дно своей шляпы; послѣ чего обратился онъ къ ломовому:

— Вотъ видишь-ли, братецъ, ты привезъ мебель для кухни, теперь поѣдешь за другою. Ступай сюда, любезный, я покажу тебѣ, куда носить.

Когда ломовой очутился на лѣстницѣ, Петръ Иванычъ продолжалъ: «Снеси-ка все это покуда наверхъ, а за другою мебелью съѣздишь завтра — я пришлю за тобою—теперь уже поздно». Ласточкинъ вступилъ въ новое свое жилище не безъ особеннаго удовольствія и немедленно приступилъ къ его устройству. Когда мебель была внесена, онъ расплатился съ извозчикомъ весьма сухо, такъ что тотъ почесалъ за ухомъ и сказалъ, «эхъ, баринъ!» на что Петръ Иванычъ, конечно, ничего не отвѣтилъ и обратился только къ хозяину съ просьбою не безпокоиться болѣе, увѣряя его, что самъ все хорошо уладитъ и устроитъ.

— Вы, сударь, извольте постучать въ стѣнку, вотъ въ это самое мѣсто, когда вамъ будетъ чего угодно — водицы или самоварчика — такъ я тотчасъ-же и приду къ вамъ.

— Хорошо, хорошо.

Оставшись наединѣ, молодой человѣкъ отперъ всѣ ящики и сталъ по очереди выкладывать разные предметы, неразлучные съ житейскими потребностями. Прежде всего явился на свѣтъ пестрый халатъ, который тутъ же замѣнилъ лишнюю одежду, обременявшую его владѣльца; за нимъ послѣдовали кофейникъ, нѣсколько ложечекъ изъ новаго металлическаго состава, шандалы, чернильница, бронзовая собачка и портретъ какого-то господина со звѣздою — должно быть, начальника Ласточкина, вставленный въ богатую рамку. Не мѣшаетъ здѣсь замѣтить, что Ласточкинъ потратился на рамку не столько изъ уваженія къ лицу, изображенному на картинѣ, сколько для того, чтобы имѣть хорошую, пріятную для взора вещицу. Онъ до страсти любилъ хорошенькія вещицы и часто, имѣя въ виду всего-на-все нѣсколько цѣлковыхъ, изъ

которыхъ копѣйки были расчислены на весь мѣсяцъ, онъ не въ состояніи былъ удержаться, чтобы не купить какой-нибудь фарфоровой вазочки, прес-папье, раковины, статуетки, или другой бездѣлицы, заставлявшей его голодать иногда по недѣлямъ — таково вліяніе страсти! Петръ Иванычъ, сверхъ того, былъ заклятый библіоманъ: онъ не могъ глядѣть равнодушно на красивыя, привлекательныя обвертки и переплеты французскихъ книгъ и, хотя самъ плохо зналъ этотъ языкъ, но никогда не выдерживалъ характера и накупалъ парижскихъ брошюрокъ на сколько хватало денегъ. Онъ любилъ книгу болѣе какъ пріятное украшеніе на письменномъ своемъ столикѣ, и потому-то самому, мнѣ кажется, такъ рѣдко можно было найдти у него русское изданіе. Вскорѣ всѣ эти сокровища явились на лицо, но не въ безпорядкѣ, какъ водится обыкновенно у молодежи: нѣтъ! Петръ Иванычъ любилъ порядокъ, акуратность. Книжки поднялись правильными пирамидами, основаніе которыхъ составляли толстые томы, за ними шли среднія, потомъ самыя маленькія книжонки и, наконецъ, пирамида завершалась непремѣнно какимъ-нибудь прес-папье, или раковиною, или даже фигурною трубкою. Ласточкинъ никакъ не допустилъ бы, чтобъ та или другая вещица выступала угломъ: избави Боже! у него все было прилажено, прилизано и приглажено наилучшимъ порядкомъ.

Окончивъ уборку стола, что заняло не мало времени, онъ сталъ готовить постель. Съ видимымъ наслажденіемъ покрылъ онъ диванъ бѣлою, какъ снѣгъ, простынею, украсилъ одинъ конецъ его горкою изъ тщательно взбитыхъ подушекъ и съ бо̀льшимъ еще удовольствіемъ набросилъ на все это пестрое камчатное одѣяло, только-что купленное имъ на Щукиномъ дворѣ. Когда все было готово и ничего не оставалось украшать и убирать, Петръ Иванычъ придвинулъ къ столу вольтеровскія кресла, подперъ недостающую ножку толстымъ томомъ «теоріи изящнаго», стоившей когда-то большихъ пожертвованій, но переплетъ которой сгорѣлъ несчастнымъ случаемъ; потомъ Петръ Иванычъ набилъ трубку, закурилъ ее, опустился, въ кресла и, окинувъ самодовольнымъ взоромъ комнату, произнесъ:

— А что? вѣдь, ей-Богу не дурно! Право, многіе позавидовали-бы моей горенкѣ. Кто что ни говори, а отъ жильцовъ всегда лучше нанимать; по крайней мѣрѣ, самъ себѣ господинъ — знать не хочешь этихъ Филекъ и Фомокъ. Ей-Богу, славно!.. У! какъ расходится Воробевъ, когда увидитъ все это!.. Ахъ, да, я и забылъ: онъ вѣдь обѣщался придти помочь мнѣ переѣхать... сумасшедшая головушка! Вѣрно въ Александринскомъ театрѣ. Радъ, что получилъ вчера жалованье—пошелъ теперь транжирить. Чортъ знаетъ что это за человѣкъ — рѣшительно безъ всякаго характера!.. Мнѣ кажется, однако, продолжалъ онъ, оглядывая письменный столикъ:—мнѣ сдается, еслибъ вотъ эту раковину положить на «Донъ-Кихота Ламанчскаго», оно вышло бы лучше... да, дѣйствительно... а бронзовую собачку поставлю сюда... Наконецъ-то удалось перебраться изъ проклятой этой Коломни. Какая же разница: здѣсь просто раздолье. Невскій подъ бокомъ, стоитъ только пройти Троицкую улицу; наконецъ и та еще выгода, что находишься почти въ центрѣ города: Излеръ, Казанскій соборъ, Милютины лавки—рукой подать. Вотъ развѣ насчетъ прекраснаго пола не такъ привольно... ну, да авось! я уже замѣтилъ кой-кого на дворѣ...

Петръ Иванычъ былъ внезапно прерванъ посреди своихъ размышленій страшнымъ шумомъ, поднявшимся на лѣстницѣ.

— Такъ! такъ! вскрикнулъ онъ:—это непремѣнно Воробевъ. Не можетъ никакъ безъ скандала!.. Чего добраго, подумаютъ еще и Богъ знаетъ кто сюда переѣхалъ... Рѣшительно компрометируетъ!..

Петръ Иванычъ бросился къ двери; но не успѣлъ онъ сдѣлать двухъ шаговъ, какъ она съ трескомъ растворилась, и въ комнату влетѣлъ Воробевъ. Въ полурастворенныхъ дверяхъ показался Василій Ермиловъ съ недоумѣвающею миною, выражавшею, однако, довольно ясно, что «если-де васъ безпокоятъ, то будьте благонадежны; можно и выпроводить гостя».

Шумъ, произведенный Воробевымъ на лѣстницѣ, и особенно появленіе хозяина сильно сконфузили Петра Иваныча.

— Помилуй, братецъ! что ты дѣлаешь? на что же это похоже? сказалъ онъ, стараясь всѣми силами освободиться изъ объятій Воробева.—Ты меня компрометируешь!.. Это, братъ, просто...

— Душа, душа! кричалъ Воробевъ, продолжая мять Ласточкина: — прости, братъ! ей-Богу, не знялъ!.. Ахъ! еслибъ ты могъ постичь, еслибъ ты только въ состояніи былъ постигать... Да, вотъ новая твоя квартира... хорошо, хорошо... и окно на улицу, и лежанка... Петя! Петя! нѣтъ... да что тутъ! просто невыразимо...

И Воробевъ не переставалъ осыпать Ласточкина поцѣлуями.

— Полно, пусти меня! говорилъ тотъ, оставь, пошелъ... какъ это несносно!.. сядь, пожалуйста!..

— Квартира чудо! сказалъ Воробевъ, выпуская Ласточкина:—прелесть! и книжечки и все это... а я... ахъ, еслибъ ты знялъ!..

— Сними шляпу, поставь ее... нѣтъ, нѣтъ, не сюда... поставь на лежанку: я нарочно назначилъ это мѣсто для шляпъ... Ну, разсказывай, что такое?

— Да ты спроси прежде, гдѣ былъ...

— Вѣрно, въ театрѣ?

— Въ Александріи, братъ, въ Александріи!.. Представь себѣ: *Отецъ и дочь*, *Хороша и дурна*, *Харьковскій женихъ*, и *Суматоха въ Щербаковомъ переулкѣ*!.. Ну, какъ тутъ устоять?.. Синюшку отдалъ; но зато сколько, братъ, новыхъ впечатлѣній! Мартыновъ рѣшительно на этотъ разъ превзошелъ самого себя; а Максимовъ... Ахъ, еслибъ ты слышалъ, какъ пропѣла романсъ Самойлова—съ ума сойти! Скажу тебѣ и про Гриневу: мила, мила до безконечности! Съ какимъ чувствомъ спѣла она послѣдній куплетъ: «*Но зеркало душъ не говоритъ*!»

Воробевъ сдѣлалъ руладу.

— Вѣрю, вѣрю! перебилъ Ласточкинъ:—но чѣмъ же проживешь, братъ, до перваго числа сентября, а?.. Опять будешь сидѣть на ячменномъ кофе?..

— Э, полно! что ячменный кофе! что деньги! для меня онѣ просто — фу! Мнѣ, братъ, давай театръ — я жажду театра; а тамъ хоть трава не расти!.. То-есть,

еслибъ ты только зналъ, что со мною было!.. Театръ полнымъ-полнешенекъ; Василій Андреевичъ Каратыгинъ былъ превосходенъ въ «Отцѣ и дочери»! Когда онъ произнесъ: «*И въ хаосъ разрушеннаго міра гробницу дочери найду!*» весь театръ зарыдалъ; дамы такъ вотъ и заливаются... такъ и заливаются, я тебѣ говорю; стонъ, плачъ, рыданіе, скрежетъ зубовъ,—ну, просто съ ума сойти!

— Да, дѣйствительно, я помню и самъ—не могъ удержаться отъ слезъ; но это было въ «Королѣ Лирѣ».

— «Отецъ и дочь», право, также очень хорошо. Знаешь-ли, Ласточкинъ произнесъ Воробевъ, вскакивая съ своего стула:—я открою тебѣ все, что лежитъ у меня на сердцѣ. Я давно хотѣлъ это сдѣлать, но все еще какъ-то не рѣшался; а теперь... да, Ласточкинъ, теперь уже это дѣло рѣшеное... Послушай—я махну въ актеры!..

— Что ты, что ты! образумься!.. экъ куда метнулъ!..

— А что-жъ? Не лучше-ли, по твоему, корпѣть надъ бумагами да получать нахлобучки?.. Нѣтъ, Ласточкинъ, актеръ вещь великая!.. Сцена, лампы, публика сидитъ, актрисочки хорошенькія, ты съ ними со всѣми на ты... любовь, кулисы, громъ рукоплесканій, дрожь передъ поднятіемъ занавѣси, а тутъ смотришь—бухнула увертюра: громъ, промъ, та, та, та... Вышелъ на сцену... «браво! браво!» махнулъ рукой — „*спускайте львовъ!*“ и пошла писать!.. Потомъ кончилъ роль, спустился въ кресла; всѣ взоры устремлены на одного тебя... хорошенькія женщины — ш-ш-ш-ш!.. Посмотрите, Воробевъ вонъ — вонъ сидитъ Воробевъ! а ты, усталый, блѣдный, полный еще минувшаго волненія, поглядываешь небрежно на сцену, гдѣ какой-нибудь водевилишко откалываютъ... Ахъ, не говори! лучше этого я, братъ, ничего не знаю... Ей-Богу, махну на сцену!

— Ты, просто, съ ума сошелъ!.. Оно, конечно, не дурно; но чтобъ быть актеромъ, надо имѣть, братъ, талантъ. Ты думаешь, вышелъ только, да крикнулъ: «спускайте львовъ!» такъ тебя сейчасъ и закидаютъ букетами, какъ какого-нибудь Рубини...

— Конечно, безъ таланта ничего быть не можетъ... Ну, что-жъ! если не въ драму, такъ въ водевиль пойду —

мнѣ все равно. Экая штука — спѣть куплетъ! Кто-жъ не споетъ куплета... я тебя спрашиваю, кто не споетъ куплета?

— Иванъ, ты увлекаешься, ей-Богу, увлекаешься!..

— Не говори мнѣ этого. Ты вѣдь не знаешь, способенъ-ли я, или нѣтъ?.. Ну! послушай, однако, Петя, я голоденъ. Есть у тебя чай!

— Какъ не быть: слава Богу не конецъ мѣсяца. Я нарочно не пилъ: думалъ, что ты придешь...

— Душка моя! поцѣлуй ты меня... Ахъ, Петя! а все-таки махну въ актеры!..

За чаемъ разговоръ вертѣлся около того-же предмета.

— Послушай, Петя, сказалъ Воробевъ, когда подносъ съ чайникомъ и стаканами былъ вынесенъ Василіемъ Ермиловымъ изъ комнаты: — послушай, ты вѣдь меня любишь?

— Что за вздоръ!..

— Нѣтъ, отвѣчай прямо: любишь или нѣтъ?

— Ну, люблю.

— Въ такомъ случаѣ доставь мнѣ одно удовольствіе... душечка, сдѣлай это для меня!

— Что такое?

— Ты знаешь мотивъ: „*Здравствуй, кумъ ты мой любезный, здравствуй кумушка моя*“?

— Знаю.

— Возьми вотъ эту линейку и дѣлай такъ, какъ будто разыгрываешь на скрипкѣ, а я, между тѣмъ, отваляю куплетецъ.

— Что за пустяки!..

— Ну, если ты меня хоть сколько-нибудь любишь...

И Воробьевъ, не дожидаясь отвѣта, усадилъ Петра Иваныча на концѣ комнаты противъ двери.

— Что-жъ изъ этого будетъ? твердилъ тотъ:—что изъ этого будетъ?

— Видишь-ли, я спрячусь за дверь, а ты, между прочимъ, сыграешь ритурнель; но смотри, какъ только вбѣгу въ комнату, тотчасъ же и начинай.

Иванъ Иванычъ Воробевъ надѣлъ шляпу и вышелъ на лѣстницу.

Петръ Иванычъ Ласточкинъ началъ. Въ новой квартирѣ произошла тогда довольно странная сцена.

Воробевъ вбѣжалъ сломя голову въ комнату, растопырилъ руки и запѣлъ сиповатымъ голосомъ слова извѣстнаго куплета, между тѣмъ, какъ его пріятель подтягивалъ сурдиною, подражая цѣлому оркестру. Куплетъ уже благополучно близился къ концу, какъ вдругъ за стѣною послышалось также чье-то пѣніе. Пріятели наши остановились. Тоненькій голосокъ продолжалъ:

По листочкамъ онъ шумитъ,
По кусточкамъ шелеститъ.

Петръ Иванычъ и Воробевъ посмотрѣли другъ на друга съ недоумѣніемъ.

— Что это? сказалъ первый, бросая импровизованную скрипку на полъ:—кажется, женскій голосъ!

— Еще бы, и прехорошенькій!.. Слушай, Петя, слушай!..

Голосъ продолжалъ:

Ты не бойся, моя радость,
Не грусти моя краса!
Не найдутъ тебя злодѣи,
Не отыщутъ твой пріютъ...

— Какъ бы не такъ! воскликнулъ Воробевъ.—Петя, сдѣлаемъ, братъ, штуку.

— Что?

— Погоди, я спою ей.

— Постой! Какъ это можно! Вѣдь я только-что переѣхалъ: ты не на шутку можешь меня компрометировать.

Но замѣчаніе Петра Иваныча пришло слишкомъ поздно: Воробьевъ затянулъ:

Онъ несетъ дѣвицѣ вѣсточку
Отъ сердечнаго дружка!

Каково было изумленіе пріятелей, когда за стѣною послышались хохотъ и вслѣдъ за тѣмъ новая пѣсня. Воробевъ бросился къ стѣнѣ и постучалъ пальцемъ; ему отвѣтили тѣмъ же.

— Полно, полно! говорилъ Ласточкинъ, удерживая друга, который началъ уже горячиться и барабанилъ что̀ есть мочи въ стѣну.

— Сосѣдка! кричалъ Воробевъ:—а, сосѣдка!

— Что? послышалосъ за стѣною.

— Вы чудо! вы ангелъ! вы прелесть! кричалъ Воробевъ.

— Перестань, ради Бога, что ты дѣлаешь?

— Ничего. Сосѣдка! а, сосѣдка! Слышите-ли? вы божество, вы неземное, небесное явленіе.

— Перестань, сдѣлай милость, перестань.

— Сосѣдка!

— Бога ради, не кричите, послышалось за стѣною:— молчите... лучше послѣ... завтра...

У сосѣдки раздался мужской голосъ.

— Что ты на это скажешь, а? вымолвилъ Воробевъ, складывая накрестъ руки: — каково! и вѣрно какая-нибудь хорошенькая!

— Ну вотъ ужъ и хорошенькая! Да кто-жъ тебѣ сказалъ, что она хорошенькая?

— Кто бы тамъ ни говорилъ—пари держу.

— Э, полно! что за пустяки!

Поболтавъ еще нѣсколько времени, пріятели наши растались, ибо за стѣною Василья Ермилова стукнуло *полночь*.

Мысль о хорошенькой сосѣдкѣ встревожила не на шутку нашихъ пріятелей. Едва успѣлъ уйти Воробевъ, какъ уже Ласточкинъ очутился у стѣны и приложилъ къ ней ухо. «Экая досада», думалъ онъ, «что все это случилось именно въ то время, какъ былъ Воробевъ! Я знаю, онъ начнетъ теперь бѣгать, кричать, суетиться и испортитъ только дѣло... затѣетъ волокитство... Нѣтъ! да что-жъ это такое, что я, въ самомъ дѣлѣ, байбакъ, что-ли, какой? Она принадлежитъ мнѣ по всей справедливости, и мы посмотримъ...» Размышляя такимъ образомъ, Петръ Иванычъ не отнималъ уха отъ стѣны: онъ надѣялся, что вотъ-вотъ услышитъ голосъ сосѣдки, и задумывалъ уже, какъ-бы затѣять съ нею разговоръ. Онъ

хотѣлъ, по благоразумному обыкновенію своему, сдѣлать все это скромно, потихоньку, такъ, чтобы не запугать сосѣдку и, между тѣмъ, чтобы не слишкомъ компрометировать самого себя; но тщетны были его ожиданія: за стѣною, какъ на зло, царствовало безмолвіе, изрѣдка развѣ прерываемое густымъ смѣхомъ мужчины. Петръ Иванычъ начиналъ уже чувствовать что-то въ родѣ досады: онъ ревновалъ хорошенькую сосѣдку. Кончилось тѣмъ, что въ третьемъ часу ночи Ласточкинъ окончательно въ нее втюрился. Воображеніе рисовало ему очаровательную женщину, которая, не далѣе, какъ за тоненькою стѣною, покоилась въ великолѣпномъ аристократическомъ будуарѣ, посреди роскоши и благоуханій (Петръ Иванычъ никакъ не соображалъ въ эту минуту, что сосѣдка жила въ Щербаковомъ переулкѣ и, въ добавокъ, въ четвертомъ этажѣ). Временами воображеніе уносило мечтательнаго юношу Богъ знаетъ въ какія страны. Онъ видѣлъ себя обладателемъ прелестной сосѣдки, дверь пробита въ стѣнѣ; его комната съ комнатою сосѣдки составляютъ одну квартиру. Оба они нѣсколько стѣснены въ денежныхъ обстоятельствахъ; но любовь, самая нѣжная, самая страстная любовь вознаграждаетъ ихъ за все. У Петра Иваныча залогъ любви: Петръ Иванычъ отецъ! Возлюбленная его шьетъ для ребенка платье, тогда какъ онъ глядитъ на нее глазами, полными слезъ. Ночь. Петръ Иванычъ возвращается домой продрогшій и промокшій! онъ звонитъ у дверей скромнаго своего жилища. Ему отворяетъ *она*. Въ комнатѣ тепло, шипитъ самоваръ... малютка спитъ сладкимъ сномъ. Но грубый голосъ мужчины, раздавшійся за стѣною сосѣдки, снова возвращалъ его къ горькой дѣйствительности. Ласточкинъ проклиналъ тогда глупыя мечты свои, но всетаки не отнималъ уха отъ стѣны. Сонъ побѣдилъ, наконецъ, волненіе и безпокойство Ласточкина. Онъ свернулся на диванъ и заснулъ, не забывъ напередъ перебрать въ головѣ всѣ возможные планы къ обладанію сосѣдки.

Съ своей стороны, Воробевъ безпокоился не менѣе Ласточкина. Онъ также повертывался съ боку на бокъ, и мысль о хорошенькой сосѣдкѣ Ласточкина точно также

не давала ему заснуть. Онъ успѣлъ уже сообразить всѣ возможные способы похищенія и обольщенія. «Досадно только то», думалъ онъ «что все это произошло на квартирѣ Ласточкина. Ничего, однако прибавилъ онъ тутъ же:—ничего... главное, умѣть повести дѣло... прекрасно! чудо! вскрикнулъ онъ, дѣлая salto mortale на кровати. Напишу письмо. завтра же напишу, снесу его дворнику того дома, суну гривенникъ—и дѣло въ шляпѣ!.. Именно вотъ такъ и начну: «сударыня!..» нѣтъ, лучше: «я васъ люблю давно, люблю страстно, безпредѣльно...» Кажется, это уже слишкомъ... лучше: «я къ вамъ пишу...» я, однако, гдѣ-то читалъ подобное начало... кажется, у Пушкина... Рѣшено!.. «Моя дерзость, конечно, удивляетъ васъ, сударыня; но, зная заранѣе ангельскую доброту вашу, я рѣшился выразить все то, что уже давно... да!.. все, что уже давно... давно...»—И Воробевъ заснулъ подъ вліяніемъ счастливаго успѣха будущаго своего предпріятія!

Не мѣшаетъ воспользоваться сномъ обоихъ пріятелей, чтобы нѣсколько короче ознакомить съ ними читателя.

Ласточкинъ и Воробевъ, безспорно, самые добрые ребята изъ всего круга чиновной молодежи; каждому изъ нихъ не болѣе двадцати лѣтъ. Они не бѣдные, но родители ихъ добрые провинціалы, опасаясь соблазна, которому подвергается юноша съ деньгами въ Петербургѣ, по ихъ мнѣнію, отличающемуся отъ Содома и Гомора только прозвищемъ, опредѣлили имъ ежемѣсячную сумму, достаточную для одной необходимости. Ласточкинъ и Воробевъ поэтому частехонько были въ самомъ затруднительномъ положеніи. Первый, какъ уже извѣстно, питалъ въ душѣ непреодолимое влеченіе къ хорошенькимъ вещицамъ, второй — къ Александринскому театру. Какъ тотъ, такъ и другой непрочь были сверхъ того пообѣдать у Излера, прокатиться въ омнибусѣ на Крестовскій, повязать на шею новенькій платочекъ отъ Чуркина, блеснуть на Невскомъ въ лакированныхъ сапогахъ Пеля или пофинтить новыми перчатками Фроманто, и т. д.—словомъ, любили то, что всѣ любятъ. Дѣло, однако, въ томъ, что, покутивъ у Излера, въ первый день послѣ полученія денегъ на другой день шли они къ Балабину, на третій въ *Отель-*

дю-норъ, а на четвертый отправлялись рука объ руку на Владимірскую, въ домъ Фридерикса, и закупали каждый по семи фунтовъ ячменнаго кофе, чтобы обезпечить себя на слѣдующіе двадцать-пять дней отъ голодной смерти. Какъ пивался у нихъ этотъ ячменный кофе — дѣло извѣстное: онъ замѣнялъ все—и завтракъ, и обѣдъ, и ужинъ. Два стакана утромъ и 10 сухарей въ 8 или 9 часовъ вечера, смотря по благоусмотрѣнію. Но не унывали Ласточкинъ съ Воробевымъ и въ тяжкія времена жизни; то одинъ забѣжитъ къ другому, то другой... вѣчно какой-нибудь веселый анекдотъ, вѣчно смѣхъ и хохотъ. Пріятели жили когда-то вмѣстѣ, но такъ какъ у Воробева находилось несмѣтное количество знакомыхъ, которые то и дѣло являлись пить чай и кофе, то оба они рѣшились разстаться для общей пользы. Дружба ихъ не потерпѣла, однако, нимало отъ подобнаго разрыва, и какъ уже говорено было, не проходило дня, гдѣ бы не видались Ласточкинъ и Воробевъ.

На другое утро послѣ описанныхъ нами событій, и Воробевъ всталъ раньше обыкновеннаго и тотчасъ-же принялся сочинять письмо. Вотъ что написалъ онъ: «Я не осмѣлился-бы писать къ вамъ, сударыня, еслибъ не зналъ заранѣе, что ангельская доброта ваша проститъ мнѣ мою дерзость. Какъ! неужели схоронить навсегда въ сердцѣ всѣ чувства, которыя волнуютъ его... О! это было-бы невыносимо! Нѣтъ, я не въ состояніи пережить такую муку!.. Узнайте-же, сударыня, мою тайну: я васъ люблю!.. да, люблю давно, безпредѣльно! одного слова вашего довольно, чтобы заставить меня рѣшиться на все, даже на преступленіе... Вы не знаете человѣка, который пишетъ къ вамъ эти строки, быть можетъ никогда даже не удостоивали бросить на него презрительнаго взгляда: но онъ!.. онъ давно слѣдитъ за вами, ловитъ каждое ваше движеніе, каждый взглядъ, усыпаетъ горячими поцѣлуями стопы божественныхъ ножекъ вашихъ—словомъ, любитъ васъ какъ только можетъ любить человѣкъ!.. Простите мнѣ, умоляю васъ, сударыня—я несчастливъ! Этого достаточно, чтобы возбудить въ васъ сострадательность и симпатію... я страдаю, голова моя горитъ, все вертится

и кружится передо мною... О! повѣрьте, я очень, очень несчастливъ!.. Прощайте...

P. S. Надѣюсь, что письмо это останется между нами, Сожгите его».

— Нечего сказать, околесица порядочная произнесъ Воробевъ, отирая потъ, выступившій на лбу.—Ну, да за то эффектно! Я почти увѣренъ, что изъ за него что-нибудь да выйдетъ.

Иванъ Иванычъ одѣлся съ необыкновенною поспѣшностью, хлебнулъ чаю ради третьяго числа и отправился къ дому, гдѣ жилъ Ласточкинъ. Онъ вступилъ подъ ворота и постучался къ дворнику.

— Что надо? спросилъ тотъ, потирая ладонью заспанные глаза.

— Видишь-ли, любезный, отвѣчалъ Воробевъ, трепля его по плечу: — хочется дать тебѣ на водку... возьми, вотъ тебѣ двугривенный... будетъ и больше, смотри только, дѣлай все то, что скажу.

— Слушаю, ваше благородіе, за нами дѣло не станетъ.

— Вотъ видишь-ли, любезный: вчера переѣхалъ сюда чиновникъ.

— Переѣхалъ.

— Такъ вотъ отдай это письмо... не ему, а сосѣдкѣ его, что живетъ съ нимъ стѣна объ стѣну; по той же лѣстницѣ... понимаешь?

— Какъ не понять?

— Отдай же ей это письмо, да смотри, братъ, отдай въ руки... понимаешь?..

— Понимаю, сударь... намъ не впервые приходится.

— Ну, хорошо, а ужъ насчетъ того еще будетъ... я денегъ не жалѣю! Ступай...

Воробевъ только-что сбирался выйдти изъ воротъ на улицу, какъ кто-то ухватилъ его за руку. Онъ оглянулся: это былъ Ласточкинъ...

— Что ты здѣсь дѣлаешь?

— Да вотъ, братъ, думалъ до департамента завернуть къ тебѣ... А ты куда такъ рано поднялся?

— Надо обдѣлать кой-какія дѣлишки...

— Пойдемъ вмѣстѣ.

— Нѣтъ, Воробевъ, мнѣ надо быть одному; я иду къ знакомому...

— Къ какому знакомому?

— Ахъ, Господи! да такъ, дѣло завязалось. Прощай. Увидимся въ департаментѣ.

— Прощай...

Ласточкинъ повернулъ изъ Щербакова переулка въ Троицкую улицу и рысцою пустился къ Чернышеву мосту. Ступивъ на мостъ, онъ оглянулся назадъ и, увѣрившись, что Воробевъ за нимъ не слѣдовалъ, направился прямо черезъ площадь къ Апраксину двору.

— Послушай, служивый, сказалъ онъ инвалиду, увѣшенному съ головы до ногъ разными жилетами, брюками, сюртуками и лохмотьями:—гдѣ здѣсь желѣзныя лавки?

— А вотъ, ваше благородіе, какъ пройдете Разгуляй, такъ ступайте все прямо по Тряпичной линіи; тутъ будетъ вамъ другая площадь—Разваляй—прямо такъ вотъ и упретесь въ желѣзные ряды...

— Спасибо, братецъ, спасибо!.. Разваляй, Разгуляй? бормоталъ Петръ Иванычъ, переступая по грязному Разгуляю:—а какъ не достану, вотъ будетъ штука!.. очень можетъ статься, что и не достану.

Ласточкинъ увидѣлъ, наконецъ, желѣзные ряды и, подойдя къ нимъ, принялся шарить въ грудахъ заржавленныхъ скобокъ, ключей, замковъ, гвоздей, подпилокъ и крючковъ.

— Что покупаете? спросилъ купецъ.

— Вотъ видишь-ли, любезный, мнѣ бы нуженъ былъ...

— Чего-съ?

— Желѣзный, еслибъ можно было, самый большой... я не знаю, какъ это.

— Да вамъ чего угодно?

— Большой, самый большой... буравъ.

Купецъ посмотрѣлъ на него подозрительно.

— А вамъ для какой потребности? сказалъ онъ.

— Я возьму вотъ этотъ, произнесъ Петръ Иванычъ, вынимая изъ хлама необыкновенной толщины и длины буравъ.—Что̀ стоитъ?

— Полтинникъ. Меньше нельзя взять.

— Помилуй, какъ это можно!

— Сами видите, тутъ два фунта желѣза пошло. Если не вѣрите, можно прикинуть на вѣсы. Меньше не возьмемъ.

— Бери четвертакъ.

— Нельзя-съ.

— Ну, такъ у меня вотъ тутъ есть знакомый купецъ. Я пойду къ нему: у него всѣ эти вещи несравненно дешевле...

— Извольте, извольте... что съ вами дѣлать!.. для почину отдаю.

Петръ Иванычъ засунулъ буравъ въ задній карманъ вицмундира и побѣжалъ въ департаментъ.

Первый человѣкъ на котораго наткнулся Ласточкинъ въ департаментѣ, былъ Воробевъ. Недовольное лицо послѣдняго, его вытянутая физіономія сильно поразили Петра Иваныча.

— Что съ тобою? спросилъ онъ.

— Да что, братецъ, отвѣчалъ тотъ:—хочу выйти въ отставку.

— Вотъ еще новенькое! Съ тобою, вѣрно, случилась какая нибудь непріятность?

— Просто житья нѣтъ! Андрей Андреичъ не даетъ мнѣ покоя. Вотъ и сегодня, не успѣлъ я явиться въ департаментъ, какъ уже получилъ острастку. Я не знаю, право, чего онъ отъ меня хочетъ!

— Да ты врешь, Ваня! ужъ вѣрно, онъ недаромъ распекъ тебя. Я знаю, Андрей Андреичъ шутить не любитъ, но безъ причины не станетъ нападать на человѣка. Ты что-нибудь да сдѣлалъ.

— Что я сдѣлалъ... ровно ничего.

— Ей-Богу, врешь!

— Говорю тебѣ, ничего особеннаго. Я сидѣлъ вотъ здѣсь и писалъ; тоска такая... ну, и запѣлъ куплетъ. Въ эту самую минуту вошелъ Андрей Андреичъ. Что-жъ онъ, въ самомъ дѣлѣ, думаетъ, не могу я развѣ составить себѣ другой карьеры!

— Вотъ еще вздоръ! Полно! перемелется, все мука будетъ.

- Да, перемелется! хорошо тебѣ это говорить. Ахъ, кстати: ну, что твоя сосѣдка?

— А, право, не знаю. Я забылъ даже, что она существуетъ на свѣтѣ.

— Ну что, не пѣла послѣ того, какъ я ушелъ вчера?

— Нѣтъ, не пѣла.

— И не стучала въ стѣну?

— Нѣтъ, не стучала.

— Послушай, Петя: я забѣгу къ тебѣ вечеркомъ.

— Нѣтъ; меня сегодня не будетъ дома: я отправлюсь къ одному... знакомому.

— Откуда у тебя вдругъ явились знакомые?

– Такъ, братъ! нужно... дѣла...

— Ну, завтра утромъ забѣгу.

— Хорошо.

Время, тянувшееся всегда до нельзя долго въ департаментѣ, показалось на этотъ разъ нашимъ пріятелямъ еще длиннѣе обыкновеннаго. Наконецъ-то пробили столь ожидаемые четыре часа и чиновники стремглавъ понеслись вонъ изъ присутственнаго мѣста.

Главною цѣлью Петра Иваныча, послѣ того, какъ онъ съѣлъ у Балабина рубленую котлетку, было достичь скорѣе дома. Войдя въ комнату, онъ тотчасъ-же заперъ ее изнутри, послѣ чего подошелъ къ завѣтной стѣнѣ и приложилъ къ ней ухо. «Странно!» вымолвилъ онъ «хоть-бы признакъ существованія; хоть-бы послышались кашель или стукъ, а то ровно ничего... Впрочемъ, все къ лучшему; хорошо даже, еслибъ ее вовсе не было въ эту минуту дома: чего добраго—замѣтитъ, услышитъ... Ну, теперь къ дѣлу, къ дѣлу!»

Петръ Иванычъ разоблачился, взялъ въ руки буравъ, подошелъ къ стѣнѣ и, не безъ особеннаго волненія и біенія сердца, принялся сверлить ее. Работа продолжалась долго, потъ градомъ катился съ лица Ласточкина. Наконецъ, труды его увѣнчались успѣхомъ: буравъ пошелъ свободнѣе. Петръ Иванычъ вынулъ его тогда и съ жадностью бросился смотрѣть въ дырочку.

— Боже мой! воскрикнулъ онъ: — что я надѣлалъ!.

не туда попалъ!.. мимо! Экая, право, досада! ничего не видно...

Ласточкинъ былъ въ отчаяніи; онъ долго ходилъ по комнатѣ, перебирая въ головѣ всѣ возможныя средства, какъ бы увидѣть сосѣдку, и наконецъ рѣшилъ, что всего лучше просверлить вторую дырочку, только несравненно ниже первой. Онъ снова было вооружился буравомъ какъ вдругъ у двери его кто-то постучался.

Петръ Иванычъ бросилъ инструментъ свой подъ диванъ прикрылъ отверстіе въ стѣнѣ стуломъ и отперъ дверь.

Въ комнату вошла пожилая женщина, что-то въ родѣ кухарки.

— Что тебѣ надо? спросилъ отрывисто Ласточкинъ.

— Меня, батюшка, прислала барышня.

— Какая барышня?

— А вотъ что живетъ съ тобой стѣна-то объ-стѣну... Ольга Михайловна.

— Какъ!..

— Ты, батюшка, изволилъ вишь потѣшаться—стѣнку свою долбилъ... да и попалъ ей шильцомъ-то въ самый комодъ... Въ комодъ-то еще ничего... а то вѣдь пропоролъ ей капотъ стеганый, который лежалъ въ комодѣ-то...

— Какъ, душенька? быть не можетъ!.. это, вѣрно, кто-нибудь другой... Впрочемъ, люди мои вотъ тутъ приколачивали что-то: такъ это, вѣрно, они, бездѣльники... ахъ, Боже мой! Скажи, пожалуста, Ольгѣ Михайловнѣ, что я на колѣняхъ прошу у ней прощенія... что самъ приду извиняться... она очень сердится?..

— Сердиться-то она не сердится, а сказала: ступай, говоритъ, къ чиновнику да скажи ему, что такъ, молъ, не дѣлаютъ... капотъ-то вѣдь 80 рублевъ стоитъ...

— Послушай, душенька, вотъ тебѣ... возьми, сказалъ Ласточкинъ, суя ей въ руку гривенникъ: — только уговори Ольгу Михайловну, чтобъ она не сердилась... скажи ей, что самъ приду просить прощенья...

— Вотъ и Ольга Михайловна наша также такая добрая: иной разъ въ стиркѣ порвешь юбку—всяко случается—а она, моя кормилица, ничего... такая, право, добродушная!

— Что она, какъ... живетъ одна?

— Одна, кормилецъ... и никогда словомъ дурнымъ не промолвитъ.

— Скажи-же ей, душенька, все, что я тебѣ говорилъ... а за мною ужъ худо не будетъ; ты заходи только сюда почаще.

— Спасибо тебѣ, батюшка!.. Прощайте, кормилецъ!.. Заходите къ намъ...

— Непремѣнно, такъ-таки и скажи своей барышнѣ, что чиновникъ... молодой, въ такомъ горѣ... сейчасъ, говоритъ, самъ пойду на колѣняхъ просить прощенія... и живетъ, скажи, хорошо, а ужъ за мной худа не будетъ... денежки-то водятся...

«Вотъ случай!» подумалъ Ласточкинъ. «Ну, признаюсь, я этого не ожидалъ... сама судьба принимаетъ во мнѣ участіе! Сію же минуту отправлюсь туда... учтивость даже этого требуетъ».—Петръ Иванычъ подошелъ къ зеркалу.—«Извините, сударыня!» произнесъ онъ, шаркнувъ ножкой. «Я... я, право...» Ну, да тамъ найду что сказать... Непріятно, однакожъ, что я испортилъ ей капотъ... Эхъ, еслибъ были деньги!.. Надо, однако, торопиться... Что-жъ я надѣну сюртукъ или фракъ?... Надѣну сюртукъ: Воробевъ говоритъ, что онъ дивно на мнѣ сидитъ; косынку повяжу черную съ красными горошинками... выпущу воротнички; они какъ-то лучше обрисовываютъ лицо... Эхъ жаль, что негдѣ завиться! Женщины любятъ курчавыхъ: это, по ихъ мнѣнію, обличаетъ въ мужчинѣ страстную натуру... Пушкинъ и Байронъ были курчавые.. » Принарядясь какъ можно лучше, Петръ Иванычъ подошелъ еще разъ къ зеркалу и наговорилъ, смотрясь въ него, столько любезностей воображаемой Ольгѣ Михайловнѣ, что даже самъ удивился своему краснорѣчію; онъ принаровился даже, какъ приличнѣе будетъ ему изъясняться въ любви, если представится къ тому случай, и рѣшилъ, что всего лучше броситься на колѣни и поцѣловать руки. Съ такими-то мыслями подошелъ онъ къ дверямъ сосѣдки.

Но Ласточкинъ былъ, какъ говорится, молодецъ только на словахъ: при видѣ колокольчика Ольги Михайловны,

имъ тотчасъ же овладѣла робость, такъ что онъ не осмѣлился даже къ нему прикоснуться. «А что, если вдругъ разсердится», подумалъ онъ, «да закричитъ, да велитъ кухаркѣ позвать дворника... затѣетъ скандалъ? Впрочемъ, что-жъ такое? я исполняю долгъ учтиваго человѣка... Несчастный случай, г. квартальный: люди мои попали гвоздемъ въ комодъ этой госпожи... и я... Но что-жъ, въ самомъ дѣлѣ, такое?.. ужъ будто изъ этого должно непремѣнно что-нибудь выйдти? Она, кажется, изъ всего видно, порядочная женщина... и кухарка даже говоритъ; что добрая... Э! ничего!..»

Ласточкинъ постучался въ дверь: изъ нея выглянула знакомая кухарка.

— Послушай, душенька, произнесъ нерѣшительнымъ тономъ Петръ Иванычъ:—нѣтъ-ли у васъ моего хозяина? Богъ знаетъ, куда это онъ запропастился... никто не можетъ отыскать...

— Онъ къ намъ не ходитъ, кормилецъ, никогда и не хаживалъ.

— Послушай... ну, что-жъ, Ольга Михайловна всѣ еще не перестала на меня сердиться?

— А она, моя голубушка и забыла давно; ишь себѣ распѣваетъ, словно пташка!

Петръ Иванычъ: въ самомъ дѣлѣ, услышалъ звуки гитары и пѣсню: *Гусаръ, на саблю опираясь, въ глубокой горести стоялъ.* У него сердце такъ и застучало.

— Нянька! нянька! кто тамъ? послышалось въ комнатѣ.

— Ну, услышала, сказала кухарка:—да вы, батюшка, пожалуйте въ горницу. Чего-же вы стоите?.. Ничего-съ, пожалуйте!..

— Нѣтъ, такъ... впрочемъ, отчего-же... я не прочь... И Петръ Иванычъ бочкомъ вошелъ въ комнату сосѣдки, не забывъ напередъ взбить себѣ волосы.

Комната, въ которую вступилъ Ласточкинъ, была довольно мило убрана и нисколько не соотвѣтствовала грязному входу и кухнѣ.

Петръ Иванычъ смутился.

— Извините... сударыня, произнесъ онъ: — я, право, думалъ...

— Ахъ! вскрикнула Ольга Михайловна, вскакивая съ дивана и бросая гитару:—какъ вы меня испугали!..

— Сударыня, я, право... самый несчастный случай... люди у меня такой непріятный народъ... мнѣ сказывали, вы изволите сердиться... вамъ попали гвоздемъ въ комодъ и испортили платье. Вы не повѣрите, какъ мнѣ это непріятно, и я готовъ сдѣлать все на свѣтѣ, чтобы только загладить свою вину...

— Помилуйте, это ничего-съ... Скажите, это вы вчера такъ стучали въ стѣну?

— Вчера? спросилъ съ изумленіемъ Ласточкинъ.

— Да, вчера. Полноте, полноте! ужъ будто не знаете... Ахъ, какіе вы притворщики!

— Извините, сударыня... это мои пріятели. Вчера они собрались ко мнѣ на новоселье... знаете, молодежь— выпили шампанскаго... подняли шумъ...

— Ахъ, какія страсти!.. А кто-же пѣлъ такъ прекрасно?

— Это одинъ пѣвецъ изъ театра... Мы также, Ольга Михайловна, имѣли удовольствіе слышать вашъ голосокъ, произнесъ съ улыбкою Петръ Иванычъ: — и, признаюсь, были въ восторгѣ... всѣ, сколько насъ ни находилось, съ ума сошли...

— Ахъ, какіе вы насмѣшники! какъ-же вамъ не стыдно подслушивать?

— Что-жъ такое, Ольга Михайловна: это очень простительно; слышишь за стѣною прекрасный голосъ... Вы, кажется, пѣли изъ «Аскольдовой Могилы», именно «Ужъ какъ вѣетъ вѣтерокъ». Вотъ видите-ли, я все помню... все...

— Вы ошибаетесь: это совсѣмъ не я пѣла.

— Нѣтъ, Ольга Михайловна, позвольте вамъ сказать... что это вы... ужъ я знаю...

— А вотъ ей-Богу же не я.

Петръ Иванычъ не спускалъ глазъ съ сосѣдки, стараясь придать своему лицу самое пріятное выраженіе. Онъ пускалъ въ ходъ всѣ тѣ маленькія хитрости, къ ко-

торымъ прибѣгаютъ въ его положеніи: то улыбался такъ, чтобы имѣть случай выказать свои зубы, то встряхивалъ волосами, то, наконецъ, вытягивалъ ногу, обутую въ узкій сапогъ, то игралъ краешками своего сюртука и пропускалъ въ петли тонкіе свои пальцы—словомъ, изощрялъ всѣ свои силы, чтобы плѣнить сосѣдку. Ольга Михайловна, съ своей стороны, была вполнѣ достойна вниманія Ласточкина. Она принадлежала къ числу тѣхъ пухленькихъ, свѣженькихъ женщинъ, на которыхъ невольно заглядываешься, когда встрѣчаешься съ ними на улицѣ, хотя на каждомъ шагу попадаются лица гораздо правильнѣе и красивѣе.

Вздернутый кверху носикъ — признакъ веселости и бойкости, живые черные глаза, не остающіеся ни минуты въ покоѣ, крупныя, но прелестно сформированныя губки, свѣтлокаштановые волосы, зачесанные просто, но со вкусомъ—все это шло къ ней какъ нельзя больше.

— Ай! страсти! сказала Ольга Михайловна.—Что это вы такъ страшно на меня смотрите?

— Ольга Михайловна! Ольга Михайловна! началъ было Ласточкинъ, прикладывая руку къ сердцу, но тутъ же осѣкся и продолжалъ:—вы не повѣрите, какъ напоминаете мнѣ одну знакомую даму...

— Неужели у васъ есть знакомыя, которыя такъ дурны собою?

— Дурны! вы говорите: дурны!.. о! Ольга Михайловна! она считается одною изъ первыхъ красавицъ въ городѣ.

— Въ такомъ случаѣ, я не могу быть на нее похожа: я знаю, что я очень дурна собою...

— Позвольте вамъ сказать, что вы говорите теперь рѣшительно противъ себя.

— Ахъ! дерзкій мужчина! воскликнула Ольга Михайловна.

Разговоръ оживился. Петръ Иванычъ болѣе и болѣе горячился: онъ начиналъ ужъ понимать, съ кѣмъ имѣлъ дѣло... Во-первыхъ, Ольга Михайловна сказала ему, что у нея былъ какой-то *дяденька*; потомъ дяденька этотъ получилъ названіе *папаши*, потомъ *папашеньки*, а нако-

нецъ всѣ эти родственныя прозвища уступили скромному наименованію Андрея Андреича.

Какъ ни былъ неопытенъ Ласточкинъ, однакожъ, онъ очень хорошо зналъ, что̀ значитъ *дяденьки* и *папашеньки*, когда дѣло идетъ о дочкахъ и племянницахъ, которыя живутъ однѣ-одинешеньки, въ квартирахъ съ комфортомъ, со старою *нянькою* и шестиструнною гитарою.

Откуда ни возьмись, тотчасъ-же появились у нашего героя прыть, бодрость и смѣлость. Онъ разсыпался словно бѣсъ передъ заутреней, разсказывалъ кучу анекдотовъ, острилъ—словомъ, былъ любезенъ какъ нельзя больше. Ольга Михайловна хохотала и, казалось, была очень, очень довольна сосѣдомъ.

Но когда пробило на стѣнныхъ часахъ семь, она привстала съ дивана и съ видимымъ смущеніемъ сказала новому своему знакомому:

— Ахъ, Боже мой!.. ради Бога, уйдите... вамъ теперь, право, нельзя у меня оставаться!.. Пожалуйста, уйдите поскорѣе, я васъ прошу!.. приходите лучше завтра... завтра я буду дома; а теперь, право, никакъ нельзя... Ради Бога, уйдите скорѣе!..

Петръ Иванычъ смекнулъ, въ чемъ дѣло, и потому заблагоразсудилъ какъ можно скорѣе раскланяться, не позабывъ при выходѣ сунуть кухаркѣ еще гривенникъ.

На другой день, въ шестомъ часу вечера, Ласточкинъ сидѣлъ уже у сосѣдки.

Въ тотъ-же день, почти въ тотъ-же часъ, Воробевъ сидѣлъ въ трактирѣ Балабина, ѣлъ котлетку и слушалъ органъ.

«Каково я выдержалъ характеръ!» думалъ онъ. «А? терплю со вчерашняго утра!.. Вѣдь очень можетъ быть, что сосѣдка Ласточкина благосклонно приняла мое письмо и только ожидаетъ автора... ей-Богу... что-жъ тутъ мудренаго?.. Случались-же такія продѣлки, да еще и не разъ. Пойду-ка теперь къ подъѣзду Александринскаго театра: посмотрю, какъ будутъ высаживать актрисъ. Смерть люблю

глядѣть на нихъ въ частной ихъ жизни... Досадно только, что капельдинеровъ всегда тьма-тьмущая: и подойти-то близко къ каретѣ нельзя: а то бы этакъ подлетѣлъ— хлопъ! да и высадилъ бы какую-нибудь хористку... о! славно было бы!.. Ну, а какъ смеркнется, такъ отправлюсь къ дворнику Ласточкина... что-то онъ скажетъ?»

Какъ задумано, такъ и сдѣлано: въ семь часовъ Воробевъ стоялъ передъ дворникомъ.

— Что, братъ, письмо отдалъ?

— Ну, баринъ, лучше бы вы и не приносили его— бѣда! отвѣчалъ дворникъ, почесывая затылокъ.

— Какъ!.. Какая бѣда?.. что такое?..

— Ишь барышня-то разсерчала больно... ужъ я и самъ не радъ, что пошелъ.

— Что-жъ она сказала?

— А что сказала... вѣстимо, что сказала... обругала. Хозяину, говоритъ, скажу. Ужъ я и самъ-то не радъ, что васъ, сударь, послушалъ...

— Гм! да ты мнѣ, братецъ, скажи, пожалуйста, что, какъ она... такъ... живетъ одна... или съ кѣмъ-нибудь... ну, понимаешь?

— Живетъ-то она одна... одна живетъ...

— Ну, понимаешь... этакъ гости бываютъ или знакомые? ты мнѣ все говори... все...

— Ходитъ какой-то баринъ; а Богъ его знаетъ, какъ онъ ей приходится...

— Старъ?

— Не то, чтобы гораздо старъ... а ходитъ часто... часто ходитъ..,

— Да, гм! ну, хорошо...

— Вы, баринъ, хошь за хлопоты-то что-нибудь пожалуйте.

— Какъ-же, какъ-же! вотъ я завтра зайду...

— Хоть изъ милости на чаекъ пожалуйте...

— Говорю, завтра дамъ! что-жъ тебѣ еще?

Воробевъ вышелъ на улицу, дошелъ до Пяти Угловъ и остановился.—«А что въ самомъ дѣлѣ», подумалъ онъ «должно быть какая-нибудь швея изъ магазина, петербургская лореточка; а можетъ быть... э! ничего! попытка

не бѣда!.. Пойду-ка прямо къ ней, позвоню и спрошу, не здѣсь-ли живетъ поручикъ... ну, хоть поручикъ Ивановъ; а тамъ что будетъ, то будетъ!»

Спустя нѣсколько минутъ, Воробевъ протягивалъ уже руку, чтобы позвонить у двери сосѣдки.

Между тѣмъ, другой нашъ пріятель, Петръ Иванычъ Ласточкинъ, сидѣлъ спокойно на диванѣ рядышкомъ съ Ольгой Михайловной и цѣловалъ у ней ручку. Въ эту самую минуту въ кухнѣ зазвенѣлъ колокольчикъ.

— Боже мой! кто это? воскликнула Ольга Михайловна, поспѣшно вставая и поправляясь. — Ахъ! спрячьтесь, спрячьтесь скорѣе... сюда, сюда!

И, не дожидаясь отвѣта, она втолкнула смущеннаго Петра Иваныча въ сосѣднюю комнату. Въ комнатѣ было совершенно темно.

Ласточкинъ затесался въ самый уголъ. Онъ былъ ни живъ, ни мертвъ. Ольга Михайловна вбѣжала въ кухню. Воробевъ вырвался изъ рукъ кухарки и бросился къ ней.

— Извините, сударыня!.. Не здѣсь-ли живетъ поручикъ Ивановъ? Ваша кухарка такая...

— Что это вы съ ума сошли? Ступайте отсюда!.. Какой поручикъ... кого вамъ надо?.. Здѣсь нѣтъ никого...

— Послушайте, сударыня, продолжалъ Воробевъ, входя силою въ первую комнату; я давно скрывался... послушайте... вы получили письмо... это я писалъ... ради Бога, послушайте... я васъ люблю... вы это, конечно... не замѣчали... но повѣрьте... я вамъ сейчасъ же все разскажу...

Въ эту минуту кухарка, сломя голову, влетѣла въ комнату и произнесла дрожащимъ голосомъ:

— Барышня... барышня... бѣда... охъ! баринъ идетъ...

— Ахъ! я пропала! сказала Ольга Михайловна, отчаянно всплеснувъ руками.—Это Андрей Андреичъ!.. Что вы надѣлали?.. Бѣгите скорѣй... Нѣтъ, нѣтъ!.. спрячьтесь...

— Какой Андрей Андреичъ?

— Андрей Андреичъ! могла только отвѣчать сосѣдка, вталкивая Воробьева въ комнату къ Ласточкину.

Въ кухнѣ раздался звонокъ.

Ольга Михайловна сѣла въ кресла и взяла гитару.

Минуту спустя вошелъ, или, лучше сказать, ввалился толстый господинъ въ очкахъ и въ шубѣ.

— Здравствуй, Оля, произнесъ онъ. — Ты меня, душенька, небось, не ждала сегодня?.. Я и самъ-то не думалъ тебя видѣть; да жена въ театръ вишь уѣхала, такъ мнѣ одному-то скучненько стало... Ну, какъ тебя... давай же скорѣй чаю... эй, Мавра! а, Мавра!.. Что это? вымолвилъ толстякъ, указывая на шляпу Ласточкина, которую второпяхъ забыла спрятать Ольга Михайловна.— Чья это шляпа?.. Да у тебя кто-то здѣсь есть? а?..

— Нѣтъ, Андрей Андреичъ... право, никого нѣту! отвѣчала сквозь слезы трепещущая Ольга Михайловна.

— Какъ никого нѣтъ?.. А вотъ мы сейчасъ узнаемъ... Гей ты, каналья!.. свѣчку сюда!.. свѣчку!..

Толстякъ, недождавшись огня, бросился въ комнату, гдѣ сидѣли пріятели.

— Кто здѣсь? крикнулъ онъ, стукая палкою объ полъ:—кто здѣсь?..

Воробьевъ опустился наземь и легъ въ растяжку; Ласточкинъ обмеръ. Оба они узнали знакомый имъ голосъ.

— Кто здѣсь, спрашиваю я? продолжалъ Андрей Андреичъ, горячась болѣе и болѣе.

У Ласточкина зарябило въ глазахъ. Онъ отшатнулся отъ стѣны, подошелъ на цыпочкахъ къ Андрею Андреичу, наклонился къ нему на ухо и произнесъ едва внятнымъ голосомъ;

— Андрей Андреичъ... это я... это я-съ, Андрей Андреичъ!..

Бѣдняжка думалъ смягчить начальника признаніемъ.

Внесли свѣчку.

— А! вымолвилъ Андрей Андреичъ:—такъ это вы?.. Ну, хорошо... И подъ столомъ еще одинъ... А! такъ это вы, господа?.. Вылѣзайте, Воробевъ... что же вы лежите?..

— Я, право, Андрей Андреичъ... нечаянно зашелъ... думалъ...

— Ну, хорошо... мы это послѣ разберемъ... послѣ... я съ вами раздѣлаюсь...

Сказавъ это, Андрей Андреичъ вышелъ изъ комнаты,

не удостоивъ даже мимоходомъ бросить взглядъ на Ольгу Михайловну, лежавшую безъ чувствъ на диванѣ; слышно только было на кухнѣ что-то въ родѣ оплеухи и вслѣдъ затѣмъ вопль Мавры.

Эпилогъ.

Сказываютъ, будто Ласточкинъ, вскорѣ послѣ этого происшествія, отыскалъ себѣ новое жилище и долго не пускалъ къ себѣ Воробева; поговариваютъ даже, будто они перешли въ другое вѣдомство, гдѣ, впрочемъ, повезло имъ несравненно лучше прежняго.

ЛОТЕРЕЙНЫЙ БАЛЪ.

Въ Петербургѣ (не говоря уже о другихъ городахъ Россіи) съ наступленіемъ 17-го сентября происходитъ несравненно болѣе движенія, нежели въ остальные обыкновенные дни.

Кареты безпрерывно сталкиваются у входа магазиновъ; особы разнаго рода и даже лица, вовсе неимѣющія въ себѣ ничего особеннаго, выходятъ большею частью изъ кондитерскихъ, неся подъ мышкою узлы и корзины; модныя и игрушечныя лавки опустошаются; въ залахъ Англійскаго магазина и à la repottée нѣтъ рѣшительно прохода; въ милютиныхъ — давка и тѣснота; не только на улицахъ, но и въ каждомъ почти домѣ движеніе на этотъ разъ возрастаетъ съ неимовѣрною силою. Тутъ натираютъ паркетъ; тамъ, противъ обыкновенія, привѣшиваютъ гардины; въ другомъ мѣстѣ, также вопреки установленному порядку, сальныя свѣчи замѣняются стеариновыми; въ третьемъ, къ обычнымъ двумъ или тремъ ломбернымъ столамъ, разставляемымъ, съ нѣмецкою акуратностью, каждый вечеръ, присоединяютъ еще два или три; словомъ, подъ каждою почти кровлею происходитъ бѣготня, суматоха, преобразованіе...

Вамъ, можетъ-быть, покажется весьма страннымъ, почему именно все это дѣлается 17-го сентября. Помилуйте! да какъ же можетъ быть иначе? сами посудите: у того

жена — Софья, у другого двѣ дочери — Вѣра и Любовь; у третьяго сестра—Надежда; у четвертаго свояченица — Агаѳоклея (къ счастью, это случается всего рѣже), и наконецъ, пятаго судьба надѣлила всѣми вмѣстѣ — Вѣрою, Любовью, Надеждою, Агаѳоклеею и Софьею: какъ же можетъ быть иначе?.. Но вся эта кутерьма, относительно говоря, ничего не можетъ значить въ сравненіи съ тою, которая происходила въ этотъ день, прошлаго года, на Петербургской сторонѣ, въ домѣ коллежскаго секретаря Ѳомы Ѳомича Крутобрюшкова.

Представьте: судьба, эта судьба, не обращающая даже рѣшительно никакого вниманія на чины, а слѣдовательно и соотвѣтствующее имъ жалованье, надѣлила его женою и тремя дочерьми. Предвидя горестное свое положеніе и издержки, которыя навлекутъ ему ежегодныя празднованія дочернихъ имянинъ (ибо это по сю пору считается у насъ священнѣйшимъ долгомъ), Ѳома Ѳомичъ далъ дѣтямъ своимъ имена святыхъ, празднуемыхъ въ одинъ и тотъ же день.

Впрочемъ, такъ поступаютъ люди и не находившіеся въ положеніи Крутобрюшкова; я даже увѣренъ, что цѣль ихъ въ такомъ случаѣ заключаетъ въ себѣ болѣе экономическую идею, нежели удовольствіе изображать семейство аллегорически, то-есть крестомъ, якоремъ и пылающимъ сердцемъ.

Имянины не произвели бы въ домѣ Ѳомы Ѳомича особеннаго переворота, и отпраздновались бы по обыкновенію, тихо и скромно, еслибъ почтенному чиновнику не пришло въ голову, мѣсяца за два до описываемаго нами событія, затѣять лотерею. Разумѣется, идея эта, равно какъ и всякая другая, родилась въ головѣ коллежскаго секретаря не слѣдствіемъ мышленія, а случайно; вотъ какимъ образомъ это было:

Старшій братъ его, содержавшій между третьею и четвертою линіями Васильевскаго острова лавочку, гдѣ продавались разныя старинныя вещи, какъ-то: мебель, жесть, картины и книги, умеръ вдругъ скоропостижно, оставивъ ему по завѣщанію все свое имущество. Ѳома Ѳомичъ имѣлъ столько твердости характера, что. несмотря на

грусть, тяготившую его душу, на другой же день послѣ горестнаго событія приступилъ къ распродажѣ полученнаго наслѣдства. Однако нѣкоторыя вещи были пощажены; Ѳома Ѳомичъ, наслышавшійся отъ добрыхъ людей о необыкновенныхъ выгодахъ дѣлать лотереи, положилъ ими воспользоваться и испытать счастіе. Дѣйствительно, не прошло одного мѣсяца, какъ совѣты пріятелей оказались основательными и осуществили мечты его даже сверхъ ожиданія. Билеты разбирались съ неимовѣрною быстротою.

Не взирая на то, что большая часть билетовъ была уже взята, Крутобрюшковъ безъ сомнѣнія отложилъ бы розыгрышъ до другого раза, продолжая дѣйствовать такимъ образомъ до безконечности, какъ это дѣлаютъ весьма многіе, даже весьма почтенные люди, еслибъ одно важное обстоятельство не препятствовало ему въ этомъ.

Случилось какъ-то Ѳомѣ Ѳомичу сѣсть въ департаментѣ подлѣ совѣтника, Александра Петровича Цвиркуляева; совѣтникъ, сохранявшій во всѣхъ случаяхъ жизни необыкновенную важность, неизвѣстно почему, на этотъ разъ не могъ скрыть хорошаго своего расположенія и былъ чрезвычайно въ духѣ.

Движимый какимъ-то необыкновеннымъ чувствомъ умиленія, рождающимся у каждаго, которому удастся сѣсть подлѣ старшаго въ добрый часъ, Крутобрюшковъ не могъ утерпѣть, чтобы не сообщить ему свое намѣреніе. Александръ Петровичъ, желая показать себя вполнѣ снисходительнымъ начальникомъ, не только одобрилъ предпріятіе подчиненнаго, но даже взялъ два билета, тутъ же обѣщавъ присутствовать при розыгрышѣ.

Какъ видите, не было возможности отложить лотереи, и Ѳома Ѳомичъ, въ избѣжаніе лишнихъ издержекъ, назначилъ розыгрышъ въ день имянинъ жены и дочекъ.

Но прежде нежели приступимъ къ описанію приготовленій для вечера, слѣдуетъ короче познакомить читателя съ лицами, розыгрывающими на немъ главную роль.

Ѳома Ѳомичъ Крутобрюшковъ — человѣкъ небольшого роста, довольно толстый, съ необыкновенно-краснымъ лицомъ и гладкою лысиною. Въ наружности его нѣтъ ни-

чего особенно-замѣчательнаго, развѣ только то, что онъ совершенно лишенъ бровей, отчего лицо его принимаетъ какое-то сладко-медовое, временами даже приторное выраженіе. Онъ чрезвычайно богомоленъ, исправенъ къ службѣ, въ которой состоитъ уже тридцать лѣтъ, хорошій отецъ семейства, плохо знаетъ грамотѣ и необыкновенно склоненъ къ спекуляціи. Супруга его (Софья Ивановна) средней полноты женщина, совершенный pendant мужу, за исключеніемъ бровей, которыя у ней какъ нарочно чрезвычайно густы и черны. Сосѣдки увѣряютъ, будто она большая сплетница, но я приписываю это мнѣніе болѣе зависти, возбужденной тѣмъ, что Софья Ивановна кума одного гарнизоннаго майора, нежели справедливости. Г-жа Крутобрюшкова чрезвычайно горячая женщина и часто употребляетъ во зло дарованныя ей отъ природы физическія силы (въ этомъ сознается иногда и самъ Ѳома Ѳомичъ). Дочерей держитъ она въ ежовыхъ рукавицахъ, управляетъ рѣшительно всѣмъ домомъ и стряпаетъ на кухнѣ, когда къ обѣду назначена кулебяка — блюдо, прославившее ее въ околоткѣ. Одна изъ отличительныхъ чертъ Софьи Ивановны — память; въ этомъ отношеніи она до того счастлива, что помнитъ наизусть весь календарь; спросите вы у ней хоть день Мамельфы, Евпсихія и Евтихія, и она тотчасъ же безошибочно отвѣтитъ намъ, въ какія именно дни празднуются Мамельфа, Евтихій и Евпсихій. Софья Ивановна большая охотница приглашать гостей; иную зоветъ на чай, другую на ватрушку, третью на яичницу, хотя обыкновенно, по истеченіи визита, ругаетъ ихъ наповалъ и увѣряетъ, что ее объѣдаютъ, по московской привычкѣ хлѣбосольства. Все это не мѣшаетъ однако г-жѣ Крутобрюшковой быть весьма хорошею хозяйкою и доброю супругою. Что жъ касается до дочерей Ѳомы Ѳомича, одно казанское стихотвореніе избавитъ насъ отъ описанія ихъ наружности:

. . . . . .

Одна изъ нихъ, Вѣра, брюнетка;
Другая, Любинька, кокетка,
А третья, Наденька, блондинъ;
Всѣхъ лучше же изъ нихъ блондинъ!

И дѣйствительно, Наденька, младшая дочь почтеннаго чиновника, отличается отъ сестеръ довольно хорошенькимъ личикомъ, возбуждающимъ зависть Вѣры и Любви. Любочка, старшая изъ нихъ, перешла уже за предѣлы невѣсты; ей около двацати-семи лѣтъ; но это обстоятельство еще болѣе возбуждаетъ въ ней желаніе нравиться и кокетничать. Съ нею случалось много романическихъ приключеній, между которыми одно достойно быть поименовано. Она влюбилась разъ въ какого-то коллежскаго регистратора, посѣщавшаго довольно часто ихъ домъ; регистраторъ подавалъ большія надежды сдѣлаться ея супругомъ; но потомъ оказалось, что онъ дѣлалъ это только такъ, для препровожденія времени, въ особенности послѣ того, какъ онъ женился на купчихѣ. Любовь Ѳоминишна, въ порывѣ отчаянія и ревности, хотѣла сначала броситься въ Малую Невку, но, къ счастью, ограничилась отправленіемъ къ измѣннику письма слѣдующаго содержанія:

«Стыдитесь што вы меня обманули, не только передъ вами и передъ Богомъ честь моя дорога, Богъ накажитъ васъ какъ вы могли это сдѣлать... Ахъ несносно, за добро слышать зло, я записку вашу прочитала и въ обморокъ упала легче бы вы испесталета убили меня я не мучилась бы... ахъ, ахъ я страдаю отвасъ съ добростью души Богъ накажитъ жестоко меня обижать Богъ стабой умираю аттаски ахъ ахъ злодѣй...»

Изливъ, такимъ образомъ, свое отчаяніе, Любовь Ѳоминишна, какъ-бы въ отомщеніе вѣроломному любовнику, стала безъ разбора кокетничать со всѣми его пріятелями; но такъ какъ ни одинъ изъ нихъ не примѣчалъ ея авансовъ, то по сію еще пору она находится въ дѣвическомъ званіи.

Вѣрочка совершенная противоположность сестры; она чрезвычайно застѣнчива и сентиментальна. Чувствительность у нея также доходитъ до высшей степени. Бьетъ-ли на дворѣ пѣтухъ курицу—она плачетъ; не удастся ей продѣть нитку въ иголочную скважинку—опять плачетъ; случится ли ей уронить тарелку или разорвать фартукъ—новыя слезы; словомъ, она готова плакать во всякое время и во всякій часъ. У Вѣрочки подъ головами всегда

хранится какой-нибудь мрачный романъ въ родѣ: «Любовь негра или черный, какихъ мало бѣлыхъ», или тому подобная книга. Любочка находитъ неизъяснимое наслажденіе дразнить Вѣрочку, называя ее «зюзей». Наденька совершенный ребенокъ и безпрерывно поетъ: «Вдругъ взбрунтило фортепьяно,—ууу—летай тоска моя!» и т. д.

Всѣ три безъ исключенія страстныя охотницы наряжаться и гулять по гостиному двору.

Чтобы дополнить картину семейнаго счастія коллежскаго секретаря, необходимо познакомить читателя съ Савишной, состоящей у него (выраженіе чисто департаментское) въ должности кухарки. Савишна, какъ и всѣ русскія бабы, занимающіяся кухмистерскимъ искусствомъ, не можетъ похвастать лишнею чистоплотностью. Особенною смѣтливостью также не обладаетъ, ибо только что привезена изъ Калуги, мѣста ея рожденія. Савишна терпѣть не можетъ стирать пыль; она никакъ даже не можетъ понять, къ чему это дѣлается, и говоритъ, когда принуждаетъ ее къ тому Софья Ивановна: «Чтобъ тебѣ лопнуть... право! да ты хоть стирай ее сколько хошь, а завтра же набѣжитъ ее, окаянной, вдвое больше». Любовь, Вѣру и Наденьку называетъ она молоденькими барышнями и въ свободное время гадаетъ имъ довольно удачно въ карты.

17-го сентября семейство коллежскаго секретаря поднялось несравненно ранѣе обыкновеннаго. Послѣ обычныхъ поздравленій и послѣ того, какъ Савишна поднесла Софьѣ Ивановнѣ двухъ-съ-полтинный крендель, оно расположилось вокругъ кипящаго самовара и принялось пить чай.

— Ну, матушка, вотъ и добрались мы до твоихъ имянинъ, сказалъ Ѳома Ѳомичъ, хлебнувъ чаю. Ну что, Надя (она была его любимица), а чай, ты рада, что сегодня будутъ гости? да ужъ, я думаю, и всѣмъ-то вамъ цѣлыя двѣ недѣли только и мерещилось, а?...

— Поговоримъ-ка лучше о дѣлѣ, отвѣчала серьезнымъ тономъ Софья Ивановна:—вѣдь шутка ли, я думаю, сколько народу наберется... куда-то мы ихъ помѣстимъ, подумай хорошенько... всего двѣ комнаты...

— Что жъ дѣлать!.. кромѣ своихъ должны пріѣхать и тѣ, которые взяли билеты на лотерею... я и самъ думалъ, что квартирка-то будетъ малешенька, ну, да авось не всѣ будутъ...

— Какъ бы не такъ! Эхъ ты, простофиля, простофиля! не знаешь развѣ, что они только и ждутъ, какъ бы поѣсть да попить на чужой счетъ.

— Оно все такъ, Софья Ивановна, ну да, авось, Богъ дастъ, какой-нибудь... Постой! надо посмотрѣть, сколько еще остается невзятыхъ билетовъ.

Сказавъ это, Ѳома Ѳомичъ подбѣжалъ къ комоду, открылъ его и вынулъ изъ второго ящика снизу листъ бумаги, на которомъ были означены выигрыши и нумера. Онъ зналъ списокъ наизусть давнымъ-давно, равно какъ и всѣ члены семейства, но дѣлалъ это потому, что находилъ большое удовольствіе любоваться имъ, во-первыхъ, какъ собственною своею «придумочкою», а во-вторыхъ, какъ порукою за изрядное количество цѣлковыхъ.

Вотъ что въ сотый разъ прочелъ коллежскій секретарь:

«Разыгрывается дружеская лотерея, съ баломъ, музыкою, танцами и ужиномъ и разными забавами. Предметы:

«1. Кольцо брилліантовое.

«2. Часы серебряные англійскіе.

«3. Золотая цѣпочка съ ключикомъ.

«4. Фортепіаны обоктавахъ.

«5. Большая пенковая трубка въ серебряной оправѣ и большой власиной чубукъ.

«6. Ящикъ изъ Италіи, съ дамскими вещами, какъ-то: ножницы, наперстокъ, игольникъ, продивательная иголка, двѣ перломутровыя мотовки и зеркаломъ. Цѣна билету одинъ рубль серебромъ».

Внизу, гдѣ означены были нумера, знакомые и пріятели Ѳомы Ѳомича росписались каждый противъ избраннаго имъ билета. Маленькіе крестики, наставленные акуратнымъ хозяиномъ съ лѣвой стороны нѣкоторыхъ билетовъ, означали, что они взяты за наличныя деньги, словомъ, все было какъ слѣдуетъ. Одно только въ спискѣ

могло показаться страннымъ человѣку, чуждому мелкаго чиновничьяго круга,—то, что большая часть чиновниковъ не выставили на немъ своихъ фамилій, но вмѣсто ихъ листъ испещренъ разными аллегорическими надписями; напримѣръ, противъ восьмого нумера было написано: «счастливецъ»; въ другомъ мѣстѣ, вѣроятно какой-нибудь забавникъ, или такъ называемый «душа департаментскаго общества», довольно тщательно вырисовалъ: «адье монъ шеръ ами»; въ третьемъ фамилія была замѣнена, неизвѣстно по какимъ причинамъ, слѣдующими словами: «мое почтеніе», и т. д.

Ѳома Ѳомичъ, казалось, былъ чрезвычайно доволенъ такими любезностями и продолжалъ читать: «Конецъ сихъ билетовъ, коллежскій секретарь Ѳома Крутобрюшковъ, 1844-го года, августа 17-го».

— Одинъ только Михайло Михайловичъ Желчный не взялъ билета, сказалъ онъ, окончивъ чтеніе. — «Нѣтъ, говоритъ, знаемъ мы эти лотереи, да и притомъ сколько ни бралъ билетовъ, никогда не выигрывалъ, такъ ужъ и закаялся». Скряга, знаетъ только таскаться по гостямъ да наушничать.

— Ужъ я его когда-нибудь да отдѣлаю по своему... перечти-ка, кто да кто будетъ, вѣдь надо приготовить кое-что...

— Будетъ, во-первыхъ, Александръ Петровичъ Цвиркуляевъ, совѣтникъ нашъ... онъ взялъ два билета... Пожалуйста, Люба, не забудь ему первому подавать яблочки, закуску и все, что ни есть... да и всѣ-то вы старайтесь какъ можно болѣе угождать ему... Потомъ будетъ еще Вакхъ Онуфріевичъ...

— Ахъ, Ѳоша, онъ и у насъ напьется, пожалуй, какъ на крестинахъ у Ивана Ивановича Масляникова.

— Ну, во избѣжаніе этого, распорядись такъ, чтобы каждому пришлось не болѣе одного «пунштика»... Еще пріѣдутъ: Меѳодій Карпычъ, коллежскій ассесоръ, Акула Герасимовичъ Ершовъ, экзекуторъ, кума Арина Петровна—ну да это своя,—Сила Мамонтовичъ съ супругою... Иванъ Ивановичъ Масляниковъ...

— Да самъ ты посуди, Ѳома Ѳомичъ, ну, чѣмъ мы

ихъ накормимъ? шутка-ли, почти весь департаментъ... самъ посуди...

— Нельзя иначе, матушка; вѣдь за то лотерея, не даромъ же ихъ угощаемъ... Будутъ еще: Волосковъ, помощникъ столоначальника, Владимірь Макаровичъ Семяничкинъ съ супругою... Наталья Кузьминишна... я бишь и позабылъ Ивана Ивановича Елкина... прекрасный молодой человѣкъ, на хорошемъ счету у начальства, жалованье-то такое, что... вотъ женихъ Любочкѣ...

— Ну ужъ, хорошъ вашъ Елкинъ, отвѣчала отрывисто и грубо старшая дочь Крутобрюшкова:—да я лучше повѣшусь, чѣмъ пойду за такого елистратишку...

— На тебя никакъ не угодишь! и чѣмъ Елкинъ не женихъ тебѣ? право, не понимаю! Чтобы только не измѣнилъ Аполлонъ Игнатьевичъ; онъ обѣщался непремѣнно пріѣхать побрянчать на фортепіанахъ; да Богъ его знаетъ, неравно намъ на бѣду выпьетъ, такъ и поминай какъ звали... Ну, смотрите-же, дѣти, продолжалъ Ѳома Ѳомичъ:—ради Христа, будьте обходительнѣе съ гостями, въ особенности съ нашимъ совѣтникомъ; человѣкъ онъ старшій, можетъ при случаѣ оказать покровительство.

— Да, есть чѣмъ намъ взять, сказала Любочка, толкнувъ чашку:—хоть бы сшили намъ новыя палтья, а то какъ какія-нибудь салопницы...

— Что такое? мать хуже тебя, что-ли, а? сказывай? хуже тебя мать, что въ старомъ капотѣ ходитъ да переворачиваетъ его каждые два года... хуже тебя сестра-то, что ли, а?.. произнесла вдругъ Софья Ивановна, подступая къ дочери.

— Полно... Сонюшка... оставь ее... и для такого дня... сказалъ Ѳома Ѳомичъ, удерживая длань супруги, готовившуюся опуститься на дочернія плечи (мы уже говорили, что Софья Ивановна любила прибѣгать къ сильнымъ мѣрамъ).

— Нѣтъ, нѣтъ, хуже тебя мать, что ли?..

— Да что вы въ самомъ дѣлѣ раскричались! завопила Любочка: — пусть онѣ себѣ, дуры, слушаются васъ, а я и знать-то не хочу!

— Ги, ги, ги... жалобно запищала Вѣрочка: — какъ она смѣетъ называть насъ дурами...

Любовь Ѳоминишна вышла въ другую комнату, сильно хлопнувъ дверью. Вскорѣ послышался ужасный вой, который какъ бы мгновенно водворилъ спокойствіе въ остальныхъ членахъ семейства. Софья Ивановна, привыкнувшая къ подобнымъ сценамъ, налила себѣ новую чашку чая; Вѣрочка перестала хныкать; Ѳома Ѳомичъ развалился на диванѣ.

— Ну, мать моя, сказалъ онъ: — ты ужъ тамъ распорядись, какъ знаешь, на счетъ покупокъ, а я покуда съ дѣтьми приберу все къ мѣсту, нельзя же такъ оставить. Вотъ тебѣ двѣ красненькія, продолжалъ супругъ, вынимая деньги изъ кожанаго замаслянаго бумажника:— больше, право, не могу...

— Я думаю, будетъ довольно... да, бишь, не лучше ли записать, что надо купить, неравно позабуду... встань же: что ты развалился? время ли отдыхать...

Ѳома Ѳомичъ всталъ, придвинулъ къ себѣ баночку съ чернилами и началъ писать подъ диктовку:

— Полфунта чаю, бутылку рома, два фунта винныхъ ягодъ и пастилокъ, Надѣ башмаки, пять лимоновъ, стеариновыхъ свѣчъ восемь штукъ...

— Маменька, купите пожалуйста помады, только розовой,—перебила Наденька.

— Да... ну, запиши: помады розовой, шнурокъ черный, двѣ желтыя ленты, восемь фунтовъ телятины...

— Этакъ ты, пожалуй, весь Петербургъ вздумаешь закупить... Помилуй, Софья Ивановна, да и денегъ не хватитъ... на что примѣрно телятина, на кой чортъ телятина?..

— Ужъ ты сдѣлай такую милость, не мѣшайся не въ свое дѣло, а знай только пиши.

— Ей-Богу, Софья Ивановна, телятина совершенно лишнее... а вотъ по-моему купи лучше икорки, свѣжей, хорошей икорки... это будетъ лучше да и дешевле...

— Ну, хорошо, хорошо, запиши...

— Икорки... Ну, теперь, кажется, все... съ Богомъ,

а мы займемся дѣломъ; пора! скоро уже десять часовъ, а еще ничего не готово.

Софья Ивановна надѣла салопъ, завязала въ платокъ списокъ и ассигнаціи и, сопровождаемая Савишною, вскорѣ отправилась на ванькѣ въ городъ.

Трудъ, предпринятый почтеннымъ отцомъ семейства, былъ тѣмъ болѣе тяжелъ, что самое расположеніе квартиры было весьма неудобно. Во-первыхъ, она имѣла общій недостатокъ всѣхъ петербургскихъ, а именно начиналась кухней; изъ кухни тянулся узенькій коридоръ, дѣлавшійся рѣшительно непроходимымъ чрезъ двухспальную постель обоихъ супруговъ, которую не было никакой возможности помѣстить въ другое мѣсто, такъ что попасть въ слѣдующую за коридоромъ комнату можно было не иначе, какъ пробравшись бочкомъ или, если кому излишняя дородность не позволяла это сдѣлать, перескочивъ чрезъ нее; впрочемъ, при дородности и этотъ способъ не могъ быть употребленъ въ дѣйствіе. За коридоромъ находились двѣ комнаты; первая изъ нихъ служила гостиною и залою, вторая спальнею Вѣрочки, Наденьки и Любочки.

Ѳома Ѳомичъ, не взирая на всѣ затрудненія, не падалъ однако духомъ (таково было его обыкновеніе). Посреди первой комнаты поставилъ онъ фортепьяны, какъ главный предметъ и выигрышъ лотереи; на нихъ весьма красиво лежали остальные выигрыши, между которыми отличались: ящикъ изъ Италіи и баснословной величины пенковая трубка, горделиво возвышавшаяся на пестрой тарелкѣ. Кругомъ были разставлены стулья и два дивана, обитые хотя старенькой, но красивенькой клеенкой; стѣны сѣро-молочнаго цвѣта пестрѣли картинами, между которыми портретъ директора департамента, гдѣ служилъ Крутобрюшковъ (необходимая принадлежность каждаго «ищущаго» чиновника), и какой-то ландшафтъ, писанный масляными красками и почернѣвшій до того, что едва можно было различить на немъ небо отъ земли, были болѣе другихъ достойны вниманія. Противъ одного изъ диванов, Ѳома Ѳомичъ поставилъ круглый столикъ, купленный имъ въ старые годы по оказіи. Стѣнные часы

остались на старомъ мѣстѣ подлѣ окна. Убранство второй комнаты требовало еще большихъ хлопотъ; Любочка рѣшительно отказывалась сдвинуться съ мѣста, несмотря на увѣщанія отца и Вѣрочкины слезы. Наконецъ, коекакъ уговорили ее, и спальня трехъ дѣвушекъ приняла также довольно-благообразный видъ. Она была назначена для играющихъ въ карты.

Ѳома Ѳомичъ и дочери его не успѣли еще совершенно устроиться, какъ въ комнату вошла кума Арина Петровна съ изрядной величины кренделемъ (общепринятымъ приношеніемъ кухарокъ, кумушекъ, старушекъ, которымъ оказали какое-нибудь пособіе, и ключницъ).

— Здравствуй, Ѳома Ѳомичъ, здравствуйте, дѣвушки, сказала она, ставя свою ношу на столикъ: — поздравляю васъ всѣхъ отъ чистаго сердца, дай вамъ Господь Богъ (тутъ она перекрестилась) всякаго счастія благополучія, да хорошихъ женишковъ, (Арина Петровна поочередно поцѣловала дѣвушекъ). Ну, а гдѣ же жена-то твоя? сказала она, перемѣнивъ вдругъ интонацію:—я чай, за покупками, да за хлопотами; дай ей Богъ дешево отдѣлаться, рыбка нынче стала куда какъ дорога; проклятые купчишки дерутъ безъ всякой совѣсти; — послѣднія слова проговорила она чрезвычайно быстро.

— Да, ужъ нечего говорить, матушка, стоитъ мнѣ на порядкахъ вся эта кутерьма, сказалъ Ѳома Ѳомичъ, нѣсколько недовольный неумѣстнымъ посѣщеніемъ кумы, а главное извѣстіемъ о дороговизнѣ провизіи.—Благодарю покорно, что не забыли и зашли навѣстить насъ...

— Какое забыть! я вотъ и кренделекъ принесла вамъ; думаю себѣ: авось пригодится, взяла да и купила... чай, много гостей будетъ у васъ вечеромъ?

— Да, матушка Арина Петровна, не мало... не мало... присядьте же, что жъ вы стоите...

— Нѣтъ, благодарствуй, я только такъ на минуточку забѣжала, чтобы поздравить васъ... знаю, и безъ меня много вамъ хлопотъ... а вотъ вечеркомъ такъ приду...

— Непремѣнно... мы васъ ожидаемъ...

Послѣ новыхъ лобызаній, Арина Петровна вышла, сопровождаемая крестницею (Наденькою), и семейство

Крутобрюшкова снова принялось за работу. Все уже было готово, когда возвратилась Софья Ивановна, увѣшанная узлами и кулечками; окинувъ взоромъ комнаты, она осталась весьма довольна ихъ видомъ; одно только смущало ее—это двухспальная постель, такъ неумѣстно раздвинувшаяся поперекъ коридора. Пообѣдавъ наскоро, какъ говорятъ, чѣмъ Богъ послалъ, семейство коллежскаго секретаря приступило къ собственному своему преобразованію.

Въ восьмомъ часу лѣстница Крутобрюшковыхъ освѣтилась сальными огарками, тщательно сберегаемыми экономною хозяйкою дома. Огарки эти были весьма искусно вставлены въ огромныя рѣпы, посреди которыхъ самъ Ѳома Ѳомичъ просверлилъ дыры, на подъѣздѣ горѣли двѣ плошки; въ комнатахъ на каждомъ почти столѣ возвышались на высокихъ подсвѣчникахъ стеариновыя свѣчи; судя по иллюминаціи, балъ обѣщалъ быть великолѣпнымъ.

Ѳома Ѳомичъ, въ бѣломъ галстукѣ и новомъ вицъ-мундирѣ, бѣгалъ изъ одной комнаты въ другую, безпрерывно поправляя то какую-нибудь мебель, то свѣчку, плохо повинующуюся дрожащимъ его пальцамъ (Ѳома Ѳомичъ былъ въ сильномъ волненіи); то наконецъ обращался къ дочерямъ, умоляя ихъ окончить какъ можно скорѣе туалетъ.

Софья Ивановна уже давно была на кухнѣ; стараніями заботливой хозяйки воздвигнулись на тарелкахъ груды винныхъ ягодъ, пастилокъ, крымскихъ яблокъ (принадлежность всякаго рода баловъ, вечеровъ и пикниковъ), разрѣзанныхъ пополамъ; бутерброды также занимали не послѣднее мѣсто. Шеренги стакановъ, покуда пустыхъ, вытягивались на комодѣ кухни, готовые принять въ свою пустоту тотъ благотворный нектаръ, который чиновникъ окрестилъ названіемъ «пунштика». Несмотря на такого рода занятія, Софья Ивановна находила время присматривать за Савишной, мѣсившей на сундукѣ кулебяку (столы всѣ до единаго были заняты).

— Ну, смотри же, Савишна, сказала Софья Ивановна:—дѣлай такъ, какъ я себѣ сказывала: гостямъ мужескаго пола подавай пунштъ, а женщинамъ чай; да не

забудь: не наливать по второму стакану, пока сама не скажу... Эхъ! кулебяку-то не поджарь...

— Слушаюсъ-съ, Софья Ивановна, не обмолвлюсь...

— То-то же, да нарѣжь ее... Нѣтъ, нѣтъ, я сама это сдѣлаю... ты только знай подавай, когда я прикажу.

— Слушаю-съ, Софья Ивановна... Нешто гостевъ-то много буде?..

— Да, да, чортъ бы ихъ взялъ, прости Господи,— не мало...

— Что же это они не ѣдутъ, Софья Ивановна? произнесъ Ѳома Ѳомичъ, входя на кухню: — скоро девятый часъ...

— Успѣютъ еще... ну, а что Люба, Надя, готовы? я чай, время бы примазаться...

— Нѣтъ еще, я не мало говорилъ имъ! вотъ застанутъ васъ гости; а онѣ то косыночку, то булавочку... просто бѣда мнѣ съ ними да и только.

— Постой, вотъ я ихъ потороплю!

Сказавъ это, Софья Ивановна направилась въ гостиную, гдѣ имянинницы снаряжались къ балу.

— Что, скоро ли вы? Люба! долго ли ты станешь еще жеманиться передъ зеркаломъ?

— Господи! и одѣться-то не дадутъ! салопницами, вы хотите, чтобы мы показались, что ли?.. ужъ безъ того Богъ знаетъ на что похожи...

— А вотъ, поговори-ка у меня еще...

Въ эту самую минуту въ кухнѣ послышался шумъ и Софья Ивановна, не докончивъ рѣчи, опрометью бросилась въ коридоръ. Вѣра, Люба и Надя въ одну секунду спрятали подъ диванъ помаду, зеркальце, гребни, и стали, какъ ни въ чемъ не бывало, у дверей. Когда хозяйка дома вошла въ кухню, Ѳома Ѳомичъ снималъ уже лисій салопъ съ плечъ Натальи Васильевны Семяничкиной, пріѣхавшей съ мужемъ и двумя дочерьми, Анфисою и Ашинькой.

— Здравствуйте, любезнѣйшая Софья Ивановна, сказала Семяничкина, страстная охотница разыгрывать роль свѣтской женщины:—вотъ и мы къ вамъ! Поздравляю съ имянинами и имянинницами... дѣтокъ своихъ привезла.

— Да-съ, и своихъ дѣтокъ привезли къ вамъ, робко произнесъ Владиміръ Марковичъ Семяничкинъ.

— Ахъ! сколько, я думаю, вамъ хлопотъ, милая Софья Ивановна, чтобы успѣть приготовить все для такого множества гостей...

— Да-съ, жена говорила-съ... снова пробормоталъ Семяничкинъ.

— Пожалуйте въ комнату... Наталья Васильевна... Владиміръ Макаровичъ... Анфиса Владиміровна... прошу покорно...

— Владиміръ Макаровичъ, прошу покорно, сказалъ Ѳома Ѳомичъ, приглашая гостя рукою.

Семейство Семяничкиныхъ тронулось. Впереди всѣхъ выступала Наталья Васильевна, разодѣтая, какъ говорится, въ пухъ, въ желтыхъ лентахъ и чрезвычайно похожая въ этомъ нарядѣ на индѣйское божество; позади ея шли обѣ барышни, весьма недурной наружности; шествіе закрывалъ робкій Семяничкинъ, жиденькій, маленькій, желтенькій, въ мѣшковатомъ, какъ-то неловко сидящемъ вицъ-мундирѣ и съ вѣчно-слезившимся лѣвымъ глазомъ. Миновавъ Ѳермопильское ущелье (узкое пространство между стѣною и кроватью), Семяничкины благополучно достигли гостиной, гдѣ ожидали ихъ дочери Крутобрюшкова.

Но едва Софья Ивановна успѣла усадить гостей на диванъ и начать съ ними интересный разговоръ о дороговизнѣ квартиры и ея теплотѣ, удобствахъ и неудобствахъ, какъ въ кухнѣ послышался снова шумъ, и голосъ Ѳомы Ѳомича возвѣстилъ прибытіе новыхъ гостей. Софья Ивановна почла за необходимое поспѣшить къ нимъ на встрѣчу.

На этотъ разъ, взорамъ ея предсталъ бухгалтеръ Сила Мамонтовичъ Бусловъ. Кряхтя и пыхтя, снималъ онъ съ себя лѣтнее пальто (Силѣ Мамонтовичу никогда не было холодно, и потому онъ не считалъ нужнымъ носить въ зимнее время другой одежды); толстые пальцы его, чрезвычайно похожіе на моркови, никакъ не повиновались своему хозяину и, казалось, болѣе и болѣе топырились. Освободившись наконецъ отъ пальто, тучный бухгалтеръ

пожалъ сначала руку Ѳомѣ Ѳомичу и потомъ уже обратился къ Софьѣ Ивановнѣ.

— Радъ душевно, сударыня, имѣть случай лично поздравить васъ съ имянинами, равно какъ и почтеннѣйшаго нашего Ѳому Ѳомича... вотъ и жену привезъ съ собою и дочь... прошу любить и жаловать...

Съ этими словами, онъ отодвинулся въ сторону и представилъ Софьѣ Ивановнѣ худощавую какъ щепку женщину, съ взбитою прическою и до того накрахмаленнымъ платьемъ, что въ случаѣ надобности оно могло служить убѣжищемъ и самому Силѣ Мамонтовичу; съ своей стороны, г-жа Буслова представила дочь, молодую дѣвушку лѣтъ девятнадцати.

Послѣ обычныхъ привѣтствій и лобызаній, дамы отправились въ гостиную, гдѣ запахъ «гвоздичной» сдѣлался еще болѣе ощутителенъ.

— Софья Ивановна, сказала Семяничкина, вставая съ дивана: — я еще не видала выигрышей: что, они всѣ тутъ?

— Всѣ, Наталья Васильевна; посмотрите, какой прекрасный рабочій ящичекъ, просто объяденье, и настоящей французской работы.

— Да, ящичекъ очень хорошенькій... Что бы тебѣ хотѣлось выиграть, Анфиса? продолжала Семяничкина, обращаясь къ дочери, когда вышла хозяйка: —ящикъ для рукодѣлья или фортепьяны? небось фортепьяны-то очень хочется?..

— Нѣтъ, маменька, мнѣ нравится болѣе кольцо брильянтовое.

— А я желала бы лучше выиграть золотую цѣпочку съ ключикомъ, сказала Ашинька.

— А я такъ просто думаю, прибавила Наталья Васильевна въ полголоса:—что намъ ничего не достанется; ужъ вѣрно сами хозяева прибрали себѣ лучшіе билеты... вотъ вы увидите... Владиміръ Макаровичъ, куда же ты забился? сидитъ себѣ въ углу и на выигрыши даже посмотрѣть не хочетъ!

Необходимо здѣсь замѣтить, что г. Семяничкинъ имѣетъ маленькую слабость тотчасъ засыпать, куда бы только

его ни посадили; кромѣ этого, переходъ отъ бдѣнія къ сну у него такъ быстръ, что не успѣешь повернуться, какъ уже онъ закрылъ глаза и испускаетъ маленькій носовой свистъ. Онъ все спалъ, такъ что настоящая жизнь грезилась ему какъ во снѣ.

Голосъ супруги (единственное средство, выводящее Владиміра Макаровича изъ летаргіи) мгновенно пробудилъ его.

— Что-съ... Наталья Васильевна? произнесъ онъ, подходя къ женѣ.

— Ну, а тебѣ что бы хотѣлось выиграть? спросила она:—небось часы?

— Часы, Наталья Васильевна...

— Ну, и отъ фортепьянъ бы не отказался?

— Пѣнковая трубочка больно хороша, Наталья Васильевна...

— Ну, ужъ, нашелъ что сказать! пѣнковая трубка!.. да я и даромъ не возьму ее... а вотъ кабы рабочій ящикъ... ну, это другое дѣло...

— Да, рабочій ящичекъ... лучше...

Щепкообразная жена и дочь Силы Мамонтовича не принимали рѣшительно никакого участія въ лотереѣ и какъ вкопанныя сидѣли на одномъ мѣстѣ.

Вскорѣ, тяжкіе вздохи, раздавшіеся въ коридорѣ, возвѣстили, что толстый бухгалтеръ силится пройти между постелью и стѣною; но къ общему удивленію, онъ не замедлилъ явиться въ гостиную.

Пока почтенный этотъ мужъ, страстный любитель музыки, театровъ и вообще изящнаго, какъ-то: росписныхъ московскихъ табакерокъ, оружія и статуэтокъ, продающихся на улицахъ, распространялся съ дамами объ удовольствіяхъ, доставляемыхъ ему такого рода предметами, квартира Крутобрюшкова наполнилась народомъ.

Одинъ за другимъ появлялись: Вакхъ Онуфріевичъ Петерка, извѣстная уже читателю кума Арина Петровна, состоящій въ должности помощника бухгалтера Аристархъ Виссаріоновичъ, у котораго глаза были необыкновенно похожи на глаза болонки, которую баловница-барыня кормитъ мясомъ, то-есть тонули въ какомъ-то брусничномъ вареньи.

Въ гостиной Ѳомы Ѳомича становилось уже тѣсно, когда явились Иванъ Ивановичъ Масляниковъ съ малолѣтнимъ сыномъ своимъ Ванюшею, Михайло Михайловичъ Желчный, чиновникъ въ отставкѣ, и Аполлонъ Игнатьевичъ, тотъ самый, который долженъ былъ играть на фортепьяно. Особенно появленіе послѣдняго чрезвычайно обрадовало и успокоило Ѳому Ѳомича.

— Ѳома Ѳомичъ! а Ѳома Ѳомичъ! что же, братецъ, скоро-ли лотерея? спросилъ Михайло Михайловичъ Желчный, когда общество поусѣлось.

— Ожидаемъ только Александра Петровича... нашего совѣтника...

— Какъ! и онъ будетъ... Ба! ба! ба!.. да я этого и не зналъ, произнесъ Сила Мамонтовичъ, обтирая потъ, капавшій у него съ носа:—у тебя, какъ я вижу, Ѳома Ѳомичъ, балъ не на шутку...

— Даже Александръ Петровичъ самъ два билета взялъ...

— Какъ! и два билета взялъ? ну, братъ, молодецъ!

— Вѣрно какъ-нибудь да самъ подсунулъ, сказалъ Желчный на ухо Акулѣ Герасимовичу Ершову, состоящему въ должности экзекутора.

— Акула Герасимовичъ, мое вамъ нижайшее почтеніе, произнесъ Ѳома Ѳомичъ, подходя къ нему: — благодарю за посѣщеніе...

— Очень радъ... не стоитъ благодарности...

— Здравствуйте, Иванъ Ивановичъ, продолжалъ Крутобрюшковъ, увидя Масляникова съ Ванюшею:—сколько лѣтъ, сколько зимъ... какъ вы въ своемъ здоровьѣ?

— Вашими молитвами, почтеннѣйшій Ѳома Ѳомичъ.

— Здравствуй, Ваня... да какой онъ у васъ умница...

— Душенька, поцѣлуй же дяденьку, сказалъ Иванъ Ивановичъ, гладя по головкѣ сына.

— А который годокъ?

— Да въ день Фрола и Лавра шестой пошелъ.

— Шестой!.. Зовутъ, Иванъ Ивановичъ... извините... Ѳома Ѳомичъ вышелъ въ коридоръ.

— Тятенька... тятенька... что вотъ это такое? спросилъ Ванюша, показывая на фортепьяно.

— А это музыка, душенька... вотъ что играютъ.

— Музыка... а это что такое, продолжалъ ребенокъ, вскарабкавшись на фортепьяно, и трогая трубку, часы и ящикъ изъ Италіи.

— Не тронь, не тронь, душенька, не равно раскокаешь... это трубка.

— Трубка!

— Скажите, пожалуйста, Иванъ Ивановичъ, какъ здоровье вашей супруги? спросила Софья Ивановна.

— Благодарю покорно, вашими молитвами... надѣюсь, что скоро будетъ всему конецъ.

— Какъ, развѣ она еще не родила?

— Нѣтъ, но на этихъ дняхъ...

— Ѳома Ѳомичъ! Софья Ивановна! что же лотерея? произнесло нѣсколько голосовъ.

— Сію минуту, господа, сію минуту; повремените немного... я думаю, тотчасъ пріѣдетъ Александръ Петровичъ; согласитесь, что безъ него нельзя же...

— Да и не устроено у тебя, кажется, еще ничего насчетъ билетовъ, сказала кума Арина Петровна.

— Все готово, только не ѣдетъ Александръ Петровичъ...

— А кто станетъ вынимать билеты?

— Кто-нибудь, все равно.

— Нѣтъ, Ѳома Ѳомичъ, надобно, чтобы непремѣнно вынималъ ихъ ребенокъ... это вездѣ такъ водится, произнесъ Михайло Михайловичъ Желчный, находившій неизъяснимое удовольствіе ставить всѣхъ въ затруднительное положеніе...

— Да, разумѣется, продолжалъ Сила Мамонтовичъ:— разумѣется, долженъ вынимать билеты ребенокъ... это, такъ сказать, эмблема невинности, ангелъ Божій...

— Въ такомъ случаѣ, Иванъ Ивановичъ одолжитъ намъ своего Ваничку.

— Очень радъ, очень пріятно... Ваня, Ваня, хочешь вынимать лотерею?

— Качу... лотерею...

— Какой миленькій ребенокъ, сказала Наталья Васильевна, подходя къ Масляникову съ дочерьми Крутобрюшкова:—а который годокъ?

— Въ день Фрола и Лавра шестой-съ пошелъ...

— Поцѣлуй меня, душенька, продолжала г-жа Семяничкина.

— Поцѣлуй же тетеньку...

Иванъ Ивановичъ былъ чрезвычайно доволенъ, что гости Ѳомы Ѳомича принимаютъ такое живое участіе въ его сынѣ; онъ посадилъ его къ себѣ на колѣни.

— Ну, что, плутишка, ты кого больше любишь: мамашу или папашу?

— Ма... ма... и папашу.

— Ахъ какой умница! поцѣлуй меня, душенька! какой умный мальчикъ! какъ это сейчасъ видно въ ребенкѣ, что будетъ умницей! произнесли вдругъ въ толпѣ окружившей Ивана Ивановича.

Масляниковъ былъ внѣ себя отъ радости и, чтобъ еще болѣе похвастать передъ гостями остроуміемъ Ванюши, спросилъ его:

— Ну, а кого бы ты хотѣлъ, пузырь ты этакой, чтобы родила маменька, братца или сестрицу?

— Ла... ла... лашадку, бойко отвѣчалъ Ванюша.

Толпа захохотала. Иванъ Ивановичъ, неожидавшій такого отвѣта, сконфузился такъ, что опустилъ сына на полъ и началъ безъ всякой причины шарить у себя въ карманѣ. Въ самую эту минуту въ дверяхъ показался совѣтникъ Александръ Петровичъ Цвиркуляевъ, а вслѣдъ за нимъ и хозяинъ дома. Поклонившись довольно важно, Александръ Петровичъ какимъ-то принужденнымъ тономъ сказалъ Ѳомѣ Ѳомичу:

— Представь же меня твоей женѣ... я хочу съ нею познакомиться.

— Софья Ивановна... Софь... вотъ я... Александръ Петровичъ... и Крутобрюшковъ толкалъ впередъ жену и дочерей.

— Да онѣ у тебя, братецъ, еще молоденькія, произнесъ совѣтникъ съ нѣкоторою нѣжностью, тряся Наденьку безъ церемоніи за подбородокъ... ну, а что же лотерея?

— Сію минуту, Александръ Петровичъ, сію минуту...

Все общество окружило фортепьяно; Михайло Михай-

ловичъ Желчный и экзекуторъ старались болѣе другихъ стать на виду совѣтника.

Ванюша, къ совершенному удовольствію отца, былъ посаженъ на фортепьяно между рабочимъ ящикомъ и пѣнковою трубкою, все еще лежащею на тарелкѣ; съ назначеніемъ вынимать пустыя бумажки или выигрыши. Нумера говорила Анфиса Владиміровна, старшая дочь г-жи Семяничкиной.

Лотерея началась.

Два только лица не приняли участія въ розыгрышѣ лотереи: чувствительная Вѣра Ѳоминишна и Дмитрій Алексѣевичъ Волосковъ, уже съ давнихъ поръ чувствовавшій къ ней непреодолимое влеченіе. Они отошли въ сторону и предались молчанію, прерываемому только тяжкими вздохами: такъ проявлялась у нихъ любовь.

Между тѣмъ, въ другомъ концѣ комнаты, совершенно противоположныя чувства волновали толпу. При каждомъ нумерѣ, вынимаемомъ Анфисою Владиміровною, и въ особенности каждый разъ, какъ маленькій Ванюша развертывалъ бумажку съ выигрышемъ или пустую, она сильно напирала на фортепьяно, томимая ожиданіемъ.

— Нумеръ девятый! произнесла Анфиса Владиміровна.

— Лопнулъ! сказалъ, радостно улыбнувшись, Михайло Михайловичъ.

— Нумеръ пятнадцатый!

— Лопнулъ!

— А! чортъ побери! сказалъ Акула Герасимычъ Ершовъ:—проигралъ! Впрочемъ, я это зналъ навѣрное; еще сегодня говорилъ Михайлу Александровичу Поплевину, что навѣрное проиграю... ужъ такая звѣзда!

— Я докладывалъ вамъ, шепнулъ ему на-ухо Желчный:—что тутъ должна быть фальшъ, непремѣнно фальшъ... вотъ посмотрите, если совѣтникъ что-нибудь да не выиграетъ.

— Нумеръ двадцать-первый!

— Лопнулъ!

— Девяносто-седьмой!

— Лопнулъ!

— Третій!

— Лопнулъ!

— Первый!

Наталья Васильевна обомлѣла. Это былъ ея нумеръ.

Иванъ Ивановичъ, неразлучный съ сыномъ, помогъ ему развернуть бумажку и, видя что-то писанное, прочелъ: «Пѣнковая трубка, въ серебряной оправѣ, и большой власиной...»

— Ну, такъ и знала!.. что̀ бы выиграть рабочій ящикъ... а все Владиміръ Макаровичъ!

Но отвѣта не было; должно быть, г. Семяничкинъ куда-нибудь да прислонился.

Лотерея продолжалась.

— Нумеръ тринадцатый!

— Лопнулъ!

— Пятьдесятъ-шестой!

— Лопнулъ!

— Сотый!

Иванъ Иванычъ прочелъ: «Ящикъ изъ Италіи».

— Какъ, я выигралъ? спросилъ съ самодовольною улыбкою совѣтникъ.—Ну, признаюсь, не ожидалъ...

— Честь имѣемъ поздравить, сказали въ одно время Ершовъ и Желчный.

— Прикажете, Александръ Петровичъ, принести вамъ на домъ, или угодно будетъ самимъ взять выигрышъ?

— Нѣтъ, зачѣмъ же, я лучше самъ возьму его, отвѣчалъ совѣтникъ.

— Я говорилъ, что фальшъ! шепнулъ Михайло Михайловичъ экзекутору.

— Теперь самъ это очень хорошо вижу.

Вскорѣ лотерея кончилась; фортепьяно досталось какому-то чиновнику, не присутствующему на вечерѣ; остальныя вещи почти всѣ снова перешли въ руки хозяина дома.

Александръ Петровичъ, несмотря на увѣщанія Софьи Ивановны и Ѳомы Ѳомича выкушать хоть одну чашечку чая, уѣхалъ тотчасъ же послѣ розыгрыша со своимъ ящикомъ, отговариваясь дѣлами. Ванюша тоже разстался съ обществомъ и былъ уложенъ заботливымъ отцомъ и Наденькою на двухспальную постель. Остальныя лица

разбрелись по комнатамъ, разсуждая о превратности счастія и капризахъ судьбы.

Послѣ отъѣзда Александра Петровича, Крутобрюшковъ сдѣлался какъ-то развязнѣе; онъ бѣгалъ отъ одного пріятеля къ другому съ картами въ рукахъ, упрашивая ихъ составить партію.

— Скажите пожалуйста, почтеннѣйшій Акула Герасимовичъ, сказалъ вполголоса Михайло Михайловичъ:— насъ вѣрно пригласили сюда съ тѣмъ, чтобы уморить съ голода... ну ужъ вечеринка!.. А еще написано: «съ угощеніемъ и разными забавами!»—хороши забавы, когда ѣсть не даютъ...

— Да, я самъ что-то проголодался...

— Ну, слава Богу, кажется, несутъ пунштикъ...

Дѣйствительно, изъ коридора показалась Савишна съ огромнымъ подносомъ въ рукахъ, уставленнымъ стаканами и чашками; за нею шла Наденька, неся, съ потупленнымъ взоромъ, корзину съ сухарями и ломтиками бѣлаго хлѣба.

Гости окружили подносъ.

— Ну, пунштикъ, продолжалъ Михайло Михайловичъ на-ухо экзекутору:—только слава, что пунштикъ... просто, какой-то жиденькій чаишка... э-хе-хе...

— Я думаю, можно подлить туда немного, знаете того... ромашки...

— Послушай, милая, какъ тебя зовутъ?

— Савишна-съ.

— Знаешь ли, Савишна, нельзя-ли какъ-нибудь подлить въ наши стаканы ромцу, а?

— Нѣтъ, Софья Ивановна и то заругалась, говоритъ: много налила...

— Что ты врешь, дурища ты этакая! вскричала Софья Ивановна, лицо которой побагровѣло отъ досады.— Извините-съ, Михайло Михайловичъ, глупая баба, только что изъ деревни сію минуту... пожалуйте вашъ стаканъ...

— Деревенская простота-съ, замѣтилъ Михайло Михайловичъ, злобно улыбаясь.—Ахъ ты, Савишна, Савишна! вчерашняя-давишня! продолжалъ онъ, глядя на смутившуюся бабу.

Наталья Васильевна Семяничкина, ея дочь, кума Арина Петровна, дочери Крутобрюшкова и Иванъ Ивановичъ, расположившіеся на диванѣ и стульяхъ около круглаго столика, со вниманіемъ слушали Силу Мамонтовича Буслова, выхвалявшаго не безъ особеннаго краснорѣчія почтамтскихъ и жуковскихъ пѣвчихъ. Онъ увѣрялъ, что послѣдніе поютъ какъ-то «фостонически», и собственно потому предпочиталъ ихъ первымъ.

Во время этого разговора, въ гостиную Крутобрюшковыхъ вошла вдова Пелагея Кузьминишна Кувыркова, съ двумя дочками и сыномъ, молодымъ человѣкомъ чрезвычайно вертлявымъ, съ тщательно завитымъ хохолкомъ. Во всѣхъ своихъ движеніяхъ обнаруживалъ онъ претензію на ловкаго молодого человѣка.

Онъ былъ въ коричневомъ фракѣ съ свѣтлыми пуговицами, голубомъ галстукѣ, лиловомъ жилетѣ и резинчатыхъ брюкахъ, которыми, былъ чрезвычайно доволенъ, ибо поминутно гладилъ ихъ ладонью, вытянувъ напередъ ногу.

Пелагея Кузьминишна подвела дочекъ къ хозяйкѣ дома; молодой Кувырковъ поочередно сталъ подходить къ ручкамъ всѣхъ барынь безъ исключенія.

— Ахъ! какъ жаль, любезная Пелагея Кузьминишна, что вы не поспѣли къ лотереѣ.

— Что жъ дѣлать, милая Софья Ивановна, не было никакой возможности... Но гдѣ же вашъ Ѳома Ѳомичъ?..

— Засѣлъ, по обыкновенію, съ пріятелями въ карты... Позвольте представить вамъ пріятельницу мою, Наталью Васильевну Семяничкину.

— Очень пріятно... прошу полюбить...

Дамы поцѣловались.

Въ это время, Петръ Петровичъ (такъ звали молодого Кувыркова) успѣлъ уже наговорить кучу любезностей и пріобрѣлъ общее расположеніе. Онъ стоялъ теперь противъ Любови Ѳоминишны, умоляя ее танцовать съ нимъ первую французскую кадриль.

— Пелагея Кузьминишна, пожалуйте... чаю, сказала Софья Ивановна, указывая ей на подносъ, носимый Савишною: — барышни не угодно ли вамъ?.. Петръ Петровичъ!.. не прикажете ли чаю?..

— Нѣтъ-съ, покорно благодарю, мнѣ здѣсь гораздо пріятнѣе всякаго чая... тѣмъ болѣе, что имѣю удовольствіе разговаривать съ вашею дочкою.

— Какой онъ у васъ, право, Пелагея Кузьминишна... гдѣ только барышни, такъ вотъ и льнетъ...

— Да ужъ не говорите, такой ферлакуръ, что просто бѣда...

— Что жъ, перебила Наталья Васильевна!—для молодого человѣка это очень хорошо, это даже необходимо, и я нахожу, что вашъ сынъ вполнѣ свѣтскій и образованный молодой человѣкъ.

Аполлонъ Игнатьевичъ, чиновникъ чрезвычайно великаго роста, худощавый, одѣтый въ вицъ-мундиръ свѣтло-зеленаго цвѣта, сѣлъ за фортепьяно. Звуки: «ну, Карлуша, не робѣй» возвѣстили начало бала; кавалеры засуетились подлѣ своихъ дамъ, остальныя лица прижались къ стѣнкамъ.

Начались танцы.

Между тѣмъ, во второй комнатѣ игра становилась горячѣе и горячѣе; Вакхъ Онуфріевичъ, который, вопреки приказаніямъ, даннымъ Софьею Ивановной кухаркѣ, подавать гостямъ не болѣе одного стакана пунша, успѣлъ какимъ-то способомъ подхватить пару, горячился не въ примѣръ другимъ.

— Нѣтъ, братецъ ты мой, какъ хочешь, кричалъ онъ Акулѣ Герасимовичу, ударяя кулакомъ по столу:—а не смѣй сбрасывать трефовой дамы; этого, братъ, ты не смѣй!..

— Во-первыхъ, я не ты, сердито отвѣчалъ ему экзекуторъ:—а во-вторыхъ, не имѣя чести васъ знать лично, я спрашиваю васъ, м. г., по какому праву вы осмѣливаетесь здѣсь кричать?..

— Что? что?

— Полноте, господа! Вакхъ Онуфріевичъ, какъ тебѣ не стыдно! сказалъ Ѳома Ѳомичъ:—эка бѣда, что Акула Герасимовичъ сбросилъ трефульку, а тебѣ бы козырнуть, да козырнуть, и дѣло бы съ концомъ.

Не знаю, чѣмъ бы окончилось все это, еслибъ звуки первой французской кадрили, шарканье танцующихъ, и

въ особенности неистовыя притаптыванія молодого Кувыркова, не возбудили въ игрокахъ желанія посмотрѣть, что происходило въ гостиной. Дѣйствительно, было чѣмъ полюбоваться: Петръ Петровичъ, танцующій съ Любовью Ѳоминишною, казалось, хотѣлъ на этотъ разъ превзойти самого себя. То съ какимъ-то страстнымъ томленіемъ провожалъ онъ свою даму глазами; то вдругъ вскидывался въ сторону и сѣменилъ ногами чрезвычайно быстро; когда дамѣ его слѣдовало дѣлать балансе, онъ преклонялъ предъ нею одно колѣно, махалъ по воздуху платкомъ и улыбался такъ, что сама Любочка невольно должна была потуплять глаза. Были и другія лица, достойныя вниманія, какъ, напримѣръ, Волосковъ и еще какой-то молодой чиновникъ въ черномъ фракѣ, танцующій съ дочерью Силы Мамонтовича, и который употреблялъ всѣ свои усилія, чтобы обратить на себя вниманіе, но они рѣшительно исчезали передъ удалью Петра Петровича.

— Ну, ужъ признаюсь, сударыня, вашъ сынъ такъ танцуетъ, сказалъ толстый бухгалтеръ Пелагеѣ Кузьминишнѣ; — что я и сказать не умѣю... и гдѣ это онъ такъ ловко навострился?..

Мой Петинька еще по сію пору не покидаетъ уроковъ... каждую субботу акуратно посѣщаетъ онъ танцъ-классы.

— А должно быть тамъ очень хорошо учатъ въ этихъ танцъ-классахъ?

— Онъ говоритъ, что нигдѣ такъ нельзя научиться танцамъ... кромѣ этого, общество, «компанія», все это тамъ такъ хорошо, благовоспитанно...

— Конечно, сказала Наталья Васильевна; — для молодого человѣка съ образованіемъ это много значитъ, въ особенности, если тамъ, какъ вы говорите, общество, внушающее ему блескъ, лоскъ, этакъ, знаете, необходимый... лессе-алле... тутъ дама запуталась, или, какъ говоритъ Гоголь, зарапортовалась.

— А позвольте узнать, сударыня, сколько тамъ платятъ, или это такъ, приглашеніе какое-нибудь? продолжалъ разспрашивать простодушный бухгалтеръ.

— О, нѣтъ-съ, платятъ такъ же, какъ и въ клубѣ Соединеннаго Общества, отвѣчала не менѣе простодушная Пелагея Кузьминишна. — Только не знаю, сколько... да вотъ... Петинька, Петинька! сколько ты платишь въ танцъ-классѣ за урокъ?

— Цѣлковый! звонко закричалъ молодой Кувырковъ, дѣлая антраша.

— Скажите, пожалуйста, да это просто кладъ.

— Ужъ не говорите...

Кадрили шли одна за другой и прерывались только Софьею Ивановной и Савишной, разносившими гостямъ (какъ бы нарочно во время танцевъ) яблоки, пастилу и винныя ягоды.

Одушевленіе танцующихъ возрастало съ каждымъ часомъ; даже Дмитрій Алексѣевичъ Волосковъ, танцовавшій во все время бала съ Вѣрочкою и не сказавшій ей ни единаго слова, рѣшился наконецъ начать разговоръ.

— Какія вы бѣленькія... сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ и потупляя взоръ.

— Ахъ, что вы говорите-съ! я совсѣмъ не бѣленькая.

— Нѣтъ-съ, вы, право, очень бѣленькія...

— Нѣтъ-съ, совсѣмъ напротивъ того-съ...

Впрочемъ, ихъ разговоръ не былъ продолжителенъ; они въ одно время сконфузились и снова замолчали.

Самъ Иванъ Ивановичъ Масляниковъ не могъ утерпѣть, чтобы не присоединиться къ танцующимъ; онъ пригласилъ младшую дочь г-жи Семяничкиной и пустился въ плясъ.

Скачки и прыжки молодого Кувыркова все болѣе и болѣе приковывали общее вниманіе; но когда дѣло дошло до мазурки и онъ пустился въ первой парѣ съ Наденькой, не только раздались восклицанія, но даже въ нѣкоторыхъ концахъ комнаты послышались рукоплесканія.

— Ахъ, Боже мой, какое счастіе имѣть такого сына! Какой прекрасный молодой человѣкъ! Какая ловкость! слышалось со всѣхъ сторонъ.

Пелагея Кузьминишна была внѣ себя отъ радости и материнской гордости.

Толпа болѣе и болѣе окружала танцующихъ. Кувырковъ болѣе и болѣе горячился; вдругъ, въ ту самую минуту, какъ онъ сталъ посреди залы, чтобы выкинуть какую-то штуку, панталоны его, которые для большаго эффекта были резинчатые, на этотъ разъ измѣнили ему: штрипка лопнула, и молодой Кувырковъ очутился посреди гостиной съ обнаженною ногою!..

Кто опишетъ дѣйствіе, произведенное этимъ несчастнымъ обстоятельствомъ на гостей Крутобрюшкова? Чья кисть въ состояніи будетъ изобразить фигуру Петра Петровича, принужденнаго показать всему обществу натуральную красоту ноги своей?

Мазурка остановилась, страшный хохотъ раздался повсюду (Михайло Михайловичъ хохоталъ громче всѣхъ); барышни съ визгомъ закрыли лицо руками; Пелагея Кузьминишна не могла устоять противу такого крутого поворота судьбы,—съ нею сдѣлалось дурно; словомъ, смятеніе было неописанное.

Кувырковъ, прикрывъ кое-какъ ногу платкомъ, побѣжалъ, сломя голову, въ кухню, сбилъ съ ногъ Савишну, которая въ свою очередь опрокинула на полъ подносъ уже съ готовыми бутербродами, и, не взирая на послѣдствія побѣга, направился домой.

Какъ бы то ни было, обстоятельство это сильно подѣйствовало на общее удовольствіе. Пелагея Кузьминишна, несмотря ни на какія увѣщанія, не согласилась остаться на вечерѣ послѣ случившагося съ возлюбленнымъ ея сыномъ скандала и тотчасъ же уѣхала. Игравшіе въ карты и прерванные посреди партіи общимъ смятеніемъ, не изъявили большого желанія продолжать игру, тѣмъ болѣе, что Вакхъ Онуфріевичъ снова бурлилъ, грозя экзекутору уничтожить его, если онъ осмѣлится еще разъ сбросить пиковую восьмерку. Аполлонъ Игнатьевичъ также не изъявилъ особеннаго желанія продолжать играть на фортепьяно и отговаривался усталостью, — словомъ, все способствовало къ прекращенію увеселенія.

Рѣшили, что пора было перекусить. Не станемъ здѣсь распространяться объ ужинѣ; скажемъ только, что кулебяка, въ особенности бутерброды были найдены чрезвы-

чайно вкусными и заслужили Софьѣ Ивановнѣ лестныя похвалы отъ всѣхъ, за исключеніемъ Михайла Михайловича Желчнаго, который и тутъ не могъ утерпѣть, чтобы не сказать на-ухо экзекутору, что кулебяка слишкомъ поджарена, а на бутербродахъ, вмѣсто пармезана, насыпана пыль. Икорка также была весьма кстати; но Ѳома Ѳомичъ отчаявался, видя, сколько ошибся въ разсчетѣ, замѣнивъ ею телятину, ибо, возбуждая жажду, она заставляла гостей безпрерывно прибѣгать къ напиткамъ, которыхъ не осталось ни единой капельки. Вакхъ Онуфріевичъ, во время закуски, до того прикладывался къ разнымъ водкамъ, что, вопреки долга, чести, приличія, снялъ съ себя вицъ-мундиръ и, не взирая на присутствіе барышень, наговорилъ кучу неблагопристойностей, за что и былъ выведенъ подъ-руки на улицу.

Вскорѣ послѣ этого, гости стали мало-по-малу приготовляться къ отъѣзду. Первыми дезертерами оказались Семяничкины.

— Ну, прощайте, душенька Софья Ивановна, благодарствуйте за хлѣбъ за соль, да смотрите же, не позабывайте насъ... Ашинька, ты трубку не позабыла?

— Нѣтъ-съ, маменька, она у меня.

— Ну, хорошо, а гдѣ же Владиміръ Макаровичъ? Владиміръ Макаровичъ!..

Но Владиміръ Макаровичъ не откликался; въ комнатахъ его не было. Стали искать. Перешарили рѣшительно всѣ комнаты; Семяничкина нѣтъ какъ нѣтъ. Ѳома Ѳомичъ бѣгалъ взадъ и впередъ изъ гостиной въ кухню, изъ кухни въ гостиную, заглядывалъ даже подъ столы и диваны: Семяничкинъ все-таки не отыскивался. Все общество принимало живѣйшее участіе въ пропажѣ чиновника. Наталья Васильевна была въ ужасномъ волненіи; Анфиса и Ашинька плакали. Наконецъ, Михайло Михайловичъ Желчный шепнулъ что-то на-ухо Ѳомѣ Ѳомичу, а хозяинъ дома произнесъ, улыбнувшись: — А вотъ я сію минуту приведу его, не безпокойтесь...

Вскорѣ явился онъ, держа за руку Владиміра Макаровича, у котораго были заспанные глаза и платье въ чрезвычайномъ безпорядкѣ.

— Ахъ, Боже мой! вскричала Наталья Васильевна, краснѣя:—гдѣ же онъ былъ? гдѣ?..

— Владиміръ Макаровичъ... пошелъ... ну, да и заснулъ...

— Нѣтъ... я... такъ немножко-съ... я ничего-съ... я ничего-съ...

— Какова на дворѣ погодка? спросилъ, улыбаясь, Михайло Михайловичъ у Семяничкина.

Всѣ захохотали.

— Покорно благодарю-съ... холодно... пробормоталъ Владиміръ Макаровичъ, робко озираясь во всѣ стороны и не находя мѣста, куда бы спрятаться.

— Прощайте же, Софья Ивановна, сказала Наталья Васильевна.—Ѳома Ѳомичъ, мое почтеніе... Вотъ я тебѣ задамъ послѣ... дурачина!.. срамить меня здѣсь вздумалъ... погоди!.. продолжала она на-ухо мужу, въ то время, какъ пробиралась съ нимъ по коридору.

— Я, ей-Богу... Наталья Васильевна... ничего... такъ... только...

— Вотъ я тебѣ ничего... дай только пріѣхать... прощайте, любезная Софья Ивановна... прощайте...

Ѳома Ѳомичъ взялъ въ кухнѣ свѣчку, чтобъ проводить гостей, потому что, отыскивая въ сѣняхъ Семяничкина, нашелъ огарки сгорѣвшими; вмѣсто нихъ на лѣстницѣ валялись однѣ только рѣпы.

— Мое почтеніе Наталья Васильевна...

— Прощайте, Ѳома Ѳомичъ... не простудитесь.

Владиміръ Макаровичъ ничего не сказалъ, потому что былъ ни живъ, не мертвъ, въ ожиданіи грозы, обѣщанной ему дражайшею его половиною.

Михайло Михайловичъ и Акула Герасимовичъ не замедлили проститься съ Крутобрюшковыми, и первый не переставалъ ругать наповалъ экзекутору всѣхъ и каждаго во все продолженіе дороги. Напрасно Ѳома Ѳомичъ уговаривалъ Силу Мамонтовича остаться еще на часочекъ и поиграть въ преферансъ, но и Сила Мамонтовичъ послѣдовалъ общему примѣру и отказался отъ приглашенія. Пока все общество занято было отъѣздомъ, и хозяева дома находились въ кухнѣ, Дмитрій Алексѣевичъ Воло-

сковъ остановилъ Вѣрочку у окна гостиной, твердо рѣшившись на этотъ разъ сдѣлать ей формальное изъясненіе въ любви.

— Нѣтъ, вы меня теперь позабудете, говорилъ онъ, переминая въ рукахъ шляпу:—Вѣра Ѳоминишна, вы не захотите даже и вспомнить...

— Ахъ, перестаньте...

— Нѣтъ, я никакъ не могу перестать... я... вы... вы построили на сердцахъ любящихъ васъ людей... храмъ вѣчныхъ мученій...

— Нѣтъ, напротивъ того-съ—вы меня обижаете...

— Нѣтъ, Вѣра Ѳоминишна... я васъ не могу, я не смѣю обижать... я всю жизнь желалъ бы остаться съ вами... я теперь одинъ... безъ васъ я готовъ умереть...

— Я также одна остаюсь... и... когда вы уѣдете... радужныхъ цвѣтовъ будетъ очень мало...

Богъ знаетъ, до чего бы дошелъ діалогъ влюбленныхъ, еслибъ кума Арина Петровна не явилась въ гостиную отыскивать Вѣру, съ которою непремѣнно хотѣла проститься. Молодой Волосковъ долженъ былъ поневолѣ разстаться со своей возлюбленной.

Не прошло четверти часа, какъ квартира Крутобрюшкова опустѣла; одинъ только Иванъ Ивановичъ Масляниковъ никакъ не могъ управиться съ Ванюшею, который какъ-то послѣ сна былъ вовсе не любезенъ и, не взирая на ласки и увѣщанія Софьи Ивановны, безмилосердно тузилъ отца въ правую щеку...

Всѣ разошлись и разъѣхались съ полными карманами и ридикюлями пересудовъ и весьма остроумныхъ замѣчаній на счетъ бала и домочадцевъ Ѳомы Ѳомича Крутобрюшкова. Что-жъ дѣлать! вездѣ такъ водится, на томъ свѣтъ стоитъ.

Что-жъ касается до Софьи Ивановны, то она, проговоривъ послѣднее сладенькое прощанье послѣднему гостю, за которымъ затворилась дверь, мгновенно перемѣнила интонацію и накинулась на простодушную Савишну.

— Отличилась, родимая; срѣзала ты мою головушку!.. да съ чего ты одурѣла, болванъ! деревенщина ты этакая?..

Тутъ Софья Ивановна, начавшая было распекать кухарку съ чувствомъ оскорбленнаго достоинства, стала вдругъ, какъ выражался ея мужъ, «угощать» ее такими отборными словами, что мы не рѣшаемся передать ихъ бумагѣ.

Савишна задремала, стоя передъ своей барыней, и прослушавъ наставленіе, чуть не повалилась отъ сна.

Самъ Ѳома Ѳомичъ едва держался на ногахъ; впрочемъ, онъ еще довольно долго ходилъ по комнатѣ; не совсѣмъ обыденныя мысли мелькали въ головѣ его. Ѳому Ѳомича мучилъ демонъ самолюбія и честолюбія. Онъ совершенно былъ увѣренъ, что много выигралъ своимъ баломъ, Одно то, что отъ пунштика перепились, чрезвычайно утѣшало его, какъ хозяина. Онъ завтра же въ департаментѣ, весьма ловко и скромно, въ одушевленномъ мѣстѣ своего разсказа о вчерашнемъ торжествѣ, могъ вставить Вакха Онуфріевича, человѣка почтеннаго, но совершенно лишившагося благоразумнаго управленія своими способностями отъ радушнаго угощенія и хлѣбосольства хозяина. Такимъ образомъ, Ѳома Ѳомичъ за двадцать рублей могъ прослыть хлѣбосоломъ, да наконецъ и то, что ящикъ изъ Италіи достался совѣтнику. — «Это все кстати, думалъ Крутобрюшковъ:—оно хоть и ничего на дѣлѣ-то; можетъ быть ящикъ-то изъ Италіи ему совсѣмъ и не нуженъ, можетъ-быть, завтра же пожертвуетъ имъ въ пользу Авдотьи Семеновны, или другимъ какимъ образомъ распорядится; но все-таки этимъ ящикомъ я успѣлъ найти въ человѣкѣ, угодить. Я умѣлъ забѣжать кстати; оно хорошо, оно пригодится; кстати забѣжать всегда пригодится...» и Ѳома Ѳомичъ заснулъ съ мыслями о томъ, на что пригодится иногда забѣжать кстати.

Съ своей стороны, Софья Ивановна сначала думала о пунштикѣ, потомъ мысли ея весьма постепенно перешли къ лентамъ на чепцѣ Натальи Васильевны и восьми фунтамъ телятины, замѣненнымъ икрою; потомъ еще постепеннѣе перешли они къ Ванюшѣ, тузящему въ правую щеку своего папеньку, и новымъ башмакамъ Нади; далѣе занялась она дороговизною дровъ и полтинникомъ, сданнымъ ей когда-то какимъ-то купчикомъ недурной наруж-

ности, у котораго былъ разодранный рукавъ... она долго и заботливо думала о кренделѣ кумушки Арины Петровны и наконецъ съ удовольствіемъ остановились на дородствѣ Силы Мамонтовича...

Вѣрочка долго мечтала о Волосковѣ; мысли ея также переходили въ разныя стороны, но однако все вертѣлись вокругъ любимаго предмета. Что-жъ касается до Любы и Нади, то онѣ просто заснули. Вообще всѣ три были очень довольны, что попрыгали.

Но Савишна была недовольна; во-первыхъ, потому, что Михайло Михайловичъ Желчный сказалъ ей, что она вчерашняя-давишня, тогда какъ всему свѣту извѣстно, что она ужъ бабій вѣкъ доживала, во-вторыхъ, что сильно заругалась хозяйка.

Неизвѣстно, на чемъ еще бродили ея мысли; но достовѣрно извѣстно въ этой совершенно правдивой исторіи, что Савишна долго потягивалась, много зѣвала и нѣсколько разъ приподнималась на рукѣ съ кровати, чтобы прикрикнуть на голодную кошку, съ какимъ-то остервененіемъ глодавшую кость:

— Брысь, ты окаянная!..

ДЕРЕВНЯ.

I.

Далеко въ глухой сторонушкѣ
Выростала тонка бѣлая береза,
Что тонка береза, кудревата,
Гдѣ не грѣетъ ее солнышко, ни мѣсяцъ
И не частыя звѣзды усыпаютъ;
Только крупными дождями уливаетъ,
Еще буйными вѣтрами поддуваетъ.

Русская народная пѣсня.

Въ одномъ богатомъ селеніи, весьма значительномъ по количеству земли и числу душъ, въ грязной, смрадной избѣ на скотномъ дворѣ, у скотницы родилась дочь. Это обстоятельство, въ сущности весьма незамѣчательное, имѣло, однако, слѣдствіемъ то, что больная и хилая родильница, не бывъ въ состояніи вынести мученій, а можетъ быть и просто отъ недостатка бабки (что̀ очень часто случается въ деревняхъ), испустила послѣдній вздохъ вскорѣ послѣ перваго крика своей малютки.

Рожденіе дѣвочки было ознаменовано бранью бабъ и новой скотницы, товарки умершей, дѣлившихъ съ свойственнымъ имъ безкорыстіемъ обношенные, дырявые пожитки ея. Ребенокъ, брошенный на произволъ судьбы (окружающія были заняты дѣломъ болѣе нужнымъ), безъ

сомнѣнія, не замедлилъ бы послѣдовать за своими родителями (и, конечно, не могъ бы сдѣлать ничего лучшаго), еслибъ одно изъ великодушныхъ существъ, наполнявшихъ избу, не приняло въ немъ участія и не сунуло ему какъ-то случайно попавшійся подъ руку рожокъ. Услуга пришлась очень кстати и была, можно сказать, настоящею причиною, опредѣлившею судьбу младенца, которая до того времени весьма нерѣшительно колыхала его между жизнью и смертью. Дѣлежъ, совершаемый по всѣмъ законамъ справедливости между растроганными однокашницами бывшей скотницы, не успокоилъ, однако, шумнаго ихъ сборища; хотя тетка Ѳекла и уступила скотницѣ Домнѣ полосатую поневу покойницы за ея изношенные коты (главную причину криковъ и размирья); хотя завистливая Домна перестала кричать на Голиндуху, завладѣвшую повязкою и чулками умершей, но наступившая тишина продолжалась недолго и была только предвѣстницею новой бури.

Теперь, каждая изъ этихъ достойныхъ женщинъ съ жаромъ принялась защищать права свои въ разсужденіи того, на чью горькую долю долженъ достаться ребенокъ, какъ будто на зло имъ родившійся. Но сколько ни спорили горемычныя, ничего не могли рѣшить (чувство справедливости было въ нихъ сильно), и потому положили съ общаго голоса предоставить все судьбѣ и бросить жребій — способъ, какъ извѣстно, рѣшающій въ деревняхъ всякаго рода недоразумѣнія. Жребій, въ благодарность за такое довѣріе, не замедлилъ, по обыкновенію, показать собою примѣръ безукоризненнаго безпристрастія и справедливости: сиротка пришлась на долю скотницы, которая, не въ примѣръ другимъ бабамъ, была надѣлена полдюжиною собственныхъ своихъ чадъ.

Домна (такъ звали новую скотницу), хотя баба норова твердаго, или, лучше сказать, ничѣмъ невозмутимаго, не могла, однако, вынести равнодушно опредѣленія судьбы, и тутъ же, зная напередъ, сколько безполезно роптать на нее, внятно проголосила, что жутко будетъ проклятому пострѣлу, невѣсть какъ несправедливо навязавшемуся ей на шею.

Маленькая «Акулина» (такимъ именемъ окрестили малютку) сдѣлалась на скотномъ дворѣ съ перваго же дня своего существованія предметомъ всеобщаго нерасположенія.

Да и какая въ самомъ дѣлѣ нужда была бабамъ знать, былъ ли младенецъ виною своей докучливости? Довольно того, что онъ досаждалъ имъ поминутно. «Добро бы своя была», говорили онѣ: «добро бы родная, а то невѣсть по какого лѣшаго смотришь за нею; словно отъ бездѣлья». Но хуже всего приходилось терпѣть сироткѣ отъ самой скотницы. Нельзя сказать, чтобъ Домна была женщина злая и жестокая; но день бывалъ у ней неровенъ: иной разъ словечка поперегъ не скажетъ, что бы ни случилось; въ другое время словно дурь какая найдетъ на нее; староста ли заругается или подерется, дѣло ли какое не спорится въ домѣ — осерчаетъ вдругъ и пойдетъ, и пойдетъ ѣсть и колотить сиротку. Соромъ такимъ лается на нее, что хоть вонъ изъ избы бѣги; все припомнитъ, ничего не пропуститъ, усопшую мать не оставитъ даже въ покоѣ и, при каждомъ ударѣ, такого наговоритъ дочери на покойницу, чего и вовсе не бывало.

Впрочемъ, необходимо сказать въ оправданіе Домны, что въ грубомъ обхожденіи и побояхъ, которыми угощала она свою питомицу, скрывалась иногда весьма уважительная, добрая цѣль. Въ доказательство можно привести собственныя слова ея. Однажды жена управляющаго застала Домну на гумнѣ въ ту самую минуту, когда она безмилосердно тузила Акулю. «За что бьешь ты, дурища, дѣвчонку?» спросила жена управляющаго.— Да вины-то за нею нѣту, матушка Ольга Тимофеевна, отвѣтила Домна:—а такъ, для будущности пригодится.— Если найдутся люди, которые, по свойственному имъ человѣколюбію или сострадательности, не захотятъ видѣть въ этомъ добраго намѣренія, а припишутъ нападки на сиротку частью жестокости скотницы, то смѣю увѣрить ихъ, что даже и тогда нельзя вполнѣ обвинять ее.

Страсть къ «битью, подзатыльникамъ, пинкамъ, нахлобучникамъ, затрещинамъ» и вообще всякимъ подобнымъ способамъ полированія крови, не послѣдняя страсть

въ простомъ человѣкѣ. Ужъ врожденная ли она, или развилась чрезъ круговую поруку—Богъ ее вѣдаетъ; вѣрнѣе, что черезъ круговую поруку...

Въ одномъ только можно было упрекнуть Домну, именно въ излишнемъ пристрастіи, которое уже черезчуръ ясно обнаруживала она къ собственнымъ своимъ дѣтямъ. Можно даже сказать, что слѣпая эта любовь часто заглушала въ ней чувство справедливости и всякаго рода добрыя намѣренія, оправдывавшія почти всегда пинки и побои, которыми надѣляла она сиротку. Случалось ли ребятамъ напроказить: разбить горшокъ или выпить въ тихомолку сливки — разгнѣванная Домна накидывалась обыкновенно на Акульку, видя въ ней, если не виновницу, то по крайней мѣрѣ главную зачинщицу; забредетъ ли свинья въ барскій палисадникъ, и за свинью отвѣчала бѣдняжка. Когда мужъ скотницы, проживавшій по оброку въ сосѣдней вольной деревнѣ на миткалевой фабрикѣ, возвращался домой въ нетрезвомъ видѣ (что приключалось нерѣдко), всегда почти старалась Домна натолкнуть на него сиротку, чтобъ отклонить отъ себя и дѣтей своихъ первые порывы его дурного расположенія — словомъ, все, что только могло случиться непріятнаго въ домашнемъ быту скотнаго двора,—все вызывало побои на безотвѣтную Акульку. Внѣ этихъ отношеній съ жителями избы, сиротка проводила дѣтство свое, какъ и всѣ остальныя дѣти села, въ совершенномъ забвеніи и пренебреженіи. Слово «авось» играетъ у насъ, какъ извѣстно, и понынѣ весьма важную роль и прикладывается русскимъ мужикомъ не только къ собственному его житью-бытью, но даже къ житью-бытью дѣтей его. Самый нѣжный отецъ, самая заботливая мать съ невыразимою безпечностью предоставляютъ свое дѣтище на волю судьбы, нисколько не думая даже о физическомъ развитіи ребенка, которое считается у нихъ главнымъ и въ тоже время единственнымъ, ибо ни о какомъ другомъ и мысль не заходитъ имъ въ голову. Не успѣетъ еще ребенокъ освободиться отъ пеленъ, какъ уже поручаютъ его сестрѣ, дѣвчонкѣ лѣтъ четырехъ или пяти, которая няньчится съ нимъ по своему, т. е. мнетъ и теребитъ

его на сколько хватаетъ силенки, а иногда такъ пристукнетъ, что и черезъ двадцать лѣтъ отзовется.

Мать ли плетется съ коромысломъ на рѣку стирать бѣлье—и дочка тащится вслѣдъ за нею вмѣстѣ съ драгоцѣнною своею ношею; развлеченная какимъ нибудь камешкомъ или травкою, она вдругъ покидаетъ питомца на крутомъ берегу, или на скользкомъ плоту... Бѣгутъ ли подъ вечеръ ребята на встрѣчу несущемуся съ поля стаду—нѣжная головка младенца уже непремѣнно мелькаетъ въ рѣзвой, шумливой толпѣ; когда наступаетъ сырая, холодная осень, сколько разъ, бѣдняжка, брошенный на собственный произволъ, заползаетъ на середину улицы, покрытой топкою грязью и лужами, и платится за такое удовольствіе злыми недугами и смертью! А весною, когда отецъ и мать, поднявшись съ разсвѣтомъ, уходятъ въ далекое поле на работу и оставляютъ его одного-одинехонькаго вмѣстѣ съ хилою и дряхлою старушонкой-бабушкой, столько же нуждающейся въ присмотрѣ, сколько и трехлѣтніе внучата ея,—о! тогда, выскочивъ изъ избы, несется онъ съ воплемъ и крикомъ вслѣдъ за ними, мчится во всю прыть маленькихъ своихъ ножекъ по взбороненной пашнѣ, по жосткому, колючему валежнику; рубашонка его разрывается на части о пни и кустарники, а онъ бѣжитъ, бѣжитъ, чтобъ прижаться скорѣе къ матери... и вотъ, сбивается запыхавшійся, усталый ребенокъ съ дороги; онъ со страхомъ озирается кругомъ: всюду темень лѣсная, все глухо, дико; а вотъ уже и ночь скоро застигнетъ его... онъ мечется во всѣ стороны, и все далѣе и далѣе уходитъ въ чащу бора, гдѣ Богъ вѣсть что съ нимъ будетъ... Поминутно слышишь, что тамъ-то утонулъ ребенокъ въ ушатѣ, что тутъ-то забодалъ его быкъ, или проѣхала черезъ него отцовская телѣга, что сынъ десятскаго отморозилъ себѣ ногу, а трехлѣтняя внучка старостихи разрѣзала серпомъ щеку двухлѣтней сестрѣ своей, и тому подобное.

Конечно, крестьянская натура крѣпка, и если ребенокъ уцѣлѣетъ, то къ зрѣлому возрасту онъ превращается почти всегда въ дюжаго и плечистаго парня съ желѣзнымъ здоровьемъ, или въ свѣжую, красную дѣвку, во

стократъ здоровѣе иной барышни, съ колыбели воспитанной въ нѣгѣ и роскоши; но вѣдь не всякому посчастливится уцѣлѣть: сколько ихъ и гибнетъ! сколько остается на всю жизнь уродами! Трудно найти деревню, гдѣ бы не было жертвы безпечности родителей; калѣки, слѣпые, глухіе и всякіе увѣчные и юродивые, служащіе обыкновенно предметомъ грубыхъ насмѣшекъ и даже общаго презрѣнія — въ деревняхъ сплошь да рядомъ! Притомъ, между крестьянскими дѣтьми нерѣдко встрѣчаются нѣжныя натуры, которыя, если и выдерживаютъ дѣтство, зато сохраняютъ во всемъ существѣ своемъ пагубные слѣды его на долго—на всю жизнь.

Обремененные наслѣдственными недугами, больные и слабые, они считаются въ родной семьѣ за лишнюю тягость, и съ первыхъ лѣтъ до того дня, когда оканчиваютъ тихое, бездѣйственное поприще свое на землѣ, въ какомъ нибудь темномъ углу избы, испытываютъ одно только горе, приправляемое ропотомъ окружающихъ и горькимъ сознаніемъ собственной своей безполезности.

Къ счастью, Акулина не принадлежала къ послѣдней категоріи, и Домна могла употреблять ее съ пользою въ многочисленныхъ занятіяхъ скотнаго двора. Едва сироткѣ минулъ седьмой годъ, тотчасъ же приставила она ее смотрѣть за барскими гусями и утками.

II.

Какъ чужіе-то отецъ съ матерью
Безжалостливы уродилися:
Безъ огня у нихъ сердце разгорается.
Безъ смолы у нихъ гнѣвъ раскипается;
Насижусь-то я у нихъ, бѣдная,
По конецъ стола дубоваго,
Нагляжусь-то я, наплачуся.

Русская пѣсня.

Осень. На дворѣ холодно; частый дождь превратилъ улицу въ грязную лужу; густой туманъ затянулъ село, и едва виднѣются, сквозь мутную сквознину его, ветхія лачуги и обнаженныя нивы. Рѣзкій вѣтеръ раскачиваетъ

ворота и мечетъ по полянѣ съ какимъ-то заунывнымъ болѣзненно-хватающимъ за сердце воемъ груды пожелтѣвшихъ листьевъ. Улица пуста, — ни живой души. Сизый дымокъ, вьющійся изъ низенькихъ трубъ избушекъ, свидѣтельствуетъ, что никого нѣтъ въ разбродѣ, что всѣ хозяева дома и расправляютъ на горячей печкѣ продрогшіе члены. Все живущее прячется кто куда можетъ, лишь бы укрыться отъ холода и ненастья. Куры и голуби пріютились на своихъ жердочкахъ подъ навѣсомъ, завернувъ голову подъ тепленькое крылышко: воробей забился въ мягкое гнѣздо свое; даже неугомонныя шавки и жучки комкомъ свернулись подъ телѣгами. Каждому готовъ пріютъ, каждому и хорошо и тепло...

Изба скотницы Домны жарко-на-жарко натоплена; вся семья дома; даже теленокъ, котораго откармливаютъ для барскаго стола, привязанъ заботливою Домною къ печкѣ и опустился на мокрую свою солому. Двое парнишекъ ея, вмѣстѣ съ бабушкою и любимою кошкою, давно забрались на палати. Другіе два шумно возятся подъ лавками. Дождь стучитъ въ узкія стекла оконъ, вѣтеръ свищетъ на дворѣ и на улицѣ, и повременамъ все стихаетъ въ избѣ, прислушиваясь къ дребезжащему, протяжному вою. Одной только Акули что-то невидно: ее послали на рѣку стеречь утокъ.

Возвращается она наконецъ къ обѣду домой. Издали виднѣется ей почернѣвшая отъ воды лачуга, но сиротка не спѣшитъ укрыться отъ холода подъ теплую кровлю; она со страхомъ и смущеніемъ приближается къ ней. Дѣло въ томъ, что одного утенка унесло теченіемъ рѣки въ колесо мельницы.

Между тѣмъ, какъ подходила она къ дому, на скотномъ дворѣ какъ нарочно затѣялся жаркій споръ между Домною и Голиндухою. Здѣсь дѣло было уже вотъ въ чемъ: кто-то изъ ребятъ скотницы стянулъ лапоть Голиндухи, прислоненный къ печкѣ для просушки и, привязавъ къ нему бичевку, сталъ возить его по полу. Голиндуха, занимавшаяся въ то время выпариваніемъ квасной кадушки, неоднократно кричала на ребенка, приказывая ему тотчасъ же поставить обувь на прежнее мѣсто;

ребенокъ не слушался и, какъ бы на зло, началъ колотить лаптемъ во всѣ углы избы. Выведенная наконецъ изъ терпѣнія, баба бросила работу, отвѣсила озарнику добрую затрещину и, вырвавъ обувь, положила ее на печку.

Домна, все видѣвшая и еще прежде чѣмъ-то раздосадованная, не вынесла выходки Голиндухи.

— Куда лапоть-то поганый свой ставишь? сказала она, выглянувъ вдругъ изъ-за перегородки: — мѣста ему, небось, нѣту?.. Эка нашлась какая прыткая... словно барыня, — драться еще вздумала...

— А что, невидаль что ли какая?.. барскія дѣти-то твои, — что ль? Вѣстимо бить стану, коли балуются...

— А ну-тка сунься...

— Тебя, небось, послушалась?..

— Ахъ ты, собака этакая...

— Сама съѣшь...

— Чтобъ тебѣ подавиться лаптями-то...

— Эй, Домна, не доводи до грѣха; у тебя уста, у меня другія.

— Плевать мнѣ... А вотъ только тронь еще разъ Ванюшку, такъ посмотришь...

— Да ты въ самомъ-то дѣлѣ, что ты тычешь мнѣ своими ребятами-то?..

— А ты что?..

— Да...

— Побирушка проклятая!.. и мать-то твоя чужой хлѣбъ весь вѣкъ ѣла, да и тебя-то Христа-ради кормятъ, да еще артачится, да туда же лѣзетъ... Ахъ ты, песъ бездомный! нутка-сь, сунься, тронь, тронь...

Домна и Голиндуха, съ раскраснѣвшимися лицами, вылупившимися глазами и поднятыми кулаками, подступали уже другъ къ другу, когда въ избу вбѣжала вдругъ Машка, старшая дочь скотницы.

— Мамка! мамка! голосила дѣвочка: — глядь, глядь... Акулька-то одного утенка загнала... одного утенка нѣтути.

— Какъ! вскричала изступленная Домна, мгновенно обращая свою ярость на только-что вошедшую сиротку: — ахъ, ты проклятая! сталось тебѣ неслюбно смотрѣть за ними?.. Постой, вотъ я те поразогрѣю...

И она пошла на помертвѣвшую отъ страха дѣвчонку съ готовыми кулаками. Въ свою очередь, Голиндуха, какъ баба миролюбивая, незлобивая, въ мигъ позабывъ кровную обиду свою, принялась подсоблять ей съ неимовѣрнымъ усердіемъ...

Страхъ, въ которомъ держала скотница свою питомицу, часто даже исчезалъ въ ребенкѣ отъ избытка горя. Такъ случалось почти всякій разъ, когда Домна, смягчившись послѣ взрыва необузданной ярости, начинала ласкать и нѣжить собственныхъ дѣтей своихъ. Громко раздавались тогда за печуркою рыданія и всхлипыванія одинокой заброшенной дѣвочки...

Много слезъ и горя стоило также Акулинѣ новое назначеніе, опредѣленное ей скотницею. Выгоняя утромъ гусиное стадо, проходила ли она по улицѣ — всюду встрѣчались веселые ребятишки, беззаботно игравшіе подъ навѣсами и на дорогѣ, всюду слышались ихъ веселыя пѣсни, крики; одна она должна была проходить мимо, не смѣя присоединиться къ нимъ и раздѣлить общую радость. А ужъ какъ страшно-то было ей, боязливой дѣвочкѣ, напуганной разными дивами, проводить цѣлые дни одной-одинешенькой, далеко отъ села, въ какомъ-нибудь глухомъ болотѣ или темномъ лѣсу! Въ первое время, она часто не могла вынести своего одиночества и, бросивъ тутъ же гусиное стадо свое, возвращалась одна на скотный дворъ, позабывая и побои скотницы, и все, что могло ожидать ее за такой своевольный поступокъ.

Кромѣ этого, сколько приходилось терпѣть безотвѣтному ребенку въ самомъ домѣ. Вернется, бывало, вмѣстѣ со стадомъ въ избу — на дворѣ стужа смертная, вся она окоченѣла отъ холода, — ноги едва движутся; рубашенка забрызгана сверху до низу грязью и еле-еле держится на посинѣвшихъ плечахъ; ѣсть хочется; чѣмъ бы скорѣе пообѣдать, закутаться, да на печку, а тутъ какъ разъ подвернется Домна, разгнѣванная какимъ нибудь побочнымъ обстоятельствомъ, снова ушлетъ ее куда вздумается, или, наконецъ, броситъ ей въ сердцахъ кусокъ хлѣба, тогда какъ другіе всѣ, спустившись съ палатей, располагаются вокругъ стола съ дымящимися щами и кашею.

Забьется Акуля въ любимый уголокъ свой у печки, между лукошками и соромъ, закроетъ личико исхудавшими пальчиками и тихо, тихо плачетъ. — Но прошелъ годъ, другой, и свыклась Акулька съ своею тяжкою долею. Какое-то даже радостное чувство наполняло грудь дѣвочки, когда вставъ вмѣстѣ съ зарею, ранымъ рано, вооружась хворостиною, выгоняла она за околицу свое стадо. Теперь, уже не ожидая намека, спѣшила она убраться со своими гусями и утками въ поле, лишь бы только скорѣе вырваться изъ избы. Какъ птичка встрепенется она тогда; все измѣнялось въ ней; движенія дѣлались развязнѣе, станъ выпрямлялся, — словомъ, трудно было узнать въ сироткѣ одну и ту же дѣвочку. Робкій и жалкій видъ, такъ рѣзко отличавшій ее дома отъ прочихъ дѣтей, какъ бы мгновенно исчезалъ. Бывало даже на Акулю находилъ въ эти минуты вдругъ какой-то припадокъ веселости, рѣзвости.

Она особенно любила загонять свое стадо въ густую осиновую рощу, находящуюся почти на самой границѣ земель, принадлежащихъ селу. Ей невыразимо легко, весело, привольно было просиживать тутъ съ утра до вечера. Тутъ только запуганный, забитый ребенокъ чувствовалъ себя на свободѣ.

Передъ нею широко стлался зеленый лугъ; медленно и плавно расхаживали по немъ бѣлые какъ снѣгъ гуси, селезни и пестрыя утки, подвернувъ голову подъ сизое крылышко, лежали тамъ и сямъ неподвижными группами. Далѣе сверкала рѣка съ своими обрывистыми берегами, обросшими лопухомъ и кустарниками, изъ которыхъ мѣстами выбивались длинные, сухіе стебли дикаго щавеля и торчали фіолетовыя верхушки колючаго репейника. За рѣкою виднѣлось черное, взбороненное поле; далѣе, вправо, мѣстность подымалась горою. По главнымъ ея отлогостямъ, изрѣзаннымъ промоинами и проточинами, разростался постепенно все выше и выше сосновый лѣсокъ; мѣстами рыжее, высохшее дерево, вырванное съ корнемъ весеннею водою, перекидывалось черезъ оврагъ висячимъ мостомъ. Влѣво тянулось пространное болото; камышъ, кочки и черные кустарники покрывали его на всемъ протяженіи;

по временамъ цѣлыя вереницы дикихъ утокъ съ крикомъ поднимались изъ густой травы и носились надъ водою. Тамъ и сямъ синѣвшая холмистая даль перемежалась снова сребристыми блесками рѣки.

Безконечная сѣрѣющая даль, въ которой двигались почти незамѣтными точками телѣга, или спутанная лошадь, постепенно синѣла, синѣла, и наконецъ все болѣе и болѣе съуживавшіеся планы ея сливались мутною линіею съ сквознотою голубого неба.

Но природа нимало не плѣняла деревенской дѣвочки; невѣдомо пріятное чувство, подъ вліяніемъ котораго находилась она, было въ ней совершенно безотчетно. Случайно ли избрала она себѣ эту точку зрѣнія, лучшую по всей окрестности, или инстинктивно почувствовала обаятельную ея прелесть—неизвѣстно; дѣло въ томъ, что она постоянно просиживала тутъ съ разсвѣта до зари.

Развѣ выводили ее изъ раздумья однообразное кукованье кукушки, крикъ иволги или коршунъ, который распластавъ широкія крылья свои, вдругъ, откуда ни возьмись, кружась и вертясь, появлялся надъ испуганнымъ ея стадомъ. Акуля вскакивала тогда, блѣдное личико ея покрывалось яркимъ румянцемъ; она начинала бѣгать и суетиться, хмурила сердито узенькія свои брови и, размахивая по сторонамъ длинною хворостиною, казалось, готовилась съ самоотверженіемъ защищать слабыхъ своихъ питомцевъ.

Наступалъ вечеръ. Поля, лощина, лугъ, обращенные росою и туманомъ въ безконечныя озера, мало по малу исчезали во мглѣ ночи; звѣзды острымъ своимъ блескомъ отражались въ почернѣвшей рѣкѣ, сосновый лѣсъ умолкалъ, наступала мертвая тишина, и Акуля снова направлялась къ околицѣ, слѣдя съ какою-то неребяческою грустью за стаями галокъ, несшихся на ночлегъ въ теплыя, родныя гнѣзда.

Съ возрастомъ, по мѣрѣ того, какъ сиротка становилась разумнѣе, постоянное это одиночество обратилось не только въ привычку, но сдѣлалось для нея потребностью. Оно было единственнымъ средствомъ, избавлявшимъ ее отъ побоевъ скотницы и толчковъ встрѣчнаго и попереч-

наго. Всеобщее отчужденіе, которое испытывала она со стороны окружающихъ, какъ круглая сирота, и которое съ нѣкоторыхъ поръ какъ-то особенно тяготило ее, также не мало способствовала подобному расположенію.

III.

Вьюги зимнія,
Вьюги шумныя
Напѣвали намъ
Пѣсни чудныя!

Наводили сны,
Сны волшебные,
Уносили въ край
Заколдованный!

Кольцовъ.

Постоянное отдаленіе Акули отъ жителей скотнаго двора и одинокая жизнь, производили на ея дѣтство сильное вліяніе. Прежде еще, когда неотлучно оставалась она при людяхъ, приластится, бывало, къ тому, къ другому, или вымолвитъ ласковое слово, не взирая на толчки, которыми часто отвѣчали ей на ласки; теперь же, едва успѣетъ вернуться съ ноля, какъ тотчасъ забьется въ самый темный уголъ, молчитъ, не шевельнется даже, боясь обратить на себя вниманіе. Каждый разъ, когда достойные всякаго состраданія гуси, продрогнувъ отъ холода, располагали идти во-свояси, а слѣдовательно доставляли и сироткѣ случай погрѣться, она входила въ избу съ какимъ-то страхомъ, смущеніемъ, трепетомъ — чувствами, проявлявшимися прежде не иначе, какъ вслѣдствіе приключившагося съ нею несчастія.

Ребенокъ одичалъ наконецъ до того, что разъ, безъ особенной причины, цѣлые трое сутокъ кряду не возвращался домой съ своимъ стадомъ; — голодъ только могъ вынудить его покинуть поля и рощу.

Первое зазимье и морозы возвращали, однако, волею-неволею полуодичалую сиротку на скотный дворъ.

Въ это время года, когда всѣ, отъ мала до велика, не исключая даже домашнихъ животныхъ, столпляются

вмѣстѣ подъ одною и тою же кровлею—она снова сблизилась нѣсколько съ семействомъ скотницы.

Зимою, образъ жизни въ избѣ какъ-то всегда собираетъ разбредшихся поселянъ во-едино.

Многочисленность семьи, тѣсное, неудобное помѣщеніе, работа, дѣлающаяся въ эту пору болѣе общею, домашнею — все это, вынуждая каждаго входить тѣснѣе въ отношенія другого, невольно сродняетъ ихъ между собою.

Хотя Акуля дѣйствительно сблизилась зимою съ жителями скотнаго двора, однако сближеніе это у ней было болѣе внѣшнее, нежели нравственное.

Робкій и тихій нравъ дѣвочки, притомъ постоянно грубое обхожденіе, которому она подвергалась — все это должно было отталкивать ее отъ задушевныхъ съ ними сношеній.

Одни разсказы и каляканье, на которые годъ тому назадъ не обращала она ни малѣйшаго вниманія, и которые теперь, съ двѣнадцатилѣтнимъ возрастомъ, какъ-то особенно начали возбуждать любопытство, присоединяли иногда ее къ общему кругу.

Въ длинные зимніе вечера, изба скотницы Домны, какъ почетной гражданки села, наполнялась сосѣдками и кумушками, заходившими покалякать о томъ, о семъ, о дѣлахъ того или другого.

Усядутся, бывало, въ кружокъ, кто на лавкѣ, кто попросту — наземь, каждая съ какимъ нибудь дѣломъ, прялкою, гребнемъ или коклюшками, и пойдутъ, и пойдутъ точить лясы, да баить про иное бывалое время.

Сначала всѣ сидятъ молча — никто не рѣшается перекинуться словомъ. Въ избѣ стихнетъ. Веретена гудятъ, трещитъ лучина, сверчокъ скрипитъ за подполицею, или тишина прерывается плачемъ котораго нибудь изъ малолѣтнихъ ребятъ скотницы, проснувшагося внезапно на палатяхъ отъ тяжкаго сновидѣнія.

Но потомъ, мало по малу, гости оживляются, все въ избѣ принимаетъ участіе въ росказняхъ, и каждый въ свою очередь старается вставить красное словцо. Даже девяностолѣтняя мать Домны измѣняетъ вѣчно лежачему

своему положенію и, свѣсясь съ печки, прислушивается однимъ ухомъ къ диковиннымъ разсказамъ сосѣдокъ.

Чѣмъ далѣе, тѣмъ рѣчи становятся бойчѣе и бойчѣе. То Кондратьевна, старуха бывалая, слывшая по деревнѣ лекаркою и исходившая на вѣку своемъ много—въ Кіевъ на богомолье и въ разные другіе города,—приковываетъ вниманіе слушателей; то тетка Арина, баба также не менѣе прыткая и которая, какъ говорили ея товарки «изъ семи печей хлѣбы ѣдала», строчитъ сказку свою узорчатую, то, наконецъ, громкій оглушающій хохотъ раздается вслѣдъ за прибаутками другой, не менѣе торопливой кумы. Много разныхъ разностей говорилось на засидкахъ у Домны. Бабій языкъ, какъ извѣстно, и смирно лежитъ, а ужъ какъ пойдетъ вертѣться, какъ придетъ ему пора,—такъ что твои три топора—и рубитъ, и колетъ, и лыки деретъ! Примѣрно, хоть тетка Арина; ужъ какъ начнетъ раздобаривать, такъ нагородитъ такого, что и ввѣкъ рѣчи ея въ забыть нейдутъ. Иной разъ такъ настращаетъ, что всѣ только и знаютъ — крестятся, да изподлобья на стороны поглядываютъ; про дѣвокъ и говорить нечего: мертвецы-мертвецами сидятъ—хоть въ гробъ клади! Куда мастерица была всякое диво размазать. Да вотъ, разъ рѣчь зашла о томъ, что значитъ въ добрый часъ молвить, а что въ худой; такъ она такое приплела, что сколько ни слушало народу—такъ вотъ и поскакало съ лавокъ.

«Вотъ» говоритъ: «бываютъ такія неразумныя бабы изъ нашего брата, что за пустое корятъ, да хаятъ дѣтей своихъ самыми недобрыми словами, «анаѳема» скажутъ, или «провались ты», или «возьми тебя, нечистый». Оно кажется—ничего, анъ глядь—и во вредъ ребенку ложится такое злое слово; долго ли накликать бѣду!

«Такъ-то прилучилось у насъ съ Дарьею, снохою Григорья. Пришла она съ поля, сердечная; устамши что ли была, или другое что, Господь ее вѣдаетъ, только и завались она прямо на палати. Мальчишка-то у ней дома въ люлькѣ лежалъ; вотъ, какъ словно на зло, расплакался на ту пору. Зачала Дарья унимать его. Унимала, унимала—нѣтъ, реветъ, себѣ знай; куда осерчала наша Дарья;

встать вѣстимо не хочется —поясницу больно поразломило,—тутъ недобрый стихъ и найди на нее: «непутный», говоритъ, «возьми тебя нечистая сила». Парнишка какъ будто къ слову такому вдругъ и затихъ; Дарья обрадовалась, повернулась на другой бокъ, подкинула подъ себя мужнину овчину, да и завалилась спать. И молитвы даже не сотворила она надъ младенцемъ послѣ такого слова—ужъ такъ вѣрно, дрема взяла ее сердечную.

«А слово-то, видно, сказано было не въ добрый часъ.

«Спитъ Дарья. Вдругъ стало ей что-то неладно; такъ вотъ къ самому сердцу и подступаетъ, инда въ потъ кинуло. Она обернулась отъ стѣны къ люлькѣ, взглянула въ полглаза на ребенка, —смотритъ... подполица разступилась на двое, и отколь ни возьмись, выходитъ большущая женщина, вся въ бѣломъ закутана... вышла, да прямо къ люлькѣ, и протягиваетъ руки къ парнишкѣ, наровитъ взять его...

«Дарья испугалась, незнать куда и сонъ дѣвался; и вскрикнуть-то ей хочется, да не можетъ, вся словно окоченѣла; а бѣлая женщина все ближе да ближе протягиваетъ руки... видитъ Дарья, что достала она парнишкуто, да и взяла къ себѣ на руки...

«Мѣсяцъ въ ту пору вышелъ и свѣтитъ къ ней въ избу—словно днемъ,—виднымъ виднешенько.

«Вспомнила Дарья свой великій грѣхъ; такъ въ головѣ все и завозилось у ней; какъ взвизгнетъ!.. Врагъ его знаетъ, какъ это сталося,—все сгинуло разомъ; Дарья вскочила съ палатей, да прямо къ люлькѣ; глядь—а парнишка-то лежитъ себѣ мертвешенекъ; головка просунута въ веревку, на которой виситъ люлька, и рученками-то ухватился за нее: весь посинѣлъ — знать, ужъ нечистая сила больно вздосадовала на Дарью, да и удавила его. Вздули лучину,—и такъ и сякъ, и туда и сюда, и отецъто прибѣжалъ, и всѣ-то въ домѣ, кто былъ, подскочили—нѣтъ, ничѣмъ не помогли. Какъ ни убивалася Дарья, да видно не на шутку стряхнулось на нее горе—пришлось хоронить парнишку!»

Акуля болѣе всего напрягала вниманіе, когда рѣчь заходила о томъ, какимъ образомъ умерла у нихъ въ селѣ

Мавра, жена бывшаго пьяницы пономаря—повѣствованіе, безъ котораго не проходила ни одна засидка и которое тѣмъ болѣе возбуждало любопытство сиротки, что сама она не разъ видѣла пономариху въ полѣ и встрѣчалась прежде съ нею часто на улицѣ. Кончину Мавры объясняли слѣдующимъ образомъ:

Однажды пономариха отправилась было за грибами въ дремучій боръ (котораго, между прочимъ, вовсе и не было въ селѣ, или окрестностяхъ). Не успѣла она поднять трехъ рыжиковъ, вдругъ слышится ей, что кто-то перекликается между деревьями. Вотъ она и стала прислушиваться: все словно какъ будто опять стихло, листъ не шелыхался. Мавра снова стала искать грибы, набрала ихъ безъ малаго до верху котомки, да и идетъ на дорогу, чтобъ скорѣе къ дому; анъ не тутъ-то было. Лѣшій и перекинься ей поперегъ пути... Ходила, ходила пономариха, плутала, плутала: куда ни ступитъ, кустъ да трава, а проселка-то и не видать, словно сгинулъ; а ауканье-то въ лѣсу все сильнѣе, да сильнѣе... Что далѣе было, то невѣдомо; а вотъ, на другой день раннымъ рано, съ разсвѣтомъ, Гаврюшка конторщикъ, возвращаясь изъ города съ барскими письмами, видитъ на самой межѣ бѣлѣется что-то: пень не пень, камень не камень: глядь, анъ Мавра-то и лежитъ навзничь; и руки посинѣли, и тѣло-то все избито и понева разодрана... Думалъ, думалъ Гаврюшка, да дѣлать, видно, нечего было; не оставить же такъ тѣла христіанскаго на съѣденье волкамъ: онъ взвалилъ его на телѣгу, да и привезъ въ село прямо къ мужу. Мавра очнулась только къ вечеру, да будто языкъ у нея отнялся, слова не молвитъ. Пономарь былъ въ ту пору буявый, навеселѣ: давай выпытывать по свойски жену. Ужъ онъ ее колотилъ, колотилъ, билъ, билъ куда ни попало, въ голову, и въ грудь, и въ спину, лишь бы не мимо; Мавра все ни гугу; а на третій-то день глядь и душу отдала—померла, родимая; знать ужъ такъ суждено ей было сердечной, али сама въ чемъ виновата была, что подпустила къ себѣ нечистую силу. Вѣстимо, коли душа чиста, такъ и злой духъ тебя не тронетъ.

Далѣе, словоохотливая разсказчица распространялась

обыкновенно о томъ, какъ вообще мертвецы ненавидятъ живыхъ людей за то, что послѣдніе остаются на землѣ какъ бы взамѣнъ ихъ и пользуются всѣми мірскими благами и удовольствіями. Она присовокупляла тутъ же въ доказательство справедливости словъ своихъ, что всѣмъ извѣстный кузнецъ Дронъ вскорѣ послѣ смерти сталъ являться въ селѣ, пугалъ всѣхъ, и что кума Татьяна сама, своими глазами видѣла его разъ за барскимъ овиномъ.

Акулина притаивала дыханіе, и сердце ея стучало сильно, сильно, когда Кондратьевна, старая лекарка, подтверждала все это, увѣряя даже, что Дронъ, злобствовавшій на нее еще при жизни, дѣйствительно являлся въ селѣ, бывалъ у ней въ избѣ, переходилъ изъ окна въ окно, изъ воротъ въ ворота, шарилъ по всѣмъ угламъ и акуратно выпивалъ у ней каждую ночь въ погребѣ сливки. Она разсказала, что вскорѣ послѣ того, какъ пали у нея двѣ коровы, рыжонка и бѣлянка, кузнецъ Дронъ пересталъ таскаться по деревнѣ, и объясняла чудо тѣмъ, что братъ тогдашняго старосты, Силантій, раздосадованный, вѣроятно, ночными проказами кузнеца и желая въ конецъ отвадить бѣду, раскопалъ его могилу, положилъ тѣло грѣшника ничкомъ и вбилъ ему въ спину длинный-предлинный осиновый колъ.

Слушая всѣ эти чудеса, Акуля едва отъ страха переводила духъ; то замирало въ ней сердце, то билось сильно, и не разъ въ вечеръ личико ея покрывалось холоднымъ потомъ. По временамъ, ослабѣвшій свѣтъ лучины вдругъ угасалъ отъ невниманія присутствующихъ, развлекаемыхъ интереснымъ повѣствованіями и разсказами, и тогда бѣдному ребенку казалось, что вотъ-вотъ выглядываютъ изъ-за печурки домовой, или, какъ называютъ его въ простонародьи, «хозяинъ», или всматривается въ нее огненными глазами какое-то рогатое, безобразное чудовище; все въ избѣ принимало въ глазахъ ея страшные образы, пробуждавшіе въ ней дрожь. Засидки бабъ длились иногда за полночь. Истомленная Акуля, не смотря на возрастающее любопытство и усилія избавиться отъ дремоты, болѣе и болѣе покорялась, однако, ея вліянію; русая головка ея медленно склонялась на плечо, глаза

смыкались, и она засыпала наконецъ крѣпкимъ сномъ. Часто слухъ ея какъ будто прояснялся, между тѣмъ, какъ вся она оставалась въ томъ разслабленномъ состояніи, похожемъ на летаргію, и внятно слышались ей тогда отрывистыя рѣчи гостей скотницы, долго еще за полночь толковавшихъ о дѣяніяхъ одноглазаго лѣшаго, чужого домового, моргуньи-русалки, вѣдьмы кіевской и сестры ея муромской, бабы-яги костяной ноги и птицы-гаганы...

Всѣ эти диковины, которыя съ такимъ любопытствомъ выслушивала Акуля въ продолженіе зимы, сильно распаляли ея воображеніе. Но робкій нравъ ребенка, притомъ всегдашній гнетъ, подъ вліяніемъ котораго находился онъ, и, въ добавокъ, грубыя насмѣшки, съ которыми встрѣчены первыя его попытки высказать окружающимъ все, что лежало на сердцѣ, невольно заставили его хоронить въ себѣ самомъ свои впечатлѣнія и не выбрасывать ихъ наружу. Такое сосредоточеніе въ себѣ своихъ мыслей и ощущеній, какого бы ни были они свойства, должно было развить разсудокъ дѣвочки несравненно скорѣе, нежели бы это могло случиться при другихъ обстоятельствахъ. Впрочемъ, въ жизни сиротки являлись случаи, когда она разомъ высказывала все, что по цѣлымъ мѣсяцамъ мало по малу накоплялось въ головѣ ея. Это бывало не иначе, однако, какъ когда удавалось ей попасть въ кружокъ людей совершенно стороннихъ, не принадлежащихъ даже къ вотчинѣ.

Калики и побирушки перехожія, заносимыя иногда Богъ знаетъ какимъ вѣтромъ въ ихъ деревню, чаще всего доставляли Акулѣ подобные случаи.

Когда двѣ или три такія старушонки, преслѣдуемыя съ остервенѣніемъ по всей улицѣ воемъ и лаемъ собакъ, останавливались передъ окнами скотнаго двора, затягивая тощимъ голосомъ обычную свою стихеру:

«Семь, семь кралей,
Семь кесарей,
Пошли пришли поклониться
Христу-Спасителю...
Подайте, отцы родные, милостинку,
Во имя Христово...»

Акулѣ уже не сидѣлось на мѣстѣ, такъ ее и подмывало. Всегда почти находила она случай выбѣжать вонъ изъ избы. Она пряталась сначала въ куриный хлѣвъ, чтобъ отстранить подозрѣнія скотницы, потомъ потихоньку проползала въ узкое отверстіе между плетнемъ и землею и вырывалась на свободу. Она пускалась тогда во всю прыть по заднимъ дворамъ, перескакивала гряды капусты и огурцовъ, огибала огороды, господскую ригу, и наконецъ вся въ попыхахъ останавливалась за околицею. Тутъ Акуля, прислонившись къ старой высокой рябинѣ, съ трепетомъ ожидала минуты, когда нищенки выйдутъ изъ села. Осмотрѣвшись кругомъ и убѣдившись, что никто не слѣдуетъ за нею, рѣшалась она присоединиться къ нимъ. Тогда между каликами и Акулею завязывался разговоръ. Тѣ, какъ водится, начинали съ распросовъ о томъ, есть-ли въ селѣ баринъ, строгъ ли съ мужиками, есть ли барыня и барченки, о томъ, кто староста, старъ ли, молодъ ли онъ; потомъ мало по малу объясняли Акулѣ, что вотъ-де онѣ ходятъ изъ села въ село, собираютъ хлѣбецъ да копѣечки во имя Христово, заходятъ въ монастыри, бываютъ далече, въ Кіевѣ и Іерусалимѣ, на богомольѣ, и что, наконецъ, жутко приходится имъ иногда жить на бѣломъ свѣтѣ. Акуля внимательно слѣдила за каждымъ словомъ старушекъ: ей такъ рѣдко удавалось слышать ласковую рѣчь! И вотъ, обрадовавшись случаю, она разспрашивала ихъ и о Іерусалимѣ, и о городахъ, и о томъ, такъ ли живутъ тамъ, какъ въ селѣ, есть ли также церковь и будетъ ли она въ вышину равняться съ большимъ вязомъ, разросшимся вонъ тамъ, далече-далече у нихъ на погостѣ, и т. д. Распросамъ не было конца.

Сиротка вспомнила наконецъ, что зашла далеко; села не было видно; побои и ругательства тотчасъ же мелькали въ головѣ ея. Скрѣпивъ сердце, она прощалась съ своими спутницами и снова пускалась во всю прыть по дорогѣ. Между тѣмъ, сколько новыхъ впечатлѣній волновали душу бѣднаго ребенка! какъ часто останавливалась она въ нерѣшимости, сама не зная, бѣжать ли ей впередъ, къ дому, или назадъ вернуться и не разлучаться болѣе съ добрыми каликами перехожими... Но страхъ

бралъ обыкновенно верхъ, и сирота принималась снова бѣжать къ старой рябинѣ, осѣнявшей околицу села.

Трудно сказать, о чемъ могла думать тогда деревенская дѣвочка, но дѣло, однако, въ томъ, что при постоянномъ одиночествѣ и самозабвеніи, разсудокъ ея не могъ никоимъ образомъ оставаться въ совершенномъ бездѣйствіи...

IV.

Такъ и рвется душа
Изъ груди молодой:
Хочетъ воли она,
Проситъ жизни другой!

Кольцовъ.

Мужъ Домны, являвшійся домой только по праздникамъ, неизвѣстно отчего оставилъ вдругъ миткалевую фабрику, на которой работалъ нѣсколько лѣтъ сряду, и переселился съ своимъ станомъ къ женѣ на скотный дворъ.

Обстоятельство это сильно озадачило Домну: она предвидѣла всѣ хлопоты и заботы, которыя упадутъ на нее съ такою перемѣною.

Карпъ началъ съ того, что потребовалъ себѣ помощницу; потомъ, волею неволею должны были уступить ему чуть ли не половину избы, безъ того уже загроможденную корчагами, лагунами, крынками, кадками и лукошками; далѣе, предчувствія Домны также не обманули ее. Карпъ на слѣдующій же день натянулся сивухи, должно быть припасенной имъ заранѣе, и задалъ таску всѣмъ, кто только попадался ему на глаза: досталось и самой хозяйкѣ дома. А отвадить бѣду, избѣжать всѣхъ этихъ непріятностей, не было возможности, ибо, какъ выражалась сама скотница, Карпъ не терпѣлъ ни въ чемъ супротивности. «Ладно», говорила она бабамъ, упрекавшимъ ее въ слабости: «подит-ка, сунься перечить ему, такъ, кажись, только и жилъ; закажу другу недругу.» Домна не упала, однако, духомъ; она какъ можно скорѣе, чтобъ только усадить мужа за работу, назначила ему помощ-

ницу. Такая завидная доля, разумѣется, могла пасть не иначе, какъ на Акулину, дѣвку самую безотвѣтную, смирную и притомъ болѣе другихъ пріученную къ повиновенію.

Карпъ былъ мужикъ крутой и несговорчивый. Нѣкоторые барыши, получаемые имъ сверхъ оброка, и разгульная фабричная жизнь, сдѣлали изъ него, особенно въ послѣднее время, горькаго пьяницу и еще болѣе расположили къ буйству. И трезвый-то никому добромъ не промолвитъ,—лается словно собака, а какъ почнетъ пить—такъ лучше бѣги изъ дому вонъ. Самъ сознавался Карпъ, что бывалъ во хмѣлю куда неугомоненъ. Ужъ чего ни дѣлали съ нимъ: и знахоря-то призывали заговорить его противъ хмѣля, и Кондратьевна не разъ изощряла свои знанія въ лекарскомъ дѣлѣ, и управляющій сѣкалъ Карпа, больно сѣкалъ,—нѣтъ, встряхнетъ, бывало, Карпъ забубенною, непутною своею головушкой, когда окончится экзекуція, да вымолвитъ: «Покорно благодарю, Андрей Андреевичъ, что дурака учить изволите,» и снова принимается за косушку. Ничто не помогало!

Съ первыхъ же дней, житья отъ него въ домѣ не стало; заходитъ ли кто изъ сосѣдей или сосѣдокъ въ избу — подымались брань, ссоры, нерѣдко кончавшіяся даже дракой, такъ что вскорѣ никто и не сталъ заглядывать къ скотницѣ. Сама она, подверженная безпрерывно буйнымъ выходкамъ мужа, сдѣлалась какъ-то еще сварливѣе, заносчивѣе, и съ большимъ еще остервенѣніемъ взъѣлась на все окружающее.

Трудно выразить отчаяніе горемычной сиротки; новое назначеніе не только лишало ее свободы, но даже неотлучно подчиняло Карпу, къ которому еще съизмала чувствовала она особенный страхъ.

Въ началѣ старалась она всѣми силами угождать ему; но усердіе ея оставалось рѣшительно незамѣченнымъ. Иногда, безъ всякой причины (и это случалось всего чаще) приходилось терпѣть; нитка ли порвется, защемитъ ли Карпъ челнокомъ палецъ, или просто случится повздорить ему съ женою — колотитъ Акулю, благо она подъ рукою! Молча покорилась наконецъ бѣдная дѣвушка горь-

кой своей участи. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и Акулина, какъ бы наканунѣ своего заточенія, не переставала тосковать по прежней своей беззаботной и одинокой жизни. Съ наступленіемъ лѣта изба и ея жители становились сироткѣ еще нестерпимѣе. Все оживало вокругъ нея, все какъ будто радовалось. Едва заблистаютъ первые лучи солнца въ окнахъ избы, зазолотятся свѣжія, подернутыя росою поля и раздастся звонкое чиликанье воробьевъ на кровлѣ, всѣ, отъ мала до велика, спѣшили вырваться изъ душной избы. Бабы шли въ огороды, ребята и дѣвки цѣлыми ватагами отправлялись въ только что опушившійся лѣсъ за первыми ягодами — одна она не смѣла шевельнуться съ мѣста и должна была сиднемъ сидѣть за пряжею и шпулями. Къ вечеру или обѣду, вернутся веселыя толпы на домъ, натащатъ полную избу вѣнковъ да молодыхъ вѣтвей; разольется по всей избѣ запахъ свѣжей зелени... Сколько грусти ложилось тогда на душу сиротки, сколько тайныхъ, никому неизвѣстныхъ страданій тѣснило ее, бѣдную!..

Иногда удавалось Акулинѣ вырваться подъ какимъ нибудь предлогомъ на минуту изъ дому; не нарадуется, бывало, своему счастію, не утерпитъ — выбѣжитъ за ворота, и грусть какъ бы исчезнетъ и тоска сойдетъ съ сердца.

И вправду, хорошъ и упоителенъ Божій день въ ведряное, теплое лѣто; какое ликованье во всей природѣ, во всемъ мірѣ! все трепещетъ жизнью, все проникнуто ею; каждая травка, каждое растеніе издаетъ какой-то шелестъ, сливающійся въ стройную, нѣжную гармонію; все, на что устремляются взоры, наполняетъ душу радостнымъ, непостижимо-прекраснымъ чувствомъ. Съ жадностью вдыхала Акулина въ расширявшуюся грудь свою пахучія струи воздуха, приносимыя съ поля; всматривалась она тогда въ зеленѣющій лугъ, забрызганный пестрыми цвѣтами, въ эту рощу, гдѣ беззаботно, счастливо даже, просиживала она когда-то по цѣлымъ днямъ, съ красной утренней зари до минуты, когда послѣдніе блѣдные лучи заходящаго солнца исчезали за сельскимъ погостомъ. Но непродолжительны были такія минуты: какъ разъ грубый

голосъ Карпа возвращалъ ее къ горькой дѣйствительности. Скрѣпя сердце, подходила она къ воротамъ; а между тѣмъ вдалекѣ, по улицѣ, съ веселыми пѣснями и кликами неслись купаться цѣлые рои молодыхъ дѣвокъ: всѣ, кто только былъ молодъ изъ нихъ по деревнѣ, спѣшилъ присоединиться къ веселой толпѣ, и одна только Акулина-сиротинка утирала слезу, да спѣшила запереть за собою дверь тѣсной, душной лачуги...

Бываютъ случаи въ жизни человѣка,—къ какому бы ни принадлежалъ классу общества,—которые хотя и кажутся съ перваго взгляда ничтожными, нестоющими вниманія, но совсѣмъ тѣмъ они часто рѣшаютъ судьбу его, или же производятъ въ немъ сильные перевороты нравственные. Иногда такъ нечувствительно бываетъ ихъ дѣйствіе, что само лицо, на которое они стряхиваются, не замѣчаетъ его.

Разъ какъ-то (это было въ самую страдную пору лѣта), большая часть жителей села Кузьминскаго отправилась въ сосѣднюю деревню праздновать, какъ водится между сосѣдями, приходскій праздникъ. На всемъ скотномъ дворѣ осталась одна только Акулина. День былъ невыносимо зноенъ; душно было ей сидѣть подъ навѣсами, и она вышла за ворота. Деревня словно вымерла, все было тихо, нигдѣ живой души. Акулина перелѣзла чрезъ околицу и почти машинально своротила на проселокъ, огибавшій безконечное поле ржи, только что золотившейся отъ цвѣта. Солнце горѣло высоко и знойно. Потъ градомъ катился по исхудавшимъ щекамъ сиротки, а между тѣмъ она все шла да шла впередъ, влекомая какимъ-то страннымъ чувствомъ. Въ полѣ, въ рощѣ, въ воздухѣ царствовало безмолвіе; ничто не шелохнулось, не отзывалось жизнью, кузнечикъ пріутихъ и не трещалъ въ тѣсной травѣ; даже гибкіе, длинные стебли дикаго чеснока съ ихъ тучною верхушкою стояли неподвижно на закраинѣ дороги. Густой паръ подымался отъ земли и растеній, и душно было въ переливающихся струяхъ воздуха.

Акулина миновала поле и почти незамѣтно очутилась близъ церкви, на погостѣ. Вырытая свѣжая яма, на которую она случайно набрела, вывела ее изъ раздумья.

Дрожь пробѣжала по всѣмъ членамъ сиротки; ей стало страшно; безотчетное чувство, котораго, впрочемъ, никакъ, никогда, не могла она побѣдить въ себѣ, обдало холодомъ ея внутренность. Акулина бросилась бѣжать. Она уже была на самомъ почти концѣ кладбища, и вдругъ какъ вкопанная остановилась передъ одною заросшею могилкою, едва выглядывавшею изъ за плетня, ограждавшаго церковь. Акулина вспомнила, что давно, много лѣтъ назадъ, на ѳоминой недѣлѣ, во время поминокъ, кто-то сказалъ ей, что тутъ погребена ея мать.

Была ли она задолго еще передъ тѣмъ, подъ вліяніемъ грустнаго чувства; тяготило ли ее, болѣе чѣмъ когда нибудь, одиночество, или была другая какая причина, но только вся жизнь, всѣ горести, вся судьба ея прояснились, пробудились и разомъ отозвались въ ея сердцѣ; въ эту минуту, съ мыслью о матери, какъ бы впервые сознала она всю горечь тяжкой своей доли. Она долго стояла въ какомъ-то оцѣпенѣніи; слезы ручьями текли по блѣднымъ щекамъ ея и капали на руки, на грудь, на рубашку... Наконецъ, горе Акулины разразилось и какъ бы сломило ее... болѣзненное рыданіе вырвалось изъ груди; она грохнулась грудью на тощую могилку и, судорожно обхвативъ ее руками, осталась на ней безъ движенія...

Вечерѣло. Домна, вмѣстѣ съ ребятами и работниками, возвратилась домой послѣ сосѣдней пирушки. Входя въ избу, крайне удивлены были они не видя Акулины, ибо ни на дворѣ, ни подлѣ амбаровъ, ни даже подъ навѣсами, ее также не встрѣчали. Изба была пуста. Только куры, какъ видно, уже влетѣвшія давно въ растворенныя настежъ двери, бѣгали по столамъ и лавкамъ. Скотница и работницы начали шарить по всѣмъ угламъ избы, какъ вдругъ совершенно неожиданно, услышали за печкою вздохи. Домна взгромоздилась за ушатъ и чуть не вскрикнула отъ изумленія. Акулина, закутавъ голову овчиннымъ тулупомъ, и какъ-то сверхъестественно скомкавшись, лежала навзничь въ тѣсномъ, неуклюжемъ углу между печкою и стѣною. Это обстоятельство тѣмъ болѣе удивило Домну, что никогда не случалось ей видѣть, чтобъ съ сироткою было что-нибудь подобное.

Скотница подошла ближе и стала толкать ее что есть мочи. Ея старанія оставались, однако, безъ всякаго дѣйствія. Удивленіе присутствующихъ возрастало съ каждою минутою. Домна, выведенная наконецъ изъ терпѣнія, вытащила Акулину на середину пола, прислонила ее къ скамьѣ и раскутала ей голову.

— Что буркулы-то выпучила? сказала она, принимаясь снова тормошить дѣвку:—столбнякъ нашелъ, что-ли? Ну, чего смотришь какъ шальная какая?.. встань, говорятъ тебѣ... эхъ-ма! ишь какъ реветъ, полоумная... словно махонькая какая... право-ну... Ахъ ты, дура, дура!.. вишь какъ рубашку вымочила слезами-то своими глупыми... Пошла, просушись... скотина ты этакая... право-ну...

Акулина, очнувшись совершенно, вскочила съ земли, закрыла лицо руками и, какъ угорѣлая, качаясь изъ угла въ уголъ, потащилась вонъ изъ избы.

Нѣсколько дней спустя послѣ этой сцены, обыватели скотнаго двора замѣтили большую перемѣну въ сироткѣ. «Что съ ней? Эка расторопная вдругъ стала!» говорили они: «отколѣ прыть взялась? словечка не вымолвитъ, а работаетъ, куды противъ прежняго,—словно пріохотилась къ дѣлу». Они единогласно утверждали, что впрокъ пошли дѣвкѣ побои, что наконецъ-то обратили они ее на путь истинный. И дѣйствительно, что-то странное произошло во всемъ существѣ Акулины.

Дѣйствія и движенія ея стали обозначать болѣе сознанія и обдуманности, нежели случайности; она какъ бы разомъ обрѣла и силу воли и твердость характера. Преимущества, которыми пользовались передъ нею остальные жители избы и которые прежде, можно сказать, были единственнымъ источникомъ ея огорченій, — перестали возмущать ее. Она, казалось, поняла настоящее свое положеніе.

Акулина замѣтнѣе стала отдѣляться отъ общаго круга жившихъ съ нею людей, и одна изъ самыхъ главныхъ заботъ ея состояла уже въ томъ, чтобъ безукоризненнымъ, точнымъ исполненіемъ работы и обязанностей отклонять отъ себя всякаго рода отношенія, которыя могли бы возникнуть между ними и ею въ противныхъ обстоятельствахъ.

Внутреннее отчужденіе, чувствуемое ею еще съ дѣтства къ Домнѣ, проявилось теперь сильнѣе, чѣмъ когда нибудь: въ этомъ, впрочемъ, она рѣшительно не могла дать себѣ яснаго отчета. Замѣчательны также были старанія Акулины скрывать отъ окружавшихъ впечатлѣнія, производимыя на нее ихъ насмѣшками и оскорбленіями. Когда уже черезчуръ переполнялось сердце горемъ, она старалась всегда почти скрыться изъ вида; затискается куда нибудь подальше, въ амбаръ, или самую скрытную клѣть, и тамъ уже даетъ полную волю слезамъ своимъ. И въ эти-то горькія минуты стала представляться Акулинѣ, съ нѣкоторыхъ поръ возможность иной, лучшей жизни; передъ нею являлся съ раздирающею сердце ясностью родной кровъ, родная семья, и посреди всего этого мать, добрая мать, которую невыразимо сильно любила она... Грустными казались ей тогда сиротство и одиночество!

Мало по малу бѣдная дѣвка рѣшительно перестала принимать нравственное участіе во всемъ томъ, что дѣлалось вокругъ нея; происходило ли то на скотномъ дворѣ, въ селѣ, или сосѣдствѣ—ей было все равно.

V.

«Господинъ что плотникъ,—что захочетъ, то и вырубитъ».

Русская народная пословица.

Прошло три года. Въ жизни деревенской, какъ извѣстно, переворотовъ немного: все таже изба, тоже поле изъ двухъ, много-много изъ трехъ нивъ; тѣже вѣчно неизмѣнныя заботы и суеты. На скотномъ дворѣ точно также не могло произойти никакихъ особенныхъ перемѣнъ. Дни и мѣсяцы протянулись обычнымъ своимъ порядкомъ, не принося ни радостей, ни горя, за исключеніемъ развѣ рѣдкихъ, незначительныхъ потасовокъ, которыми награждалъ Карпъ того или другого, когда находила на него дурь рвать лишнюю косушку съ сватомъ

или кумомъ. Акулина просиживала подлѣ хозяина за станкомъ съ пряжею и мотками, а бабы по прежнему не переставали дивиться ея грусти и неотвязчивому раздумью. Конечно, этимъ только и ограничивалось ихъ участіе; каждая готова была раздабаривать вдоволь, между тѣмъ, какъ ни одна не подошла бы къ сироткѣ, не сказала бы ей: что съ тобою? о чемъ кручинишься? о чемъ тоскуешь?.. Впрочемъ, такое равнодушіе относится собственно къ работницамъ, лицамъ совершенно сторонним; чтожъ касается Домны—она, невѣдомо почему, съ нѣкоторыхъ поръ стала принимать необыкновенное участіе въ судьбѣ своей питомицы. Она безпрерывно повторяла сосѣдкамъ, что Акульку пора бы и замужъ, хоть бы въ другое какое село отдать, что ли; что Акулька уже давно на возрастѣ, давно въ порѣ и только сохнетъ какъ порошинка.

Несмотря, однако, на всю справедливость подобныхъ замѣчаній, свахи и не думали заглядывать на скотный дворъ, и если та или другая кумушка, исправлявшая на деревнѣ такую должность, завертывала въ избу скотницы, то это случалось не иначе, какъ въ качествѣ простой гостьи или сосѣдки. Никому на умъ не приходила сиротка-невѣста: ея какъ будто не было, какъ будто вовсе не существовала на свѣтѣ.

И протекла бы молодость Акулины, протекла бы до конца печальная жизнь ея такъ же тихо, безъ треволненій и переворотовъ, еслибъ въ селѣ Кузьминскомъ не случилось одного обстоятельства, разомъ измѣнившаго всю судьбу ея.

Пріѣхалъ баринъ.

Баринъ этотъ, отлучавшійся лѣтомъ изъ Петербурга не иначе, какъ куда нибудь на воды, заграницу, конечно и на этотъ разъ предпочелъ бы чужіе края скучной своей деревнѣ, еслибъ управляющій, собравшись наконецъ съ духомъ, не рѣшился доложить ему о плохомъ состояніи финансовъ и вообще о постепенномъ уменьшеніи доходовъ съ имѣній. Извѣстіе это, какъ слѣдуетъ, привело барина въ неописанную ярость.

Все обрушилось на управляющаго. Считая доклады

его чистою ложью, подозрѣвая его въ плутняхъ и мошенничествѣ (такъ водится обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ), рѣшился онъ самъ объѣздить многочисленныя свои помѣстья, чтобъ убѣдиться лично въ ихъ разстройствѣ.

Ему уже, правда, давно приходила мысль заглянуть туда хоть разъ, посмотрѣть, все ли шло тамъ должнымъ порядкомъ, да какъ-то все не удавалось: то какъ на зло одолѣютъ ревматизмы, и надо было покориться волѣ врача, предписавшаго непремѣнную поѣздку въ Баденъ или Карлсбадъ, а оттуда въ Парижъ, гдѣ по словамъ врача, только и можно было ожидать окончательнаго выздоровленія; то опять являлись какія нибудь домашнія обстоятельства: жена родила, или общество, въ которомъ баринъ былъ однимъ изъ любезнѣйшихъ членовъ, переселялось почти на все лѣто въ Петергофъ, или на Каменный островъ, на дачи; или же просто не случалось вдругъ ни съ того, ни съ сего, денегъ у нашего барина. Съ кѣмъ не бываетъ подобныхъ грѣховъ въ настоящее время?

Твердо рѣшившись на этотъ разъ пожертвовать двумятремя мѣсяцами весны и лѣта, баринъ поспѣшилъ сообщить свой планъ молодой супругѣ. Та, не смотря на трогательныя филантропическія цѣли, подъ предлогомъ которыхъ супругъ старался расположить ее къ скучной поѣздкѣ, хотя несравненно болѣе симпатизировала дачѣ на Каменномъ острову, однако послѣ многихъ толковъ и нѣжныхъ убѣжденій, кончила тѣмъ, что согласилась на предложеніе.

Такъ какъ поѣздка эта все же нѣкоторымъ образомъ была вынужденною со стороны супруговъ, то положено было вознаградить себя по крайней мѣрѣ, всѣмъ, что только могла доставить пріятнаго сельская жизнь. На этомъ основаніи, избрали они для своего мѣстопребыванія село Кузьминское, какъ самое богатое, привольное, живописное и притомъ заключающее въ себѣ довольно комфортабельный господскій домъ.

Хотя разсказчикъ этой повѣсти чувствуетъ неизъяснимое наслажденіе говорить о просвѣщенныхъ, образованныхъ и принадлежащихъ къ высшему классу людяхъ;

хотя онъ вполнѣ убѣжденъ, что самъ читатель несравненно болѣе интересуется ими, нежели грубыми, грязными и въ добавокъ еще глупыми мужиками и бабами, однакожъ, онъ перейдетъ скорѣе къ послѣднимъ, какъ лицамъ, составляющимъ, увы! главный предметъ его повѣствованія.

Онъ, къ глубочайшему своему прискорбію, не имѣетъ здѣсь достаточно времени и мѣста, чтобъ войти въ подробности касательно пріѣзда помѣщика, первыхъ его дѣйствій и распоряженій; ни слова не скажетъ о домашнемъ его бытѣ, а прямо перескочитъ на то мѣсто, гдѣ помѣщикъ выступаетъ уже какъ дѣйствующее лицо разсказа.

Прошли цѣлые два длинные-длинные мѣсяца. Баринъ и барыня давно соскучились и думали только, какъ бы поскорѣе вырваться изъ Кузьминскаго и ѣхать въ Петербургъ.

Полные такихъ мыслей, сидѣли они однажды утромъ на балконѣ передъ палисадникомъ. День былъ прекрасный; легкій вѣтерокъ колыхалъ полосатую маркизу балкона и навѣвалъ прохладу; палисадникъ, облитый горячими лучами полуденнаго солнца, блисталъ всею своею красою.

Но помѣщикъ, которому приглядѣлись даже берега Рейна, Тироль и Италія, не обращалъ рѣшительно никакого вниманія на все это. Онъ машинально глядѣлъ на скучную, сухую мѣстность, разстилавшуюся за садомъ.

— Посмотри, сказалъ онъ, наконецъ, женѣ, указывая пальцемъ на пыльную дорогу: — какъ ошибаемся мы, думая, что ужъ русскій простолюдинъ непремѣнно долженъ быть дюжій и здоровый: взгляни хоть вонъ на эту дѣвку... вонъ, вонъ, что идетъ по дорогѣ съ коромысломъ, еле-еле въ ней душонка держится... какая худая и желтая!

— Знаешь ли, Jean, не смотря на то, она довольно интересна.

— Да, пожалуй, если хочешь... Но воля твоя... elle a l'air bien bête... Постой, я подзову ее сюда...

— Ну, вотъ еще; Богъ съ ней!

— Ничего; я ужасно люблю говорить съ ними; ты не повѣришь, ma bonne, какъ люди эти бываютъ иногда забавны! Эй, дѣвка! дѣвка! закричалъ баринъ: — подойди сюда!

Дѣвка до того была занята своими ведрами, что не только не слышала голоса барина, но, казалось, даже совсѣмъ позабыла что шла мимо господскаго дома.

— Эй, дѣвка! дѣвка! продолжалъ кричать помѣщикъ.

Она подняла голову.

Первое движеніе ея ясно обнаруживало намѣреніе бросить тутъ же на мѣстѣ ведра и коромысло и пуститься въ бѣгство; но разсудивъ, вѣроятно, что уже было поздно, ибо всего оставалось нѣсколько шаговъ до балкона, гдѣ сидѣли господа, она поспѣшила отвѣсить низкій, пренизкій поклонъ.

— Подойди сюда, милая, не бойся.

Дѣвушка подошла съ видимымъ страхомъ и смущеніемъ.

— Ты чья? спросилъ баринъ.

— Домнина... едва внятно прошептала она.

— Кто такая Домна?

— Скотница.

— Что же, она тебѣ мать, что-ли?

— Нѣтъ.

— А мать гдѣ?

— Померла.

— Ну, а отецъ-то живъ?

— Померъ.

— Ты, значитъ, круглая сирота?

— Да...

— Не бойся, продолжалъ баринъ: — ну, чего же ты испугалась? А сколько тебѣ лѣтъ?

— Не знаю.

— Какъ тебя звать?

— Акулиной.

— Ну, что же, Акулина, тебѣ, я чай, замужъ пора? Небось, замужъ-то хочется? а?

Акулина стояла какъ вкопанная и только переминала красными руками свою пестрядинную юбку.

— Ну, отвѣчай же, когда спрашиваютъ тебя господа... Чего боишься? Говори: замужъ хочешь?

— Акулина не прерывала молчанія.

— Je vous avais bien dit, qu'elle était stupide, произнесъ баринъ, обращаясь къ женѣ.

— Mais aussi vous lui faites des questions... Cette pauvre fille! отвѣчала супруга.

— Ну, ступай, сказалъ онъ, слегка улыбнувшись:— ступай, Акулина; Богъ съ тобою... Знаешь ли, ma bonne amie, продолжалъ онъ, когда сиротка скрылась изъ вида:— сдѣлаемъ доброе дѣло: пристроимъ бѣдную эту дѣвку къ мѣсту, выдадимъ ее замужъ...

— Ахъ! и въ самомъ дѣлѣ! мнѣ давно хочется посмотрѣть на деревенскую свадьбу; говорятъ, обрядъ этотъ у нихъ чрезвычайно оригиналенъ...

— О, удивительно! Я непремѣнно доставлю тебѣ это удовольствіе, и завтра же прикажу старостѣ навести справки...

Но на другой день, какъ на зло, пріѣхало къ нимъ нѣсколько сосѣдей, и баринъ, вмѣсто того, чтобъ приказать старостѣ навести справки о деревенскихъ женихахъ, отправилъ его въ городъ для закупки разныхъ съѣстныхъ припасовъ, провизіи и шампанскаго.

Нѣсколько дней прошло въ пирахъ и охотѣ.

Сосѣди наконецъ разъѣхались.

Въ скоромъ времени, самъ владѣтель села Кузьминскаго сталъ приготовляться въ дорогу. За всѣми этими хлопотами, онъ, конечно, не могъ не забыть сиротки и, безъ сомнѣнія, вернулся бы въ Петербургъ, не вспомнивъ даже о намѣреніи пристроить бѣдную сиротку, еслибъ одинъ совершенно неожиданный случай не навелъ его опять на прежнюю мысль. Доложили, что мужички пришли и просятъ позволенія лично поговорить съ его милостью. Баринъ отправился въ прихожую, гдѣ крестьяне въ молчаніи ожидали его появленія.

Старый кузнецъ Силантій, его жена, братъ и старшій сынъ, парень превзродный, рыжій, какъ кумачъ, полинявшій на солнцѣ, вооруженные, какъ водится, яйцами, медомъ, караваемъ и пѣтухомъ, повалились на полъ, едва завидѣли господина.

— Встаньте, встаньте, проговорилъ съ достоинствомъ помѣщикъ:—вы знаете, я этого не люблю... встаньте, говорятъ вамъ...

Семейство кузнеца медленно и какъ бы нехотя приподнялось съ пола.

Одна жена Силантія противилась исполнить приказаніе и съ замѣтнымъ упрямствомъ продолжала валяться по землѣ, такъ что баринъ вынужденъ былъ на нее наконецъ вскрикнуть.

— Что вамъ надо? спросилъ помѣщикъ.

— Вотъ, батюшка, началъ Силантій:— не побрезгай, отецъ ты нашъ... Вы отцы наши, мы ваши дѣти, прими хлѣбъ-соль.

— Какіе вы глупые, право; сколько разъ говорено было не носить ко мнѣ ничего!.. Ну, куда мнѣ все это?

— Ужъ такъ водится у насъ, батюшка Иванъ Гаврилычъ, не обидь насъ, кормилецъ...

— Ну, ну... отдайте людямъ.

Вручивъ принесенное близъ стоявшимъ лакеямъ, старый кузнецъ снова повалился на земь и, какъ бы почувствовавъ себя теперь облегченнымъ отъ огромной тяжести, сказалъ гораздо развязнѣе и бойчѣе прежняго:

— Къ твоей милости пришли, Иванъ Гаврилычъ.

— Что такое?

— Заставь, батюшка, за себя вѣчно Богу молить...

— Ну, ну, ну...

— Да вотъ, отецъ ты нашъ... парню-то моему не то двадцатый годокъ пошелъ, не то болѣе, такъ пришли просить твоей милости, не пожалуешь ли ему невѣсты?..

— Пускай, братецъ, парень твой выберетъ себѣ какую ему угодно невѣсту... изъ любка любую выбираетъ; я не прочь, отнюдь не прочь.

— Дѣло-то, батюшка, Иванъ Гаврилычъ, такое приспѣло, что вотъ что хошь дѣлай: нѣтъ на деревнѣ у насъ ни одной дѣвки, да и полно, и не знать куда это подѣвались онѣ... мы на тебя и понадѣялись, отецъ нашъ... Заставь вѣчно Бога молить.

— Откуда же мнѣ взять невѣсту, братецъ, когда самъ ты говоришь, что ихъ нѣтъ у насъ?

— Дѣло знамое; оно вѣстимо такъ, батюшка... Да мы чаяли, буде твоей милости заугодно буде... вотъ въ сосѣднемъ-то селѣ—Посыпкино... такъ ему кличка, — вотъ

есть дѣвка, добрая, куда какая... Лѣтось еще, батюшка, Иванъ Гаврилычъ, смотрѣли мы ее и сваху засылали, да отецъ съ матерью дорого больно просятъ... а дѣвка знатная, спорая... Вотъ, батюшка, мы на ту пору и понадѣялись на тебя, чаяли, буде Господь Богъ дастъ, пожалуешь ты къ намъ, да не будетъ ли твоей милости... не заплатишь ли выводного за дѣвку... а ужъ онъ, Иванъ Гаврилычъ, куда парень гораздый, на всяко дѣло такой, что и!.. Батюшка! сдѣлай божеску милость, не откажи намъ...

— Постой, постой, прервалъ баринъ:—какъ же, братецъ, говоришь ты, нѣтъ у насъ невѣстъ... постой... да я знаю одну... Эй! кликнуть старосту.

Староста, стоявшій въ это время за дверью и по обыкновенію своему, или, лучше сказать, по обыкновенію всѣхъ старостъ, не пропустившій ни единаго слова изъ того, что говорилось между мужиками и бариномъ, не замедлилъ явиться въ переднюю.

— Что, Демьянъ, есть у насъ въ Кузьминскомъ невѣста?

— Есть, батюшка, Иванъ Гаврилычъ.

— Гдѣ?.. Въ какой семьѣ?

— Вотъ, сударь, примѣрно хошь на скотномъ дворѣ у скотницы есть работница...

— Ахъ, да, да ,я и забылъ... какъ бишь ее зовутъ-то?

— Акулиною, сударь.

— Да, Акулина, Акулина...

Кузнецъ и жена его замѣтно смутились; баринъ продолжалъ:

— Такъ что же ты врешь, Силантій, а? что жъ ты приходишь меня безпокоить по пустякамъ!

— Помилуй, отецъ ты нашъ! сказалъ Силантій; голосъ его дрожалъ и понизился цѣлою октавою, не то, что въ началѣ, гдѣ онъ думалъ, что баринъ де не смекаетъ ничего въ крестьянскомъ дѣлѣ, и что, слѣдовательно, легко будетъ обмишурить, надуть такого барина: — помилуй, продолжалъ онъ, не обиждай ты насъ, кормилецъ. Вы... вы вѣдь отцы наши, мы ваши дѣти... батюшка, Иванъ Гаврилычъ; какая же это невѣста?

— Что жъ?

— Сирота, батюшка, бездомная, и дѣвка-то совсѣмъ

хворая... Опричь того, батюшка, позволь слово молвить, больно ломлива, куды ломлива! умаешься съ нею... Ни на какую работу негодна... рубахи состебать не сможетъ... А я-то старъ сталъ, да и старуха моя тожъ... перестарились батюшка... Вѣстимо мы твои, Иванъ Гаврилычъ, изъ воли твоей выступить не можемъ, а просимъ только твоей милости, не прочь ты ее моему парню.

— Ахъ ты, старый дуралей! сказалъ баринъ, сердито топнувъ ногою:—если ужъ сирота, такъ по твоему ей и въ дѣвкахъ оставаться, а для олуха твоего сына искать невѣстъ у сосѣдей... Что ты мнѣ белендрясы-то пришелъ плесть? а?.. Староста! дѣвка эта дурного поведенія, что ли?

— Кажись, ничего не слыхать про нее на деревнѣ... дѣвка хорошая.

Нѣтъ сомнѣнія, что староста жилъ не въ ладу съ кузнецомъ Силантіемъ.

— Такъ чтожъ ты? а?..

— Не гнѣвись...

— Молчать!.. Слушай, Силантій! сейчасъ же, сію жъ минуту сватай Акулину за твоего сына... слышишь ли?..

— Слушаю, батюшка, Иванъ Гаврилычъ...

— Отправляйся же на скотный дворъ... Смотри, братъ... да чтобъ свадьбу съиграть у меня въ нынѣшнее же воскресенье... Вотъ еще вздоръ выдумалъ, если сирота, такъ и пренебрегать ею... а?..

Старуха Силантія не выдержала. Съ плачемъ и воплемъ бросилась она обнимать ноги своего господина.

— Батюшка! вопила баба:—отецъ ты нашъ! не губи парня-то... Дѣвка совсѣмъ негодная, кормилецъ; на всей деревнѣ просвѣту намъ съ нею не дадутъ, кажинный чураться насъ станетъ: чѣмъ погрѣшили мы передъ тобою, касатикъ ты нашъ?.. Весь свѣтъ осуду на насъ положитъ за такую ахаверницу...

— Что ты врешь, глупая баба? Встань, встань, говорятъ тебѣ... Пошла вонъ... А ты, Силантій, понялъ мой приказъ? Ну, чтобъ все было исполнено, да живо, слышишь ли?

— Слушаю, батюшка, Иванъ Гаврилычъ, отвѣчалъ кузнецъ, кланяясь въ поясъ.

— Ну, ступай же! продолжалъ баринъ; ахъ, да! я и забылъ... Силантій!..

Кузнецъ вернулся въ переднюю.

— Тебѣ говорилъ Петръ Ивановъ осмотрѣть коляску; тамъ, кажется, шина лопнула.

— Сказывалъ, Иванъ Гаврилычъ.

— Ну, такъ распорядись же какъ можно лучше; я ѣду во вторникъ на будущей недѣлѣ... ступай!..

Когда дверь передней затворилась за кузнецомъ, Иванъ Гавриловичъ отправился во внутренніе покои. Проходя мимо большой залы, выходившей боковымъ фасомъ на улицу, онъ подошелъ къ окну. Ему пришла вдругъ, совершенно безсознательно, мысль взглянуть на мину, которую сдѣлаетъ Силантій, получивъ отъ него такое неожиданное приказаніе касательно свадьбы сына.

Иванъ Гавриловичъ къ крайнему своему удивленію замѣтилъ, что всѣ члены семейства кузнеца шли понуря голову и являя во всѣхъ своихъ движеніяхъ признаки величайшаго неудовольствія.

— Что ты здѣсь дѣлаешь, Jean? что тебя такъ занимаетъ? сказала барыня, подкравшись къ нему на цыпочкахъ и повиснувъ совершенно неожиданно на шею своему мужу.

Иванъ Гавриловичъ молча указалъ ей на удалявшихся мужиковъ, покачалъ сначала головою и пожалъ плечами...

VI.

Что безъ вѣтра, что безъ вихоря
Воротички отворилися.
Какъ въѣзжалъ на широкій дворъ,
Свѣтъ Григорій, господинъ,
Свѣтъ Силантичъ, сударь,
Увидѣла Акулина, душа,
Закричала громкимъ голосомъ:
Сберегите вы, матушки, меня!
Вотъ идетъ погубитель мой!..

Русская пѣсня.

Быстро летитъ время! Не успѣли мужички села Кузьминскаго и двухъ разъ сходить на барщину послѣ опи-

санной нами сцены, какъ глядь—ужъ и воскресенье наступило. Въ этотъ день, какъ вообще во всѣ праздничные дни, деревня замѣтно оживлялась.

Только-что раздались первые удары благовѣсти, во всѣхъ концахъ улицы загремѣли щеколды, заскрипѣли ворота и прикалитки, и жители забѣгали, засуетились.

Кто выходилъ изъ дома и крестясь остановился посреди улицы, на лужайкѣ, противъ бадьи, съ намѣреніемъ выждать жену или свата; кто прямо шелъ къ околицѣ. Изъ оконъ безпрестанно зачали высовываться головы. «Эй! тетка Ѳеклуха! погоди маненько! пойдемъ вмѣстѣ: дай управиться — куда те несетъ!.. или: «Кума, а кума! Авдотья, а Авдотья! выжди у коноплей... ишь только заблаговѣстили...» Бабы, которыя позажиточнѣе, въ высокихъ «кичкахъ», обшитыхъ блестками и позументомъ съ низанными подзатыльниками, въ пестрыхъ стройныхъ котахъ и яркихъ полосатыхъ исподницахъ, или, кто побѣднѣе, по-просту повязавъ голову писаннымъ алымъ платкомъ, врозь концы, да натянувъ на плеча мужнинъ сѣрый жупанъ, потянулись вдоль усадьбы, блистая на солнцѣ, какъ раззолоченные пряники и коврижки. Мѣрно и плавно выступали за ними мужья и парни. Толпы дѣвчонокъ и мальчишекъ неслись, какъ стаи воробьевъ, то сбиваясь въ кучку, то снова разбиваясь въ разсыпную, оглушая всю улицу своимъ визгомъ и крикомъ. Пестрая ватага изъ женщинъ, мужиковъ и ребятъ тянулась за околицу, движущеюся узорчатою каймою огибала безконечное поле ржи, исчезала потомъ за косогоромъ, пропадала вовсе, и уже спустя не малое время появлялась какъ сверкающее пятно на бѣлѣвшей вдалекѣ церковной паперти.

Дорога къ церкви мало-по-малу пустѣла; кое-гдѣ развѣ проѣзжала телѣга, наполненная приходскими мужиками, или ковыляла, подпираясь клюкою дряхлая старушонка, съ трудомъ поспѣвавшая за рѣзвою внучкою, которой страхъ хотѣлось послушать вблизи звонкій благовѣсть.

Въ селѣ уже давно водворился покой. Возъ заѣзжаго купца-торгаша съ краснымъ товаромъ, запонками, намистьями, варешками, стеклярусомъ, тавлинками со слюдою,

свертками кумача, остановившійся у высокаго колодца, оживлялъ одинъ опустѣвшую улицу.

Посреди движенія, произведеннаго въ Кузьминскомъ благовѣстомъ, оставались двѣ только избы, которыхъ обыватели казалось, не хотѣли принимать участія въ общей суматохѣ. Одна изъ такихъ избъ принадлежала кузнецу Силантію, другая скотницѣ Домнѣ. Судя по нѣкоторымъ наружнымъ признакамъ, какъ въ той, такъ и въ другой должно было происходить что нибудь да особенное.

Не взирая на пору и время, труба въ избѣ Силантія дымилась сильно, и въ поднятыхъ окнахъ блистала широкимъ пламенемъ жарко топившаяся печь. Кромѣ того, на подоконникахъ появлялись безпрестанно доски, унизанныя ватрушками, гибанцами, пирогами, или выставлялись горшки и золоченыя липовыя чашки съ киселемъ, саломатою, холодничкомъ и кашею.

Вторая изба, хотя не представляла ничего подобнаго, однако тишина (какъ извѣстно весьма несвойственная мирному этому крову) могла служить яснымъ доказательствомъ, что и у Домны дѣло также шло не обычнымъ порядкомъ.

И дѣйствительно, то, что происходило въ избѣ скотницы, отнюдь не принадлежало къ числу сценъ обыденныхъ.

Толпа бабъ, разныхъ кумушекъ, тетокъ, золовокъ и свояченицъ, окружала Акулину. Сиротка сидѣла на лавочкѣ посередь избы, съ повязкою на головѣ, въ новой бѣлой рубашкѣ, въ новыхъ котахъ и разливалась, плакала. Собравшіяся вокругъ бабы, казалось, истощили все свое краснорѣчіе, чтобъ утѣшить ее.

— Не плачь, говорила какая-то краснощекая старуха: — ну, о чемъ плакать-то? слезами не поможешь... знать ужъ Господу Богу такъ угодно... Да и то грѣхъ сказать: Григорій парень ловкій, о чемъ кручинишься? дѣвка ты добрая, обиждать тебя ему не зачѣмъ, а коли по случай горе прикатитъ, коли жустрить начнетъ... такъ и тутъ что?.. Богъ видитъ кто кого обидитъ...

— Вѣстимо, Богъ до грѣха не допуститъ, перебила Домна:—полно тебѣ, Акулька, рюмить-то; приставь го-

лову къ плечамъ. И вправду Савельевна слово молвила, за что, за какую надобу мужу ѣсть тебя, коли ты по добру съ нимъ жить станешь?.. Не любъ онъ тебѣ? не по сердцу пришелся, небось?.. Да вѣдь глупая, неразумная дѣвка! вспомни-ка, вѣдь ни отца, ни матери-то нѣтъ у тебя, вѣдь сирота ты бездомная, и добро еще баринъ вступился за тебя, а то бы весь вѣкъ въ дѣвкахъ промаячилась. Полно... полно же тебѣ...

— Эхъ, бабы, бабы! подхватила третья, не прерывавшая еще ни разу молчанія:—ну, что вы ее словами-то закидываете? нешто она развѣ не знала замужняго житья? хоть на тебя, небось, Домна, было ей время понаглядѣться, а ты же еще и уговариваешь ее... Эхъ! знамая пѣсня: чужую бѣду руками разведу, а къ своей такъ ума не приложу... вѣкъ съ мужемъ-то изжить, не поле перейти... она, чай, сама это вѣдаетъ...

— А развѣ всѣмъ быть такимъ, какъ твой Борисъ? небось, не за добраго человѣка она идетъ, что-ли?.. Григорій забубенный развѣ какой парень?.. Полно же, Акулька! въ семью идешь ты богатую... У Силантія-то въ домѣ всякаго жита по лопатѣ... чего рюмишься?.. Коли ужъ быть тебѣ за Григорьемъ, такъ ступай; что вой, что не вой — все одно.

— И то правда, подхватила какая-то близъ стоявшая кума:—вѣстимо, полно грустить... Не надсаживай, Акулина, своего здоровьица некрѣпкаго по пустому... брось кручину; авось Богъ милостивъ...

Но всѣ эти увѣщанія, въ сущности способныя убѣдить каждаго здравомыслящаго человѣка, что-то плохо дѣйствовали на Акулину.

Она была безутѣшна.

— Эка, право, дѣвка-то чуднàя какая! думали бабы: — какъ узнала ономнясь, что велѣно замужъ идти, такъ ничего, слезинки не выронила, словно еще обрадовалась; да и всѣ-то остальные дни, Богъ ее вѣдаетъ ни мало не кручинилась. Ужъ па что Домна, кажись, не больно ее жалуетъ, а третья дня, какъ запѣли дѣвки пѣсни, да зачали расплетать ей косу, такъ и та благимъ матомъ завыла, да и всѣхъ-то насъ нешто слеза прошибла, а ей

одной ни почемъ—словно, право, каменное сердце у человѣка тогда было. Ну, думали, обрадовалась больно, сердечная, анъ не тутъ-то было: вотъ теперь, въ самый-то день свадьбы отколь и горе привалило... реветъ и не уймешь еще... что̀ бы за притча примѣрно такая?..

Бабы рѣшительно становились втупикъ; имъ не въ домекъ было поведеніе Акулины. Недоумѣніе кумушекъ возрастало, главное отъ того, что горе невѣсты послѣдовало внезапно послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ ею съ самымъ невозмутимымъ равнодушіемъ. Дѣло въ томъ, что ни одна изъ нихъ не замѣчала,—конечно, и не могла замѣтить, тѣхъ тонкихъ признаковъ душевной скорби, того нѣмого отчаянія (единственныхъ выраженій истиннаго горя), которые, между прочимъ, сильно обозначались во все это время въ каждой чертѣ лица, въ каждомъ движеніи сиротки.

Извѣстіе о разговорѣ барина съ мужиками повергло ее въ такое отчаяніе, что еслибъ не надежда перемѣнить дѣло, не выходить замужъ, она кончила-бы, безъ сомнѣнія, чѣмъ нибудь трагическимъ.

Надежда, вкравшись разъ въ душу Акулины, укрѣпила ее. Она ждала только удобнаго случая, чтобъ броситься къ ногамъ барина. Полная увѣренности въ томъ, что онъ не откажетъ ей въ своей милости, она принялась караулить Ивана Гавриловича.

Но странно, необъяснимо странно было, что каждый разъ какъ показывался баринъ, ее охватывала такая робость, такой страхъ овладѣвалъ всѣмъ существомъ ея, что она не смѣла даже шевельнуться, боясь обратить на себя его вниманіе.

Необходимо здѣсь замѣтить, что чувство это было въ ней совершенно безсознательно, ибо Иванъ Гавриловичъ былъ, какъ уже извѣстно, человѣкъ добрый, благонамѣренный и отнюдь не давалъ своимъ подчиненнымъ повода трепетать въ его присутствіи. Приписать опять чувство это врожденной робости Акулины, тому, что она была загнана, забита и запугана, или «идеѣ», которую составляютъ себѣ о власти вообще всѣ люди, рѣдко находящіеся съ нею въ соприкосновеніи и потому самому

присвоивающіе ей какое-то черезъ-чуръ страшное значеніе, — было-бы здѣсь неумѣстно, ибо отчаяніе бѣдной дѣвки могло не только побѣдить въ ней пустые эти страхи, но легко даже могло вызвать ее на дѣло несравненно болѣе смѣлое и отважное. А между тѣмъ, гдѣ-бы ни встрѣтилась Акулина съ бариномъ, рѣшимость въ тужъ минуту ее покидала; затаивъ дыханіе, дрожа какъ осиновый листъ, пропускала она его мимо, давъ себѣ слово въ слѣдующій-же разъ безъ обиняковъ броситься въ ноги къ нему и прямо разсказать въ чемъ дѣло. Но тысячу разъ на день являлись такіе случаи и тысячу разъ результатъ выходилъ одинъ и тотъ-же; мало того: въ рѣшительную минуту Акулина мирилась даже съ горькою своею долею.

А баринъ тѣмъ временемъ шелъ себѣ спокойно, слегка покуривая сигару, безпечно поглядывая на стороны и не подозрѣвая даже, чтобъ за сосѣднимъ плетнемъ или обвалившеюся перегородкою могло происходить что-либо подобное.

Надежда не покидала, однако, Акулину; еще наканунѣ своей свадьбы всю ночь провела она на колѣняхъ, умоляя святыхъ угодниковъ защитить ее, укрѣпить ее духомъ. Но какъ на бѣду, въ воскресенье утромъ Иванъ Гавриловичъ ни разу не вышелъ изъ хоромъ, и Акулина, выжидавшая его за сараемъ, могла только видѣть, какъ коляска помчала его вмѣстѣ съ барынею по дорогѣ въ церковь.

Тутъ, въ виду исчезнувшей надежды, гибели неминуемой и неизбѣжной, почувствовала она что не въ силахъ бороться долѣе съ своимъ горемъ; сердце ея перестало биться, глаза подернулись темною пеленою и, какъ подрубленная молодая береза, покатилась бѣдная на землю.

Случайно натолкнулась на нее баба; ее принесли въ избу, привели въ чувство и, какъ мы видѣли, не мало заботились успокоить. Мало-по-малу бабы начинали достигать своей цѣли; невѣста уже нѣсколько подавалась на ихъ краснорѣчивыя убѣжденія, какъ вдругъ крики: «ѣдутъ! ѣдутъ!» раздавшіеся со всѣхъ концовъ избы, снова испортили все дѣло.

Пока Домна (посаженая мать сиротки), сосѣдки и ку-

мушки суетились вокругъ невѣсты, ворота съ надворья скрипнули, и на дворѣ послышался шумъ, говоръ и звукъ бубенчиковъ, свидѣтельствовавшіе о пріѣздѣ жениха.

Вскорѣ Пахомка (старшій сынъ скотницы и дружка невѣсты) появился на порогѣ; за нимъ, крестясь и кланяясь, вошли по порядку женихъ, его отецъ, мать, дружка и родственники. Всѣ они казались не слишкомъ-то радостными; одинъ дружка жениха скалилъ зубы, подмигивалъ близъ стоявшимъ бабамъ, да весело встряхивалъ курчавою головою.

Послѣ обычныхъ привѣтствій какъ съ той, такъ и съ другой стороны, Григорія и Акулину поставили на колѣни на разостланный дружками по полу зипунъ. Домна взяла тогда образъ и подошла къ нимъ; начался обрядъ благословенія.

Акулина какъ-бы успокоилась, и только судорожно стиснутыя губы и смертная блѣдность лица свидѣтельствовали, что не все еще стихло въ груди ея; но потомъ, когда дружка невѣсты произнесъ: «Отцы, батюшки, мамки, мамушки и всѣ добрые сосѣдушки, благословите молодого нашего отрока въ путь дорогу, въ чистое поле, въ зеленые луга, подъ восточную сторону, подъ красное солнце, подъ свѣтлый мѣсяцъ, подъ часты звѣзды, къ Божьему храму, къ колокольному звону»; и особенно послѣ того, какъ присутствующіе отвѣтили: «Богъ благословитъ!« все какъ-бы разомъ, окончательно въ ней замерло и захолонуло. Она машинально, съ отсутствіемъ всякаго чувства и мысли влѣзла въ повозку и усѣлась подлѣ жениха своего.

Поѣздъ тронулся.

Обѣдня только что кончилась, когда свадебныя повозки остановились передъ церковью. Иванъ Гавриловичъ, его супруга, и еще кой-какіе помѣщики того же прихода стояли на паперти.

Первые, какъ жители столицы, съ замѣтнымъ любопытствомъ ожидали начала брачной церемоніи добрыхъ мужичковъ.

Такъ какъ невѣста была круглая сирота, то по принятому обыкновенію въ подобныхъ случахъ, ей слѣдовало

еще отправиться до вѣнца на кладбище, чтобы помолиться надъ могилою родителей, или, какъ выражаются въ простонародьѣ, «поплакать голосомъ».

Едва начался обрядъ вѣнчанья, какъ супруга Ивана Гавриловича почувствовала уже тоску и сильный позывъ къ зѣвотѣ; крестьянская свадьба, заинтересовавшая ее дня три тому назадъ, казалась ей весьма скучнымъ удовольствіемъ; невѣста была глупа и выглядывала настоящимъ уродомъ; женихъ и того хуже,—словомъ, она изъявила желаніе какъ можно скорѣе ѣхать домой. Иванъ Гавриловичъ, раздѣлявшій съ женою однѣ и тѣ же мысли, не замедлилъ сѣсть въ коляску, пригласивъ напередъ къ себѣ нѣкоторыхъ изъ сосѣдей.

Вскорѣ всѣ обыватели Кузьминскаго вернулись домой, и улица села снова загремѣла и оживилась.

Мужики Ивана Гавриловича были народъ исправный, молодцы въ работѣ и не лѣнивцы; но грѣха таить нечего, любили попировать въ денечекъ Господень. Приволье было на то большое; въ пяти верстахъ находился уѣздный городъ... да что въ пяти! въ двухъ всего, дядя Кирила такой держалъ кабакъ, что не нужно даже было и уѣзднаго города для ихъ благополучія. Ужъ за то какъ настанетъ праздникъ, такъ просто любо смотрѣть: крикъ, потасовки, плясъ, пѣсни, ну, словомъ, такая гульня пойдетъ по всей улицѣ, что безъ малаго верстъ на десять слышно.

Но на этотъ разъ,—конечно, говоря относительно, — во всей деревнѣ не было такого раздолья, какъ въ одной избѣ кузнеца Силантія; немудрено: сыновей женить вѣдь не Богъ знаетъ сколько разъ въ жизни прилучится, а у Силантія, какъ вѣдомо, всего-то былъ одинъ. Несмотря на то, что старику больно не по нраву приходилась невѣста, однако онъ, повидимому, не хотѣлъ изъ-за нея ударить себя лицомъ въ грязь, и свадьбу рѣшился съиграть на славу.

И то сказать, угощенье затѣялось лихое! что душѣ угодно, всего было вдоволь. Василиса и Дарья — сестры кузнеца, старыя дѣвки, и старухи его только и дѣлали, что таскали изъ печи на столъ разныя яства; мисы щей,

киселя гороховаго, киселя овсянаго, холодничка и каши, большущія чашки, наполненныя до верху пирогами съ морковью, пирогами съ кашею, ватрушками прѣсными и сдобными и всякими другими, поочередно появлялись передъ многочисленными гостями. О напиткахъ и говорить нечего: штофики съ сивухою, настойками болѣе или менѣе подслащенными медомъ, погуливали изъ рукъ въ руки безъ устали; что же касается до сусла и браги, они просто стояли въ большихъ ведрахъ близъ каждаго стола, гостю стоило только нагнуться, чтобъ черпать. Силантій, казалось, совсѣмъ распоясался и чествовалъ гостей своихъ не на шутку. Много оставались довольны и гости; отвсюду неслись крики и привѣтствованія радушному хозяину. Мало по малу и самъ онъ расходился.

Онъ сидѣлъ, обнявшись съ кумомъ Иваномъ и сватомъ Гаврилою и безпрестанно подносилъ имъ то изъ одного штофика, то изъ другого. «Сватъ Гаврило! еще стаканчикъ, ну, чего отнѣкиваешься?.. пей!» — Такъ и быть, отвѣчалъ сватъ Гаврило, глаза котораго уже казались плавающими въ маслѣ:—такъ и быть обижу свою душу, согрѣшу, выпью... «Кумъ, а кумъ! безъ ласки пей, чего боишься?..»—Спасибо-те на ласковомъ словѣ, Силантій Васильевичъ, много довольны безъ того... много благодарствуемъ...—«Молодая!.. что же ты!..» кричалъ Силантій, обращаясь къ Акулинѣ, которая молча и неподвижно сидѣла на мѣстѣ и, не смотря на увѣщанія сосѣдокъ, не выпивала своего стакана: «Эй! Гришка! что жъ! оба словно пни сидите... сноха! что не пьешь?.. аль оглохла?.. Экіе дурни!.. да поцалуйтесь же... небось при людяхъ-то не было?.. Тетка Арина, еще винца... милости просимъ, не побрезгай... дядя Пахомъ! во здравіе молодымъ!.. Кумъ Иванъ... ты... ты... вѣдь братъ мнѣ, родной... братъ... ну, и пей!.. Левонъ Трифонычъ! а ты что прикорнулъ, небось, неси въ ворота̀ гдѣ усъ да борода!.. Кума! Домна Карповна, дай тебѣ Господь Богъ много лѣтъ здравствовать и дѣткамъ твоимъ всяческа благополучія отъ царя небеснаго... Да... Эй, во саду ли въ огородѣ... эй, братцы!.. ну!..

Гамъ, чавканье, стукъ ложекъ, неистовые крики по-

дымались все сильнѣе да сильнѣе; вскорѣ послышались они не только въ сѣняхъ, но даже на дворѣ, подъ корытами и колодами, куда успѣли забраться, неизвѣстно какимъ образомъ, нѣкоторые изъ гостей Силантія.

Какъ ни весело было, однако пирушкѣ долженъ же быть конецъ. Ужъ вечерѣло, когда стали расходиться. Кто, придерживаясь къ плетню, побрелъ къ себѣ домой; кто помощью рукъ и ногъ сосѣдей и своихъ собственныхъ карабкался вонъ, самъ не зная куда; кто присоединился къ общей массѣ народа, толкавшейся съ пѣснями передъ барскими хоромами.

Силантій, молодые и домашніе его послѣдовали примѣру послѣднихъ. Тутъ веселье было уже совсѣмъ другого рода.

У самаго палисадника вертѣлись хороводы, словно немазанныя колеса какія, съ ихъ несвязною и нескончаемою пѣснью; въ другомъ мѣстѣ толпа окружала молодого парня, который, по желанію Ивана Гавриловича, выплясывалъ съ бабой трепака. Заломивъ высокую свою шапку въ три деньги, запрокинувъ голову, выдѣлывалъ онъ съ самою серьезною миною свои па, между тѣмъ какъ господскіе люди разносили обступившимъ его подносы съ штофами пѣнника и ломтиками хлѣба; ребятишки и дѣвчонки бѣгали кругомъ балкона и съ визгомъ кидались наземь каждый разъ, какъ баринъ или барыня бросали въ нихъ пригоршню жемковъ и орѣховъ. Старики и старухи также имѣли свою долю въ общемъ весельи: они стояли у рѣшотки и тѣшились, глядя на забаву.

Разгулявшіеся гости Силантія еще болѣе оживили толпу, окружили молодыхъ, втискали ихъ волею въ хороводъ, — и пошла потѣха еще лучше прежней. Иванъ Гавриловичъ и супруга его казались на этотъ разъ очень довольными; они спустились съ балкона и подошли къ хороводу.

— Что же она у тебя не весела, Силантій?.. сказалъ Иванъ Гавриловичъ, указывая ему на Акулину.

— А вотъ вишь ты, отецъ нашъ... она... молода... а вотъ парень-то мой... Вы вѣдь отцы наши, мы ваши дѣти... батюшка, Иванъ Гаврилычъ... много благодарны...

Вотъ-те, ей-ей, много благодарны... не прогнѣвись ты на насъ... мы вѣдь слуги твои...

— Ну, хорошо, хорошо, прибавилъ баринъ, видя, что Силантій едва держится на ногахъ: — хорошо, ступай...

Долго продолжалось въ этотъ день веселье въ селѣ Кузьминскомъ. Ужъ давно сѣло солнце, ужъ давно полночь наступила, на небѣ одни лишь звѣздочки межъ собою переглядывались, да мѣсяцъ, словно красная дѣвка, смотрѣлъ во всѣ глаза, — а все еще не умолкали пѣсни и треньканье балалайки; и долго-долго потомъ, послѣ того, какъ все ужь стихло и смолкло, не переставали еще кое-гдѣ мелькать въ окнахъ огоньки, свидѣтельствовавшіе, что хозяйкамъ немало стоило труда уложить мужей, вернувшихся со свадебной пирушки кузнеца Силантія.

VII.

. . . . . .
Ахъ, раскройся, мать сыра земля,
Поглоти меня несчастную!..

РУССКАЯ ПѢСНЯ.

Еще солнышко вихра не думало выставлять, какъ уже Григорій, мужъ Акулины, выбрался изъ каморки, куда наканунѣ положили его съ женою, и ушелъ въ поле. Само собою разумѣется, что такое усердіе не могло проявиться въ немъ безъ особенной причины; онъ навѣрняка объ эту пору думалъ поймать сосѣдей, взявшихъ съ нѣкотораго времени повадку пускать лошадей своихъ на его гречиху и овесъ. «Добро», молвилъ онъ, украдкою приближаясь къ своимъ нивамъ: «добро! вы, чай, мыслите: бабится Григорій съ женою, да лыка не вяжетъ со вчерашняго похмѣлья? Погодите-тка, дружки! я вамъ покажу свата Кузьму... Не даромъ съ весны скалю зубы-то... постой»... Но Григорій, должно быть, несъ чистую напраслину на сосѣдей своихъ, ибо сколько ни обходилъ поле, сколько ни высматривалъ его, нигдѣ не было замѣтно ни истоптаннаго мѣста, ни даже слѣда конскаго или человѣчьяго: овесъ и гречиха были невредимы. Бодро, словно ратники

въ строю, торчали мощные ихъ стебли: одинъ только вѣтеръ, потянувшій къ разсвѣту, бугрилъ и колыхалъ злачныя ихъ верхушки. «Ишь, лѣшіе!» сказалъ онъ, оглянувъ еще разъ поле: «какъ баринъ-то здѣсь, такъ, небось, и дорогу узнали... по чужому, знать, не шлендаете... не то, что прежде... Ахъ, кабы попался кто изъ васъ, мошенниковъ... во, какъ бы оттаскалъ!.. да еще и къ барину бы свелъ...» Ободривъ себя такими мыслями, Григорій повернулся спиною къ полю и отправился по межѣ къ проселку. Ступивъ на проселокъ, онъ остановился, поглазѣлъ направо и налѣво, почесалъ затылокъ, потомъ оба бока и спину. «А что?» подумалъ онъ: «вѣдь вотъ коли все прямо по дорогѣ идти, такъ вѣстимо оно будетъ дальше... въ поляхъ-то, чай, еще никого нѣтъ!.. Э!..»

Григорій махнулъ рукой и безъ дальнихъ разсужденій пошелъ отхватывать по сосѣдней ржи. Ужъ начали было мелькать передъ нимъ верхушки ветлъ, ограждавшихъ барскій садъ, мелькнула вдалекѣ и колокольня, какъ вдругъ рожь въ сторонѣ заколыхалась, и отколѣ ни возьмись, выглянула сначала одна шапка, потомъ другая и третья; не успѣлъ Григорій присѣсть наземь, какъ уже увидѣлъ себя окруженнаго тремя мужиками.

— Э-ге-ге!.. такъ это, братъ, ты? вскричалъ самый дюжій изъ нихъ, въ которомъ Григорій узналъ дядю Сысоя:—такъ вотъ оно какъ! нѣтъ, знай, не отбояришься... не пущайте его, ребята...

Петруха Бездомный и Ѳедосъ Простоволосый пододвинулись.

— Что словно черти обступили?.. что надо?..

— Небось, чужое-то не свое—не жаль...

— Да ты чего лѣзешь?.. нешто твое?

— А то чье-же?..

— Ну, твое, такъ твое... и чортъ съ тобою!..

— Вотъ мы те покажемъ чорта...

— А что ты мнѣ покажешь?..

— Да... а помнишь, какъ лѣтось батька твой поймалъ на своихъ горохахъ мою кобылу, да слупилъ цѣлковый рубль?.. этого ты не помнишь?

— А что мнѣ помнить?..

— То-то, воронье пугало! теперь и тебѣ не уйти...

— Да чего те надо? лѣшій!

— Э, братъ, ты еще куражишься... Хватай его ребята!..

Мужики бросились на Григорья; тотъ, парень азартный, изворотливый, видя, что дѣло дошло до кулаковъ, мигомъ вывернулся, засучилъ рукавъ, и дядя Сысой не успѣлъ отскочить, какъ уже получилъ затрещину и облился кровью. «А! такъ вяжи-жъ его, ребята! вяжи его разбойника!» закричали что было мочи мужики, ужъ не на шутку принимаясь комкать Григорья. Тутъ сила перемогла его; дядя Сысой, Ѳедосъ и Петруха связали его кушаками, не потерпя даже на этотъ разъ малѣйшаго ущерба, развѣ только, что гречиха перваго была рѣшительно вся вымята во время возни,—а она вѣдь все же чего нибудь да стоила, ибо у Сысоя, его жены и дѣтей всего-то было засѣяно ею полнивы.

— Тащи его, братцы, прямо къ барину, тащи!.. кричалъ дядя Сысой, размазывая себѣ какъ бы невзначай скулы кровью и вѣроятно желая тѣмъ произвести большій эффектъ передъ бариномъ: — тамъ те покажутъ, собакѣ, какъ драться... тащи... тащи!..

— Что взялъ? говорилъ Петруха Бездомный: — не хотѣлъ по добру ладить... вотъ те бока-то вылущатъ... погоди...

— А! мошенникъ! продолжалъ дядя Сысой, не забывая мазнуть себя по носу:—я-жъ-те покажу!.. разбойникъ! тащи... тащи, ребята... тащи его!..

— Что, братъ Гришка, подхватывалъ Петруха: — якшаться съ нами небось не хотѣлъ: и такіе молъ и сякіе, и на свадьбу не звалъ... гнушаться знать только твое дѣло; а вотъ вѣдь прикрутили же мы тебя... Погодит-ка! баринъ за это, небось, спасибо не скажетъ: тамъ, братъ, какъ разъ угостятъ изъ двухъ полѣнцевъ яичницей... спину-то растрафаретятъ...

— А что, дядя Сысой, молвилъ Ѳедосъ: — вѣстимо, чай, жутко ему будетъ?.. такъ выпарятъ... и!.. и!.. и!.. Господи упаси!..

Разсуждая такимъ образомъ, мужики замѣтно придви-

нулись къ околицѣ; тутъ Григорій, не показавшій во все время смущенія или робости, сталъ вдругъ крѣпиться и упираться ногами. Дядя Сысой, замѣтивъ это, перемигнулся съ Петрухой, и какъ бы почувствовавъ приливъ вдохновенія, произнесъ:

— Стой, ребята! стой!.. Гришка! вотъ те Христосъ, отдерутъ, не на животъ, а на смерть отдерутъ... Слушай! Ну... хошь, аль не хошь.

— Ну что?.. ну, хочу...

— Братцы! уговоръ лучше денегъ, продолжалъ тѣмъ же восторженнымъ тономъ дядя Сысой: — Богъ съ нимъ... обидѣлъ онъ меня... ужъ вотъ какъ обидѣлъ... ну, да плевать... выпустимъ его...

— Выпустите, братцы! ну за что вы меня тащите? выпустите! ей-Богу скажу спасибо...

— Э-ге!.. даромъ кафтанъ-то у-те сѣръ, а умъ-то вѣрно не лукавый съѣлъ... ишь чего! а ты думаешь спасибо, да и отбоярился?

— Чего-жъ вамъ еще?..

— Что больно дешево?.. нѣтъ... ты, братъ, вотъ что... Ну, да что съ тобою толковать! давай цѣлковый!

— А отколѣ возьму его?..

— Не хошь?.. тащи его, ребята, тащи!..

— Гришка, полно тебѣ артачиться! сказалъ Петруха:— хуже будетъ, шкурою вѣдь заплатишь... вотъ-те Христосъ, такого срама нахлѣбаешься, что и!..

— Толкомъ говорятъ тебѣ, откуда мнѣ взять его?.. ну...

— Врешь, чортовъ сынъ! у васъ съ бачкой денегъ много... не даромъ всю деревню вчерась угощали... Ну, хошь что-ли, говори?

— Ей-Богу, дядя Сысой, провалиться мнѣ сквозь землю, если есть такія деньги...

— Э! ну, чортъ съ тобой! давай полтинникъ.

— Да нѣту, тебѣ, чай, говорятъ!

— Нѣту?.. ну такъ тащи его, ребята... тащи, тащи, тащи...

— Погодите... дядя Сысой... стойте... дайте вымолвить слово... пять алтынъ, по моему, бери!

— Экъ, ловокъ больно! Нѣтъ, этимъ обиды, братъ, не вышибешь... Тащи его знай, ребята, тащи...

— Ну, двугривенный!.. Вотъ какъ Богъ святъ, больше нѣтъ ни полушки!..

— Ребята! крикнулъ снова дядя Сысой: была не была! возьмемъ съ него двугривенный, да магарычи въ придачу... Идетъ, что-ли?..

— Отсохни руки и ноги, если у меня есть больше,— всего двугривенный...

— О! еще скалдырничаетъ... Такъ ты не хочешь?

— Незамай его, дядя Сысой, самъ на послѣдяхъ спокается...

— Вѣстимо! вымолвилъ Ѳедосъ.

— Чортъ же бы васъ подралъ! сказалъ Григорій: — ну, развязывай руки-то, что-ль...

— Двугривенникъ и магарычи—слышишь?

— Ну, слышу!

— Идетъ?

— Ну, идетъ!

— Развязывай его, ребята! Давно бы такъ: кобениться еще вздумалъ... эхъ, жила, жила!..

— Да куда мы пойдемъ-то?..

— Вѣстимо куда! рѣка, чай, не больно далече...

— Къ свату Кирилѣ, что-ли?

— Ато куда-же! сегодня, кажись, еще базаръ...

— Ито, ребята...

— Ступайте, братцы! сказалъ Ѳедосъ.

— А ты что?

— Я не пойду...

— Да куда-те приспичило, на барщину развѣ гонятъ, чортъ?

— Свой паръ, дядя Сысой, не паханъ стоитъ...

— А у одного тебя не паханъ онъ, что-ли? Простоитъ ведро, спахаешь...

— Вѣстимо простоитъ ведро; давно-ли былъ дождь?..

— Полно, кумъ, пойдемъ!

— Идемте, что-ли?

— Идемте...

— Погодите, куда васъ несетъ?

— А что?

— Обогнуть, чай, надо дорогу...

— А песъ велитъ намъ идти по ней?.. сказалъ дядя Сысой.

— А то какъ-же?

— Что тутъ долго болтать... вотъ такъ все прямо и пойдемъ... полемъ, какъ разъ на рѣку выйдемъ...

— Э! полемъ! а рожь, не видишь?

— Э! рожь... Что, ребята, чего стали?

— Оно вѣстимо короче, дядя Сысой, полемъ-то, чай, выйдешь на забродное...

— Ну, такъ что?

— А овсы господскіе...

— Овсы господскіе! а какой лѣшій увидитъ насъ? день что-ли? ишь только свѣтаетъ. И много помнемъ мы, небось, овсовъ-то господскихъ... Да ну, ступайте, что-ли?

— Пойдемте, братцы!

— Пойдемте!..

И всѣ четверо свернули съ дороги.

Дядя Сысой не ошибся; избранная имъ дорога сокращала путь по крайней мѣрѣ цѣлыми десятью минутами, что, впрочемъ, въ ожиданіи магарыча, не было бездѣлицей. Вскорѣ путники наши миновали барскій овесъ, разстилавшійся за нимъ ельникъ, и вышли на берегъ.

Солнце только что показалось изъ-за темныхъ горъ, ограждавшихъ противоположную сторону рѣки; ровная, тихая, какъ золотое зеркало, сверкала она въ крутыхъ берегахъ, покрытыхъ еще тѣнью, и развѣ гдѣ-гдѣ мелькали по ней, словно зазубрины, рыбачьи лодки, слегка окаймленныя огненными искрами восхода. Песчаный берегъ, по которому ступали мужички, незамѣтнымъ, ровнымъ почти склономъ погружался въ воду. Внизу, у самой подошвы его, возвышалась сѣрая высокая изба, обнесенная съ одной стороны плетнемъ, съ другой сушившимся бреднемъ. На досчатой, заплеснѣвевшей кровлѣ этого зданія возносился длинный шестъ съ пучкомъ соломы и елка, столь знакомая жителямъ Кузьминскаго и вообще всему околодку. Кругомъ на песку валялись безъ

всякаго порядка обручи и торчали порожнія бочки, брошенныя, вѣроятно, хозяиномъ для просушки.

Несмотря на раннюю пору, передъ крылечкомъ зданія уже толкалось не мало народа, и товарищамъ дяди Сысоя надо было выждать прежде, нежели войти подъ гостепріимный кровъ.

Тутъ стояли мужики съ возами, мельники изъ сосѣднихъ деревень съ мукою и рожью, высовывались кое-гдѣ даже бабы; виденъ былъ и купчикъ съ своею бородкою, и коновалъ съ своими блестящими на ременномъ поясѣ доспѣхами, но болѣе всѣхъ бросался въ глаза долговязый рыжій пономарь съ его широкою шапкою, забрызганною восковыми крапинами, который, взгромоздившись Богъ вѣсть для чего на высокій возъ свой, выглядывалъ оттуда настоящею каланчою.

На порогѣ кабака находился самъ хозяинъ; это былъ дюжій, жирный мужчина съ черною какъ смоль бородою и волосами, одѣтый въ красную рубаху съ синими ластовицами и въ широкіе плисовые шаровары. Онъ безпрерывно заговаривалъ съ тѣмъ или другимъ, а иногда просто, подмигнувъ кому нибудь въ толпѣ, покрикивалъ: «Эй, парень! а что жъ хлебнуть-то? ась?.. Э-ге-ге, братъ! да ты какъ я вижу, алтынникъ!»

Григорій, дядя Сысой и другіе вошли наконецъ въ кабакъ и, не снимая шапокъ, какъ это принято въ такихъ мѣстахъ, усѣлись рядышкомъ въ углу на лавкѣ. Внутренность избы не представляла ничего особенно новаго и замѣчательнаго. Тотъ же порядокъ, какъ и во всѣхъ кабакахъ, усѣвающихъ большія и малыя дороги, пристани, базарныя сходки и прирѣчья обширной Россіи. Тѣ же закопченыя сосновыя бревна, та же печь исполинскаго размѣра съ палатями и выступами. Въ одномъ углу — бочка съ прицѣпленнымъ къ краю ковшомъ, въ другомъ конторка, устроенная изъ досокъ, положенныхъ на козла; на ней штофы, полуштофы, косушки и стаканы, расположенные шеренгами съ необыкновенною симетріею, какъ-то странно бросающеюся въ глаза посреди окружающаго хлама и безпорядка. У самыхъ дверей на лавкѣ пыхтѣлъ и шипѣлъ неуклюжій самоваръ (сватъ

Кирила также держалъ чай и закуску); подлѣ него подымалась цѣлая груда позеленѣвшихъ, поистертыхъ сухарей и баранокъ:—далѣе тянулся косвенный, на подобіе бюро, прилавокъ, покрытый чашками, мисками и блюдами съ разною потребою для крестьянскаго брюха.

На безлюдье нельзя было жаловаться; мало того, что изба была полнымъ-полнешенька, въ дверяхъ безпрестанно появлялись новыя лица, такъ что самъ Кирила едва поспѣвалъ управляться.—«Маюкончику на гривенничекъ,—трое пьютъ!» кричалъ мельникъ, вводя двухъ мужиковъ, купившихъ у него муку.—«Эй, дядя Кирила, давай перемѣну!»—«Аль рыбу-то поснѣдали? что больно скоро?»—«Малый, косушку!»—«Эй, цѣловальникъ! а цѣловальникъ! или Максимъ, что ли, какъ те звать! — полуштофъ на одного — вотъ и деньги»... Но Кирилѣ не въ диковинку были такія хлопоты; онъ не упускалъ даже случая перекинуться словомъ, то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ гостей своихъ. — «Эй, Ванюха! что рыло-то не мочишь?.. полно тебѣ глазѣть по сторонамъ-то; спроси—дадутъ... чего прикорнулъ?» — Да что, братъ, денегъ нѣту. — «Ой ли? аль всѣ пропилъ? — Пропилъ не пропилъ, а былъ грѣхъ!.. — «Давно ли? Вотъ то-то оно и вышло: мужикъ простоволосъ: годъ не пьетъ, два не пьетъ, а какъ бѣсъ прорветъ, такъ и все пропьетъ!» — Эй, Трифонъ! опохмѣлиться чай надо, — чего зѣваешь? коли алтынъ не хватаетъ, такъ муки чай привезъ?—«И то привезъ». — Ну, давай ее сюда! Что будешь дѣлать? надо уважить кума... кума тащи!— «Да ты сколько даешь?—Вѣстимо, ни твоей, ни своей души обижать не стану. — «А сколько?» — Ты пудъ, а я косушку. — «Э! косушку! что больно тароватъ?» — Ну, не одну, такъ двѣ — «Давай!» — Э! ге, ге, ге... Дороѳей, а Дороѳей! что братъ, пріунылъ? аль кручина какая запала?—«Да что, братъ Кирила! бѣда прилучилась, за свою же кобылу приплатился». — Какъ такъ?—«А вотъ какъ: увели у меня на прошлой недѣлѣ кобылу». — Не гнѣдую ли? — Нѣтъ, саврасую. Я и туда и сюда, — и слѣдъ простылъ, что ты будешь дѣлать?.. Захожу къ свату Ивану, а тотъ и надоумилъ меня; ступай говоритъ, въ Пурлово,—знаешь Пурлово? говоритъ онъ

мнѣ,—это сватъ-то Иванъ говоритъ. Знаю, говорю, Пурлово, какъ не знать!—Ну, такъ коли знаешь, такъ ступай, отыщи тамъ Онисима коновала; я знаю, говоритъ сватъ Иванъ: это его ребята балуютъ.—Что ты станешь дѣлать? бѣда, да и только; взялъ красную, прихожу. Ну, что? говоритъ.—Да вотъ молъ, кобыла саврасая пропала; такъ не поможешь ли бѣдѣ?—Какъ не помочь, говоритъ; вотъ, говоритъ, ступай въ осинникъ на завалишинскій выгонъ, знаешь завалишинскій выгонъ?—Знаю, говорю.—Ну, когда такъ, такъ и кобылу свою найдешь: она тамъ траву вишь щиплетъ. — Отдалъ деньги, прихожу: и вправду стоитъ моя кобыла!.. Такъ вотъ какая прилучилась бѣда,—красную ни за что ни про что отдалъ.—«О, братъ! добро еще красную, видали и больше; счастливъ, что дешево отбоярился». — Такая, право, бѣда! Хорошо, что деньги были, а то просто и кобылу поминай, какъ звали... право ну! — «Что деньги, братъ, не боги, дядя Дороѳей, да видно много милуютъ».

Каляканье не мѣшало, однако, нашимъ мужичкамъ пропускать чарку за чаркою; вскорѣ почувствовали они сами, что уже сильно нагрузились. Всего страннѣе въ этомъ дѣлѣ было то, что мирный и тихій Ѳедосъ проявилъ такую прыть и смѣлость, что многихъ трудовъ стоило Григорію и Сысою удержать его, чтобъ онъ не вцѣпился въ бороду долговязому пономарю, къ которому получилъ онъ, ни съ того ни съ сего, непреодолимую ненависть. Наконецъ, кое-какъ угомонили они его и уложили подъ навѣсомъ подлѣ Петрухи, давно заснувшаго сномъ богатырскимъ. Расплатившись, какъ слѣдуетъ, наши пріятели (я говорю пріятели, ибо дядя Сысой и Григорій шли теперь обнявшись крѣпко-накрѣпко и не переставали лобызать другъ друга въ усъ и бороду) вышли изъ кабака и какъ ни покачивались на стороны, благополучно достигли дороги. Неизвѣстно, о чемъ толковали они; разумѣется, много было всякихъ сердечныхъ изліяній какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Дядя Сысой и Григорій пойдутъ, пойдутъ, да и остановятся,—остановятся, да обнимутся. — «Во какъ люблю, Гриша!.. Ей Бо... право...»—Больно ты мнѣ полюбился, дядя Сысой... Во...

те... Христ... и опять продолжаютъ путь тѣмъ же порядкомъ.

Но счастіе скоротечно; вскорѣ очутились они посреди улицы и волею-неволею должны были разстаться.

Нерѣдко попадаются дни въ жизни человѣка, которые какъ бы исключительно пользуются правомъ надѣлять его непріятностями и неудачами. Точно такой же день, должно быть, палъ на долю Григорью, ибо не успѣлъ онъ отворить ворота, какъ уже непріятно былъ пораженъ крикомъ и бранью раздавшимися у него въ домѣ. Григорій остановился, обтеръ рукавомъ потъ, капавшій съ лица, и сталъ прислушиваться; такъ! голосили Дарья и Василиса, но на кого?—Богъ ихъ вѣдаетъ!—Онъ поднялся по шаткому крылечку, выходившему на дворъ, и вступилъ въ избу. Василиса и Дарья стояли, каждая по концамъ стола, съ поднятыми кулаками; передъ ними близъ окна сидѣла Акулина; она, казалось, не старалась скрывать своего горя и, закрывъ лицо руками, рыдала на всю избу... Слезы ручьями струились между сухощавыми, грязными ея пальцами.—Зрителемъ этой сцены была старуха, мать Григорья; свѣсивъ съ печи сѣдую голову, какъ-то безсмысленно глядѣла она на все, происходившее передъ ея глазами.

— Чего горланите?.. Что еще?—ну?.. закричалъ Григорій, бросая съ сердцемъ кушакъ и шапку на земь.

— Да, то же, что вотъ навязалъ намъ на старости лѣтъ дьявола... Подитка самъ теперь и ломайся съ нимъ! отвѣчала Василиса, указывая костлявою своею рукою на Акулину.

— Да, подхватила Дарья, вся дрожа отъ злобы:— небоюсь, и руки-то понадсодишь—сунься только...

— Покою не даетъ, проклятая, продолжала Василиса:—воетъ знай себѣ на всю избу. Послали было за хворостиной печь истопить, прошляндала безъ малаго все утро... велѣли хлѣбы замѣсить—куды-те!.. ничего не смыслитъ — голоситъ себѣ, да еще: пойду, говоритъ, къ барину...

Василисѣ и Дарьѣ, по извѣстнымъ причинамъ, болѣе, нежели остальной роднѣ, ненавистна была женитьба Гри-

горія; тетки, какъ видно изъ словъ ихъ, рѣшились даже прибѣгать въ иныхъ случаяхъ къ клеветѣ, чтобъ только навлекать на Акулину гнѣвъ мужа, парня, какъ видѣли онѣ, крутого и буйнаго.

— Да, подхватила Дарья, приступая къ племяннику: — къ барину, говоритъ, пойду... онъ, говоритъ...

Но Григорію и этого было довольно; онъ оттолкнулъ тетку и подошелъ къ женѣ.—Что, окаянная? произнесъ хмѣльной Григорій, страшно поваживая глазами:—что? артачиться еще вздумала, а?

— Да, какъ бы не такъ! голосила Василиса:—много возьмешь словами.

— Вѣстимо, что ей даешь потачку... развѣ не видишь, она съ умысломъ воетъ? думаетъ: услышитъ...

— Э! толковать еще тутъ! бормоталъ сквозь зубы Григорій, хватая Акулину за волосы и повергая ее однимъ движеніемъ руки на полъ...

— Вотъ такъ-то! сказала Дарья.—Да здѣсь не замай ее, Гриша; стащи лучше въ сѣни... неравно еще горшки побьешь...

Бѣшенство, казалось, обуяло Григорія; тутъ все разомъ завозилось въ головѣ его: и неволя, съ которою онъ женился и постороннія непріятности, и хмѣль, происшествіе утра,—кровь путала его; сначала долго возилъ онъ бѣдную женщину взадъ и впередъ по избѣ, самъ не замѣчая, что безпрерывно стукался по угламъ и прилавкамъ и наконецъ потащилъ ее вонъ...

— Эй, черти! послышалось тогда въ сѣничкахъ: — чего расходились? Эй! Григорій, Гришка, а Гришка! произнесъ тѣмъ же голосомъ сѣдой какъ лунь мужикъ, входя въ избу.—Э! э! э?.. эхва! Какъ рано пошло размирье-то! вчера свадьбу играли, а сегодня, глядишь и побои... эхва!.. Что?.. аль балуетъ?.. пѣстуй, пѣстуй ее, пусть-де знаетъ мужа; оно добро...

— Чего, лѣшій, надо?.. проваливай, проваливай... чортъ, дьяволъ, собака!.. Это обстоятельство, казалось, еще больше остервенило Григорія, и Богъ знаетъ, что могло бы случиться съ Акулиною, еслибъ въ ту самую минуту не раздалось въ дверяхъ звонкаго хохота и вслѣдъ затѣмъ

не явился бы на порогѣ Никаноръ Никаноровичъ, барскій ловчій.

Василиса и Дарья мгновенно исчезли за печуркою; Григорій тотчасъ же выпрямился, стряхнулся и подошелъ къ нему.

— Добро здравствовать, Никаноръ Никанорычъ, произнесъ онъ: — зачѣмъ пожаловали?

— Охъ!.. дай, братъ, Христа ради, душеньку отвести... о!.. о!.. Ай-да молодые!.. чѣмъ бы цаловаться, а они лупятъ другъ друга. Эхъ вы, простой народецъ!.. хе, хе, хе...

— Балуется больно, Никаноръ Никанорычъ.

— И куды, кормилецъ ты нашъ, ломлива! и не вѣдаетъ Господь что за баба такая... сказала Василиса, показывая голову изъ своей прятки.

— Ну, ну... ну, а я вотъ-что: баринъ васъ за чѣмъ-то спрашиваетъ... Эй, тетка!.. вынь-ка крыночку молочка,— смерть хочется... Не могу сказать зачѣмъ, а только приказалъ кликнуть вмѣстѣ съ женою... Что жъ ты, тетка, коли молока нѣтъ, такъ простокваши давай — не скупись... ну!

Григорій бросился, сломя голову, вонъ изъ избы; тетка не замедлила послѣдовать его примѣру.

Пока почетный гражданинъ барской дворни хлебалъ простоквашу, въ каморкѣ и въ сѣняхъ происходила страшная суматоха.

— Зачѣмъ это баринъ-то кличетъ?

— Что такое прилучилось?..

— Эхъ, нелегкая его дергаетъ!..

— А вотъ что: хочетъ, видно, на молодыхъ поглядѣть...

— Что, что?.. ну, ты... рожу-то сплесни водой...

— Рубаху-то новую вынь. Долго что-ли, чортова дочь возиться станешь?.. у! какъ пойду...

— Гриша, я чай, полотенце надо для поклона?..

— Давай, тетка Дарья... хошь свое дай... Ишь лѣшій! ничего не принесъ...

— Вотъ ты покажи у меня только видъ какой, только поморщься... я съ те живой тогда сдеру шкуру...

Все, что ли?..

— Кажись, все...

— Ну, ступай!

Григорій и Акулина вышли изъ воротъ и вскорѣ очутились въ барской передней.

— Поздравляю васъ, сказалъ Иванъ Гавриловичъ, подходя къ молодымъ, вмѣстѣ съ женою: — поздравляю; смотрите же, живите ладно, согласно, не ссорьтесь.

— Mon Dieu, qu'elle a l'air malheureuse!.. сказала барыня.

— Comment! vous ne saviez pas que chez eux la jeune mariée doit pleurer pendant une semaine? mais c'est de rigueur...

— Вотъ, возьмите, продолжалъ онъ, подавая Григорью бѣленькую бумажку: — это вамъ жалуетъ барыня... Мирно у меня жить, дружно... ты во всемъ слушайся мужа своего... работай... Ну — Богъ съ вами, ступайте.

Дорогою молодые повстрѣчались съ Никаномъ Никаноровичемъ.

— Зачѣмъ баринъ-то звалъ?

— Да вотъ пожаловалъ, вишь, денегъ...

— Покажи... Ахъ, ты чортъ этакой!.. Вашему, знать, брату мужику, только и счастіе... Намъ, небось, никогда не перепадаетъ... э! поди тутъ разбери: иной и службой не выслужитъ, а то другой шуткой вышутитъ... А что, братъ Григорій, вѣдь угостить надо, ей Богу надо... Погоди, мы придемъ спрыснуть.

— Приходите.

— Сегодня и придемъ... а?..

— Ну, хоть сегодня... а что?

— Да завтра чѣмъ свѣтъ мы уѣзжаемъ въ Питеръ съ бариномъ; такъ тутъ не до того... Смотри же, жди насъ...

— Добро...

Утро и полдень протекли тихо и смирно въ избѣ Григорья; и еслибъ не визитъ Никанора Никаноровича и еще двухъ лакеевъ, которые подняли ввечеру изрядную суматоху, можно было бы сказать, что водворившаяся такъ внезапно тишина не прерывалась ни разу и въ остальную часть дня.

VIII.

Тяжелѣй горы,
Темнѣй полночи,
Легла на сердцѣ
Дума черная!
Кольцовъ.

Но семейство Силантія не могло прожить долѣе одного дня въ ладу и согласіи; знать ужъ подъ такою непокойною звѣздою родились почтенные члены, его составлявшіе. Съ слѣдующею же зарею пошли опять свалки да перепалки. Нечего и говорить, что Акулина была главнымъ ихъ предлогомъ. Трогательныя убѣжденія Ивана Гавриловича, при послѣднемъ свиданіи его съ Григоріемъ, казалось, произвели на послѣдняго то же дѣйствіе, что къ стѣнѣ горохъ,— ни болѣе, ни менѣе.

Но прежде, нежели приступлю къ дальнѣйшему описанію житья-бытья горемычной моей героини, не мѣшаетъ короче ознакомить читателя съ новой ея роднею. Это будетъ недолго; она состоитъ всего-на-все изъ четырехъ главныхъ лицъ: Дарьи, Василисы, старухи жены Силантія и Григорья. Первыя двѣ уже нѣкоторымъ образомъ извѣстны читателю изъ первой главы; прибавить нечего, развѣ то, что онѣ считались еще съ самыхъ незапамятныхъ временъ ехиднѣйшими дѣвками околотка.

Мать Григорья была не менѣе ихъ несносна, въ другомъ только отношеніи. Брюзгливая, хворая, она никому не давала покоя своими жалобами, слезами и безпрестаннымъ хныканьемъ; старуха вѣчно представляла изъ себя какую-то несчастную, обиженную, и не переставала плакаться на судьбу свою, хотя не имѣла къ тому никакого повода. Она постоянно проводила время лежа на печкѣ; измѣняла своему положенію, залѣзая иногда въ самую печку, когда ужъ не въ мочь подступало къ поясницѣ. Въ этомъ, да въ оханьи состояла вся дѣятельность ея жизни. «Хоть бы прибралъ ее Господь... ну ее... всѣмъ тягость только; провались она совсѣмъ...» говаривали частенько тетки; но Господь, видно, ихъ не слушалъ: старуха жила, наполняя по прежнему домъ жалобами и канюченьемъ.

Силантія не зачѣмъ присчитывать къ семьѣ; подобно бо́льшей части крестьянъ Ивана Гавриловича, онъ работалъ по оброку и являлся домой изъ Озеровъ, деревни въ тридцати верстахъ отъ Кузьминскаго, не иначе, какъ только въ большіе праздники или же въ дни торжественные, какъ-то: свадьбы, мірскія сходки, крестины и тому подобное. Остается, значитъ, сказать нѣсколько словъ о его сынѣ.

Григорій принадлежалъ сполна къ числу тѣхъ молодцовъ, которыхъ въ простонародьѣ именуютъ «забубенными головушками». Статься можетъ, онъ не удостоился бы такого прозвища, еслибъ судьбѣ угодно была надѣлить Силантія не однимъ дѣтищемъ, а цѣлою дюжиною.

Съизмала еще во всемъ давали ему потачку. Залѣзалъ ли Гришка въ сосѣдній огородъ, травилъ ли кошекъ, топилъ ли собакъ (утѣхи, къ которымъ съ первыхъ лѣтъ обнаруживалъ онъ большую склонность), — все сходило ему съ рукъ, какъ съ гуся вода: «Что съ него взять?» говорилъ Силантій: «малехонекъ еще, ничего не смыслитъ; побалуется, побалуется, да и перестанетъ...» Если случалось сосѣду поймать парнишку въ какой нибудь проказѣ и постегать его, Силантій тотчасъ же заводилъ съ сосѣдомъ ссору, брань, часто оканчивавшуюся дракой, не помышляя даже о томъ, происходило ли то въ глазахъ озорника сына. «Скинь-ка шапку, да постучика себя въ голову-то, не пуста-ль она», твердили Силантію: «что ты его добру-то не наставишь?.. несъ-ли въ немъ будетъ, коли такимъ выростетъ».—А тебѣ что? отвѣчалъ обыкновенно кузнецъ: — знай своихъ; про то мое дѣло вѣдать, будетъ ли въ немъ прокъ; не босъ, не хуже твоихъ выйдетъ.—Шаловливость молодого парня могла бы, конечно, пройти съ лѣтами и не возбудить въ немъ болѣе дурныхъ наклонностей, еслибъ къ зрѣлому возрасту не доканала его окончательно фабричная жизнь. Въ большихъ деревняхъ и селахъ средней Россіи, надѣленной, какъ извѣстно, не слишкомъ-то плодородною почвою, мужики искони занимаются ткачествомъ. Занятіе это даетъ имъ возможность замѣнять иногда съ лихвою недоимки хлѣба и частые неурожаи.

Силантій, какъ оброчный крестьянинъ, а слѣдовательно, наблюдавшій только за собственными своими барышами, почелъ выгоднѣйшимъ отослать сына въ сосѣднюю деревню на фабрику, а для обработки тощей, плохо удобренной земли своей нанять батрака.

Нѣтъ сомнѣнія, что Григорью было гораздо привольнѣе щелкать челнокомъ въ теплой, просторной избѣ, посреди многочисленнаго общества такихъ же, какъ и онъ, лихихъ ребятъ, чѣмъ тащиться въ зной и дождь за тяжелою сохою. Дѣло, однако, въ томъ, что пролетныя эти головушки развили въ немъ окончательно дурныя сѣмена, посѣянныя еще съ молоду. Вскорѣ Григорій не замедлилъ отличиться въ разныхъ продѣлкахъ, стоившихъ ему не разъ прогулокъ къ становому и управляющему. Одна изъ такихъ продѣлокъ достойна даже особеннаго замѣчанія. Разъ какъ-то Григорій и другой фабричный повстрѣчались на дорогѣ съ огородникомъ, везшимъ на базаръ арбузы. Огородникъ спалъ мертвецки на своемъ возу. Молодцамъ приглянулся такой случай истинною находкою. Они смекнули поживу и не долго затруднялись, какъ спроворить дѣло. Григорій мигомъ очутился подъ возомъ съ ножомъ въ рукахъ и принялся прорѣзывать отверстіе въ лубочномъ днѣ телѣги. Проползши такимъ образомъ на карачкахъ съ версту, онъ благополучно довершилъ зачатое предпріятіе. По мѣрѣ того, какъ арбузы сыпались одинъ за другимъ, товарищъ Григорья скатывалъ ихъ въ небольшую лощинку, огибавшую дорогу. Бѣдный огородникъ, должно быть, хлѣбнулъ лишнее, ибо спалъ такъ крѣпко, что доѣхалъ до базара, не замѣтивъ пропажи. Между тѣмъ, молодцы успѣли притащить изъ села телѣгу, навьючить на нее добычу и тронуться въ путь. Они не откладывали дѣлъ своихъ въ долгій ящикъ, и потому рѣшили немедленно ѣхать на базаръ, не сообразивъ въ первомъ пылу удачи, что такая поспѣшность могла какъ разъ накликать имъ бѣду. Такъ и случилось. Григорій наткнулся на мужичковъ Кузьминскаго; пошли толки, намеки, пересуды; каждому казался товаръ подозрительнымъ. Въ Кузьминскомъ не было огородовъ. Тутъ, какъ на бѣду, пронеслись слухи. что обокрали на дорогѣ ого-

родника; вскорѣ самъ онъ явился на-лицо. Тотчасъ и свѣдали дѣло. Молодцовъ схватили, скрутили по рукамъ и по ногамъ и повели къ засѣдателю, присутствующему при базарѣ для наблюденія порядка; засѣдатель, отпотчивавъ, какъ водится, добрымъ порядкомъ, отправилъ ихъ къ становому. Невѣдомо, что́ произошло у послѣдняго; достовѣрно только то, что изъ рукъ его также трудно выпутаться, какъ изъ рукъ перваго. — Пришлось поплатиться спиною.

Ко всѣмъ дурнымъ наклонностямъ, которыми такъ щедро снабдила Григорья фабричная жизнь, она поселила въ немъ еще расположеніе къ ерофеичу — средству, безъ котораго никакъ не обходится простолюдинъ, успѣвшій уже нащупать въ сапогахъ своихъ лишніе гроши. Словомъ, Григорій былъ изряднымъ негодяемъ, когда отецъ вызвалъ его на пашню. Не понаторѣвшись съ молоду въ трудностяхъ полевыхъ работъ, бывъ при томъ лѣнтяемъ по натурѣ, Григорій вышелъ никуда негоднымъ мужикомъ. «Не покой пашни, коли мужикъ оставилъ шашни», говоритъ пословица; и дѣйствительно, вмѣсто пользы, принесъ онъ въ домъ одно размирье, ибо только и дѣлалъ, что ссорился, да ругался съ матерью и тетками.

Акулина, переступивъ изъ дома скотницы Домны въ семью кузнеца, попала, какъ говорится, изъ огня, да въ полымя. Есть люди, которымъ какъ бы предназначено судьбою цѣлую жизнь мыкать горе. Мы уже видѣли, что бѣдная женщина сильно не приходилась по нраву новой роднѣ своей; неволя, съ какою попала она замужъ за Григорья, имѣвшаго въ виду другую, богатую, «здоровенную» бабу, была одною изъ главныхъ причинъ всеобщей къ ней ненависти. А вѣдь сто́итъ только запасть въ душу человѣка невѣжественнаго предубѣжденію, стоитъ только разъ напитаться ей злобою, — и уже ничѣмъ, никакими доводами и убѣжденіями, никакими силами не вытеребишь ихъ оттуда. И сострадательность, и всякое другое побужденіе пошло тогда къ чорту: все черствѣетъ въ душѣ и притупляется; обуявшее ее разъ чувство какъ бы все болѣе и болѣе укрѣпляется и, укрѣпляясь, глушитъ въ ней остальное. Первый день замужества Акулины,

казалось, вполнѣ выразилъ всю ея жизнь, все, что ожидало ее въ будущемъ. Хотя такіе побыты и доходили до сосѣдей, но никто, однако, не обнаруживалъ явнаго къ ней участія; каждый изъ нихъ былъ проникнутъ убѣжденіемъ, что правда, худо бабѣ у мужа, а какъ безъ мужа, такъ и того было бы хуже. Зато вся деревня единодушно далась диву, когда пронесся слухъ, что Акулина вмѣсто того, чтобъ умереть родами (чего ожидали сосѣдки, вѣдавшія домашнее житье-бытье ея), родила Григорью дочку, да еще, какъ разсказывалъ пономарь, такую крѣпенькую, что самъ батюшка на крестинахъ немало нахваливался.

Если ужъ младенецъ такъ приглянулся попу и пономарю, то чѣмъ же долженъ былъ онъ казаться бѣдной матери? Акулина какъ бы ожила; что-то похожее даже на радость мелькнуло въ глазахъ, знавшихъ прежде однѣ только слезы, и на печальномъ лицѣ ея показалась небывалая дотолѣ улыбка. Она не обращала уже теперь никакого вниманія на оскорбленія Василисы и Дарьи; ей ни почемъ были и побои Григорья, и распри всего семейства. Все, что вложено было въ ней чувства, все сосредоточивалось на миломъ ея младенцѣ, — далѣе она ничего не видѣла, ко всему казалась равнодушною, безчувственною. Но это-то равнодушіе и запропастило въ конецъ голову бѣдной бабы. Григорій не могъ сносить его. Онъ приходилъ въ бѣшенство, видя, что слова и побои не дѣйствовали болѣе на робкую и покорную жену; словомъ, жизнь Акулины стала еще хуже прежней.

Встрѣчаются иногда люди съ характеромъ кроткимъ и нѣжнымъ въ такой степени, что существованіе ихъ кажется какъ-то неполнымъ, неопредѣленнымъ, врядъ-ли способнымъ даже проявиться безъ подпоры или вліянія другого болѣе мощнаго и твердаго характера. Имъ не чужды самыя сильныя страсти, порывы самые пламенные и энергическіе; но все это зарыто въ нихъ подъ непроницаемою пеленою какой-то робости и застѣнчивости, которая мѣшаетъ имъ выказываться наружу и только глушитъ ихъ. Оба эти чувства у иныхъ такъ сильны, что ни воспитаніе, ни положеніе въ обществѣ, ни даже самое общество не въ состояніи ихъ исторгнуть. Жизнь

такого рода людей можетъ пройти, не взирая ни на какія обстоятельства, такъ же тихо и спокойно, какъ песокъ стеклянныхъ часовъ. Все способенъ вынести и претерпѣть такой человѣкъ; терпѣніе и смиреніе кажутся его удѣломъ, его назначеніемъ.

Но являются случаи, гдѣ то же самое робкое существо, повидимому, лишенное воли и силы, проявляетъ вдругъ твердость воли, какою одарены только рѣдкія, надиво сплоченныя натуры. Такъ бываетъ, когда доведутъ до предѣла вложенныя ему въ душу кротость и терпѣніе. Всѣ силы, тратившіяся по немногу на пути жизни, оставшись въ немъ непочатыми, нетронутыми, какъ-бы за одно пробуждаются тогда и возстаютъ всею своею массою.

Акулинѣ пришло не въ мочь терпѣть долѣе. Видя, что ни покорность, ни труды, ни смиреніе — ничто не дѣйствовало, она рѣшилась идти наперекоръ не только мужу, но даже всей роднѣ своей, передъ которой незадолго еще такъ трепетала. Замѣтивъ, что злоба ихъ усилилась отъ равнодушія, съ какимъ старалась она выносить ее, Акулина употребила все свое стараніе, чтобъ казаться еще спокойнѣе и равнодушнѣе. Мало того: она дала себѣ клятвенное обѣщаніе хранить молчаніе со всѣми домашними, и никогда ни въ какомъ случаѣ, хотя бы такая рѣшимость могла стоить ей жизни, не произносить передъ ними ни единаго слова. Она какъ-бы вдругъ онѣмѣла.

IX.

Ахъ, не жаль-то мнѣ роду, племени,
Не жаль-то мнѣ родимой сторонушки:
Мнѣ жаль-то малое дитятко;
Останется дитятко малешенько,
Малешенько, дитятко, глупешенько,
Натерпится холода и голода.

Русская пѣсня.

Ахъ, ты гнутое деревцо, черемушка,
Куда клонишься, туда склонишься!

То-же.

Прошло четыре года...

Кому бы случилось видѣть Акулину прежде, въ первые дни ея замужества, тотъ, конечно, нашелъ бы въ

ней, по прошествіи этихъ четырехъ лѣтъ, большую перемѣну. Иной врядъ ли даже могъ бы узнать ее. Она казалась состарѣвшеюся цѣлыми десятью годами. Оставалась только сухая, отцвѣтшая кожа, да страшно выглядывавшія кости. Блѣдное лицо, изнуренное тяжкою жизнью, и безвременьемъ, покрылось морщинами; скулы сильно выступили подъ мутными, впалыми глазами, и вообще по всей физіономіи проскальзывала какая-то ноющая, неотразимая грусть, виднѣлось что-то столь печальное и унылое, что нельзя почти было отыскать въ ней и тѣни былого. Поступь ея стала медленна; идучи, она безпрерывно останавливалась, прикладывала тощую свою руку къ груди, и вслѣдъ за тѣмъ слышался тяжелый, жестокій, долго непрерывавшійся кашель. Она видимо чахла.

Съ нѣкоторыхъ поръ, чаще стали посылать Акулину на рѣку, выбирая для этого, какъ бы невзначай, сырую и ненастную погоду: замѣтно сваливались на нее самыя трудныя и утомительныя хозяйственныя работы; при всемъ томъ, Василиса и Дарья не упускали случая раззадоривать Григорья разными побытами, зная напередъ, что злоба его неминуемо должна была вымещаться на плечахъ безотвѣтной Акулины. Послѣднее обстоятельство было тѣмъ менѣе затруднительно для тетокъ, что Григорій, выпивавшій прежде стаканъ другой безъ всякаго позыва, такъ только, ради компанства, успѣлъ въ эти четыре года уже свыкнуться, сдружиться окончательно съ ерофеичемъ,—пилъ мертвую и частехонько бывалъ пьянъ, какъ стелька. Утѣшительная сторона всего этого была, по крайней мѣрѣ, та, что старанія тетокъ оказались не безполезными. Акулина занемогла не на шутку. Въ первое время, врядъ-ли даже предстояла ей надежда отдѣлаться отъ смерти.

Разсказывать обстоятельно, все то, что претерпѣла она въ продоженіе болѣзни, по моему лишнее: читателю и безъ того легко смекнуть, каково ей было лежать въ душной каморкѣ подъ неутомимымъ надзоромъ и ухаживаніемъ Василисы и Дарьи.

Неизвѣстно какъ, откуда и чрезъ какія добродѣтель-

ныя уста, но только состояніе Акулины вскорѣ дошло до слуха жены управляющаго. Къ счастью, послѣдняя была женщина добрая, простая; она поспѣшила къ ней на помощь.

Слѣдствіемъ ли лекарственныхъ разныхъ снадобій, которыми поили больную, или просто помогла сама натура, но Акулинѣ стало, однако, гораздо легче. Мало-помалу, она начала даже поправляться, къ несказанной досадѣ домашнихъ, желавшихъ ей отъ всей души царствія небеснаго и иной лучшей жизни. Имъ вѣдомо было болѣе, нежели кому другому, все, что терпѣла горемыка на бѣломъ свѣтѣ. Сострадательность ихъ не замедлила вскорѣ обнаружиться въ полной своей силѣ. — Распространяться не стану, ограничусь описаніемъ одного случая, который выразитъ нетерпѣливость тетокъ надѣлить племянницу лучшею долею, въ чемъ, какъ увидитъ читатель, онѣ вполнѣ успѣли.

Акулина не одумалась еще послѣ болѣзни и находилась въ томъ неопредѣленномъ состояніи, когда самъ врачъ не можетъ рѣшить: жизнь или смерть сулитъ судьба паціенту. Она едва передвигала ноги.

Осень, или, какъ выражаются въ простонародьи, листопадъ, приближался на пѣгой своей кобылѣ къ концу. Деревья обнажились. Мѣстами по улицѣ и дворамъ сверкала гололедица; воздухъ становился сухъ и холоденъ.

Въ такой-то день, послѣ обѣденнаго времени, къ Григорью явился староста. Поочереди слѣдовало кому-нибудь изъ домашнихъ его идти досушивать чечевицу, —ибо подступила пора сѣять.

Въ выборѣ затруднялись недолго; что думать: Акулина и такъ провалялась цѣлые два мѣсяца; къ тому-же, Василиса и Дарья формально объявили, что имъ недосугъ, что и безъ того работаютъ за всѣхъ, и не пойдутъ, — приходи хоть самъ управляющій. Перекорять теткамъ было дѣло мудреное, притомъ отнюдь не касалось старосты: ему все одно, тотъ-ли, другой-ли,—былъ бы исполненъ наказъ, а тамъ пусть себѣ требесятъ бабы сколько имъ взгодно; въ домашнія дрязги никому входить не приходится.

Акулина молча поплелась вонъ изъ избы вмѣстѣ съ маленькою своею Дунькою. Никогда, ни въ какомъ случаѣ не разлучалась съ нею Акулина. Самъ ребенокъ, казалось, искалъ этого; гдѣ только ни встрѣчалась мать, тамъ ужъ непремѣнно виднѣлась и дочка. Стояла-ли стужа, шелъ-ли дождь, пекло-ли солнце — всюду тащилась дѣвчонка, цѣпляясь то съ той, то съ другой стороны за поняву матери. И такъ, взявъ Дуньку за руку (она не въ силахъ еще была поднять ее на руки, какъ имѣла обыкновеніе), Акулина вступила на просторный дворъ и усѣлась передъ цыновками, на которыхъ сушилась чечевица.

Но не въ добрый, знать, часъ вышла хозяйка Григорья. Началось съ того, что она упустила изъ вида курицу, забѣжавшую на одну изъ цыновокъ, и управляющій, проходившій въ то время мимо, загнулъ ей крѣпкое слово; потомъ стряхнулось на нее и другое горе: она почувствовала вдругъ, что не можетъ шевельнуться, ибо всѣ члены и особенно ноги тряслись, какъ въ лихорадкѣ, отъ прохватившей ихъ насквозь стужи.

Акулина поспѣшила закутать въ дырявый жупанъ Дуньку и усадить ее такъ, чтобъ не застудился младенецъ; сама-же кой-какъ свернула ноги подъ поняву да прикуталась въ сорочку: другого одѣянія на ней не было (она никогда не имѣла кожуха или тепленькаго овчиннаго тулупчика). И то даже, въ чемъ вышла она, глядѣло какъ-то непригоже: всюду и на спинѣ, и на плечахъ виднѣлись прорѣхи, которыя то-и-дѣло ощеливали кость да посинѣвшее отъ холода тѣло.

Увѣрившись еще разъ въ томъ, что Дуньку не прошибала дрожь, Акулина принялась глядѣть на дворъ.

Но печальная картина разстилалась передъ нею.

Досчатый заборъ, ограждавшій почти весь дворъ, мѣстами покривился на бокъ, мѣстами совсѣмъ повалился и выказывалъ то поблекшій кустарникъ, то потемнѣвшія купы полыни съ отощавшими стеблями и верхушками; съ одной стороны тянулся непрерывный рядъ сизыхъ однообразныхъ амбаровъ и конюшень съ высокими кровлями, осѣненными круглыми окнами, изъ которыхъ торчало

хлопьями сѣрое дикое сѣно. Далѣе возносились надъ заборомъ скирды убраннаго хлѣба, покрытые блѣдною соломой; между ровными ихъ рядами виднѣлась рѣчка какого-то синяго, мутнаго цвѣта, за нею стлалось неоглядное, словно пустырь, поле; на немъ ни сохи, ни птицы,— чернѣла одна только гладко взбороненная почва. Остальную часть двора занимали барскій садъ и палисадникъ съ выглядывавшими изъ-за нихъ бельведерами и крышками флигелей. Листья съ деревьевъ осыпались и темными грудами лежали въ аллеяхъ и близь ограды. Кой гдѣ мелькала развѣ березка съ сохранившеюся на ней зеленью, казавшеюся издалека какъ бы забрызганной золотистою рыжеватою охрою. Сучья, стволы растеній, кровли и всѣ окрестные предметы какъ-то рѣзко, бойко вырѣзывались на блѣдномъ, почти бѣломъ небѣ, что придавало картинѣ видъ холодный и суровый. Воздухъ былъ неподвиженъ, сухъ и прохватывалъ члены нестерпимымъ ознобомъ.

Время отъ времени раздумье Акулины прерывалось проходящими мимо конюхомъ или дворовою бабою; застывшая земля издавала какой-то металлическій звукъ подъ ихъ ногами, и далеко отдавались шаги въ опустѣвшемъ пространствѣ. Иной разъ она поднимала голову и смотрѣла пристально въ ясное, блѣдное небо; тамъ, въ безпредѣльной вышинѣ проносились къ востоку длинныя вереницы дикихъ журавлей и жалобнымъ, чуть внятнымъ крикомъ своимъ возмущали на мигъ безжизненность, всюду царствовавшую. Невѣдомо, какія мысли занимали тогда Акулину; сердце не лукошко, не прошибешь окошко, говоритъ русская пословица. Она недвижно сидѣла на своемъ мѣстѣ, по временамъ вздрагивала, тяжело, тяжело покашливала, да поглядывала на свою дочку, — и только... Впрочемъ, изъ этого слѣдуетъ, что бабѣ было холодно, что болѣла у нея слабая грудь, а наконецъ, и то, что ее безпокоило состояніе собственнаго ребенка, — чувство весьма обыкновенное, понятное каждому.

Раздумье Акулины было внезапно прервано чьимъ-то знакомымъ голосомъ; она обернулась.

Передъ нею стояла жена управляющаго.

— Какъ! Акулина! сказала она съ замѣтнымъ удив-

леніемъ: — зачѣмъ ты здѣсь?.. вѣдъ я же говорила твоимъ, чтобъ не выпускать тебя раньше трехъ недѣль... Какъ это можно!... кто послалъ тебя?..

— Староста...

— Староста! Ахъ, онъ бездѣльникъ!.. да чего же смотрѣли твои-то?.. а? Мужа развѣ не было дома?...

Акулина молчала.

Жена управляющаго повторила вопросъ.

Акулина не прерывала молчанія.

— Развѣ ты чувствуешь себя лучше?.. Ну, что? гдѣ теперь болитъ?

— Тутъ... все тутъ, произнесла хрипло Акулина, прикладывая окоченѣвшіе пальцы къ тощей, посинѣвшей груди своей; вслѣдъ затѣмъ послышался длинный, прерывистый кашель.

— Ай, ай!.. нѣтъ, нѣтъ, сиди-ка дома. Какъ это можно! говорила жена управляющаго, глядя на Акулину пристально и съ какимъ-то жалостнымъ выраженіемъ въ лицѣ. — А! да какая у тебя тутъ хорошенькая дѣвочка! продолжала она, указывая на Дуньку и думая тѣмъ развеселить больную: — она, кажись, дочка тебѣ?.. То-то: моли-ка лучше Бога, чтобъ далъ тебѣ здоровье, да сохранилъ тебя для нея... Вишь славненькая какая, просто чудо!..

Она подошла къ ребенку и погладила его по головѣ.

Рыданіе раздирающее, ужасное вырвалось тогда изъ груди Акулины; слезы градомъ брызнули изъ погасавшихъ очей ея и она упала въ ноги доброй барыни.

— Что ты?.. что ты?.. что съ тобою?.. говорила та, силясь приподнять бабу: — успокойся, милая! о чемъ кручиниться?.. Богъ дастъ, здорова будешь... перестань...

— Матушка!.. матушка... ты... вѣдь ты одна... одна приголубила мою сиротку... И она снова повалилась въ ноги доброй барыни . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Жена управляющаго каждодневно навѣдывалась въ избу Григорья. Истинно-добрая женщина эта употребляла

всѣ свои силы, всѣ слабыя познанія въ медицинѣ, чтобъ только помочь Акулинѣ. Она не жалѣла времени. Но было уже поздно: ничто не помогало. Больной часъ-отъ часу становилось хуже да хуже.

Наступившая зима, морозы, растворяемыя безпрерывно на холодъ двери, противъ которыхъ лежала Акулина, сильно къ тому способствовали. Наконецъ ей совсѣмъ стало не въ мочь. Григорій сходилъ за попомъ. Послѣ обычнаго обряда, отецъ Петръ объявилъ присутствующимъ, что Божьей воли не переселить, а больной врядъ ли оставалось пережить ночь. Ее такъ и оставили.

Въ избѣ смеркалось. Кругомъ все было тихо; извнѣ слышались иногда трескъ мороза да отдаленный лай собаки. Деревня засыпала... Василиса и Дарья молча сидѣли близь печки; Григорій лежалъ развалившись на скамьѣ. Въ углу противъ него покоилась Акулина; близь нея, свернувшись комочкомъ, спала Дунька. Стоны больной, смолкнувшіе на время, вдругъ прервали воцарившуюся тишину. Вздули огня и подошли къ ней.

— Что тебѣ?.. аль прихватило?.. сказала Дарья.

Но Акулина ничего не отвѣчала и только вперила угасавшія очи на мужа; долго смотрѣла она на него и наконецъ произнесла прерывающимся голосомъ: «Григорій»... Василиса и Дарья перемигнулись и вышли на дворъ.

— Ну, что?.. отвѣчалъ тотъ, подходя ближе къ женѣ...

— Григорій!.. продолжала Акулина тѣмъ же замирающимъ голосомъ.—Григорій... Григорій... у нея не хватало силъ сказать больше.

— Ну, слышу; что же надо?

Она положила руку на спавшаго подлѣ нея ребенка и произнесла протяжно:

— Не бей... ее... не бей... за что!?

Видно было, что она хотѣла что-то еще сказать, но рѣчь ея стала уже мѣшаться и вышла нескладна; мало-по-малу, звуки ея голоса слабѣли, слабѣли и совсѣмъ стихли; смутные, полуоткрытые глаза не сходили, однако, съ мужа и какъ-бы силились договорить все остальное; наконецъ и тѣ начали смежаться... Григорій взглянулъ на нее еще разъ, потомъ подошелъ къ палатямъ,

снялъ съ шеста кожухъ, набросилъ его на плечи и вышелъ изъ избы.

Дарья и Василиса попались ему въ сѣничкахъ.

— Ну, что? произнесли тетки почти въ одно и то время.

— Отходитъ, отвѣчалъ Григорій, натягивая узкій рукавъ на мощную свою руку.

Когда всѣ вступили въ избу, Акулины уже не было на свѣтѣ.

На другой день рано утромъ, отецъ Петръ явился къ Григорью въ сопровожденіи дьячка, чтобъ совершить панихиду надъ грѣшнымъ тѣломъ жены его. Когда панихида была окончена, тѣло Акулины снесли въ каморку, гдѣ назначено ему было пролежать еще до похоронъ.

...Вьюга не утихала; рѣзкій морозный вѣтеръ не переставалъ наметывать груды снѣга и, казалось, еще усиливался съ каждымъ часомъ; но Григорью ни почемъ была стужа и вьялица: онъ никакъ не соглашался отложить похоронъ. Не мало твердили ему домашніе: «Выжди немного; ишь какая посыпала погода, зги невидно. Эй, въ сугробѣ засядешь!..» Григорій не слушался и наровилъ лишь, какъ бы скорѣе спровадить покойницу. По колѣни въ снѣгу, онъ уже припрягалъ тощую клячу къ оглоблямъ розвальней, на которыхъ лежалъ длинный, живьемъ сколоченный гробъ Акулины. Василиса и Дарья глядѣли съ крылечка на его приготовленія. Изъ избы слышались время-отъ-времени чьи-то стоны и вопли...

— Что не уймете пострѣла-то? сказалъ наконецъ Григорій: — ишь какъ воетъ...

— И то въ каморку заперли, не унимается, отвѣчала Дарья...

Когда все было готово, кляча взнуздана, а гробъ привязанъ веревками къ розвальнямъ, Григорій замоталъ поводья къ перекладинѣ навѣса и поплелся въ избу. Вступивъ въ нее, онъ снялъ съ полки небольшой штофъ, заткнутый грязною ветошью и принялся цѣдить изъ него себѣ въ горло; натянувшись вдоволь, онъ поспѣшилъ возвратиться къ дѣлу.

— Что ты, Гриша, пораскраснѣлся? замѣтила Васи-

лиса, не покидавшая съ сестрою прежняго своего мѣста: — выпилъ что-ли для куража?..

— Маленько было, отвѣчалъ тотъ: — ну, отворяйте же ворота...

Онъ приладился на край гроба, нахлобучивъ на глаза шапку, гаркнулъ: «эй вы, поваливай!» махнулъ возжами и понесся по улицѣ.

Вьюга злилась по прежнему, дорогу заметало, цѣлыя горы снѣга разсыпались ему на голову. Григорій, ошеломленный виномъ, ни на что не обращалъ вниманія и зналъ только хлесталъ и стегалъ несчастную свою клячу, которая то и дѣло вязла въ оврагахъ... Вдругъ, посреди завыванія вѣтра и шума мятелицы, ему послышались крики; онъ оглянулся: въ мутныхъ волнахъ, между сугробами бѣжала сломя голову Дунька. Григорій приподнялся на облучкѣ и погрозилъ ей. «Пошла, пострѣлъ, домой!.. пошла домой... замерзнешь! пошла домой! кричалъ онъ, принимаясь съ большимъ еще остервенѣніемъ колотить свою клячу. Хмѣль, благо морозно было, успѣлъ ужъ обуять его; удары сыпались за ударами, лошадь несла его во всю мочь; изрѣдка оборачивался Григорій назадъ... «Пошла домой, пострѣлъ!.. пошла домой!» горланилъ онъ; но ребенокъ не переставалъ бѣжать за нимъ съ тѣмъ же крикомъ и воплемъ. «Пошла домой! вотъ я те... окаянную!» продолжалъ отецъ. Дунька все бѣжала да бѣжала...

А вьюга, между тѣмъ, становилась все сильнѣе, да сильнѣе, снѣжные вихри и ледяной вѣтеръ преслѣдовали младенца и забивались ему подъ худенькую его рубашонку и обдавали его посинѣвшія ножки, и повергали его въ сугробы... но онъ все бѣжалъ, все бѣжалъ... вьюга все усиливалась да усиливалась, вой вѣтра становился слышнѣе и слышнѣе; то взрывалъ онъ снѣжные хребты и яростно крутилъ ихъ въ замутившемся небѣ, то гналъ передъ собою необозримую тучу снѣга, и, казалось, силился затопить въ немъ поля, лѣса и все Кузьминское со всѣми его жителями, амбарами, угодьями и господскими хоромами.

АНТОНЪ-ГОРЕМЫКА.

Живи, коли можется,—
Помирай, коли хочется.

Народная поговорка.

I.

дядя и племяннички.

Въ самой глухой, отдаленной чащѣ «Троскинскаго» осинника работалъ мужикъ; онъ держалъ обѣими руками топоръ и рубилъ съ плеча высокіе кусты хвороста, глушившіе въ этомъ мѣстѣ лѣсъ непроходимою засѣкой. Наступала пора зимняя, холодная; мужикъ припасалъ топливо. Шагахъ въ пяти отъ него стояла высокая телѣга, припряженная къ сытенькой пѣгой кляченкѣ; поодаль, вправо, сквозь обнаженные сучья деревъ, виднѣлся полунагой мальчишка, карабкавшійся на вершину старой осины, увѣнчанную галочьими гнѣздами. Судя по опавшему лицу мужика, сгорбившейся спинѣ и потухшимъ сѣрымъ глазамъ, смѣло можно было дать ему 50 или даже 55 лѣтъ отъ роду; онъ былъ высокъ ростомъ, бѣденъ грудью, сухощавъ, съ рѣдкою, блѣдно-желтою бородою, въ которой нерѣдко проглядывала сѣдина, и такими же волосами. Одежда на немъ соотвѣтствовала какъ нельзя болѣе его наружности: все было до крайности дрябло и ветхо, отъ

низенькой мѣховой шапки до коротенькаго овчинаго полушубка, подпоясаннаго лыковой тесьмою.

Стужа была сильная; не смотря на то, потъ обильными ручьями катился по лицу мужика; работа казалось приходилась ему по сердцу.

Кругомъ въ лѣсу царствовала тишина мертвая, на всемъ лежала печать глубокой, суровой осени: листья съ деревъ попадали и влажными грудами устилали застывавшую землю; всюду чернѣлись голые стволы деревъ, мѣстами выглядывали изъ-за нихъ красноватые кусты вербы и жимолости. Въ сторонѣ, яма съ стоячею водою покрывалась изумрудною плѣсенью: по ней уже не скользилъ водяной паукъ, не отдавалось кваканья зеленой лягушки, стона головастика; торчали одни лишь мшистые сучья, облѣпленные слизистою тиной, и гнилой, недавно свалившійся стволъ березы, перепутанный поблекшимъ лопушникомъ и длинными, косматыми травами. Вдалекѣ, ни птичьяго голоска, ни пѣсни возвращающагося съ пашни батрака, ни блеянія пасущагося на пару стада; кромѣ однообразнаго стука топора нашего мужичка ничто не возмущало спокойствія печальнаго лѣса.

...Время отъ времени за лѣсомъ подымался пронзительный вой вѣтра; онъ рвался съ какимъ-то свирѣпымъ отчаяніемъ по замирающимъ полямъ, гудѣлъ въ глубокихъ колеяхъ проселка, подымалъ цѣлыя тучи листьевъ и сучьевъ, носилъ и крутилъ ихъ въ воздухѣ вмѣстѣ съ попадавшимися на встрѣчу галками и, взметнувшись наконецъ яростнымъ, шипящимъ вихремъ, ударялъ въ тощую грудь осинника...

И мужикъ прерывалъ тогда работу.

Онъ опускалъ топоръ и обращался къ мальчику, сидѣвшему на осинѣ:

— Эй! Ванюшка! ишь куда забрался! того и гляди вѣтромъ снесетъ, ступай наземь!..

— Незамай, дядя Антонъ, откликался парнишка: — небось, не снесетъ!

Дядя Антонъ, успокоенный каждый разъ такимъ увѣщаніемъ, бралъ топоръ, нахлобучивалъ поглубже на глаза шапку и снова принимался за работу.

Такъ повторялось неоднократно, пока наконецъ возъ не наполнился доверху хворостомъ. Вниманіе мужика исключительно обратилось тогда къ племяннику; его упорное неповиновеніе какъ бы впервые пришло ему въ голову, и онъ не на шутку разсердился.

— Ахъ ты, баловень! закричалъ онъ стукая обухомъ топора въ осину:—долго ли говорить тебѣ? слѣзай! вотъ я-те, озорника, поартачишься ты у меня, погоди!..

— А вотъ же не слѣзу, коли такъ, отвѣчалъ мальчуганъ, взбираясь все выше и выше.

— Не слѣзешь?.. ладно же, оставайся одинъ въ лѣсу, пусть-те ѣдятъ волки... проклятаго!..

Угроза, казалось, подѣйствовала на ребенка; онъ обхватилъ рученками коренастый стволъ дерева, приготовляясь спуститься наземь при первой попыткѣ дяди исполнить обѣщаніе.

— А бить станешь? вымолвилъ онъ, наклонивъ изъза вѣтви кудрявую свою голову и глядя пристально на дядю.

— Ну, ну, слѣзай, знай слѣзай...

— Взаправду, не станешь?..

— Говорятъ, не стану, ступай скорѣй!

Ванюшка спустился сажени на двѣ и опять повисъ на сучкѣ.

— И на лошадь, дядя Антонъ, посадишь?

— Ладно, ладно... ступай только.

— Не обманешь?

— Экой пострѣлъ, прости Господи! говорю, посажу,— чего еще?

Послѣднее обстоятельство окончательно успокоило парнишку; съ быстротою и ловкостью бѣлки проскользнулъ онъ между верхними сучьями и въ одно мгновеніе очутился на землѣ подлѣ дяди.

Вскорѣ возъ, навьюченный красноватымъ и сизымъ хворостомъ медленно выѣзжалъ изъ лѣсу, скрипя и покачиваясь изъ стороны въ сторону, какъ бы изловчаясь сбросить съ себя при первомъ косогорѣ лишнюю тяжесть. Ванюшка сидѣлъ верхомъ на пѣгашкѣ; онъ былъ вполнѣ счастливъ. Русыя его кудряшки, развѣваясь по вѣтру,

открывали поминутно круглое свѣжее личико, сіяющее восторгомъ. Антонъ шелъ подлѣ, запустивъ одну руку за пазуху, другой упираясь въ оглоблю. Проколесивши добрый часъ по глинистымъ, кочковатымъ полямъ, стлавшимся за лѣсомъ, путники наши выѣхали наконецъ на проселокъ и немного погодя услышали отдаленный шумъ мельницы.

Возъ приближался къ «троскинской» лощинѣ. Незамѣтная издалека и терявшаяся въ волнистыхъ линіяхъ мѣстности, лощина эта принимала вблизи довольно широкіе размѣры: на днѣ ея, поросшемъ конятникомъ и ветельникомъ, заваленномъ плитнякомъ и громадными угловатыми каменьями, шумѣла и пѣнилась рѣка; вмѣсто моста, черезъ нее перекидывалась узкая плотина, упиравшаяся однимъ концомъ въ старую водяную мельницу. Съ той стороны, откуда приближалась телѣга, мельница освобождалась совершенно отъ ветлъ, ограждавшихъ ее съ другихъ трехъ частей, такъ что амбары, клѣти, дворъ, толчея, навѣсы виднѣлись какъ на ладони. Шлюзы были спущены; всѣ три постава работали безъ устали; главное зданіе, обдаваемое съ одного бока бѣлою шипящею пѣной, тряслось словно въ лихорадкѣ; мука, покрывавшая его кровлю, сыпалась въ воду и крутилась въ воздухѣ. Гулъ былъ страшный. Прежде чѣмъ спуститься съ уступистой кручи на берегъ, Антонъ остановилъ лошадь и указалъ племяннику на мельницу.

— Поглядь-кась, Ваня, не видать ли гдѣ мельника?

— Аксентія Семеныча? спросилъ ребенокъ.

— Экой дурень! нешто у насъ окромѣ него другой какой есть...

— Нѣтъ, дядя Антонъ, нѣту... а кто-то стоитъ... вонъ въ бѣлой-то рубахѣ... вонъ, вонъ руками-то размахиваетъ!..

— Ладно, не будь только онъ; того и смотри съ ярманки вернется, встрѣнется да денегъ станетъ просить, бѣда! охъ-хо, хо! Ну, Ванюха, трогай да смотри, не больно круто спущай!..

Миновавъ благополучно шаткую плотину, пѣгашка внесла возъ на противоположный берегъ, поднялась на

косогоръ и пріостановилась; она вздохнула свободнѣе и замотала хвостомъ, что дѣлала обыкновенно, когда была довольна. Дорога опять пошла ровная и гладкая. Когда соломенная кровля мельницы съ осѣнявшими ее скворешницею и ветлами скрылась за горою, передъ глазами нашихъ мужичковъ снова открылась необозримая гладь полей, мѣстами окутанная длинными полосами тумана, мѣстами сливающаяся съ осеннимъ облачнымъ небомъ, и снова ни былинки, ни живого голоса, одна мертвая дорога потянулась передъ ними. Наконецъ, вправо началъ показываться господскій домъ, ближе—и вотъ онъ весь выглянулъ словно изъ земли. Все въ немъ обозначало не только отсутствіе хозяина, но даже давнее запустѣніе: ставни заколочены наглухо; нѣкоторыя изъ нихъ, сорванныя вѣтромъ, качались на одной петлѣ или валялись подлѣ треснувшаго и обвалившагося основанія; краска на кровлѣ, смытая кое-гдѣ дождемъ, обнаруживала гниль и червоточину; стекла въ покосившейся вышкѣ почти всѣ были выбиты; обветшалая наружность этого зданія, или, лучше сказать, этой развалины, облѣплялась повсюду неровными рядами ласточьихъ гнѣздъ; они виднѣлись въ темныхъ углахъ, вдоль жолоба, подъ карнизами. Казалось однѣ ласточки не покидали стараго барскаго дома и оживляли его своимъ временнымъ присутствіемъ, когда темныя купы акацій и липъ, окружавшія домъ, покрывались густою зеленью; въ палисадникѣ передъ балкономъ алѣли макъ, піонъ и сквозь глушившую ихъ траву высовывала длинную верхушку свою стройная мальва, Богъ вѣсть какимъ-то страннымъ случаемъ сохранившаяся посреди всеобщаго запустѣнія. Но теперь даже и ласточекъ не было. Домъ глядѣлъ печально и уныло изъ-за черныхъ, безлиственныхъ деревъ, поблекшихъ кустарниковъ и травы, прибитой послѣдними ливнями къ сырой землѣ дорожекъ.

Проходя мимо, Антонъ не замедлилъ однако снять шапку. Такъ прошелъ онъ вдоль стараго сада, флигелей, пчельника, пока наконецъ не поровнялся съ помѣщичьими ригою и овиномъ. Тутъ онъ не только надѣлъ шапку, но даже остановился: за плотнымъ заборомъ возносилось та-

кое несмѣтное множество скирдъ убраннаго хлѣба, что невольно разбѣгались глаза и вчужѣ забирала зависть. Уже нѣсколько лѣтъ сряду стояли онѣ такимъ образомъ неприкосновенными, непочатыми, приглашая каждаго любоваться ими вдоволь. Поговаривали въ околоткѣ, будто огромнымъ этимъ запасамъ хлѣба суждено было выжидать здѣсь благопріятной и счастливой минуты всеобщаго неурожая въ губерніи, на что, какъ утверждали, были у владѣльца ихъ свои особыя соображенія, не совсѣмъ чуждыя корысти; но слухамъ, извѣстно, вѣрить нельзя: чего не выдумаютъ! «На чужой ротокъ не накннешь платокъ», говоритъ пословица.

Дѣло въ томъ, что́ чѣмъ далѣе глядѣлъ нашъ мужикъ на скирды, тѣмъ болѣе потуплялъ голову и, наконецъ, Господь знаетъ отчего, совсѣмъ загрустилъ. Раздумье одолѣло его такъ сильно, что онъ сталъ даже пропускать безъ вниманія груды хвороста, валившіеся у него съ воза, тогда какъ прежде тщательно собиралъ стороннія вѣточки, попадавшіяся на окраинѣ дороги.

Между тѣмъ деревня все еще не показывалась. Темныя тучи, сгустившіяся надъ нею, окутывали ее сизой непроницаемой тѣнью; струйки бѣлаго дыма, косвенно поднимавшіяся въ черномъ горизонтѣ, давали однако знать о близости избушекъ. Прежде всего попалась на пути, маленькая кузница съ дюжимъ кузнецомъ Вавилою на порогѣ, который привѣтливо кивнулъ Антону головою, вымолвивъ: «отколѣ?» и на отвѣтъ: «а изъ осинника», зѣвнулъ, перекрестивъ ротъ; тамъ глянули высокіе «магазеи», за ними крестьянскіе пустые огороды, а тамъ потянулось и самое село Троскино, расположенное по скату лощины.

Толпа чумазыхъ ребятишекъ, игравшихъ въ бабки, стояла на улицѣ подлѣ колодца. Они, казалось, нимало не замѣчали стужи и еще менѣе заботились о томъ, что барахтались словно утки въ грязи по колѣни. Между ними находилось нѣсколько дѣвчонокъ съ грудными младенцами на рукахъ. Семи или восмилѣтнія нянюшки дули въ кулаки, перескакивали съ одной ножки на другую, когда уже черезчуръ забиралъ ихъ холодъ, но все-таки

не покидали веселаго сборища; нѣкоторыя изъ нихъ, свернувшись комочкомъ подъ отцовскимъ кожухомъ, молча и неподвижно глядѣли на игравшихъ.

Проѣзжая мимо, Ванюшка, начинавшій было корчиться отъ стужи на своей клячѣ, вдругъ вытянулся, пріосанился и крикнулъ, во сколько хватало силенки:

— Эй! пошли прочь!.. раздавлю!.. ишь лошадь ѣдетъ...

Толпа дала дорогу, окидывая сѣдока завистливыми взглядами.

Одна дѣвчонка, рыженькая, курносая, взъерошенная и въ добавокъ еще хромая, пустилась догонять возъ, прыгая и вертясь на одной ножкѣ.

— Дядя Антонъ, дядя Антонъ, посади на возъ! кричала она:—посади, голубчикъ, на возъ... золотой, посади, право-ну посади!

— Пошла прочь, вымолвилъ Антонъ, грозя хворостиной:—чего привязалась? вотъ я-те!..

Дѣвчонка остановилась, дала ему проѣхать нѣсколько шаговъ и потомъ снова поскакала; только теперь, какъ бы на зло, она коверкалась и ломалась несравненно болѣе, кричала звончѣе, приступала настойчивѣе, пока наконецъ, вибившись изъ силъ, поневолѣ должна была отказаться отъ своего преслѣдованія, но и тутъ не упустила случая высунуть Антону языкъ и поднять рубашонку.

Изба Антона стояла у самой околицы и завершала собой правую линію села, выдавшуюся въ этомъ мѣстѣ нѣсколько впередъ. Она бросалась въ глаза своею ветхостью: одинъ бокъ ея, примыкавшій къ околицѣ, почти сгнилъ до тла, отчего остальная частъ зданія покачнулась и сѣла въ ту сторону. Кровля, отъ тяжести давившей ее когда-то соломы приняла совершенно другое направленіе; она сползла напередъ и грозила ежеминутнымъ паденіемъ. Трубы не было; ее замѣнялъ глиняный горшокъ съ выбитымъ дномъ для дыма. Деревянный пѣтушокъ, красовавшійся вѣроятно въ лучшія времена на макушкѣ крыши, принялъ также свое направленіе во время всеобщаго обвала и уныло свѣсился влѣво. Единственное оконце, заткнутое лохмотьями и обмазанное кругомъ глиною, глядѣло невыразимо кисло. Изба со всѣхъ сторонъ подпи-

ралась сучковатыми плахами, уподоблявшими ее согбенному старику нищему, наступившему на костыли свои; словомъ, все въ ней, какъ говорится, было и валко, и шатко, и на сторону. Невыразимо тяжело и грустно становилось на сердцѣ, глядя на это жилище; даже Степанъ Бичуга, сосѣдъ вообще равнодушный ко всему житейскому, за исключеніемъ одной развѣ косушки, и тотъ не проходилъ мимо безъ того, чтобы не оглянуть Антонову избенку со всѣхъ сторонъ и не покачать заботливо лысою головою.

Несмотря на то, хозяева лачужки замѣтно ускоряли шагъ, и лица ихъ, по мѣрѣ приближенія къ ней, просвѣтлялись привѣтливой улыбкой. Ванюшка никакъ даже не могъ удержаться, чтобы не крикнуть въ порывѣ восторга нѣсколько разъ сряду:

— Дядя Антонъ, домой пріѣхали! ишь, дядя Антонъ, ишь, «домъ-то», вонъ онъ!.. вонъ онъ какой!..

При въѣздѣ на дворъ навстрѣчу имъ выбѣжала дѣвочка лѣтъ шести; она хлопала въ ладоши, хохотала, бѣгала вокругъ телѣги и, не зная какъ-бы лучше выразить свою радость, ухватилась ручонками за полы Антонова полушубка и повисла на немъ; мужикъ взялъ ее на руки, указалъ ей пальцемъ на возъ, лукаво вытащилъ изъ средины его красный прутикъ вербы, подалъ его ребенку и, погладивъ его еще разъ по головѣ, снова пустилъ на свободу. Дѣвочка была въ неописанномъ восторгѣ отъ роскошнаго подарка.

— Ну, Ваня, чай, будетъ? слѣзай-ка съ лошади да ступай скорѣе съ сестренкой въ избу, на печку, сказалъ дядя; — небось оба поѣсть хотите?

— Дядя Антонъ, голубчикъ, золотой ты мой, дай распречь лошадку. Я опосля поѣмъ, кричалъ мальчишка.

— И то замерзъ совсѣмъ: куды-те справиться! ишь, руки-то окоченѣли...

— Ничаво, дядя, голубчикъ, ничаво, право-слово ничаво... ты, Аксюшка, ступай въ избу, ишь, озябла ты... а я приду.

Не все же понукать да драться; дядя покорился; вскорѣ всѣ трое вошли на крылечко, а оттуда и въ избу.

II.

ГОЛЫШЪ.

Хозяйка Антона была не одна; противъ краснаго угла избы, почернѣвшаго такъ, что едва можно было различить въ немъ икону, сидѣла гостья, старуха лѣтъ пятидесяти. Свѣтъ изъ единственнаго свѣтлаго оконца падалъ прямо на нее. Сморщенное, желтоватое лицо старухи, осѣненное космами сѣдыхъ волосъ, кой-какъ скомканныхъ подъ клѣтчатый платокъ, ея каріе глаза, смотрѣвшіе изъ впадинъ своихъ зорко и проницательно, острый тоненькій носъ, выдавшійся подбородокъ, лохмотья и клюка, — все это напоминало какъ нельзя лучше сказочную бабу-ягу, или по крайней мѣрѣ деревенскую колдунью-знахарку.

Но въ сущности ничего этого не было: старуха принадлежала просто-на-просто къ тѣмъ жалкимъ побирушкамъ, безъ семьи, роду и племени, которыя таскаются изъ села въ село, изъ деревни въ деревню, и кормятся мірскимъ подаяніемъ, или, какъ выражаются въ простонародьи «грызутъ окна».

— Здорово, Архаровна, произнесъ Антонъ, видимо недовольный присутствіемъ гостьи.

— Здравствуй, кормилецъ ты мой, отвѣчала вздыхая старуха, и тотчасъ-же наклонила голову и явила во всей своей наружности признаки величайшей немощи и скорби.

— Что-те давно не видать въ нашей сторонѣ? замѣтилъ мужикъ съ явной ироніей: — мы ужъ думали, ты и вовсе не пожалуешь...

— Асинька?..

— Аль оглохла, старая?

— Не слышу, кормилецъ...

— Что-те давно не видать? крикнулъ Антонъ.

— Пришла по хлѣбушко, родимый ты мой, простонала она жалобно: — не дадутъ-ли на старость люди добрые...

— Да, что говорить, продолжалъ мужикъ, пристально

на нее глядя — что говорить, хлѣбца-то небось и всякому хочется... иной вотъ и не такъ чтобы больно нуждается, а глядишь, туда-же конючитъ, словно и взаправду съ голоду...

— Съ голоду, касатикъ, о-охъ! съ голоду, отвѣчала она, принимая послѣднее слово какъ исключительно до нея относящееся: — на старости лѣтъ куды-те горько, и помереть такъ негдѣ...

— И-ихъ, бабка, кажись, ужъ ты много больно берешь бѣдности на свою душу, вымолвилъ съ досадою хозяинъ: — ишь вонъ сказываютъ, будто ты даромъ что ходишь въ оборвышахъ да христарадничаешь, а богаче любого изъ нашего брата... нагдысь орѣшкинскіе ребята говорили, у тебя вишь и залежныя денежки водятся... правда, что-ли?..

Онъ недовѣрчиво посмотрѣлъ ей въ лицо.

— Ась?.. не слышу, родимый, произнесла недвижно старуха.

— Да полно, такъ-ли? погоди, дай-ка разуться, авось тогда услышишь.

Сказавъ это, Антонъ подошелъ къ печкѣ и сталъ раздѣваться. Слова его, казалось, однако произвели на глухую старушонку не совсѣмъ обыкновенное дѣйствіе; лицо ея какъ-бы внезапно оживилось; глаза, которые держала она постоянно опущенными, быстро поднялись и окинули избу. Хозяинъ подошелъ къ ней и сѣлъ на лавочку; лицо Архаровны выражало по прежнему скорбь и уныніе.

— Что ты баялъ, кормилецъ?

Антонъ повторилъ побирушкѣ слухи, носившіеся о ней на деревнѣ.

— И-и-и проговорила она, качая сѣдою своею головою: — нивѣсть чего не скажутъ злые люди, на злую рѣчь слово купится...

— А что имъ, прибыль что-ли какая?.. ишь ты сколько лѣтъ слоняешься по бѣлу свѣту да окна грызешь: куды дѣвать деньги?—вѣстимо; хоронишь про черный день...

— Въ чужой рукѣ ломоть великъ, касатикъ, ину

пору и хлѣбушка нѣтути, нетокма что денегъ. По міру пойдешь, тѣстомъ возьмешь... охъ-хо-хо!..

— Ладно, толкуй, отвѣчалъ смягчаясь Антонъ:—ну, да что тутъ, я только такъ къ слову молвилъ; если и водятся деньжонки, такъ извѣстно кому до того дѣло?.. Варвара! чего нахохлилась? собери обѣдъ, смерть ѣсть хоцца, да, чай, и ребята проголодались.

Это обращалось къ хозяйкѣ дома, невзрачной бабенкѣ, молчаливо сидѣвшей въ углу на скамейкѣ поодаль отъ старухи. Она не принимала до сихъ поръ никакого участія въ разговорѣ и только изрѣдка поглядывала на мужа. Услыша слова его, она повернула къ нему изнуренное, блѣдное лицо свое, вздохнула и сказала:

— Чего я тебѣ дамъ, Антонушка!.. охъ, ничего-то у насъ нѣту...

— Кажись, намедни лучку осталось?

— Нѣтъ, не осталось,—нагдысь ребята весь поѣли...

И она снова вздохнула.

— Ну, давай хлѣба, кваску... да полно тебѣ деньденьской хохлиться-то... инда тоска беретъ на тебя глядя...

Варвара поднялась, сняла съ полки чашку, нацѣдила въ кувшинчикъ кваску, потомъ вынула изъ столоваго ящика остатокъ ржаного коровая, искалѣченную солоницу, ножъ, и молча уставила все это передъ мужемъ. Послѣ чего она тотчасъ-же усѣлась на прежнее свое мѣсто, скрестила руки и стала смотрѣть на него съ какимъ-то притупленнымъ вниманіемъ.

— Эй, ребятишки! крикнулъ Антонъ: — вы и взаправду завалились на печку,—ступайте сюда... а у меня тюря-то славная какая!.. э! постойте-ка, вотъ я ее всю съѣмъ... слѣзайте скорѣе съ печи... Ну, а ты, бабка, что-жъ, продолжалъ онъ голосомъ, въ которомъ не замѣтно уже было и тѣни досады:—аль съ хозяйкой надломила хлѣбушка? — Чего отнѣкиваешься, рѣжь да ѣшь, коли подкладываютъ... бери ложку, садись, — человѣкъ изъ ѣды живетъ, что съѣшь, то и поживешь.

— Спасибо, отецъ родной! и то хозяюшка твоя накормила, дай ей Господь Богъ много лѣтъ здравствовать...

Въ это время Аксюшка подбѣжала къ дядѣ, всползла къ нему на колѣни и обняла смуглую его шею тоненькими своими ручонками.

— Эка дѣвчонка-то у меня баловливая какая, бабушка, вымолвилъ мужикъ, цѣлуя ребенка:—эка озорливая дѣвчонка-то, продолжалъ онъ, гладя ее по головкѣ: сядь-ка ты сюда, плутъ-дѣвка, сядь-ка поближе къ своему дядькѣ-то да поѣшь... ну, а Ванюшка гдѣ?..

— А онъ, дядя Антонъ, на улицу ушелъ къ ребятамъ.

— Ишь, пострѣлъ какой, прости Господи, только и наровитъ, какъ-бы ему изъ дому прочь; погоди, Аксюшка, дай ему вернуться, вотъ мы ему съ тобой шею-то накостыляемъ... слышь, бабка, озарника-тъ мой отъ дому все отбивается.

— А Господь съ нимъ, незамай его, молвила Архаровна:—пущай его балуетъ, пока невеличекъ...

— Какой невеличекъ!.. поглядѣла-бы ты на него: парнишка куды на смыслѣ, такой-то шустрый, рѣзвый, все разумѣетъ, даромъ отъ земли не видать; да я вѣдь посмѣялся, я не потачливъ, что грѣха таить, а бить не бью... оба они дороги мнѣ больно, бабка, даромъ не родные, во-какъ, продолжалъ онъ, лаская Аксюшку: — но, не будь ихъ, такъ, кажись, и мнѣ и хозяйкѣ моей скорѣе-бы жизнь опостыла, съ ними все какъ-бы маленечко повеселѣе, право-ну!

— Вѣстимо, они теперь махочки, смыслу нѣтъ, а какъ подрастутъ, такъ тебѣ-же спасибо скажутъ, родимый, за добро твое...

— Э! бабка, было-бы имъ ладно, а тамъ что останется отъ моей бѣдности, то и имъ достанется...

— Что-жъ, родимый, спросила вдругъ старуха: — братъ, небось, вѣсточку посылаетъ?..

— Нѣтъ, съ той самой поры, какъ въ солдаты взяли, ни слуху, ни духу; и жена и мужъ, — словно оба сгинули. Мы лѣтось еще посылали къ нимъ грамотку, да денегъ полтинничекъ; псслѣдній отдали; ну, думали, авось что и провѣдаемъ, никакого отвѣту: живы-ли, здоровы-ли,—Господь ихъ вѣдаетъ. Прошлый годъ солдаты у насъ

стояли, ужъ мы не мало понавѣдывались; не знаемъ, говорятъ, такого, — что станешь дѣлать... Ну, а ты, старуха, кажись, сказывала намъ, также не вѣдаешь ничего про сына-то своего съ того времени, какъ въ некруты пошелъ...

— Нѣтъ, родимый, ничего не вѣдаю, произнесла жалобно старуха и отвернулась...

Антонъ и жена его принялись утѣшать побирушку.

— Да, началъ мужикъ:—на старости лѣтъ, вѣстимо, одной-то горько: неравно помрешь и похоронить-то некому.

— Охъ, некому, кормилецъ, родимый ты мой, некому...

— А вотъ намъ, коли молвить правду, не больно тошно, что брата нѣту: кабы да при теперешнемъ житьѣ, такъ съ нимъ не наплакаться стать; что грѣха таить, пути въ немъ не было, мужикъ былъ плошный, неработящій, хмѣльнымъ дѣломъ почалъ было напослѣдяхъ-то заниматься; вѣстимо, какого ужъ тутъ ждать добра, что ужъ это за человѣкъ, коли да у родного брата захребетникомъ жилъ,—вотъ развѣ бабу его такъ жаль: славная была баба, смирная, работящая... ну, да видно во всемъ Богъ... на то его есть воля... охъ-хо-хо...

Антонъ прислонилъ ложку къ закраинѣ чашки, уперся спиною въ стѣну и пересталъ ѣсть; долго сидѣлъ онъ такимъ образомъ, пригорюнясь и не произнося ни слова. Только изрѣдка ласкалъ онъ Аксюшку, которая, положивъ русую головку свою на грудь дяди, забавлялась мѣднымъ крестикомъ, висѣвшимъ у него за пазухой. Мало-по-малу добродушное, кроткое лицо мужика нахмурилось; вытянувшіяся черты его уже ясно показывали, что временная веселость и спокойствіе исчезли въ душѣ бѣдняка; въ нихъ четко проглядывало какое-то заботливое, тревожное чувство, котораго повидимому старался онъ не обнаруживать передъ женою, потому что то и дѣло поглядывалъ на нее искоса. Наконецъ Антонъ облокотился на столъ, взглянулъ еще разъ на жену и сказалъ старухѣ голосомъ, который ясно показывалъ, что онъ приготовлялся вымолвить ей совсѣмъ другое:

— Вотъ, бабушка, такъ началъ мужикъ: — было времячко, живалъ вѣдь и я не хуже другихъ,—въ амбарѣ-

то бывало всего насторожено вволюшку; хлѣбъ-то бабушка, родился самъ-шостъ да самъ-семь, три коровы стояли въ клѣти, двѣ лошади,—продавалъ, почитай, что кажинную зиму, мало что на 60 рублевъ одной ржицы, да гороху рублевъ на 10, а теперь до того дошелъ, что радешенекъ, радешенекъ, коли сухого хлѣбушка поснѣдаешь... тѣмъ только и пробавляешься, когда вотъ покойникъ какой на селѣ, такъ позовутъ псалтырь почитать надъ нимъ... все гривенку-другую дадутъ люди...

Онъ оглянулся на Варвару; та сидѣла, закрывъ лицо руками и нѣсколько отвернувшись отъ него; замѣтивъ, что слезы струились между ея пальцами, Антонъ замялся.

— Да, подхватилъ онъ громче прежняго: — да, бабушка, такъ во какъ дѣло-то, — во оно дѣло-то какое... а ты все на свою долю плачешься, того молъ нѣтъ, да того не хватаетъ... а вотъ мы и тутъ съ хозяйкой не унываемъ (онъ посмотрѣлъ на Варвару), не гнѣвимъ Господа Бога... грѣшно! знать ужъ на то такая его воля; супротивъ ее не станешь...

— О-о-охъ, вѣстимо, кормилецъ ты мой, Богъ далъ, Богъ и взялъ...

— Да, не знаешь, гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь, сказалъ мужикъ, стараясь принять веселый видъ: — день дню розь, пивалъ пьяно да ѣлъ сладко, а теперь возьмешь вотъ такъ-то хлѣбушка, подольешь кваску,—ничаво, думаешь, посоля схлѣбается! по комъ бѣда не ходила!.. Эхъ! Варвара, полно тебѣ право; ну, что ты себя понапрасну убиваешь, говорю, полно, горю не пособишь, право-ну не пособишь...

— Вѣстимо, касатка, отозвалась старуха: — вѣку только убавишь себѣ... охъ, что ваша бѣдность! у васъ хошь вотъ поплакать-то есть гдѣ... а вотъ у меня, горькой сироты, такъ и поплакать-то негдѣ...

— Ну, въ томъ небольно велика утѣха; что вой, что не вой—все одно—живи, коли можется—помирай, коли хочется... Э! старушка, горько жить на бѣломъ свѣтѣ нашему брату!..

— О-о-охъ, горько родимый, такъ-то горько, что и сказать мудрено...

Варвара быстро приподнялась и вышла изъ избы.

— Вотъ, сказалъ Антонъ, посмотрѣвъ на дверь:— она-то, бабушка, крушитъ меня добре слезами-те своими. Вишь баба плошная, квелая... долго-ли до грѣха!.. теперь безъ нея, скажу тебѣ по душѣ... по душѣ скажу... куды!.. пропали мы съ нею и съ ребятенками, совсѣмъ пропали!.. вотъ вѣдь и хлѣбушко, что ѣшь, и тотъ—сказать горько— у Стигнѣя сосѣда вымолилъ; спасибо еще, что помогъ... охъ... а такое-ли было житье-то мое...

— Сказываютъ, замѣтила Архаровна, повидимому не принимавшая до сихъ поръ никакого почти участія въ томъ, что говорилъ Антонъ: — сказываютъ Сигнѣй-то богатъ-добре!..

— Богатъ-то онъ богатъ... да вѣдь иной и богатый хуже нашего брата голыша...

— Мнѣ, кормилецъ, Савельевна говорила, что у него три лошади... да и медку вишь, сказываютъ, продавалъ по осень... и денегъ-то, чай, много...

— Ну, Господь съ нимъ, отвѣчалъ откровенно Антонъ:— я тебѣ про свое горе говорю... эхъ, доля моя, доля!.. вотъ, почитай, пятый годъ такъ бьюсь, и что ни день, то плоше да плоше...

— Все небось управляющій, касатикъ, не жалуетъ?

— Не жалуетъ... охъ! это-бы еще ништо: кого онъ жалуетъ? а живутъ-же люди... нѣтъ, онъ злодѣй мнѣ попался, весь мой вѣкъ заѣдаетъ! съ бѣла свѣта долой гонитъ!—а что наше дѣло, вѣстимо, какое: терпишь да терпишь, мы вѣдь на то и родились, бабушка!.. да!.. Вотъ хоть теперь, — пришло время подушныя платить, гдѣ я ихъ возьму? отколѣ? Онъ-же раззорилъ меня да пустилъ по міру, а стращаетъ теперь: въ солдаты, говоритъ, да на поселенье сошлю, не погляжу, говоритъ, что у-те жена есть, вонъ онъ что толкуетъ... Охъ, бабка, бабка, кабы былъ одинъ я, ну-бы еще ништо, одна голова не бѣдна, а то съ ними-то что станется?.. Да... прогнѣвилъ, знать, я чѣмъ Господа Бога!..

Вошла Варвара,—мужъ замолчалъ.

Почти въ то-же время въ воротахъ послышался стукъ.

Антонъ подошелъ къ свѣтлому оконцу, выходившему на дворъ, и крикнулъ:

— Кто тамъ?

Отклика не было.

— Кто тамъ? повторилъ мужикъ, поднявъ окно.

— Это я, дядя Антонъ, отозвался тоненькій серебристый голосокъ въ сѣняхъ, и въ избу вбѣжала дѣвочка лѣтъ двѣнадцати.

На блѣдномъ, чрезвычайно продолговатомъ личикѣ этого ребенка и вообще по всей его наружности было что-то такое, что невольно обращало на себя вниманіе; этотъ тоненькій носъ съ легкимъ, едва примѣтнымъ погибомъ на срединѣ, узенькія губы, пріятно загнутыя по угламъ, чистый, правильный очеркъ головы, нѣжныя черты прозрачнаго личика и тоненькіе щедушные члены отличали его сразу отъ извѣстнаго уже типа коренастыхъ, грубо обточенныхъ дѣтей крестьянскихъ. Особенно поражали въ ней эти черные, выразительные глаза, которымъ необыкновенная блѣдность и худоба щекъ придавали еще болѣе блеска и величины. Смуглые волосы смоленого отлива, небрежно обстриженные когда-то въ кружокъ, разсыпались неровными прядями вокругъ ея нѣжной, утиной шейки. Одежда ея отличалась также отъ крестьянской: она состояла изъ неуклюжаго платья синей домотканной полосушки, прорваннаго на локтяхъ, съ заплатками изъ бѣлой холстины, — платья, которое снизу едва прикрывало босыя ноги дѣвочки до колѣнъ; вверху отъ шеи до перехвата оно ниспадало угловатыми, широкими складками, обтягивало и обтирало ей грудь и плечи.

Дѣвочка остановилась посередь избы, раскрывъ губы и прижимая грудь ручонками. Она едва переводила духъ отъ усталости.

Между тѣмъ хозяинъ и хозяйка подошли къ ней.

— Что ты, Фатимушка? спросилъ первый съ замѣтнымъ смущеніемъ:—а? не хочешь-ли тюрьки, на поди...

— Нѣтъ, дядя Антонъ, нѣтъ, Никита Ѳедорычъ прислалъ... отвѣчалъ скороговоркою ребенокъ, приправляя каждое слово быстрыми, живыми движеніями рукъ: —

приказалъ кликнуть тебя,—ступай скорѣй,— самъ наказывалъ...

И она откинула назадъ голову, чтобы поправить волосы, которые заслонили ей лицо.

Варвара присѣла на скамейку и зарыдала на всю избу.

У Антона захолонуло въ сердцѣ.

— Ну! вскричалъ онъ, отчаянно ударяя себя кулаками объ полы: — пришла бѣда, отворяй ворота! вѣрно опять за подушными! Полно тебѣ, Варвара, душу мнѣ только мутить, слезами-то... Эко дѣло... эко дѣло... какъ тутъ быть?..

Смущеніе бѣднаго мужика было такъ велико, что онъ нѣсколько времени ходилъ какъ угорѣлый по избѣ, заглядывалъ безъ всякой нужды во всѣ углы, поправлялъ то крышку кадки, то солоницу, то кочергу и, наконецъ, вышелъ изъ дому, позабывъ даже накинуть на плечи полушубокъ.

Вой Варвары сопровождалъ его до самой улицы. Вступивъ на барскій дворъ, гдѣ находился старый флигель, помѣщавшій контору и квартиру управляющаго, Антонъ увидѣлъ Никиту Ѳедорыча, который уже ожидалъ его на порогѣ. Приближаясь къ крыльцу, мужикъ почувствовалъ, что колѣни его тряслись и дыханіе спиралось у него въ горлѣ: ознобъ прошибалъ его до костей. Опустивъ голову, подошелъ онъ медленнымъ, робкимъ шагомъ къ управляющему. Это былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, т. е. отъ 40 до 50, средней полноты и средняго роста; огромная шарообразная голова его, покрытая бѣлокурыми волосами съ просѣдью, обстриженными ниже чѣмъ подъ гребенку, прикрѣплялась почти непосредственно къ плечамъ, что дѣлало Никиту Ѳедорыча издалека весьма похожимъ на бульдога. Къ этому сходству не мало также способствовали густыя черныя брови, сѣрые глаза на выкатѣ, широкія калмыцкія скулы, пышный трехъ-ярусный подбородокъ и коротенькія ноги на подобіе обруча, или, какъ говорится, «кибитки». Несмотря на всѣ эти мелочные недостатки, которые между прочимъ не представляли въ общемъ ничего особенно отвратительнаго,

фигура управляющаго нимало не теряла важности и той спокойной гордости, сіяющей всегда въ чертахъ человѣка, сознающаго въ себѣ чувство собственнаго достоинства. Фигура его имѣла, напротивъ того, какую-то пріятную соразмѣрность, стройность даже, и была чрезвычайно характерна. Но если всмотрѣться хорошенько, нельзя было не прочесть въ этихъ сѣрыхъ бойкихъ глазахъ, въ этой толстой круглой головѣ, важно закинутой назадъ, въ этихъ толстыхъ, раздувшихся губахъ что-то столь наглое, дерзкое и подлое, что невольно напоминало любимца-камердинера, или дворецкаго, или вообще члена многочисленной семьи мерзавцевъ богатой избалованной дворни или аристократической передней. Въ настоящую минуту на немъ былъ сѣрый нанковый однобортный архалукъ, подбитый мерлушками и застегнутый до верху, пестрая шерстяная ермолка и синіе, непомѣрно широкіе шаровары. Изъ верхней петли архалука висѣла толстая золотая цѣпочка съ ключикомъ для часовъ. Онъ стоялъ въ дверяхъ, растопыривъ ноги, запустивъ одну руку въ карманъ шароваръ, другою поддерживалъ длинный чубукъ, изъ котораго, казалось, высасывалъ вмѣстѣ съ дымомъ все болѣе и болѣе чувство собственнаго достоинства.

— Что-жъ ты, шутить, что-ли, думаешь? сказалъ онъ Антону.—Всѣ внесли подушныя, ты одинъ ухомъ не ведешь, каналья! а? говорилъ-ли я тебѣ, а? сказывай, говорилъ или не говорилъ—худо будетъ?..

И управляющій закинулъ еще выше голову.

— Сказывали, Никита Ѳедорычъ...

— Ну!

— Я докладывалъ вашей милости, отвѣчалъ мужикъ, потупляя голову:—какъ будетъ угодно... у меня подушныхъ нѣтъ... взять неоткуда... извольте дѣлать со мною что угодно; на то есть власть ваша... напишите барину, пущай наказать прикажетъ, а мнѣ взять, какъ передъ Богомъ, неоткудова...

— Ахъ ты плутъ, бестія этакая... изъ-за тебя стану я безпокоить барина... васъ только сѣки, да подушныхъ не бери... ну, да что тутъ толковать... не міру платить за тебя... знаю я васъ мошенниковъ... Лошадь жива?..

Антонъ обомлѣлъ; дрожь пробѣжала по всѣмъ его членамъ. Онъ быстро взглянулъ на Никиту Ѳедорыча и произнесъ дрожащимъ голосомъ.

— Никита Ѳедорычъ! никакъ ужъ ты и совсѣмъ погубить меня хочешь?

— Что?

— Никита Ѳедорычъ! батюшка! продолжалъ мужикъ:— пожалѣй хоть ребятенокъ-то махонькихъ... и то почитай пустилъ ты насъ по міру...

— А вотъ, потолкуй-ка еще у меня, потолкуй, перебилъ управляющій, дѣлая движеніе впередъ: — я тебя погублю! Завтра-же веди лошадь въ городъ на ярмарку. Теперь пора зимняя, лошади не надо, произнесъ онъ лукаво:—да смотри, не будетъ у меня черезъ два дня подушныхъ въ конторѣ, такъ я не погляжу, что ты женатъ, — лобъ забрѣю. Я и такъ миловалъ тебя мерзавца!..

— Никита Ѳедорычъ, а, Никита Ѳедорычъ, сказалъ Антонъ, едва удерживаясь отъ слезъ:—батюшка!

И онъ повалился въ ноги.

— Э! меня этимъ не расжалобишь. Пошелъ! чтобъ было, какъ приказываю, вотъ и все. Ступай! прибавилъ онъ, топнувъ ногой.

— Что-жъ у меня-то останется, говорилъ отчаянно мужикъ: — какъ послѣднюю-то лошаденку продамъ?.. и такъ по міру почитай...

— Ну, ну, ну... разговаривай... кабы не ярмарка, такъ я бы не такъ еще съ тобой раздѣлался...

Въ это время дверь изъ квартиры управляющаго растворилась; изъ нея выглянуло въ половину желтое женское лицо, перевязанное бѣлою косынкою.

— Никита Ѳедорычъ, а, Никита Ѳедорычъ! крикнула женщина пискливо:—ступай чай пить; что тебя не дождешься?.. ступай скорѣе...

Управляющій повернулся въ ту сторону и, не дожидаясь дальнѣйшихъ возраженій мужика, поспѣшилъ къ самовару.

Домогаться милости Никиты Ѳедорыча было дѣломъ совершенно лишнимъ; по крайней мѣрѣ въ этомъ ни мало

не сомнѣвались троскинскіе крестьяне. Антонъ зналъ это еще лучше другихъ.

Медленно покинулъ онъ дворъ и вышелъ на улицу.

Сумерки, или, «сутисочки», какъ называютъ ихъ въ деревнѣ, начинали уже ложиться на землю; блѣдныя дымчатыя полосы тумана тамъ и сямъ окутывали поля и распускались по окрестности; въ воздухѣ замѣтно похолодѣло. Антонъ, самъ не зная почему, не пошелъ по улицѣ, а, обогнувъ ближнія за флигелемъ избы и крестьянскіе огороды, поплелся «задами» . . . . . .

. . . . . .

Приближаясь къ крайнимъ амбарамъ села, т. е. тѣмъ, которые стояли уже подлѣ околицы, Антонъ увидѣлъ, совершенно неожиданно, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя, клѣтчатый платокъ, висѣвшій на кустѣ репейника. Это обстоятельство, и въ добавокъ измятые и сломанные стволы растеній, показывавшіе, что на томъ самомъ мѣстѣ кто-то своротилъ съ дороги въ рощу, чрезвычайно удивило его. Онъ невольно забылъ на минуту свое горе; поосмотрѣвшись кругомъ, пошелъ онъ къ кустамъ, снялъ платокъ и началъ пристально разсматривать. Не доискавшись, разумѣется, ничего, Антонъ бережно свернулъ его, сунулъ за пазуху и пошелъ далѣе. Но не успѣлъ сдѣлать двухъ шаговъ, какъ увидѣлъ бѣгущихъ навстрѣчу сосѣдей, Степана Бичугу и старшаго сына Пантелѣя. Оба казались сильно встревоженными, они бѣжали сломя голову по дорогѣ, безъ шапки, безъ полушубка и сильно размахивая въ воздухѣ руками.

Поровнявшись съ Антономъ, они остановились.

— Сватъ! сказалъ ему торопливо Степанъ:—не встрѣтилъ-ли кого на дорогѣ?.. а?..

— Нѣтъ... сватъ... никого... отвѣчалъ Антонъ.

— Эко дѣло... и никого не видалъ?

— Никого...

— Эко дѣло! что за чортъ!.. вскричалъ Степанъ:—бабы, вишь, ленъ мяли... слышатъ, какъ словно кто шевелится въ клѣти... онѣ глядь... анъ человѣкъ сидитъ... да какъ пырснетъ вонъ... э! ты дьяволъ! что за притча... онѣ кричать... хвать... анъ трехъ куръ какъ не бывало!..

онѣ къ намъ... мы съ Петрухой бѣгомъ... нагонять! бѣгали, бѣгали, никого... что за лѣшій... ты, сватъ, никого не встрѣлъ?..

— Никого, отвѣчалъ болѣе и болѣе удивленный Антонъ:—хоть бы живого человѣка встрѣлъ... а вотъ кусты... больно вымяты...

Мужички покинули сосѣда и снова пустились въ погоню по дорогѣ...

Такое обстоятельство не могло не привлечь вниманія Антона; въ Троскинѣ, и особенно съ нѣкоторыхъ поръ, только и слуху было, что о разныхъ проказахъ: то уводили лошадей, то подползали въ клѣти и каморки, выбирали деньжонки, холсты и всякое домашнее снадобье. Поговаривали даже, будто въ сосѣднемъ селѣ Орѣшковѣ мужикъ Дормидонъ, идучи по лѣсу, наткнулся на двухъ бродягъ, которые наказывали ему передать ихъ старостѣ, чтобъ берегъ лошадей, не то уведутъ, и что, не смотря на всѣ принятыя предосторожности, лошадей все-таки увели въ первую ночную сторожку. Все это разомъ прихлынуло въ голову Антона. Онъ невольно забылъ на мгновеніе свое горе.

Сумерки уже совсѣмъ омрачили небо, когда онъ вступилъ къ себѣ въ избу. Тутъ все уже давнымъ давно успокоилось. Варвара, свѣсивъ голову на столъ и обнявъ обѣими руками остатокъ каравая, спала крѣпко на крѣпко; свѣтъ отъ догоравшей лучины отражался лишь въ углу на иконѣ; остальная часть избы исчезала въ темнотѣ; гдѣ-гдѣ блистала кочерга или другая домашняя утварь; съ печки слышалось едва внятное легкое храпѣнье обоихъ ребятишекъ.

Антонъ поправилъ лучину, оглянулъ кругомъ стѣны и сѣлъ подлѣ жены на лавочку.

Движеніе это мгновенно пробудило Варвару.

— Ну, что, Антонушка? сказала она, отводя отъ лица волосы и придвигаясь проворно къ мужу:—зачѣмъ звалъ тебя злодѣй-то нашъ?.. да что-жъ ты не баешь? прибавила она, нетерпѣливо дергая его за полу.

— Что тутъ баять! отрывисто отвѣчалъ мужъ. Онъ тяжело вздохнулъ и, какъ-бы собравшись съ духомъ,

промолвилъ:—велѣлъ пѣгашку вести... на ярманку!.. ненадоть ее, говоритъ... теперь дѣло зимнее: проживешь безъ лошади... Ну, вотъ сказалъ тебѣ съ дуру, а ты... эхъ Варюха, Варюха! полно тебѣ рюмиться-то, вѣдь говорю, слезами-те пуще мутишь мнѣ душу! Эка ты, право неразумная баба какая, нешто горю этимъ пособишь?.. знать, погрѣшилъ я, право, чѣмъ передъ Господомъ Богомъ!..

— Касатикъ, ты мой! говорила, рыдая, баба:—нешто я о своемъ горѣ убиваюсь.., охъ, рожоной ты мой... мнѣ на тебя смотрѣть-то горько... ишь заѣлъ онъ тебя... злодѣй, совсѣмъ... какъ погляжу я на тебя... индо сердечушко изнываетъ... и не тотъ ты сталъ... охъ!.. И тутъ она, опустившись на лавку, затянула на распѣвъ:—охъ, горькая наша долюшка... и пошла-то я за тебя горькой сиротинушкой, на бѣду-то на кручину лютую...

— Послушай, Варюха, а Варюха!.. слушай, что я тебѣ скажу, твердилъ мужикъ, силясь приподнять ее: — не убивайся такъ-то, наше дѣло еще не пропащее, вотъ ономнясь встрѣтился мнѣ Ѳедотовъ изъ Выселокъ, сказывалъ... сулилъ, что коли молъ хошь, Антонъ, я тебя возьму въ работники... пять десятковъ въ годъ вишь даетъ... не убивайся, пойду въ работники, отпрошусь на оброкъ...

— Охъ, не верти меня, родимый: я все провѣдала: у Ѳедотова давнешенько батракъ нанялся... охъ, горькая, горькая наша-то долюшка...

И баба снова повалилась на лавку, залилась пуще прежняго слезами.

— Эхъ я дрянь! вскричалъ мужикъ:—эй, Варюха, я бишь и забылъ, вотъ поглядь-кось, поглядь—ишь какую штуку поднялъ я на дорогѣ... погляди... Сказавъ это, онъ выложилъ на столъ платокъ, стараясь утѣшить бабу: — иду по задамъ, гляжу, никого нѣтъ, а онъ вотъ виситъ на кустѣ, какъ словно зацѣпился...

— Родной ты мой, да вѣдь это, знать, старуха обронила...

— Какая старуха?

— Да вотъ нищенка-то, что къ намъ заходила...

— Ой-ли? полно, такъ-ли Варвара? не обмолвилась-ли ты съ просонья?..

— Что ты, касатикъ! я сама видѣла, какъ она, сердешная платокъ-атъ повязывала.

— Тутъ, Варюха, мотри, что-то непутное, вымолвилъ Антонъ раздумчиво:—старуха-то... э! то-то люди сказываютъ, будто и въ частую заставали ее за такими дѣлами, и какъ это она скоро улизнула... нѣтъ, не пущай ты ее къ намъ, долго ли до грѣха!.. гость и немного гоститъ, да много видитъ, ишь я было съ дуру-то разговорился съ нею, а кто ее знаетъ, можетъ и взаправду зло какое замышляетъ... въ чужой разумъ не влѣзешь... Я давно запримѣтилъ, она только и наровитъ, какъ-бы вывѣдать, что у насъ въ деревнѣ дѣлается... у кого вишь сколько скота, лошадокъ, какъ живетъ... вотъ и нынче про Стегнѣя Борисова тоже вывѣдывала, до всего ей дѣло! э, нѣтъ, не пущай ее къ намъ въ избу, ни за что не пущай, Господи упаси!..

— Ея платокъ, точно ея, замѣтила Варвара, утирая слезы;—вотъ и прорѣха на самой серединкѣ.

— То-то, отвѣчалъ мужикъ, заботливо качая головою:—ишь на старости лѣтъ какой грѣхъ принимаетъ на свою душу, и безстыжая вѣдь какая! такъ вотъ и лѣзетъ, а поглядишь, словно и взаправду нищенка... недаромъ говорятъ, у ней деньга-то водится, да... о-охъ!..

Антонъ помолился передъ иконою, разулся и, вздохнувъ нѣсколько разъ сряду, полѣзъ къ ребятишкамъ на печку. Варвара затушила лучину и послѣдовала за мужемъ.

Вскорѣ все затихло въ избѣ.

Неизвѣстно однако скоро-ли заснулъ бѣдный ея хозяинъ; быть можетъ онъ даже вовсе не смыкалъ глазъ... Вѣрно только то, что не спалъ сверчокъ; унылая пѣснь его потянулась мѣрно и тихо, потомъ стала чаще, звончѣе, наконецъ мало по малу заглушила храпѣнье ребятишекъ и наполнила всю избушку.

III.

ДОРОГА.

Въ избушкѣ царствовалъ еще глубокій, непроницаемый мракъ, когда Антонъ приподнялъ потихоньку голову и началъ прислушиваться... Убѣдившись, что жена и ребята крѣпко-на-крѣпко спали, онъ осторожно, чуть дыша, спустился съ печи и сталъ приготовляться въ дорогу.

Отыскать ощупью полушубокъ и шапку, намотать наскоро въ потемкахъ онучи, отрѣзать краюху хлѣба, завернуть ее въ тряпицу и засунуть за пазуху — мужику дѣло привычное. Онъ перекрестился наобумъ передъ угломъ, гдѣ стояла икона, и выбрался на крыльцо.

Заря еще не занималась; на дворѣ только что проглядывали первыя повиднушки.

Антонъ приперъ какъ можно плотнѣе дверь изъ крылечка въ избу.

— Ну, теперь спите вволю, вымолвилъ онъ:—Господь съ вами, спите... слезами-то только душу мучите, а мнѣ и безъ нихъ куда тошно...

Онъ вошелъ въ клѣть, гдѣ стояла пѣгашка. Почуявъ хозяина, она тотчасъ же повернула къ нему кудластую свою голову, насторожила уши и замотала хвостомъ.

— Ну, пѣгашка, полно, полно-те хвостомъ-то вилять, произнесъ мужичокъ не совсѣмъ твердымъ голосомъ: — небось изъ дому-то не хочешь? ступай-ка, ступай, не кобянься; супротивъ воли и люди идутъ, не токмо что ты... ступай; знать и тебѣ пришла пора дѣлить хозяйское горе...

Антонъ взнуздалъ ее и вывелъ на дворъ.

Бѣдная кляча словно предугадывала свою участь: всегда смирная и покорная, она на этотъ разъ фыркала, упорно мотала головою и безпрестанно озиралась на стороны, какъ бы прощаясь навсегда съ дворомъ и клѣтью, посреди которыхъ взросла и вскормилась.

Антонъ также глядѣлъ на дряблую избушку свою. Богъ вѣсть, о чемъ онъ думалъ: чужая голова — темный

лѣсъ; наконецъ махнулъ онъ рукой, взялъ лошадь подъ уздцы и вышелъ на улицу.

Онъ сѣлъ на лошадь. Но пѣгашка никакъ не хотѣла идти къ околицѣ, куда направлялъ ее Антонъ; несмотря на всѣ усилія его, она пустилась сначала вскачь къ колодцу, потомъ дала кругъ по своей улицѣ и все-таки остановилась у избушки. Видя, что сила не беретъ, хозяинъ принужденъ былъ слѣзть наземь, снова взять ее подъ уздцы, и вывелъ за околицу.

Ворота заскрипѣли и затворились. Темнота уже замѣтно разсѣялась; но не ясный, ведряный день обѣщало утро; тамъ, съ востока, не багрянилось небо, не ложились алыя, золотистыя полосы свѣта, предвѣстницы теплаго солнышка, небо было сѣро, пасмурно, сизыя тучи облегали его отовсюду, суля ненастье и сиверцу.

Дорога отъ околицы шла въ гору. По мѣрѣ того, какъ Антонъ подымался, мѣстность, окружавшая деревню, постепенно ограждалась возвышенностями и принимала видъ лощины. Тамъ, словно изъ земли, выступали поминутно— то крестьянскій овинъ съ пригнувшеюся къ нему рябиною, то новый досчатый заборъ, то часть барскаго сада, о существованіи которыхъ нельзя было и подозрѣвать съ улицы. Мало по малу показалась рѣчка съ угловатыми своими загибами, потомъ ветлы и кровля мельницы, еще выше — потянулись поля съ знакомымъ осинникомъ, потомъ снова все это попряталось одно за другимъ, вотъ уже исчезли мельница, господскій домъ, село, а вотъ и избушка Антона начала уходить за горою...

Хозяинъ ея еще разъ обернулся въ ту сторону, прищурился, протеръ глаза и вдругъ хлестнулъ пѣгашку и пустился рысцою по дорогѣ.

Миновавъ троскинскія земли, Антонъ притянулъ поводья и поѣхалъ шагомъ.

Гора уже давнымъ-давно закрыла собою дорогу села. Во всѣ стороны на необозримый кругозоръ открывались черныя поля, смоченныя дождями; рѣдко, рѣдко мелькала вдалекѣ полоса сосноваго лѣса или деревушка; дорога то и дѣло перемежалась поселками.

Антонъ давно уже не ѣзжалъ въ городъ. Никита Ѳе-

дорычъ не любилъ отпускать часто мужиковъ изъ деревни; особенно строго держался онъ этого правила съ тѣми изъ нихъ, съ которыми находился въ непріязненныхъ отношеніяхъ. По его мнѣнію, не отпустить мужика въ городъ считалось хорошею и вмѣстѣ съ тѣмъ очень дѣйствительной мѣрой наказанія. Такъ, напримѣръ, накоплялось ли гороху у мужичка — гдѣ бы свезти его на базаръ, благо цѣна красна, анъ нѣтъ: какъ ни бьется сердечный, Никита Ѳедорычъ ни за что не отпуститъ; подумаетъ крестьянинъ: плетью обуха не перешибешь, да и продастъ горохъ сосѣду за сущій безцѣнокъ, — не лежать же стать житу да гнить въ закромѣ. Другому Господь Богъ залишнюю телушку послалъ; вотъ и бредетъ онъ къ управляющему: «Деньги, молъ, понадобились, батюшка, соблаговолите отпустить въ городъ кой-что продать: надо, вишь, обзавестись тѣмъ да другимъ по хозяйству.» — «Ахъ ты, такой сякой, молвитъ ему управляющій — небось, какъ соты-то ломалъ прошлую осень, такъ не принесъ мнѣ медку. Сиди-ка дома. Все бы вамъ только шляться да шляться...» — Что, думаетъ проситель, господъ нашихъ нетути, а онъ у насъ «сила,» не стать перечить, зарѣжетъ телку да и поснѣдаетъ ее съ Божьею помощью.

Также точно было и съ Антономъ, если еще не хуже.

Но теперь дѣло въ томъ, что на 16 или 17 верстѣ нашъ мужикъ рѣшительно сталъ втупикъ; очнувшись внезапно отъ раздумья, которое овладѣло имъ съ того самаго времени, какъ покинулъ онъ Троскино, Антонъ никакъ не могъ припомнить ни мѣста, гдѣ находился, ни даже сколько верстъ оставалось приблизительно до города. Онъ только и помнилъ, что проѣхалъ Кіясавку и Выселки да свернулъ влѣво отъ Екиматовской слободы. На пѣгашку же положиться не было никакой возможности; Антонъ зналъ, что, будучи лошадью «незамѣтною,» т. е. лишенною способности припоминать дорогу, она могла очень легко завести его Богъ вѣсть куда. Онъ задумывалъ было свернуть въ сторону, къ виднѣвшейся влѣво за перелѣскомъ деревушкѣ, когда одинъ совершенно неожиданный случай навелъ его снова на путь истинный. Оглядывая мѣстность, онъ увидѣлъ на распутьи полуразвалив-

шійся деревянный крестъ, водруженный въ небольшой бугорокъ.

— Эхва! у меня изъ памяти-то вышла могилка дяди Андрея! воскликнулъ онъ, снимая шляпу и крестясь набожно: — дорога-то вотъ тутъ-же и сворачиваетъ въ городъ... на Закуряево... эхъ, совсѣмъ запамятовалъ, чуть было съ пути не сбился!

Дорогою Антонъ невольно принялся припоминать происшествіе, связывавшееся съ дядею Андреемъ.

Года три тому назадъ, на этомъ самомъ распутьи, стояла мазанка, принадлежащая монастырскому сборщику, одинокому старичку.

Рѣдкій изъ окрестныхъ жителей не знавалъ его; бывало, кто бы ни плелся, кто бы ни ѣхалъ въ городъ, мужикъ ли, баба ли, сѣдой старичишка тутъ какъ тутъ, стоитъ на порогѣ да потряхиваетъ своей книжонкой, къ которой привязанъ колокольчикъ. И рѣдкій говорилъ ему: «Богъ подастъ!» рѣдкій не отдавалъ ему копѣечки на построеніе Господняго храма. Всѣ привыкли къ нему съ самаго дѣтства. И вдругъ не стало дяди Андрея, какъ словно никогда его здѣсь и не бывало.

Толковали, толковали мужички окрестные и наконецъ вотъ что дознались.

Однажды въ самую глухую зимнюю полночь входятъ къ Андрею два незнакомые человѣка, скручиваютъ его по рукамъ и по ногамъ и требуютъ денегъ. Долго допытывались они, — стоитъ на одномъ старикъ: три гроша, всего, вишь, у него, остальные вечóръ въ монастырь отослалъ, а больше, видитъ Богъ, нѣтути! Они пуще пытать. Ужъ онъ имъ молился, молился, нѣтъ! уходили-таки старика обухомъ и сами принялись искать. Какъ перешарили все до питочки, тутъ только и спохватились, что даромъ потеряли человѣка: въ тряпицѣ за печью всего на всего было три гроша. Наѣхали со всѣхъ сторонъ земскіе да понятые, закопали дядю Андрея на самомъ распутьи, мазанку снесли на другую дорогу, ибо никто не соглашался поселиться въ ней, а на ея мѣстѣ воздвигли крестикъ, тотъ самый, что такъ часто напоминалъ мужичкамъ дорогу въ городъ.

Антонъ не успѣлъ еще перебрать въ головѣ всѣ подробности этого происшествія, надѣлавшаго въ свое время много шума въ околоткѣ, какъ увидѣлъ вдалекѣ телѣгу, которая медленно приближалась къ нему на встрѣчу. Сначала показалось ему, будто въ ней никого не было, но потомъ, когда она поровнялась, онъ разглядѣлъ на днѣ ея мужика, лежавшаго въ растяжку.

Антонъ несказанно обрадовался.

— Эй! послушай, братъ, крикнулъ онъ:—а, примѣрно, далеко ли отсель до столбовой дороги?

Тотъ, къ кому обращался вопросъ, лѣниво и какъ бы нехотя приподнялъ голову, подперся локтемъ, поглядѣлъ пристально на Антона, зѣвнулъ протяжно и, не отвѣчая слова, улегтя въ телѣгу.

— Эй, сватъ, эй! крикнулъ Антонъ:—что-жъ ты? эй, далече ли до столбовой?..

Мужикъ снова приподнялъ голову, поглядѣлъ на Антона, опять зѣвнулъ и, опять не отвѣтивъ ни слова, опустился на дно своей телѣги; только на этотъ разъ онъ хлыстнулъ лошадь, которая мигомъ унесла его изъ виду.

Антонъ опять остался одинъ-одинешенекъ посреди полей: пѣгашка плетется дробнымъ шажкомъ, а онъ то и дѣло посматриваетъ вправо да влѣво, то прищурится, то раскроетъ глаза, принимая каждый пень, каждую кочку за живого человѣка. И вотъ снова чудится ему, что кто-то ѣдетъ навстрѣчу. Глядитъ и впрямь несется телѣжка; вороная лошадь въ наборной шлеѣ съ мѣдными бляхами, на облучкѣ подскакиваетъ не то мѣщанинъ, не то помѣщикъ; а только не мужикъ: на немъ картузъ и синій кафтанъ. На этотъ разъ однако встрѣча, казалось, не порадовала нашего мужичка; онъ круто осадилъ пѣгашку, смутился, сдѣлалъ движеніе, ясно выражавшее намѣреніе кинуться въ сторону, но тотчасъ же остановился: было поздно. Антонъ узналъ въ синемъ кафтанѣ троскинскаго мельника, котораго такъ усердно избѣгалъ нѣсколько мѣсяцевъ сряду.

Мельникъ остановился; Антонъ слѣзъ съ лошади.

— Здравствуй, Аксентій Семенычъ, произнесъ онъ, переминая въ рукахъ шапку.

— Здорово, братъ, куда?

— Въ городъ, Аксентій Семенычъ; лошадь продавать... подушныхъ платить нечѣмъ, такая-то бѣда сталась со мною...

— Ну, а мнѣ-то когда заплатишь? я, кажись, и то не мало ждалъ...

Антонъ замялся.

— То-то, братъ, продолжалъ мельникъ, перемѣнивъ тонъ: — вѣдь такъ промежъ добрыхъ людей дѣлать не приходится; лѣтомъ еще осталось получить съ тебя за помолъ, а ты съ той поры и глазъ не кажешь; сулилъ отдать ко второму Спасу, а я хоть бы грошъ отъ тебя видѣлъ... такъ дѣлать не показано вашему брату... на то есть правота: какъ разъ пойду въ контору... я давно запримѣтилъ, ты отъ меня отлыниваешь...

— А что мнѣ отъ тебя отлынивать... нешто я коли отлынивалъ...

— Видно такъ.

— Ину пору и радъ бы, отдалъ, да коли нечѣмъ; самъ вѣдаешь, отколѣ скоро-то взять нашему брату хрестьянину... былъ нынче недородъ, съ корки на корку, почитай, что весь годъ перемогались... Аксентій Семенычъ... тутъ вотъ подушныя еще платить надо...

— Про то не мое дѣло вѣдать... вамъ подушныя платить, а мнѣ небось по міру идтить... дѣлай какъ быть слѣдно, знай честь, счетомъ взялъ, счетомъ и отдавай; что тутъ баить...

— Что ты опасаешься?.. сказалъ Антонъ, смягчая по возможности голосъ: — развѣ я отнѣкиваюсь отъ долга? говорю отдамъ, обожди маненько, твое дѣло не пропащее, право, скажу спасибо...

— На какой мнѣ лѣшій твое спасибо? изъ него шубы-то не сошьешь...

— Кажись, Аксентій Семенычъ, мнѣ не впервые съ тобою вѣдаться.

— Точно не впервые, что говорить; зачѣмъ же молоть-то на чужой мельницѣ? ась?

— На Емельяновкѣ-то?

— А хоть бы и на Емельяновкѣ...

— Сходнѣе, Аксентій Семенычъ...

— Какъ сходнѣе?.. за восемнадцать-то верстъ, сходнѣе?..

— Оно, что баить, далече, да на Емельяновкѣ-то за помолъ берутъ съ насъ хлѣбомъ, а ты, вишь, требуешь деньгами... да еще пятакъ съ воза набавилъ... Самъ поразсуди, откуда ихъ взять... наше дѣло, знамо, какое...

— Ладно, ладно... ну, а зачѣмъ же подзадоривалъ Ѳедосѣя да Ивана Галку ѣздить на Емельяновку?..

— Да когда я ихъ подзадоривалъ?.. что ты?..

— А то кто же? ты первый изъ троскинскихъ поѣхалъ...

— Знать, сами провѣдали...

— Сами провѣдали? то-то, шишковато больно говоришь; ты говори, да не ври, не вечоръ я родился,—что, думаешь, не знаю!

— Чтобъ мнѣ вѣкъ отъ добрыхъ людей добра не видать, Аксентій Семенычъ, коли я имъ хошь слово какое сказалъ...

— Ладно, братъ, толкуй дьяковой кобылѣ. Я думалъ по чести вести съ тобой дѣло, а ты вотъ на что пустился,—другихъ еще сталъ подзадоривать... Ладно же, вскричалъ мельникъ, мгновенно разгорячаясь:—коли такъ, отколѣ хошь возьми, а деньги мои подай! подай мои деньги!.. не то прямо пойду въ контору... Никита Ѳедорычъ не свой братъ... какъ разъ шкуру-то вылущатъ! погоди, я-жъ те покажу!

Сказавъ это, мельникъ дернулъ возжи и поѣхалъ далѣе.

Смущеніе и досада, овладѣвшія Антономъ при этой встрѣчѣ, уступили мѣсто тяжкому горю. Обстоятельство это показывало ему въ самыхъ рѣзкихъ и сокрушительныхъ чертахъ и безъ того уже горькую его долю. Онъ уже не глазѣлъ теперь по сторонамъ; понуривъ голову, смотрѣлъ онъ печально на бѣжавшую подъ его ногами дорогу, и не разъ тяжкій вздохъ вырывался изъ груди бѣднаго мужика. Такимъ-то образомъ, самъ почти не замѣчая этого, выѣхалъ онъ на большую дорогу. Тутъ Антонъ невольно долженъ былъ оставить свои думы и заботиться исключительно о настоящемъ своемъ положеніи.

Дорога, размытая осенними ливнями, обратилась въ сплошную топь; стадо воловъ, которыхъ прогоняютъ обыкновенно безъ разбора, гдѣ ни попало, замѣсили ее и дѣлали рѣшительно непроходимою; стоило только зазѣваться разъ, чтобы окончательно посадить и лошадь и возъ, или самому завязнуть. Сколько ни оглядывался Антонъ, не замѣчалъ ни верстъ, ни вала, ни ветелокъ, которые обозначили бы границу: просто-по-просту, тянулось необозримое поле посреди другихъ полей и болотъ; вся разница состояла только въ томъ, что тутъ по всѣмъ направленіямъ виднѣлись глубокія ямы, котловины, «чертори», свидѣтельствовавшіе безпрестанно, что здѣсь засѣлъ возъ или лошадь; это были единственные признаки столбовой дороги. Мѣстами, впрочемъ, замѣтны были слѣды чьего-то заботливаго попеченія; цѣлыя груды хвороста и мелкаго лѣса воздвигались, какъ бы предохраняя путника отъ трясины или топи; но путники, въ числѣ ихъ, разумѣется, и Антонъ, старались по возможности объѣзжать ихъ; даже кляча послѣдняго съ необыкновенною тщательностью обходила эти поправки, догадываясь, вѣроятно, глупымъ своимъ инстинктомъ, что тутъ-то легче всего сломить ногу или шею.

Спустя немного времени, Антонъ встрѣтилъ длинную вереницу бабъ въ бѣлыхъ платкахъ и такихъ же балахонахъ, дѣлавшихъ ихъ владѣлицъ издали похожими на привидѣнія. Онѣ тянулись одна за одной гуськомъ по дорогѣ. У каждой была клюка и берестовая котомка съ прицѣпленною къ ней парою лаптей за плечами. Всѣ отъ первой до послѣдней шли босикомъ.

— А что, бабушка, вы небось изъ города? спросилъ Антонъ у старушки, сгорбленной и едва передвигавшей отъ стужи ноги.

— Изъ города, касатикъ.

— Что, много небось на ярмаркѣ нашего брата съ лошадьми?..

— А не знаю, кормилецъ, отвѣчала она, кланяясь:— кто ихъ знаетъ: мы не здѣшнія...

— Да вы отколѣ?

— Сдалече, родимый: мы каширскія... идемъ въ Воронежъ на богомолье...

— По своей охотѣ идете? спросилъ разсѣянно мужикъ.

— По своей.

Антонъ вздохнулъ и почесалъ затылокъ.

— Э! произнесъ онъ, махнувъ рукой.

— О чемъ спрашиваешь, касатикъ? сказала другая богомолка помоложе первой.

— Далече ли до города? вымолвилъ онъ отрывисто.

— А сколько? продолжала она, обращаясь къ третьей:— тетка Арина, сколько до города? верстъ десятокъ станетъ?

— Что ты, отвѣчала нерѣшительно Арина: — много, много, коли пятокъ...

Не дожидаясь спора, который, безъ сомнѣнія долженъ былъ возникнуть вслѣдствіе этого недоразумѣнія между бабами, Антонъ поѣхалъ далѣе. Отъѣхавъ версты двѣ, онъ услышалъ пѣсни и немного погодя различилъ двухъ человѣкъ, которые шли по закраинѣ дороги и, какъ казалось, направлялись къ сторонѣ города.

Вскорѣ онъ нагналъ ихъ.

Это были два молодые парня веселой и безпечной наружности. Одинъ изъ нихъ, тотъ, который казался постарѣе, былъ съ черною какъ смоль бородою, такими же глазами и волосами; бѣлокурая бородка другого только-что начинала пробиваться. Мѣщанскій картузъ съ козырькомъ, обвитый внизу у залома лентой, изъ-подъ которой торчали корешки павлиньихъ перьевъ, украшалъ голову каждаго изъ нихъ, спустившись съ макушки на бекрень; бѣлые какъ мѣлъ полушубки съ иголочки составляли ихъ одежду, отличавшуюся вообще какимъ-то особеннымъ щегольствомъ. Смазные сапоги съ алою сафьяною оторочкою болтались у нихъ за плечами, — коротенькая трубочка, оправленная мѣдью, дымилась въ губахъ того и другого.

Не успѣлъ поровняться съ ними Антонъ, какъ уже оба они остановились, и черный крикнулъ ему, оскаливъ свои бѣлые какъ кипень зубы.

— Здорово, братъ, крестьянинъ! эй! не берешь ли

попутчиковъ? посади насъ на лошадь, мы бы съ тебя дешево взяли...

— Нѣтъ, братцы, спасибо... и одного-то насилу несетъ... нехотя отшутился Антонъ.

— А мы ей-Богу дешево бы съ тебя взяли. Сѣвка! сколько даешь?

Сѣвка вынулъ изо рта чубучокъ, отплюнулъ сажени на три и залился звонкимъ хохотомъ.

— А что, братцы, много ли еще осталось до города?

— Да вотъ какъ, отвѣчалъ, безъ запинки черный:— пойдешь—близко думаешь, а придешь — скажешь дорога дальняя!..

— Полно вамъ чудить, ребята, произнесъ мужикъ:— э! Онъ махнулъ рукой.—Ишь лошадь совсѣмъ умаялась...

— Что съ тобой станешь дѣлать... изволь скажу... мотри только... чуръ не обгоняй, спроси у Сѣвки, онъ те скажетъ...

— Какъ разъ пять верстъ, сказалъ Сѣвка.

— Что ты! экъ махнулъ! вскричалъ черный:—пять!.. и въ десять не вопрешь! что больно близко?..

— Анъ пять!

— Анъ десять!

— Анъ пять!

— Анъ десять!

— Врешь! экъ ты, Матюшка, споритъ гораздъ, сейчасъ за горою будетъ село Бубрино, а отъ него всего четыре версты до заставы...

— Эка шалава, пра шалава, отвѣчалъ ему на это Матюшка потихоньку:—нешто не видишь, я хотѣлъ было мужика повертѣть... пра шалава...

Сѣвка снова залился смѣхомъ.

— Отколѣ тебя Богъ несетъ, Христовъ человѣкъ? началъ Матюшка.

— Мы изъ троскинскихъ... знаете село Троскино?.. отвѣчалъ со вздохомъ Антонъ.

— Ну, вѣстимо, какъ не знать.

— А вы, братцы, отколѣ?

— Отколѣ? а изъ сельца Дубиновки, слободы Хворостиновки, вотчины Колотиловки, отвѣчалъ серьезно черный.

— Ишь черти, балясники! вымолвилъ Антонъ.

— Аль не вѣришь? продолжалъ Матюшка:—ей-Богу, правда; а коли знать хочешь, такъ по деревнямъ шлялись, зипуны да понявы шили... эй, землякъ, нѣтъ ли табачку: смерть нюхнуть хоцца.

— Нѣтъ, нѣту... ну, а, примѣрно какая ваша служба?..

— А вотъ какая: пришелъ въ деревню, брякнулъ дубиной въ окно: «эй вы, тетки, бабы, дѣвки да хозяева съ чечеревятами, нѣтъ-ли шитва?», а нѣтъ шитва, такъ подавай бражки, удалому Кондрашкѣ!..

— Стало вы портные?

— Портные, ребята удалые!.. Эй, Сѣвка, что-жъ ты прикорнулъ, собачья голова, аль сноху нажилъ? ну, запѣвай: «Эй вдоль по улицѣ, да мимо кузницы»... ну!..

И оба затянули лихую, забубенную пѣсню. Антонъ слушалъ, слушалъ и не могъ надивиться удали молодцовъ.

— Что, много оброку платите? спросилъ онъ задумчиво, когда пѣсня была окончена и парни закурили свои трубки.

— Ровно ничего, отвѣчали они въ одинъ голосъ.

— Какъ такъ?

— Да также: мы, братъ, вольные, живемъ не тужимъ, никому не служимъ!..

Тутъ Матюшка приложилъ коренастую ладонь къ правой щекѣ своей и запѣлъ тоненькимъ, пронзительнымъ дискантомъ:

Ты зачѣмъ, зачѣмъ, мальчишка,
Съ своей родины бѣжалъ?
Никого ты не послушалъ,
Кромѣ сердца своего...

Вскорѣ всѣ три путника достигли высокой избы, осѣненной елкой и скворешницей, стоявшей на окраинѣ дороги при поворотѣ на проселокъ и остановились.

— Вотъ мы шутя, а алтынъ на сороковину отмахнули, сказалъ Матюшка Антону: — ну что-жъ, слѣзай, пора духу перехватить; вотъ, гляди, и казенная аптека передъ нами...

— Нѣтъ, спасибо, братцы, отвѣчалъ тотъ:—пра, спа-

сибо, прибавилъ онъ, озираясь на стороны и почесывая затылокъ.

— Э, полно мірякомъ-то прикидываться, пойдемъ, сорвемъ косуху при спопутности...

— Неколи... вамъ дѣло досужное, а мнѣ въ городъ пора...

Антонъ вздохнулъ.

— Ну вотъ еще, поспѣешь.

— Денегъ нѣту.

— Эка бѣда, ступай оставь что-нибудь въ закладѣ, какъ назадъ поѣдешь, отдашь...

Видно было, что нашъ мужикъ сильно колебался; наконецъ онъ собрался съ духомъ и сказалъ рѣшительно: «ей-Богу, не пойду»!

— Что-жъ ты глотку опозорить боишься, что-ли? не пьешь?..

— Пить-то пью... эхъ, нѣтъ, не пойду!..

Антонъ повернулъ лошадь къ городу.

— Ну, да чортъ-те дери... эй, землякъ, выпей хошь для міру... хошь для міру-то выпей...

— Господь съ вами, сказалъ Антонъ, пуская рысью пѣгашку.

— Экой чортъ! кричали ему въ слѣдъ молодцы: — прямая шалава!.. погоди, обронилъ хвостъ у лошади... эй... цапля!...

Но Антонъ ничего не слышалъ; онъ давно уже былъ за горою.

Погода, между тѣмъ, какъ-будто, собиралась разгуляться; свинцовое небо прояснилось; это дѣлалось особенно замѣтнымъ вправо отъ дороги къ селу Бабурину. Бѣлый господскій домъ и церковь, расположенные на горѣ, вдругъ ярко засіяли посреди темныхъ, покрытыхъ еще густою тѣнью деревъ и избушекъ; въ свою очередь сверкнуло за ними дальнее озеро; съ каждою минутой выскакивали изъ мрака новые предметы: то вѣтряная мельница съ быстро вращающимися крыльями, то клочокъ озими, который какъ-бы мгновенно загорался; правда, слѣва еще клубились сизые хребты тучъ и мѣстами косая полоса ливня сливала сумрачное небо съ отдален-

нымъ горизонтомъ; но вотъ и тамъ мало-по-малу начало свѣтлѣть... Сквозь туманную мглу просіяла пестрая радуга, ярче, и вотъ она обогнула всю половину неба; лучъ солнца, неожиданно пробившись сквозь облако, заигралъ въ бороздахъ налитыхъ водою, и вскорѣ вся окрестность освѣтилась бѣлымъ свѣтомъ осенняго солнышка. Въ тоже время и самая дорога какъ-бы немножко повеселѣла. Чѣмъ ближе придвигалась она къ городу, тѣмъ болѣе было замѣтно на ней оживленія. Нерѣдко начинали уже попадаться тучные, укутанные вередьями возы съ мукою, рожью, огурцами, горшками и разными другими хозяйственными принадлежностями. Кое-гдѣ встрѣчались бабы, тащившія за веревку хилую, костлявую коровенку съ высохшимъ выменемъ, которую, вѣроятно, въ награду за ревностную службу многихъ лѣтъ, влачили продавать кошатникамъ на шкуру. Изъ проселковъ то и дѣло сворачивали телѣги, наполненныя мужиками и бабами, горланившими пѣсни. Нарядныя поярковыя шляпы, кафтаны и сапоги у мужчинъ, алые повойники и коты пестрые у женщинъ давали знать о происходившей въ городѣ ярмаркѣ. Проѣхавъ еще версты двѣ, Антонъ увидѣлъ длинную безконечную фуру съ высокимъ верхомъ, покрытымъ войлокомъ; на передкѣ сидѣлъ нахохлившись сухой, сутуловатый старикъ и правилъ изнуренною, едва переводившею духъ тройкою; подлѣ него, на палкѣ, воткнутой въ облучокъ, развѣвался по воздуху пышный пучокъ ковыля. Изъ кузова, завѣшаннаго кое-какъ рогожею, высовывалось нѣсколько ногъ, смуглыхъ, черныхъ, а между ними виднѣлась кудластая, взъерошенная голова, державшая во рту трубку съ мѣдною оковкою. Изъ фуры слышался живой разговоръ на какомъ-то странномъ, дикомъ языкѣ. Къ задней части экипажа, переплетенной веревками, была привязана цѣлая дюжина разношерстныхъ лошадей, тавреныхъ по бедрамъ. Словомъ, по всему узнать можно было цыганъ-барышниковъ. Далѣе попался слѣпой нищій, упиравшійся одной рукой на сучковатую палку, другою—на плечо худощаваго, оборваннаго мальчика, съ трудомъ вытаскивавшаго изнуренныя, больныя ноги изъ грязи. Оба они, какъ видно, также поспѣшали на ярмарку, въ на-

деждѣ выгодной добычи. Наконецъ-то заблистали вдалекѣ маковки церквей, глянули кровли, зданія, а тамъ выставилась изъ-за горизонта и вся гора, по скату которой расползался городъ. На песчаныхъ отмеляхъ широкой рѣки, огибавшей гору, бѣлѣлся монастырь; паромъ, нагруженный подводами, медленно спускался по теченію рѣки; на берегу чернѣлось множество народу, возовъ, лошадей. Шумъ слышался еще издали.

Сердце почему-то сильно забилось въ груди Антона, когда онъ подъѣхалъ къ заставѣ. Онъ словно впервые почувствовалъ себя на чужбинѣ и безотчетно вспомнилъ о женѣ и ребятишкахъ. Вслѣдъ затѣмъ пришелъ ему въ голову Никита Ѳедорычъ, горькая доля, ожидавшая семью въ случаѣ неудачи, потомъ встрѣча съ мельникомъ... Онъ быстро соскочилъ съ пѣгашки и, приблизившись къ мужику, торговавшему ободьями, спросилъ отрывисто, какъ-бы проѣхать короче на конную.

Получивъ отвѣтъ, Антонъ вступилъ за заставу и вскорѣ, подобно зерну, попавшемуся разъ подъ порхающій жерновъ, былъ затертъ толпою и исчезъ вмѣстѣ съ своею кляченкой.

IV.

ЯРМАРКА.

Городишко, гдѣ происходитъ ярмарка, принадлежалъ къ самымъ ничтожнымъ уѣзднымъ городамъ губерніи. Глядя на него въ обыкновенное время, нельзя даже было подумать, чтобъ онъ могъ служить цѣлью какой-бы то ни было поѣздки; онъ являлся скорѣе на пути, какъ «средство» ѣхать далѣе. Куда ни глянешь: колеса, деготь, оглобли, кузницы, баранки,—и только; такъ, развѣ, перехватить кой-чего на скорую руку, подмазать колеса, сѣсть, и снова въ дорогу. Но въ ярмарочную пору, и особенно осенью онъ принималъ такую оживленную, разнообразную наружность, что трудно даже было узнать его. И немудрено: сколько ни находится въ околоткѣ мужичковъ съ залежными гривнами и пятаками, съ припа-

сенными про случай ржицею, гречею, мукою и сѣномъ, всѣ окрестные купцы, барышники, мѣщане, промышленники всякаго рода и сброда, — все стекалось сюда, кто для барышей и дѣла, а кто, какъ водится, погулять, поглазѣть, да мошну повытрясти. Впрочемъ и то сказать надо: есть на что посмотрѣть, есть что и купить въ «коренную ярмарку» *) Ишь, сколько однихъ навѣсовъ, ятокъ, стоекъ, шатровъ понаставлено, не только на площадкѣ, но даже по всѣмъ переулкамъ, закоулкамъ, по всему скату горы, вплоть до самаго берега! И чего ужъ нѣтъ-то подъ ними, какого надо еще добра и товара? Тутъ пестрыми группами возносятся кубышки, крыночки, ложки кленовыя, бураки берестовые, чашки липовыя золоченыя суздальскія, жбанчики и лагунчики березовые, горшки, и горшки-то все какіе — муравленые коломенскіе! Тамъ цѣлыя горы жемковъ, стручьевъ, орѣховъ, мякушекъ, сластей патошныхъ, медовыхъ пряниковъ, писанныхъ сусальнымъ золотцомъ... Здѣсь мечутся въ глаза яркою рябизною своею полосушки, набойки, холстинки, миткали всякіе... А сколько платковъ, и сизыхъ, и желтыхъ, и алыхъ, съ разводами и городочками, развѣваются по воздуху! сколько александровки, кумачу, ситцевъ московскихъ, стеклярусу!.. а сколько костромскаго товару: запонокъ, серегъ оловянныхъ подъ фольгою и тавлинокъ подъ слюдою! кажись на весь-бы свѣтъ съ залишкомъ стало.

Поглядите-ка теперь, сколько посреди всего этого народу движется, толкается и суетится! какая давка, тѣснота! то прихлынутъ въ одну сторону, то въ другую, а то и опять сперлись всѣ на одномъ мѣстѣ,—хоть растаскивай! Крикъ, шумъ, разнородные голоса и восклицанія, звонъ желѣза, вой, блеянье, топотъ, ржаніе, хлопанье по рукамъ, и все это сливается въ какой-то общій, нестройный гамъ, изъ котораго выхватываешь однѣ только отрывчатыя, несвязныя рѣчи... Прислушайтесь: «Ой батюшки, давятъ! ой, голубчики, давятъ!» пронзительно взвизгиваетъ толстая мѣщанка въ мухояровой душегрѣйкѣ

*) Такъ называются вообще въ средней Россіи осеннія ярмарки.

на заячьемъ мѣху. «Ой, родимые, отпустите! проклятый,— чего лѣзешь!.. и вслѣдъ затѣмъ раздается подлѣ густой басъ· «А сама чего топыришься... ну, ну, не больно пихайся, я и самъ гораздъ...» — «Ахъ ты, такой-сякой, общипанецъ...» Но тутъ голосъ мѣщанки покрывается разсыпчатымъ дребезжаньемъ торговки: «Купчиха! голубушка, на баранки, на баранки, сама пекла! на сайку, на горячу, сама пекла, на сайку...» — «По лукъ, по лукъ!» слышится вслѣдъ за этимъ: «Э! лачи грай! тамаръ у давелъ, течурасса манъ—э! добрая лошадь, убей меня Богъ, укралъ-бы.»— «Авенъ, авенъ-те кинасъ!» пойдемте торговать! кричатъ въ отдаленіи цыгане.—«Что покупаете! ситцы-съ, канифасы, нанки, выбойки!.. у насъ брали, пожалуйте!..—Эхъ! солнышко садится, а у меня въ мошнѣ ничего не шевелится!» раздается гдѣ-то въ сторонѣ.— «Иванъ Трофимычъ! Иванъ Трофимычъ! гдѣ, вы говорили, гребенки продаютъ?.. ой! ой! давятъ... Иванъ Трофимычъ! не отставайте!» и толпа дворовыхъ дѣвокъ, разряженныхъ впухъ и впрахъ, кидается сломя голову къ высокому лакею со встрепанной манишкой. — «Сюда, сюда, Анна Андреевна, не опасайтесь-съ, ничего-съ... Марфа Васильевна, не отставайте, городъ помѣщенье большое-съ, долго ли потеряться...» — «По клюкву, по ягодку по клюкву!» — «Помилуй, христовъ ты человѣкъ, самъ гляди, нынѣшнее!»—Черно больно...»—«Како черно, гдѣ оно черно? ну, гдѣ? сѣно что ни есть свѣжее, звонкое сѣно, духовитое...»—«Спиридонычъ, а Спиридонычъ! купи дѣвкѣ то коты-те, ишь воетъ, ажно душу деретъ». Звуки гармоники и удалая пѣсня заглушаютъ на мгновеніе всѣ голоса. «Сѣвка, а Сѣвка! припремъ-ка вонъ ту купчиху-то, что больно топырится...»—«И то, и то, напирай сильнѣе, Матюха, ну, не робѣй!»—«Ой, батюшки, давятъ! ой, голубчики, давятъ!» снова вопіетъ на всю ярмарку мѣщанка въ душегрѣйкѣ на заячьемъ мѣху.— «Ишь, чортова кукла, какъ воетъ, а ну-кась, Сѣвка, катнемъ-ка еще...» — «Ну, чортъ съ ней! знаешь что, Матюшка, пойдемъ-ка, братъ, на конную, нашлялись здѣсь вволюшку...»—«На нашу долюшку! ну, Сѣвка, пойдемъ... Эй, стой, вонъ, кажись, сцѣпились,—драка, сту-

пай сюда!» Долговязый, бѣлокурый парень стоитъ, оскаливъ зубы, передъ сѣдымъ старикомъ, увѣшаннымъ кнутами, варешками, кушаками, который ругается на всѣ бока и чуть не лѣзетъ парню въ бороду.

— Эй, дядя! чему оскаляешься? али радъ, что дожилъ до лысины? что таришь парня-то? крикнулъ Матюшка.

— Вѣстимо, что у васъ? что? раздалось въ сдвинувшейся толпѣ.

— Братцы! прохрипѣлъ старикъ: — онъ мошенникъ! хлыновецъ окаянный!.. почитай, что вотъ съ самаго утра прикидывается у меня къ кушаку, торгуетъ, торгуетъ, а словно на смѣхъ, ничего не покупаетъ... Ахъ, ты, въ стекляночной-те разбей!.. ахъ ты!..

— Господа, а, господа! полно вамъ! говоритъ городовой польскаго происхожденія, инвалидъ съ подбитымъ глазомъ, выступая впередъ и толкая ссорившихся:—полно, господа, начальство узнаетъ, ей-Богу начальство... вонъ (онъ указалъ на острогъ) туда какъ разъ на вольный хлѣбъ посадятъ... Полно, господа!..

— Эки, дьяволы, право! произнесъ Матюшка, отходя прочь:—хошà-бы маленько-то почесали другъ друга, а то ишь чего испужались... ну, лѣшій съ ними! пойдемъ, братъ Симіонъ, на конную, ишь солнце того смотри сядетъ!

Конная площадь составляетъ главную точку ярмарочной промышленности. Тамъ, правда, не встрѣтишь ни «офеней», увѣшанныхъ лубочными картинами, шолкомъ «сырцомъ», съ ящиками, набитыми гребешками, запонками, зеркальцами, ни мирныхъ покупателей — бабъ съ задумчивыми ихъ сожителями: рѣже попадаются красныя дѣвки, осанистыя, сытыя, съ стеклярусными на лбу подзизями; тутъ, по обѣимъ сторонамъ широкой луговины, сбился сплошною массою народъ, по большей части, шумливый, задорный, крикливый, охочій погулять или уже подгулявшій. Одна сторона поля загромождена возами сѣна, дегтемъ, ободьями, лѣсомъ, колесами; также торгуютъ тутъ коровами и всякимъ скотомъ: другая почти вплотную заставлена ятками, харчевнями, кабаками и

навѣсами со всякимъ харчемъ и снѣдью. Здѣсь-то тѣснятся кружки играющихъ въ свайку и орлянку, разгуливаютъ шумными ватагами и пѣсенники, хлыновцы, барышники и цыгане. По полю, тамъ и сямъ, носятся всадники, пробующіе лошадей, или летятъ иноходцы въ бѣговыхъ дрожкахъ и легонькихъ телѣжкахъ. Кое-гдѣ виднѣются группы конскихъ любителей, продавцовъ и покупателей.

Пріятели — портной Матюшка и товарищъ его Сѣвка — не успѣли еще продраться сквозь толпу, составлявшую ограду площади, какъ первый закричалъ что есть мочи:

— Эй, Сѣвка, поглядь-кась, никакъ вотъ тотъ самый мужикъ, что встрѣлся съ нами на дорогѣ... ну, такъ, такъ, онъ и есть... вонъ и пѣгая его кляча... должно быть не продалъ... Эй, Старбей! продолжалъ онъ обращаясь къ Антону: — какъ-те звать? добрый человѣкъ... знакомый! аль знать не хочешь?.. ну, что? какъ Богъ милуетъ?..

— Здравствуйте, братцы, вымолвилъ Антонъ, подходя къ портнымъ вмѣстѣ съ другими двумя мужиками. Новые товарищи Антона были приземистые, рыженькіе люди, очень похожіе другъ на друга; у обоихъ остроконечныя красныя бородки и плутовскіе сѣрые глазки. Синій дырявый армякъ, опоясанный ремнемъ, вокругъ котораго болтались доспѣхи коновала; баранья черная шапка и высокіе сапоги составляли одежду того и другого.

— Что не веселъ? словно мышь на крупу надулся, ась? произнесъ Матюшка насмѣшливо.

— Како тутъ веселье! отвѣчалъ печально Антонъ, разсѣянно глядя въ поле.

— Что-жъ, опять небось алтынъ не хватаетъ? Знамо, безъ денегъ въ городъ — самъ себѣ ворогъ. Жаль, братъ, прохарчились мы больно, а то бы, вотъ-те Христосъ, помогли, ей-Богу, хоть 1000 рублевъ, такъ сейчасъ-бы повѣрили... а то вишь на косуху не осталось, словно быкъ какой языкомъ слизнулъ... право...

Въ толпѣ раздался хохотъ.

Въ это время къ Антону подошли два мужика; мука,

обсыпавшая ихъ шапки и кафтаны, давала тотчасъ-же знать, что это были мельники.

— Послушай, братецъ ты мой, сказалъ старшій изъ двухъ: — что-жъ, говори послѣднее слово; продашь лошадь-то, али нѣтъ?..

Рыженькіе пріятели перемигнулись между собою, дернули Антона потихоньку сзади и сказали шопотомъ: «Мотри, землякъ, не отдавай, надуть хотятъ, не отдавай!».

— Да побойся хоть ты Бога-то, отвѣчалъ Антонъ мельнику: — побойся Бога; Христовъ ты человѣкъ, аль нѣтъ? ну, что ты меня вертишь словно махонькаго, ишь за каку цѣну хочешь лошадь купить...

— Оставь его, дядя Кондратъ, отозвался съ сердцемъ товарищъ мельника: — оставь, говорю; съ нимъ и самъ сатана возившись упарится; вишь какъ онъ кобянится, часовъ пять и то бились, лошадь того не стоитъ, пойдемъ, авось нападемъ на другую, здѣсь ихъ много...

— Вѣстимо, отвѣчали въ одно время рыженькіе: знамо, свѣтъ не клиномъ сошелся. Ступайте. Вы лошадь найдете, а мы покупщика.

Старый мельникъ, казалось, съ сожалѣніемъ разставался съ мыслью пріобрѣсти пѣгашку; онъ еще разъ обошелъ вокругъ нея, потомъ пощупалъ ей ноги, подергалъ за гриву, качнулъ головой и пошелъ прочь.

— Ишь, ловкіе какіе, произнесъ одинъ изъ рыженькихъ: — чего захотѣли, «атусбешъ» *), то бишь... 35 рублей за лошадь даютъ... да за эвдаку животину и 70 мало...

— Эй, землякъ, давай, я лошадь-то куплю! снова закричалъ Матюшка: — не грусти. Что голову повѣсилъ? сколько спросилъ? сколько хошь, столько и дамъ. Чуръ, мотри, твои магарычи, а деньги за лошадь, какъ помру.

— Чего вы привязались ко мнѣ? ну, чего вамъ отъ меня надыть? сказалъ съ сердцемъ Антонъ и сдѣлалъ шагъ впередъ.

По всему видно было, что бѣдняга уже давнымъ-давно вышелъ изъ себя и ожидалъ только случая выместить на комъ-нибудь свою досаду.

---

*) 35 рублей, на языкѣ конскихъ барышниковъ и конокрадовъ.

Сѣвка и Матюшка сдѣлали видъ, какъ будто испугались, и отскочили назадъ. Толпа, расположенная къ нимъ прибаутками, которые разсыпалъ Матюшка, заслонила ихъ и разразилась громкимъ, продолжительнымъ хохотомъ. Ободренный этимъ, Матюшка высунулъ впередъ черную, кудрявую свою голову и заоралъ во все горло:

— Гей, землякъ! всѣхъ избилъ въ одинъ синякъ!.. Братцы, ребята, это вишь нашъ бурмистръ, ишь какой мигачъ, во всемъ подстать пѣгой своей кобылѣ, молодецъ къ молодцу... ворóнъ вишь пріѣхалъ на ней обгонять... Эй, эй, Фалалей, мотри, мотри, хвост-атъ у клячи оторвалси, ей-Богу, право, оторвалси... эй, го... го... го... го...

Антонъ въ это время слѣдовалъ за рыженькими своими пріятелями, которые почти противъ воли тащили его на другой конецъ поля.

Къ нимъ тотчасъ же подскочили три цыгана.

— Что, добрый человѣкъ, лошадь твоя?

— Моя.

— Продаешь?

— Мотри, не продавай, снова шепнули Антону рыженькіе:—народъ бѣдовый, какъ разъ завертятъ.

— Продаю, отвѣчалъ нерѣшительно Антонъ и въ тоже время поглядѣлъ съ безпокойствомъ на пріятелей.

Тогда одинъ изъ цыганъ, дюжій, рослый мужчина въ оборванныхъ плисовыхъ шароварахъ и синемъ длинномъ балахонѣ съ цвѣтными полотняными заплатами, подбѣжалъ къ пѣгашкѣ, раздвинулъ ей губы, потомъ поочередно поднялъ ей одну ногу за другой и, ударивъ ее въ бокъ сапогомъ, какъ-бы для окончательнаго испытанія, сказалъ товарищамъ: «Лачи грай, янъ татарчинасъ, пшалъ, ды герой лачи!» Добрый конь, давайте, братцы, торговать. Смотри: ноги хороши больно.

— «Мычынавъ курано» какъ-будто старенька, отвѣчали тѣ:—а нанано—пробине, пробине» а все попробуемъ.

И всѣ трое принялись осматривать лошадь. Разумѣется, удары въ бокъ, какъ необходимѣйшее условіе въ такомъ дѣлѣ, не заставили себя дожидаться.

— Что стоитъ, спросилъ первый цыганъ.

— 70 рублевъ, отвѣчали равнодушно и какъ-бы изъ

милости рыженькіе спутники Антона, отводя его въ сторону и принимаясь нашептывать ему на ухо.

Цыгане засмѣялись.

— «А саранда рубли круугъ, де гаджо лове ватопашъ, сытуте лове?» А сорокъ рублей стоитъ, да мужикъ отдастъ за половину. Деньги у васъ есть? сказалъ первый.

— «Сы» есть, отвѣтили тѣ.

— «Лачи», ладно. Ну, братцы, и ты, добрый человѣкъ, продолжалъ тотъ, указывая на лошадь съ видомъ недовольнымъ: — дорого больно просишь, конь-то больно изъѣзженъ, старъ. Вотъ и ребята то-же говорятъ...

— Да чуть-ли еще не съ норовомъ, подхватилъ цыганъ, глядя пѣгашкѣ въ зубы:— ишь, верхній-то рядъ впередъ выпучился... а ты 70 рублевъ просишь... нѣтъ, ты скажи намъ цѣну по душѣ. Ныньче, братъ, не то время, — кормъ коня дороже... по душѣ скажи...

— Сколько-же по вашему? спросилъ Антонъ.

— Да что тутъ долго толковать! Мы въ деньгахъ не постоимъ, надо поглядѣть сперва ходу, какъ бѣжитъ... былъ-бы конь добрый, цѣну дадимъ необидную... веди!

Рыженькіе отвели Антона въ сторону.

— Экой ты, братъ... мотри не поддавайся... не купятъ, право слово не купятъ, попусту только загоняешь лошадь и самъ измаешься... говоримъ, найдемъ завтра покупщика... есть у насъ на примѣтѣ... Вотъ ужъ ты сколько разъ водилъ, не купили и теперь не купятъ, не такой народъ, тебѣ, чай, не первинка... твердили они ему...

— Спасибо, родные, за доброе, ласковое ваше слово, да вишь дѣло-то мое захожее.

— Вотъ по той причинѣ мы-те и толкуемъ, на волоку и по волоку—надо дѣло разсуждать.

— Господь ихъ вѣдаетъ, можетъ и по честности станутъ цѣну давать; мнѣ, братцы, така-то право тоска пришла, что хошь бы сбыть ее съ рукъ скорѣй.

— Пожалуй, ступай себѣ; а только, право, попусту сходишь.

Антонъ взялъ пѣгашку подъ узды и, сопровождаемый цыганами, повелъ ее къ сторонѣ харчевень, откуда долженъ былъ, по обыкновенію, начаться бѣгъ. Рыженькіе

пошли за ними. Пройдя шаговъ двадцать, они проворно обернулись назадъ и подали знакъ двумъ другимъ мужикамъ, стоявшимъ въ отдаленіи съ лошадьми, чтобы слѣдовали за ними; тѣ тотчасъ же тронулись съ мѣста и начали огибать поле; никто не замѣтилъ этихъ продѣлокъ, тѣмъ менѣе Антонъ. Видно было по всему, что онъ уже совсѣмъ упалъ духомъ; день пропалъ за-даромъ; лошадь не продана, самъ онъ измучился, измаялся, проголодался; въ добавокъ, каждый разъ, какъ являлся новый покупщикъ и дѣло повидимому уже ладилось, имъ овладѣвало необъяснимо тягостное чувство: ему становилось все жалче и жалче лошаденку, такъ жаль, что въ эту минуту онъ готовъ былъ вернуться въ Троскино и перенести все отъ Никиты Ѳедорыча, чтобы только не разлучаться съ нею; но теперь, почему-то, заболѣло еще пуще по ней сердце; предчувствіе ли лиха какого, или что другое, только слезы такъ вотъ и прошибали рѣсницы, и многихъ усилій стоило бѣдному Антону, чтобы не зарыдать вслухъ.

— «Эхъ каманъ чорасъ грай, томаръ у давелъ чорасъ ме!» Эхъ, вотъ бы укралъ лошадь, убей меня Богъ, укралъ бы! сказалъ кто-то изъ цыганъ, когда пришли на мѣсто.

Тутъ стояли уже нѣсколько человѣкъ съ лошадьми; между ними находились и тѣ, которымъ подали знакъ рыженькіе.

— Ну, братъ, хозяинъ, садись на коня, вымолвилъ первый цыганъ Антону:—поглядимъ, какъ-то онъ у тебя побѣжитъ... садись!..

Антонъ медленно подошелъ къ пѣгашкѣ, уперся локтями ей въ спину, потомъ болтнулъ въ воздухѣ длинными, неуклюжими своими ногами и началъ на нее карабкаться. Послѣ многихъ усилій съ его стороны, смѣха и прибаутокъ со стороны окружающихъ, онъ наконецъ сѣлъ и вытянулъ поводья. Толпа, состоящая преимущественно изъ барышниковъ, придвинулась и, кто молча, кто съ разными замѣчаніями, окружили всадника мужичка. Въ числѣ этихъ замѣчаній не нашлось, какъ водится, ни одного, которое-бы не противорѣчило другому; тотъ утверждалъ, что конь «вислобокой», другой, напро-

тивъ того, спорилъ, что онъ добрый, третій бился объ закладъ, что «двужильный», четвертый увѣрялъ, что пѣгая лошадь ни болѣе, ни менѣе, какъ «стогодовалая», и такъ далѣе; разумѣется, мнѣнія эти никому изъ нихъ не были особенно дороги, и часто тотъ кто утверждалъ одно, спустя минуту, а иногда и того менѣе, стоялъ уже за мнѣніе своего противника.

— Ну теперь, пущай ее... пущай! закричало нѣсколько голосовъ, и толпа ринулась въ сторону.

Но усталая, измученная и голодная пѣгашка на этотъ разъ, къ довершенію всѣхъ несчастій Антона, рѣшительно отказывалась повиноваться пруканью и понуканью своего хозяина; она уперлась передними ногами въ землю, сурово потупила голову и не двигалась съ мѣста.

— Конь съ норовомъ... анъ нѣтъ... анъ да... о! чего смотрите, черти!.. она, вишь, умаялась, дай ей вздохнуть, вздохнуть дай! слышалось отовсюду.

А Антонъ между тѣмъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы раззадорить пѣгашку: онъ то подавался впередъ къ ней на шею, то спускался почти на самый хвостъ, то болталъ вдоль боковъ ногами, то размахивалъ уздечкой и руками; нѣтъ, ничего не помогало: пѣгашка все-таки не подавалась.

— Э...ге...ге..ге, замѣтилъ цыганъ: — да она, братъ, видно у тебя опоена, видно на кнутѣ только и ѣдетъ.

Антонъ удвоилъ усилія; потъ выступилъ у него на лбу.

— Ну, ну, бормоталъ онъ, метаясь на лошади, какъ угорѣлый: — ну, дружокъ! ну, дурачокъ!.. э!.. ну... эка животина... ну... ну... э!..

— Эй, братъ!.. ребята! да вы проведите ее.

— Нѣтъ, зачѣмъ проводить... оставь... она и сама пойдетъ... дайте ей вздохнуть...

— А долго будетъ она такъ-то стоять? сказалъ кто-то, и безъ дальнихъ разсужденій, подбѣжавъ къ лошади, ударилъ ее такъ сильно въ брюхо, что самъ Антонъ чуть было не слетѣлъ наземь.

Толпа захохотала, а пѣгашка тѣмъ временемъ брыкнула, взвизгнула и понеслась по полю.

— Э! взяла, взяла! э! пошла, пошла, пошла! гей! гей! го-го-го! послышалось со всѣхъ сторонъ.

Одинъ изъ зрителей пришелъ въ такой «азартъ», что тутъ-же снялъ съ себя кожухъ и, размахивая имъ съ какимъ-то особеннымъ остервененіемъ по воздуху, пустился догонять лошадь.

— Ишь, прямо съ копыта пошла, хорошо пошла, произнесъ цыганъ, обращаясь къ толпѣ.

— Николко, «праста лашукаръ», — вѣдь хорошо бѣжитъ.

— «Урняла, целдари урняла!» знатно скачетъ отвѣчали тѣ въ одинъ голосъ, глядя ей вслѣдъ, и закричали Антону: — эй! пусти ее во весь духъ, пусти, небось... «дыкло, дыкло!» посмотримъ!

Рыженькіе казалось того только и ждали, чтобы отъѣхалъ Антонъ. Они подошли къ двумъ мужикамъ-товарищамъ и переговорили.

Когда Антонъ вернулся назадъ, они уже стояли на прежнемъ своемъ мѣстѣ, а товарищи ихъ пододвинулись съ своими лошадьми къ цыганамъ.

— Ну, вотъ что, братъ, сказалъ первый цыганъ Антону:—70 рублевъ деньги большія, дать нельзя, это пустое, а 40 бери. Хошь, такъ хошь, а не хошь, такъ какъ хошь... По рукамъ что-ли? долго толковать не станемъ.

Антонъ поглядѣлъ нерѣшительно на рыженькихъ.

Тѣ замотали головами.

— Нѣтъ, сказалъ онъ печально:—нельзя, не сходно...

— Братцы, что вамъ лошадь, что-ли, надо? заговорили тотчасъ пріятели рыженькихъ: — пойдемте, поглядите у насъ... ужъ такого-то подведемъ жеребчика, спасибо скажете... Что вы съ нимъ, какъ бьетесь? ишь ломается, и добро было-бы изъ чего... ишь, вона, вона какъ ноги-то подогнула... Пойдемте съ нами, вонъ стоятъ наши лошади... бойкія лошади! супротивъ нашихъ ни одна здѣсь не вытянетъ, не токмо что эта...

— А чего вы лѣзете! перебилъ одинъ изъ близстоявшихъ мужиковъ: — нешто это дѣло отбивать? эки

безстыжіе! совѣсти нѣтъ... Вишь онъ продаетъ, а вы лѣзете?.. завидно, что-ли?.. право, безстыжіе...

— А чортъ-ли велитъ ему отмалчиваться? коли продаешь, такъ продавай... Что кобенишься? да! что буркулы-то выпучилъ, словно пятерыхъ проглотилъ да шестымъ поперхнулся... отдавай за 40... небось несходно?.. отдавай, чего надсѣдаешься...

— Нѣтъ, за 40 не отдамъ.

— Твоя воля, конь твой, отвѣчалъ цыганъ: — ну, слушай послѣднее слово, 40 рублевъ и магарычи... хошь?

— Что мнѣ магарычи, на кой мнѣ ихъ лѣшій!..

— Узду въ придачу.

— И узды не надыть.

— Эхъ вы, ребята, словоохотливые какіе, право, начали опять тѣ:—видите, не хочетъ продавать—и только... И что это вы разгасились такъ на эвту лошадь? Мотрите, того и гляди хвостъ откинетъ, а вы 40 даете! Пойдемте, вамъ такого рысачка за сорокъ-то отвалимъ, знатнаго, статнаго... четырехлѣтку... какъ передъ Богомъ, четырехлѣтку...

— «Соле саракиресса, накамылъ тебыкнелъ, авенъ, пшалы, не каманъ.» Ну, что съ нимъ взаправду толковать? пойдемте братцы; не хочетъ.—Ну, прощай, добрый человѣкъ, сказалъ первый цыганъ.—«Авенъ, авенъ, пшалы.» Пойдемте, братцы.

Рыженькіе тотчасъ-же повели бѣднаго Антона въ другую сторону.

— Ну, вотъ, говорили мы тебѣ... какъ бишь те звать?

— Антономъ.

— Э, да у меня, братъ, свояка зовутъ Антономъ. Ну, вѣдь говорили мы тебѣ, не ходи, не продашь лошади за настоящую цѣну, э! захотѣлъ, братъ, продать цыгану! Говоримъ: завтра такого-то покупщика найдемъ, барина, 80 рублевъ какъ разъ дастъ... я знаю... Балай, а, Балай, знаешь, на кого я мѣчу?..

Балай кивнулъ головою, искоса поглядѣлъ на Антона и значительно подмигнулъ товарищу.

— Спасибо, братцы, за ваши добрыя рѣчи, отвѣчалъ

мужикъ, уныло потупляя голову: — да вишь дѣло-то мое захожее; куды я теперь пойду? ночь на дворѣ.

— Куды пойдешь! объ эвтомъ, землякъ, не сумлѣвайся... а мы-то на что-жъ?.. вотъ братъ пойдетъ домой въ деревню, а я остаюсь здѣсь; пожалуй, коли хочешь, пойдемъ вмѣстѣ, я тебѣ покажу, гдѣ заночевать.

— У меня, братцы, вѣдь денегъ нѣту... вотъ бѣда какая! думалъ лошадь продать, такъ...

— Эхва! бѣда какая, мало-ли у кого не бываетъ денегъ, не ночуютъ-же въ полѣ... я тебя поведу къ такому хозяину, который въ долгъ повѣритъ. Объ утро, какъ пойдешь, знамо, оставь что-нибудь въ закладъ, до денегъ, полушубокъ или кушакъ. Придешь, разсчитаешься. У насъ завсегда такъ-то водится...

— Когда ваше такое доброе слово, отвѣчалъ Антонъ: —пойдемте, братцы. Авось, Господь милостивъ, завтра удастся продать лошаденку...

— Не сумлѣвайся, братъ Антонъ, говорю, покупщикъ у насъ есть знатный для тебя на примѣтѣ. Ты вишь больно намъ полюбился, мужик-атъ добре простой, не приквельный... хотимъ удружить тебѣ... Богъ приведетъ, встрѣнемся, спасибо скажешь...

И всѣ трое покинули площадь. Только что своротили они въ переулокъ, какъ Балай распрощался съ Антономъ и, перемигнувшись еще разъ съ товарищемъ, исчезъ въ толпѣ.

V.

Ночлегъ.

«Охъ горе, мое горе, кручинное житье!» думалъ Антонъ, слѣдуя медленнымъ, нетвердымъ шагомъ за товарищемъ. «День прошелъ, да видно до насъ не дошелъ. Ишь вечеряетъ, а лошаденка все съ рукъ не сошла. Что станешь дѣлать!.. Нѣтъ, знать, такъ ужъ Господу Богу угодно... погрѣшился я чѣмъ передъ нимъ... охо, хо... Дома-то, дома у меня, я чай ждутъ, сердешные, не дождутся; не наболится у родимыхъ сердечушко. Правда, по-

пался человѣкъ добрый, сулитъ покупщика хорошаго, да это когда еще? завтра!.. Заночевать вишь пришлось въ чужой сторонѣ, промежъ чужихъ людей, денегъ ни полушки, а дѣло захожее... Ну. а какъ завтра да опять не выйдетъ на мою долю счастья, лошади опять не продашь, а только пуще бѣдъ наживешь, и съ тѣмъ домой вернешься?.. Никита просвѣту не дастъ тогда, долой съ бѣла свѣта сгонитъ, совсѣмъ бѣда! пропадемъ ни за что и я и Варюха, да и ребятенки-то то-жъ... охо... хо, горе мое, горе, кручинное житье!..

День между тѣмъ зримо клонился къ вечеру; солнце сѣло: золотистые хребты тучъ, блѣднѣя на дальнемъ горизонтѣ, давали знать, что скоро и совсѣмъ наступятъ сумерки. Подошва горы, плоскіе песчаные берега, монастырь и отмели окутались уже тѣнью; одна только рѣка, отражавшая круглыя облака, обагренныя послѣдними вспышками заката, вырѣзывалась въ тѣни алой сверкающей полосою. Осенній вѣтеръ повѣялъ холодомъ и зашипѣлъ въ колеяхъ дороги. Время отъ времени онъ измѣнялъ свое направленіе, и тогда слышались съ рѣки отрывистые крики народа, толпившагося на берегу и ожидавшаго парома, который чуть видимою точкой чернѣлся на болѣе и болѣе блѣднѣвшей поверхности воды, влача за собою огненную, искристую полосу свѣта. Шумъ ярмарки умолкалъ; толпа въ городѣ постепенно рѣдѣла; скидывались ятки, запирались лари, лавки; купцы и покупатели расходились во всѣ стороны, и все тише да тише становилось на улицахъ, на площади, между рядами телѣгъ, подводъ, укутанныхъ и увязанныхъ на ночь въ рогожи.

Внизъ по горѣ тишина дѣлалась еще замѣтнѣе. Тутъ исчезли уже почти всѣ признаки ярмарки: кое-гдѣ развѣ попадались возъ непроданнаго сѣна и его хозяинъ, недовольное лицо котораго оживлялось всякій разъ, какъ кто-нибудь проходилъ мимо, или встрѣчалась ватага подгулявшихъ мужиковъ и бабъ, которые, обнявшись крѣпко на крѣпко, брели, покачиваясь изъ стороны въ сторону и горланя несвязную пѣсню.

Антонъ и рыженькій его товарищъ достигали уже подошвы горы, когда на одномъ изъ поворотовъ дороги

должны были остановиться по случаю стеченія народа. Они подошли ближе. На самомъ крутомъ уступѣ лежалъ замертво пьяный мужикъ. Голова его, сѣдая, какъ лунь, скатилась на дорогу, ноги оставались на возвышеніи: коротенькая шея старика налилась кровью, лицо посинѣло... Присутствующіе, которыхъ было очень много, не помышляли однакожъ поднимать его; иные, проходя мимо, замѣчали только «экъ его раздуло!», или: «ишь-те какъ нализался!» Большая часть зрителей не дѣлали впрочемъ никакихъ замѣчаній. Они глядѣли на него съ какимъ-то притупленнымъ любопытствомъ, почесывали затылки и качали головами, какъ бы въ душѣ соболѣзнуя о злополучномъ землячкѣ. Но помощи никто рѣшительно не подавалъ, никто даже не трогался съ мѣста.

Антонъ принадлежалъ, должно быть, къ послѣдней категоріи; онъ постоялъ, покачалъ головою и готовился уже кликнуть своего товарища; но въ эту самую минуту изъ толпы выскочилъ полный, кудрявый дѣтина въ синемъ кафтанѣ и съ радостнымъ восклицаніемъ бросился обнимать его.

— Эхва!.. Антонъ! какъ тебя Богъ милуетъ? по добру-ли по здорову? вотъ не чаяли встрѣтиться...

— Здорово, Митроха, вымолвилъ Антонъ, ошеломленный нѣсколько неожиданнымъ привѣтствіемъ: — какъ можешь?..

Они обнялись и поцѣловались.

Встрѣча эта сильно озадачила рыженькаго. Онъ суетливо подошелъ къ Антону, дернулъ его за полу и шепнулъ: «Землякъ, пора до фатеры. Поздно, того и гляди мѣста не станетъ»...

— Шутка, дѣло такое! продолжалъ Митроха: — почитай что цѣлый годъ не видались; ну что, братъ Антонъ, какъ тебя перевертываетъ? какъ поживаешь съ хозяйкою и съ ребятишками?..

— Охъ, лучше и не спрашивай, плоше моего житья кажись на свѣтѣ нѣтъ... мое житье самое послѣднее...

— Неужто все Никита проклятый досаждаетъ?..

— Да, отвѣчалъ печально Антонъ: — да вотъ и теперь, пришелъ, братъ, сюда послѣднюю лошадь прода-

вать,—велѣлъ!.. не знаю, что и будетъ; совсѣмъ, знать, пришло мое раззоренье...

— Ой-ли? ну, братъ, жаль, больно жаль мнѣ тебя!.. а я, братъ, на фабрикѣ-то пооперился маненько; живу верстахъ въ трехъ отсель на миткалевой фабрикѣ... и хозяинъ такой-то, право, добрый достался, не въ обидѣ живешь... Ну, разскажи-ка, братецъ ты мой, какъ поживаютъ Стигней съ женою? онъ вѣдь своякъ мнѣ...

— А что имъ дѣлается, — хлѣбушка есть, живутъ ладно по милости Господней.

— Новую избу, говорятъ, поставили?

— Поставили.

— Такъ; ну, братъ Антонъ, гдѣ-жъ ты остановился здѣсь?

— Вотъ тутъ... близехонько, отвѣчалъ скороговоркою рыженькій... у самаго перевоза, на постояломъ...

— Дай ему Господь Богъ здоровья, продолжалъ Антонъ, указывая земляку на рыженькаго: — встрѣлся добрый человѣкъ... хочетъ провести на ночлегъ.

— Пойдемъ, Антонъ, сказалъ тотъ: — пора, не опоздать-бы намъ, народу не подошло-бы много съ ярманки...

— Ну, ладно, подхватилъ Митроха:—я къ тебѣ завтра зайду на фатеру... какъ Богъ святъ, зайду. Ты, я чай, не больно рано пойдешь на ярманку... а мы до того времени перемолвимъ слово, покалякаемъ про своихъ... Такъ-то, братъ, я тебѣ радъ, Антонъ, право, словно, родному... инда эвдакъ сердце радуется, какъ случай приведетъ съ землякомъ повидаться... Ну, прощай, братъ, и мнѣ пора ко двору, а завтра непремѣнно зайду...

— Прощай, Митроха, заходи-же, мотри...

— Ладно, ладно...

— Ну, братецъ, куда-же намъ теперь идти? спросилъ Антонъ, когда землякъ исчезъ за поворотомъ.

— Сойдемъ внизъ, а тамъ пойдемъ все по берегу, все по берегу, до самыхъ кузницъ...

— Далече?

— Эко, ты наладилъ одно: далече да далече? видишь перевозъ?

— Вижу...

— Ну, коли видишь, такъ ладно; тутъ какъ разъ будетъ тебѣ и постоялый дворъ... онъ прямо стоитъ за кузнями...

Движенія, походка, лицо товарища Антона мгновенно измѣнились: теперь все уже показывало въ немъ человѣка довольнаго, даже торжествующаго; сѣренькіе плутовскіе глазки его насмѣшливо съуживались и поочередно устремлялись то на мужика, то на пѣгашку. Онъ сталъ разговорчивѣе; но въ рѣчахъ его уже не было той заботливости, той вкрадчивости, съ какими прежде подъѣзжалъ онъ къ Антону. Все произошло однако такъ, какъ говорилъ рыженькій: вскорѣ они достигли перевоза, тамъ поднялись по скользкому, грязному берегу и вышли на пустынное поле, огражденное съ одной стороны рядомъ черныхъ, мрачныхъ кузницъ, которыя неровною линіею спускались почти къ самой водѣ.

Миновавъ кузницы, рыженькій молча указалъ Антону на высокую избу, одиноко стоявшую на дорогѣ и окруженную длинными навѣсами. Тѣмъ временемъ, какъ они къ ней приближались, ночь окончательно обхватила небо и окрестности. Мѣсяцъ вышелъ изъ-за тучъ и весело проглянулъ на небо. Антонъ обернулся назадъ и бросилъ взглядъ къ сторонѣ города; тамъ все уже стихло; рѣдко, рѣдко долетали отдаленная пѣсня или протяжное понуканье запоздалаго мужика, торопившаго лошадь. Гдѣ-то, въ сторонѣ, далеко, далеко, за рѣкою слышался стукъ въ чугунную доску деревенскаго караульщика. Антонъ увидѣлъ рѣку, исчезавшую послѣ многихъ изгибовъ въ темнотѣ, крутые берега, отдѣлявшіеся отъ нея бѣлымъ туманомъ, и черныя тучи, облегавшія кругомъ горизонтъ. Луна скрылась; воцарился глубокій, непроницаемый мракъ; подходя къ избѣ, Антонъ едва-едва различилъ подводы, стоявшія у воротъ. Шумный говоръ и свѣтъ, выходившій длинною полосою изъ окна, давали знать, что на постояломъ дворѣ было довольно народа.

— Ну, вотъ и пришли, сказалъ рыженькій Антону:— веди лошадь въ ворота... ладно... ставь ее вотъ сюда, подъ навѣсъ, да пойдемъ ужинать...

— Послушай, добрый человѣкъ, произнесъ Антонъ,

оглядывая съ безпокойствомъ постоялый дворъ и навѣсы:—послушай, мотри, не было-бы лиха... не обидѣли-бы меня... не увели-бы лошаденки; я слышалъ, народъ у васъ въ городахъ на это дѣло добре податливъ...

— Эхъ, ты! воскликнулъ тотъ, ударивъ мужика по плечу:—прямой ты братъ деревенщина, пра, деревенщина, борода у те выросла, а ума не вынесла. Ну, статочно-ли дѣло? самъ поразсуди, кому тутъ увести? вѣдь здѣсь дворникъ есть, ворота на ночь запираютъ, здѣсь не деревня, какъ ты думаешь? Знамо дѣло, долго-ли до грѣха, коли не смотрѣть. На то вишь и дворъ держатъ... а ты думаешь для чего?..

— Оно такъ, отвѣчалъ мужикъ, продолжая озираться на стороны:—вѣстимо такъ, а все словно думается...

— Что говорить, началъ рыжій, перемѣнивъ вдругъ насмѣшливый тонъ на серьезный:—кто противъ того? животину водить, не розиней ходить, это всякой знаетъ... Полно, землякъ, полно! да ты взаправду опасаешься, что-ли?..

— Какъ передъ Богомъ, боюсь... добрый человѣкъ.

— Ну, коли такъ, привяжи ее пока здѣсь къ столбу, а потомъ приходи сюда спать, я и самъ съ тобою лягу... Пойдемъ выпьемъ по чаркѣ винца, смерть прозябъ... а тамъ подкинемъ соломы да всхрапнемъ... ладно, что-ли?..

— Ладно, коли твоя добрая душа будетъ...

— Привязалъ?

— Привязалъ...

— Мотри, привязывай крѣпче, чтобъ не отвязалась неравно да не ушла...

— Нѣтъ, не уйдетъ...

— Пойдемъ.

Изба, въ которую рыженькій ввелъ Антона, была просторна; по крайней мѣрѣ такъ показалась она послѣднему при тускломъ свѣтѣ сальнаго огарка, горѣвшаго на столѣ въ желѣзномъ корявомъ подсвѣчникѣ. Одинъ конецъ перегородки, раздѣлявшей ее на двѣ части, упирался въ исполинскую печь съ уступами, стремешками и запечьями, другой служилъ подпорою широкимъ палатямъ, съ которыхъ свѣшивались чьи-то длинныя босыя ноги и овчина. За столомъ подъ образами, сидѣли четыре человѣка и ужи-

нали; подлѣ нихъ хлопотала хозяйка, рябая, встрепанная, заспанная баба.

— Хлѣбъ да соль, братцы! вымолвилъ рыженькій, запирая дверь:—здравствуй, хозяйка!

— Хлѣбъ да соль, проговорилъ въ свою очередь Антонъ, крестясь передъ образами.

— Спасибо, отозвались сидѣвшіе мужики.

— Вамъ постоять, что-ли? грубо спросила дворничиха.

— И то, тебя вишь не обходимъ, вотъ и товарища привелъ... Ну, а хозяинъ гдѣ?

— Кто тамъ?.. послышалось сверху, и въ то же время длинныя ноги, висѣвшія съ палатей, перевернулись и показали, что принадлежащее имъ туловище перевалилось на спину.

— Что тамъ развалился, чортъ? закричала сиповатымъ голосомъ хозяйка:—ступай! вишь народъ подошелъ...

На палатяхъ послышалась зѣвота.

— О-о-о! Господи, о-о! бормоталъ хозяинъ, сползая по стремешкамъ печи внизъ... А! воскликнулъ онъ, останавливаясь:—а! здорово, рыжая борода!

Рыженькій подалъ ему изъ-за спины Антона выразительный знакъ рукою. Хозяинъ тотчасъ-же замолчалъ; закинувъ обѣ руки за шею, онъ потянулся, зѣвнулъ и продолжалъ лѣниво:

— Экъ вы поздно какъ таскаетесь, люди спать давно полеглись; ну, а мужичокъ съ тобой пришелъ?

— Со мной.

— Лошадь есть?

— Есть.

— Сѣнца надыть, что-ли? спросилъ хозяинъ Антона:—у меня сѣно знатное...

— Нѣтъ, отвѣчалъ простодушно Антонъ: — сѣна не надо, я лошадь-то продавать привелъ: и такъ простоитъ, сердешная...

— Твоя на то воля... ужинать небось станете?

— Давай!..

— Такая то бѣда у меня... малаго своего отослалъ въ Зименки... до сихъ поръ не вернулся, самъ за все и про все, говорилъ хозяинъ, слезая наземь.

— А почемъ ужинъ? разсѣянно спросилъ рыженькій.

— Извѣстно, что тутъ толковать! лишняго не беремъ, что въ людяхъ, то и у насъ: шесть гривенъ съ хлѣбомъ.

— Ладно... Эй, хозяйка, собирай скорѣй, смерть проголодались.

— Вамъ чего? щей плехнуть, аль гороху вальнуть, аль лепеху съ сѣменемъ? спросила хозяйка.

— Давай что ни есть... Хозяинъ, а хозяинъ! нѣтъ-ли, братъ, винца?

— Какъ не быть... Вамъ сколько?

— Что, Антонъ, голову-те повѣсилъ, вино есть. Аль не слышишь? выпьемъ, говорю, завтра знатный будетъ день... Хозяинъ, давай штофъ!..

Когда дворникъ вышелъ, рыженькій повертѣлся еще нѣсколько минутъ подлѣ печки и шмыгнулъ въ двери.

Это было сдѣлано такъ ловко, что Антонъ ничего не замѣтилъ. Онъ снялъ съ себя полушубокъ, повѣсилъ его на шестокъ, помолился Богу, сѣлъ за столъ и, въ ожиданіи ужина, принялся разсматривать новыхъ своихъ товарищей. Двое изъ нихъ, немного погодя, встали, перекрестились и молча улеглись на нары, занимавшія цѣлую стѣну избы. Антонъ увидѣлъ, что тутъ спало еще нѣсколько человѣкъ мужиковъ. Изъ оставшихся двухъ за столомъ, одинъ особенно привлекъ вниманіе нашего мужика. Это былъ толстенькій, кругленькій человѣкъ, съ черною окладистой бородкой, плоскими маслистыми волосами, падавшими длинными космами по обѣимъ сторонамъ одутловатаго, багроваго лица, отличавшагося необыкновеннымъ добродушіемъ; передъ нимъ на столѣ стояла огромная чашка каши, деревянный кружокъ съ рубленной говядиной и хрящемъ и миска съ лапшею; онъ уписывалъ все это, прикладываясь поперемѣнно то къ тому, то къ другому съ такимъ рвеніемъ, что потъ катился съ него крупными горошинами; слышно даже было, какъ у него за ушами пищало.

Антонъ первый прервалъ молчаніе.

— Вы отколѣ? спросилъ онъ.

Мужикъ встряхнулъ головою, устремилъ на него оло-

вянные глаза и, проглотивъ кашу, мѣшавшую ему закрыть ротъ, отвѣчалъ:

— Сдалече: ростовскіе.

— Господскіе...

— Барскіе...

— Большая вотчина?

— Большая...

Тутъ хозяйка поставила передъ нимъ чашку тертаго гороха: мужичокъ принялся за него съ тѣмъ же ничѣмъ не сокрушимымъ апетитомъ и уже ничего не отвѣчалъ на вопросы Антона.

Скоро вернулся рыженькій съ штофомъ вина, сѣлъ подлѣ товарища, и оба принялись ужинать.

Немного погодя явился и самъ хозяинъ.

— А ты ѣхать собрался, что-ли? спросилъ онъ у мужика сидѣвшаго рядомъ съ ярославцемъ.

— Да, мнѣ пора, отвѣчалъ тотъ, подтягивая кушакъ:— до свѣту надо быть дома.

Антонъ мгновенно поднялъ голову, поглядѣлъ на него, вздохнулъ и пересталъ ѣсть.

Хозяинъ снялъ съ полки счеты и подошелъ къ отъѣзжающему вмѣстѣ съ хозяйкой.

— Щи хлябалъ?

— Хлябалъ.

— Кашу ѣлъ?

— Ѣлъ.

— Масло лилъ.

— Лилъ.

— Сорокъ копѣекъ, произнесъ отрывисто хозяинъ, щелкнувъ костями.

Мужикъ расплатился, помолился передъ образами и, поклонившись на всѣ четыре стороны, вышелъ изъ избы.

Въ то время толстоватый ярославецъ успѣлъ уже опорожнить до-чиста чашку тертаго гороху. Онъ немедленно приподнялся съ лавки, снялъ кожухъ, развалилъ его подлѣ спавшаго уже товарища и улегся; почти въ ту-жъ минуту изба наполнилась его густымъ, протяжнымъ храпѣньемъ.

Дворничиха полѣзла на печь.

Въ избѣ остались бодрствующими рыженькій, Антонъ и хозяинъ.

— Хозяинъ! началъ первый, прислушиваясь прежде къ шуму телѣги отъѣхавшаго мужика: — подсядь-ка, братъ, къ намъ, не спѣсивься. Вотъ у меня товарищъ-атъ что-то больно пріунылъ, ѣсть не ѣстъ и пить не пьетъ. Что ты станешь съ нимъ дѣлать!..

— Ой-ли? произнесъ хозяинъ, подходя къ столу: — ну, давай какъ, бишь, звать-то тебя!.. Пантелеемъ, что-ли?

— Антономъ...

— Давай, братъ Антонъ, я выпью... да ты-то что? э, полно, чего кобянишься, пра, выпей, вино у меня знатное, хошь пригубь...

Антонъ выпилъ.

— Не то, братцы на разумѣ у меня, такъ развѣ со стужи, произнесъ онъ, крякнувъ и обтирая бороду.

— Пей, не робѣй, вскрикнулъ рыженькій, перемигиваясь съ хозяиномъ... Нука-сь, братъ, со стужи-то еще стаканчикъ...

— Спасибо... много доволенъ...

— Э! что за спасибо! пей сколько душа приметъ... знамо, первая чарка коломъ, вторая соколомъ, а третью и самъ позовешь. Пей. Душа мѣру, братъ, знаетъ... А тамъ и спать пойдемъ...

— Подъ навѣсъ? спросилъ Антонъ, глаза котораго начинали уже разгораться...

— Вѣстимо, что подъ навѣсъ... вотъ добрый хозяинъ и соломки дастъ... Да пей же, братъ, пей безъ опаски... хлѣбъ ѣшь?

— Ѣмъ.

— Ну, а развѣ вино не тотъ же хлѣбъ! маненько только пожиже будетъ... валяй, ну, экой право приквельной какой! долго думать, тому же быть...

— Для-че не выпить, когда добрый человѣкъ подноситъ, подхватилъ хозяинъ: — отъ эвтого, братъ Антонъ, зла не будетъ... пей за столомъ, говорятъ добрые люди, да не пей мотри только за угломъ.

Антонъ выпилъ еще стаканъ.

— Братцы, произнесъ онъ вяло и принимаясь тереть лицо, лобъ и щёки, съ которыхъ катился крупными каплями потъ:—братцы, пра, пора... вотъ-те Христосъ... домой пора бы, Варвара то... э! Варвара... братцы...

— Погоди... поспѣешь еще... отвѣчалъ рыженькій, наливая еще стаканъ:—вотъ выпей напередъ, выпей, слышь, послѣдній выпей... на стужу идешь...

— Пейте скорѣе, ребята, и мнѣ пора спать... чай, полночь давно на дворѣ... вымолвилъ хозяинъ, зѣвая и потягиваясь.

Антонъ осушилъ стаканъ бычкомъ и почти въ ту же минуту повалился какъ снопъ на лавку...

— Спитъ? спросилъ поспѣшно хозяинъ у рыженькаго, который уже нагнулся къ Антону и слушалъ.

— Хоть колъ на головѣ теши, не услышитъ! отвѣчалъ тотъ, выпрямляясь и махнувъ рукою. Оба засмѣялись. Рыженькій подошелъ къ столу, выпилъ оставшуюся въ штофѣ водку, взялъ шапку и сталъ поочередно оглядывать спавшихъ на нарахъ; убѣдившись хорошенько, что всѣ спали, онъ задулъ свѣчу и вышелъ изъ избы вмѣстѣ съ хозяиномъ.

VI.

ПѢГАШКА.

Время подходило уже къ самому разсвѣту, когда толстоватый ярославецъ былъ внезапно пробужденъ шумомъ въ избѣ. Открывъ глаза, онъ увидѣлъ столъ опрокинутымъ. изъ-подъ него выползалъ на карачкахъ Антонъ, крестясь и нашептывая: «Господи благослови, Господи помилуй! съ нами крестная сила...»

— Что, братъ, съ тобою?.. Эй, что ты? спросилъ мужичокъ, соскакивая съ наръ и принимаясь трепать Антона по плечу:—экъ ты меня испужалъ; словно «комаха» *), такъ вотъ и трясетъ меня всего...

---

*) Лихорадка по-ярославски.

– Господи благослови... охъ!.. насилу отлегло... выговорилъ Антонъ, вздрагивая всѣмъ тѣломъ:—ишь, какой сонъ пригрезился... а ничего, ровно ничего не припомню... только добре что-то страшно... такъ вотъ къ самому сердцу и подступило; спасибо, родной, что подсобилъ подняться... Пойду-ка... охъ, Господи, благослови! пойду погляжу на лошаденку свою... стоитъ ли она, сердешная...

Антонъ снова перекрестился и поспѣшно вышелъ изъ избы. Мужикъ сѣлъ на нары и началъ мотать онучи.

Шумъ, произведенный Антономъ, разбудилъ не одного толстоватаго ярославца: съ палатей послышались зѣвота, оханье, потягиванье; нѣсколько босыхъ ногъ свѣсилось также съ печки. Вдругъ на дворѣ раздался такой пронзительный крикъ, что всѣ ноги разомъ вздрогнули и поскакали на земь вмѣстѣ съ туловищами. Въ эту самую минуту дверь распахнулась настежъ и въ избу вбѣжалъ сломя голову Антонъ... Лицо его было блѣдно, какъ известь, волосы стояли дыбомъ, руки и ноги дрожали, губы шевелились безъ звука; онъ стоялъ посередь избы и глядѣлъ на всѣхъ страшными, блуждающими глазами.

— Что такъ? отозвалась хозяйка, просовывая голову между перекладинами палатей.

— Что ты?.. эй, сватъ!.. мужичокъ... дурманомъ прихватило, что ли?.. экъ его разобрало... заговорили въ одно время мужики, окружая Антона.

— Что ты всѣхъ баламутишь? произнесъ грубо хозяинъ, оттолкнувъ перваго стоявшаго передъ нимъ мужика и хватая Антона за рубаху: –да ну, говори!.. что буркулы-то выпучилъ...

— Увели!.. могъ только крикнуть Антонъ: — лошаденку... ей-Богу... кобылку пѣгую увели!..

— Ой-ли?.. братцы... ишь что баитъ... долго-ли до грѣха... э! э! э!...

И всѣ, сколько въ избѣ ни было народу, не исключая даже Антона и самого хозяина, всѣ полетѣли стремглавъ на дворъ. Антонъ бросился къ тому мѣсту, куда привязалъ вечоръ пѣгашку и, не произнося слова, указалъ на него дрожащими руками... оно было пусто; у столба болталась одна лишь веревка...

— Взаправду увели лошадь! ишь вотъ, вотъ и веревка-то разрѣзана, ножомъ разрѣзана... и... и... и... слышалось отовсюду.

Антонъ ухватился обѣими руками за волосы и зарыдалъ на весь дворъ.

— Братцы, говорилъ бѣдный мужикъ задыхающимся голосомъ... братцы! что вы со мною сдѣлали?.. куды я пойду теперь?.. братцы, если въ васъ душа есть, отдайте мнѣ мою лошаденку... куды она вамъ?.. ребятишки вишь у меня махонькіе... пропадемъ мы безъ нее совсѣмъ... братцы, въ Христа вы не вѣруете!..

Ничто не свершается такъ внезапно и быстро, какъ переходы внутреннихъ движеній въ простомъ народѣ; добро рядъ объ рядъ съ лихомъ, и часто одно вѣнчается другимъ почти мгновенно. Почти всѣ присутствующіе, принявшіе было горе Антона со смѣхомъ, теперь вдругъ какъ бы сообща приняли въ немъ живѣйшее участіе; нашлись даже такіе, которые кинулись къ хозяину съ зардѣвшимися, какъ кумачъ, щеками, съ сверкающими глазами и сжатыми кулаками. Толстоватый ярославецъ горячился пуще всѣхъ.

— Ты, хозяинъ, чего глядѣлъ! вскричалъ онъ, подступая къ нему:—развѣ такъ дѣлаютъ добрые люди? нешто у те постоялый дворъ, чтобы лошадей уводили?.. нѣтъ, ты сказывай намъ теперь, куда задѣвалъ его лошадь, сказывай!..

— Да ты-то, охлестышъ ярославскій, пузатый, возразилъ не менѣе запальчиво хозяинъ:—мотри, не больно пузырься... что ко мнѣ приступаешь?.. мотри, не на таковскаго наскочилъ!..

— Вѣстимо, вѣстимо, заговорили въ толпѣ: —онъ тебѣ дѣло баитъ; самъ ты, мотри, не скаль зубы-те! нешто вы на то дворы держите? этакъ у всѣхъ насъ пожалуй уведутъ лошадей, а ты небось останешься безъ отвѣта...

— Да что вы, ребята, отвѣчалъ хозяинъ, стараясь задобрить толпу: — что вы взаправду: развѣ я вамъ сторожъ какой дался! мое дѣло пустить на дворъ, да отпустить что потребуется... А кто ему велѣлъ, продолжалъ онъ, указывая на Антона: — спать здѣсь... ишь онъ

всю ночь на пролетъ пропилъ съ такимъ же видно безшабашнымъ, какъ самъ; онъ его и привелъ... а вы съ меня отвѣта хотите...

— Братцы! закричалъ Антонъ, отчаянно размахивая руками: — братцы, будьте отцы родные... онъ же и поилъ меня... вотъ какъ передъ Богомъ; онъ, и тотъ парень ему вишь знакомый... спросите хошь у кого... во Христа ты видно не вѣруешь!..

— Ребята, вымолвилъ ярославецъ: — я самъ видѣлъ, какъ онъ вечоръ поилъ его... право слово, видѣлъ...

— А нешто я отнѣкиваюсь? пилъ съ ними; да, позвалъ меня товарищъ, самъ подносилъ; ну и пилъ...

— Да ты его знаешь... того рыженькаго-то? что прикидываешься?

— А отколь мнѣ знать его? эка лѣшій! нешто у меня здѣсь мало всякаго народу перебываетъ! такъ мнѣ всѣхъ и знать... я его впервинку и въ глаза-то вижу... да что вы его, братцы, слушаете? можетъ и лошадь-то у него крадена была... вы бы напередъ эвто-то развѣдали.

— Братцы, кобылка, какъ передъ Господомъ Богомъ, девятый годъ у меня стоитъ... спросите у кого хотите...

— Да, ишь ловокъ больно! а у кого они спросятъ? экой прыткой какой! замѣтилъ хозяинъ.

— Что мнѣ теперь дѣлать! что дѣлать! братцы! воскликнулъ снова бѣдный мужикъ, ломая руки.

— Слушай, братъ, какъ бишь тебя?..

— Антонъ, родимый... какъ передъ Господомъ Богомъ, Антонъ.

— Ну, хорошо; слушай, Антонъ, сказалъ ярославецъ, выступая впередъ: — коли такъ, вотъ что ты сдѣлай: бѣги прямо въ судъ, никого не слушай, ступай какъ есть въ судъ; ладно; сколько у те денегъ-то?..

— Ни полушки нѣтути, касатикъ, то-то и горе мое, кабы деньги были, такъ развѣ сталъ бы продавать послѣднюю лошаденку... нужда!..

— Какъ! у тебя денегъ нѣту? возразиль хозяинъ, разгорячаясь: — ахъ ты, мошенникъ! такъ какъ же ты приходишь на постой?.. ты видно надуть меня хотѣлъ... братцы!

вотъ вы за него стояли, меня еще тазать зачали было... вишь онъ какой! онъ-то и есть мошенникъ.

— Тебѣ, я чай, сказывалъ рыженькій... ахъ онъ... Господи! чѣмъ погрѣшился я передъ тобою? произнесъ Антонъ едва едва держась на ногахъ.

— Да, теперь отвертываться, на другого сваливать станешь... ахъ ты, бездѣльникъ! да я самъ пойду въ судъ, самъ потащу тебя къ городничему, мнѣ и приказные-то всѣ люди знакомые, и становой!..

— Полно, хозяинъ, ты можетъ напраслину на него взводишь, ишь онъ какой мужикъ-атъ простой, куды ему чудить! и самъ, чай, не радъ, бѣдный; можетъ и самъ онъ не вѣдалъ, съ какимъ спознался человѣкомъ... послышалось въ толпѣ.

Но хозяинъ и слышать не хотѣлъ; сколько ни говорили ему, сколько ни увѣщевалъ его толстоватый ярославецъ, принимавшій, повидимому, несчастіе Антона къ сердцу, онъ стоялъ на одномъ. Наконецъ всѣ присутствующіе бросили дворника, осыпавъ его напередъ градомъ ругательствъ, и снова обратились къ Антону, который сидѣлъ теперь посередь двора на перекладинѣ колодца и, закрывъ лицо руками, всхлипывалъ пуще прежняго.

— Слушай, братъ Антонъ, началъ одинъ изъ нихъ:— не печалься добре; гореваньемъ лошади не наживешь; твоему горю можно еще пособить; этако дѣло не впервинку случается; слушай: ступай-ка ты прямо, вотъ такъ-таки прямо и бѣги въ Заболотье... знаешь Заболотье?..

— Нѣтъ, кормилецъ, не знаю: я не здѣшній...

— Ну, да нешто... ступай все прямо по большой дорогѣ; на десятой верстѣ, мотри не забудь — на десятой, сверни вправо, да тамъ спросишь... Какъ придешь въ Заболотье-то, понавѣдайся къ Ильюшкѣ Степняку... тамъ тебѣ всякой укажетъ...

— Полно, кумъ, что баишь пустое? ну, зачѣмъ пойдетъ онъ въ Заболотье? тутъ вотъ можетъ статься и ближе найдешь свою лошадь... послушай, братъ Антонъ, ступай помимо всѣхъ въ Спасъ-на-Журавли, отсель всего верстъ двадцать станетъ... я знаю, тамъ споконъ вѣка

водятся мошенники... тамъ нагдысь еще накрыли конокрадовъ... ступай туда...

— А какъ туда пройдти-то, касатикъ?..

— Какъ выйдешь за заставу, бери прямо по проселку влѣво; тамъ тебѣ будетъ село Завалье; какъ пройдешь Завалье-то, спроси Селезневъ колодезь...

— Эка, а Кокино-то и забылъ... замѣтилъ кто-то.

— Да, какъ пройдешь Завалье, спроси Кокинску слободу, обмолвился было маненько, ну, да нешто... а изъ Селезнева колодца пройдешь прямо въ Спасъ-на-Журавли... вотчина будетъ такая большая...

— Дядя Михѣка, а дядя Михѣка! перебилъ высокій и плѣшивый мужикъ, придвигаясь медленно къ говорившему.

— Ну, что?

— А вотъ послушай ты меня, старика, что я тебѣ скажу...

— Ну...

— Право слово, ему податнѣе будетъ сходить въ Котлы... вотъ какъ Богъ святъ податнѣе... Антонъ, право слово, ступай въ Котлы; оно, что говорить, маненько подалѣе будетъ, да за то, братъ, вѣрнѣе; вотъ у насъ намедни у мужичка увели куцаго мерина, и меринъ-атъ такой-то знатный, важнѣющій, сказывали, въ Котлахъ вишь нашли...

— Э! эка ты, проворный какой! ну, куда ты его за 70-то верстъ посылаешь...

— А что? пойдетъ и за 200, коли лошади не отыщетъ, отвѣтилъ тотъ съ чувствомъ оскорбленнаго самолюбія.

— Полно, Антонъ, ступай, говорю, въ Спасъ-на-Журавли; тамъ какъ-разъ покончишь дѣло...

— И то ступай въ Спасъ-на-Журавли! закричали многіе: въ Спасъ-на-Журавли ступай!

— Да, какъ-бы не такъ! возразилъ сурово хозяинъ:— я небось такъ вотъ и отпущу его вамъ въ угоду... онъ у меня пилъ, ѣлъ, а я его задаромъ отпущу; коли такъ, нут-кась, ты хорохорился за него пуще всѣхъ, ну-кась заплати... что?.. а! не любо?..

— Что?..

— А вотъ то-то,—теперь что? что?..

— Что мнѣ тебѣ дать... сказалъ Антонъ, поспѣшно вставая:—бери, что хочешь, бери, не держи только...

— Давай полушубокъ!

— Бери, Господь съ тобою...

— Такъ-то сходнѣе; придешь опять — отдамъ, не то пришли изъ деревни девять гривенъ... за постой да за ужинъ...

— Ахъ, ты алочный человѣкъ! пра, алочный! жалости въ тее нѣтъ... сказалъ ярославецъ: — ишь на дворѣ стужа какая... того и смотри, дождь еще пойдетъ... ишь засивѣрило, кругомъ обложило; ну, какъ пойдетъ онъ безъ одежды-то? ему изъ воротъ такъ и то выдти холодно...

— А мнѣ что, онъ пилъ, ѣлъ...

— Тебѣ что! эхъ ты...

— Да ты-то что! ну, отдай ему свой полушубокъ, коли жалѣешь...

— А я въ чемъ пойду?

— Ну, вотъ то-то и есть; и всякой хлопочетъ, себѣ добра хочетъ...

— Куда же мнѣ идти теперь? перебилъ Антонъ, отдавая полушубокъ хозяину.

— Ступай въ Спасъ-на-Журавли! закричало нѣсколько голосовъ.

— Какъ выйдешь за заставу, бери прямо по проселку вправо... не забудь, Завалье, тамъ Кокино...

— Спасибо... отцы мои... спасибо... бормоталъ Антонъ, выбѣгая безъ оглядки на улицу.

— Ступай все прямо... ступай!.. кричали ему вслѣдъ мужики, выходя также за ворота:—ступай, авось лошадь найдешь...

— А врядъ ему найдти, замѣтилъ кто-то, когда Антонъ былъ уже довольно далеко: — вѣдь денегъ у него нѣту...

— Ой-ли? и то, и то... гдѣ-жъ тутъ найдти! попусту только измается, сердешный...

— Ну, да пущай его поищетъ, авось какъ-нибудь и

набредетъ на слѣдъ... безъ денегъ вѣстимо плохо... да во всемъ милость Божія...

— Дядя Ѳедосѣй, найдетъ онъ лошадь, аль нѣтъ?

— Какъ тутъ найдешь! чорта съ два найдешь! слышь, денегъ нѣту... напрасно набѣгается...

Въ это время Антонъ остановился у берега и крикнулъ:

— А куды пройдти къ заставѣ?

— Ступай, ступай все прямо по горѣ, мимо острога... ступай на гору, ступай вверхъ по горѣ... отвѣчали мужички въ одинъ голосъ...

И долго еще продолжали они такимъ образомъ кричать ему вслѣдъ; Антона и вовсе не было видно; уже давнымъ-давно закрыла его гора, а они все еще стояли на прежнемъ мѣстѣ, не переставая кричать и размахивать на всѣ стороны руками.

VII.

РОЗСКАЗНИ.

Наконецъ-то мало-по-малу мужички успокоились; кто сѣлъ на лавочку подлѣ воротъ, а кто на заваленку. Пошли толки да пересуды о случившемся. Хозяинъ присоединился къ нимъ, какъ-будто ни въ чемъ не бывало: сначала однако не принималъ онъ ни малѣйшаго участія въ розсказняхъ, сидѣлъ молча, время отъ времени расправлялъ на рукахъ полушубокъ Антона, высматривая на немъ дырья и заплаты; наконецъ свернулъ его, подложилъ подъ себя и сѣлъ ближе, потомъ слово за словомъ вмѣшался незамѣтно въ разговоръ, тамъ уже и заспорилъ. Кончилось тѣмъ, что не болѣе какъ черезъ полчаса всѣ присутствующіе, не выключая и тѣхъ, которые болѣе другихъ бранили дворника, согласились съ нимъ во всемъ и чуть ли даже не обвинили кругомъ бѣднаго Антона. Самъ толстоватый ярославецъ, принявшій было такъ горячо сторону обиженнаго, и тотъ началъ понемногу подаваться...

— Знамо, что говорить, сказалъ онъ примирительнымъ тономъ хозяину: — кто его знаетъ, что онъ за человѣкъ! въ чужой разумъ не влѣзешь... да вѣдь развѣ я тебя тазалъ когда?.. когда я тебя тазалъ?... я къ слову только молвилъ, къ полушубку; мужика-то жаль добре стало... ишь стужа... а я тебя не тазалъ, за что мнѣ тебя тазать?...

— Извѣстно, братецъ ты мой, надо настоящимъ дѣломъ разсуждать, отозвался сѣдой старикъ: — за что ему на тебя злобу имѣть, за что? (Онъ указалъ хозяину на ярославца.) — Онъ ему не сватъ, не братъ... можетъ статься такъ, слово какое въ проносъ сказалъ, а ты на себя взялъ; что про то говорить, можетъ и взаправду конь-то у него краденый, почемъ намъ знать? Иной съ виду-то такимъ-то мірякомъ прикидывается, а поглядишь— бядовый! воръ какой или мошенникъ...

— Какъ не быть! всяко случается, братецъ ты мой, началъ опять ярославецъ: — ты не серчай... Вотъ примѣрно, прибавилъ онъ послѣ молчанья: — у насъ по сосѣдству, верстахъ эвтакъ въ пяти, и того не станетъ, жилъ вольной мужикъ, и парень у него, сынъ, ужъ такой-то былъ знатный, смирный, работящій, что говорить, на все и про все парень!.. Съ достаткомъ и люди-то были... Объ лѣто хаживали вишь они по околотку, и у нашего барина были, крыши да дома красили, тѣмъ и пробавлялись; а въ зимнее дѣло, либо въ осенину ходили по болотамъ, дичину всякую да зайцевъ стрѣляли; кругомъ ихъ такія-то все болота, и, и, и! страсти Господни! пѣшу не пройтить! вотъ какія болота! Ну, хорошо; и говорю, мужички богатые были, не то примѣрно, голыши какіе... Къ нимъ господа ѣзжали, и нашъ баринъ бывалъ, другой день поохотиться пріѣдетъ, знамо, дѣло барское, ину пору позабавиться... Старикъ-атъ куды, сказываютъ, гораздъ былъ знать мѣста, гдѣ дичина водилась; куда бывало поѣдетъ, руками загребай; вотъ по эвтой-то причинѣ господа-то... да, ну, хорошо. Молодякъ, сынъ-атъ, слышите, братцы, такой-то парень былъ, что, кажись, во всемъ уѣздѣ супротивъ не одному не вытянуть... куды смирный, такой-то смирный... хорошо; вотъ на бяду, спознаться

ему съ солдаткой изъ Комарева; знамо, дѣло молодое! а ужъ она такая-то забубенная, озорная баба, бяда! Ну, хорошо, стакнулись, согласились, живутъ, то есть, выходитъ примѣрно, по согласью живутъ. Вотъ, братцы, разъ этакъ подъ утро пріѣзжаютъ къ нимъ три купца: также поохотиться, видно, захотѣли; ну, хорошо; парнюха-то и выгляди у одного изъ нихъ невзначай книжку съ деньгами; должно быть они съ ярманки или базара какого къ нимъ завернули; разгорѣлось у него сердце; а парень, говорю, смирный, что ни-на-есть смирнѣющій; скажи онъ съ-дуру солдаткѣ-то про эвти деньги, а та и пошла его подзадоривать, пуще да и пуще, возьми да возьми: никто, молъ, Петруха, не узнаетъ... А какой не узнаетъ? гдѣ ужъ тутъ не узнать...

— Какъ не узнать!... вона дѣло-то какое... э! э! ишь, проклятая!... ишь, чего захотѣла... э!... заговорили въ одно время слушатели, качая головами.

— Ну, хорошо, продолжалъ ярославецъ: — какъ начала она его такъ-то подзадоривать, а парень, знамо, глупый, дѣло молодое, и польстись на такое ея слово; она же, вишь, самъ онъ опосля разсказывалъ, штофъ вина ему принесла для куража, а можетъ статься и другое что въ штофѣ-то было, кто ихъ знаетъ! туманъ какой, что ли! Ну, поснѣдали купцы, запалили ружья, да и пошли въ лѣсъ; взяли съ собой и парня, Петруху-то; ну, хорошо. Вотъ, братцы вы мои, и залучи онъ того, съ деньгами, въ трущобу, вѣстимо, ради охоты... Пришли. Какъ закричитъ Петруха-то на зайца, тотъ сердешный купецъ и кинулся; какъ кинулся-то онъ, а Петруха-то тѣмъ временемъ какъ потрафитъ, да какъ стрѣльнетъ ему въ спину, такъ, сказывали, лоскомъ и положилъ купца, заразъ потерялъ человѣка...

— Э!.. о!.. воно оно... ишь!.. эка грѣхъ какой!.. отозвалось нѣсколько голосовъ.

— Ну, хорошо, продолжалъ ярославецъ: — самъ, братцы, сказывалъ опосля Петруха... самому, говоритъ, такъ-то стало жалко, ужасти, говоритъ, какъ жалко, за что, говоритъ, потерялъ я его; а какъ сначала-то обернулся купецъ-атъ, говорилъ Петруха, въ ту пору ничего,

такъ вотъ сердце инда закипѣло у меня, въ глазахъ замитусило... и не знать, что сталось такое... знать ужъ кровь его попутала... Ну, хорошо, какъ повалился купецъ, Петруха по порядку, какъ слѣдно, взялъ у него деньги, закопалъ ихъ въ землю, да и зачалъ кричать, словно на помощь, примѣрно, зоветъ, кричитъ: застрѣлился да застрѣлился! Стало ужъ такъ недобрый какой обошелъ его; пришли два другіе купца; прибѣжали, спрашиваютъ Петруху... а тотъ и замялся, сробѣлъ, сердешной... Осмотрѣли они купца, видятъ, что спина у него опалена; глядятъ, дѣло не ладно, обшарили — и денегъ нѣтути; такъ да сякъ, взяли они Петруху, тогда самъ вишь дался, въ неправдѣ-то Богъ, знамо, запинаетъ, скрутили, да въ острогъ и посадили; въ нашемъ острогѣ и сидѣлъ... Такъ вотъ, братцы, како дѣло вышло, а парень, говорю, что ни-на-есть смирнѣющій, хорошій парень, ловкій такой...

— Ну, а чѣмъ же, братъ, дѣло-то покончилось? спросили нѣсколько человѣкъ.

— Дѣло-то чѣмъ покончилось?.. а вотъ чѣмъ: сидитъ такъ-то годъ цѣлый Петруха въ острогѣ... ладно; а отецъ, старикъ-атъ, тѣмъ временемъ хлопотать да хлопотать, много и денегъ передавалъ, сказываютъ... ну, совсѣмъ было и дѣло-то уладилъ, анъ вышло и Богъ знаетъ какъ худо. Солдатка-то Петрухина повадилась опять вишь къ нему таскаться; ужъ какъ угодила она, лѣшій ее знаетъ, а только въ острогъ къ нему таскалась. Ходила, ходила, да и вывѣдай отъ него, недобрая мать, про деньги-то! простой былъ парень: онъ съ-дуру-то и повѣдай ей то мѣсто, куды закопалъ ихъ; извѣстно можетъ, думалъ пропадутъ задаромъ, такъ пусть же лучше ей достанутся; хорошо; какъ получила она себѣ деньги, и пошла дурить, то есть чего ужъ ни дѣлала! что ни день бывало, платки у нея, да шелки, прикрасы всякія, то есть цвѣту такого нѣтъ въ полѣ, какіе наряды носила, вотъ какъ! Знамо, бабье дѣло: чѣмъ бы деньги-то приберечь, припрятать, а она гремитъ ими на весь свѣтъ... Что то за диво? думали въ Комаревѣ. Отколь валитъ такое у Матрешки? таракали, таракали, хвать да хвать, спросы да разспросы,

туда-сюда, да и довѣдались; все разсказала, гдѣ взяла, откуда и какъ достались... Дѣло и спознали... тутъ, какъ ужъ потомъ ни бился старикъ-отецъ, ничего не сдѣлалъ; денегъ-то, знамо, ужъ не было у него въ ту пору, всѣ разтуторилъ, роздалъ, кому слѣдуетъ... такъ и осталось... Заковали Петрушку въ кандалы и погнали въ Сибирь... Я помню, какъ и отправляли-то его, сердешнаго, довелось видѣть... народу-то!... и, и, и... видимо-невидимо... право, такъ инда жаль его стало: парень добре хорошій былъ...

— Ну, а отецъ что?

— Да, сказываютъ, прошлу зиму померъ...

— Ишь оно дѣло-то какое; какой грѣхъ на душу принялъ: польстился на деньги, замѣтилъ старикъ. — А что, братцы, онъ вѣдь это не спроста! помереть мнѣ на этомъ мѣстѣ, коли спроста...

— Знамо, что не спроста, подхватилъ другой глубокомысленно:—надо настоящимъ дѣломъ разсуждать: развѣ по своей волѣ напуститъ на себя человѣкъ тако лихоимство? шуточно ли дѣло, человѣка убить! лукавый попуталъ!..

Во время этого разговора къ воротамъ постоялаго двора подъѣхала телѣга; въ ней сидѣли два мужика: одинъ молодой, парень лѣтъ восемнадцати, другой старикъ. Послѣдній, казалось, успѣлъ уже ни свѣтъ-ни-заря заглянуть подъ елку и былъ сильно на-веселѣ.

— Ребята! эй, молодцы! кричалъ онъ еще издали, размахивая въ воздухѣ шапкою:—хозяинъ! можно постоять до ярманки?

— Ступайте! откликнулся хозяинъ: — на то дворъ держимъ, ступайте...

Онъ отворилъ ворота и ввелъ пріѣзжихъ подъ навѣсъ.

Вскорѣ хмѣльной старичишка и молодой парень, сопровождаемые хозяиномъ, подсѣли къ разговаривающимъ.

— Про что вы тутъ толмачите, молодцы? спросилъ старикашка, оглядывая общество своими узенькими, смѣющимися глазками; тутъ приподнялъ онъ шапку и, показавъ обществу багровую свою лысину, окаймленную бѣ-

лыми, какъ снѣгъ, волосами, посадилъ ее залихватски на бекрень.

Присутствующіе разразились громкимъ, единодушнымъ смѣхомъ.

— Ишь, балагуръ, старикъ какой! ай да молодецъ! а нуткась, тряхни-ка стариной! у! у!.. посыпалось со всѣхъ сторонъ.

— Ой-ли? произнесъ старикъ, подпираясь въ бока и пускаясь въ плясъ:—ой-ли? аль не видали?..

— Полно, батюшка, сказалъ сердито молодой парень, удерживая его:—экъ на старости лѣтъ дуришь, принесъ свою бороду на посмѣшище городу; полно...

— А что-жъ, отвѣчалъ тотъ, силясь вырваться изъ рукъ сына:—ахъ ты такой-сякой... я-жъ те, незамай... пфу!.. да ну те къ нечистому, плюньте на него, ребятушки... давайте сядемте-ка... разсказывай ты, рыжая борода, о чемъ вы тутъ таракаете?..

— А вишь нынѣшнюю ночь увели отсель у мужичка лошадь... отвѣчалъ кто-то, думая вызвать этимъ извѣстіемъ хмѣльного старичка на потѣху.

— Эхва! увели... ну, а гдѣ-жъ онъ самъ-атъ? въ кабачищѣ, чай, косуху рветъ съ горя?..

— Да, какже, въ кабакѣ... побѣжалъ вишь ее разыскивать...

— Эй, Ванюха, чортова кукла! вскричалъ старичишка, обращаясь мгновенно къ сыну, который, казалось, очень былъ недоволенъ штуками отца: — мотри, ужъ не тотъ ли это мужикъ... Вотъ, ребятушки, продолжалъ онъ, оскаливая свои беззубыя десны и заливаясь хриплымъ смѣхомъ:— не будетъ тому больно давно, повстрѣчали мы за заставой мужичка... такой-то чудной... такъ вотъ и бѣжитъ и бѣжитъ по полямъ, словно лѣшій его гонитъ... Поглядь-ка, говорю, Ванюша, никакъ мужикъ бѣжитъ по пашнѣ.—И то, говоритъ, бѣжитъ... Поглядѣли... бѣжитъ, такъ-то бѣжитъ, и, и, и! Я давай кричать: эй, погоди, постой!.. куды-те, дуетъ себѣ, не докличешься!.. ужъ такой-то право мужикъ любопытный! пра, любопытный!.. должно быть онъ...

— Онъ, онъ и есть... онъ... отозвалось нѣсколько голосовъ.

Старикъ ухватился подъ бока, и все туловище его закачалось отъ хриплаго, прерывистаго хохота. Тутъ разговоръ сдѣлался общимъ; нѣсколько человѣкъ, увлеченные сочувствіемъ къ старичку-балагуру, тотчасъ же принялись разсказывать ему въ одинъ голосъ всѣ подробности происшествія ночи.

Между тѣмъ занялось утро; окрестности мало-по-малу пробудились; по скату горы снова потянулись подводы, забѣлѣли палатки, запестрѣлъ народъ. Паромъ, нагруженный возами и мужиками, задвигался по рѣкѣ, противуположный берегъ которой заслонялся совершенно сѣрымъ, мутнымъ туманомъ; въ кузницахъ, подлѣ постоялаго двора, загудѣли мѣха, зазвенѣло желѣзо. Ярмарка снова начиналась, кому на горе, а кому на радость. Въ самое короткое время дворъ наполнился постояльцами, пріѣзжавшими изъ зарѣчья; кое-кто изъ пѣшеходовъ подходилъ и со стороны города. Послѣдніе располагались кучками подлѣ воротъ и вокругъ избы; въ числѣ ихъ особенно много было бабъ-проходимокъ, богомолокъ, нищихъ. Между послѣдними нельзя было не замѣтить Архаровны. Она повидимому не принадлежала ни къ какой кучкѣ и одиноко бродила туда и сюда. Никто изъ присутствующихъ не зналъ побирушки, но одна ея одежда, состоящая на этотъ разъ исключительно изъ лохмотьевъ, связанныхъ узлами и укутывавшихъ ее съ головы до ногъ, такъ что снаружи выглядывало только сморщенное, темное лицо старухи и нѣсколько пучковъ сѣрыхъ, желтоватыхъ волосъ, въ состояніи ужъ была обратить на себя всеобщее вниманіе. Къ тому также не мало способствовали: сапоги вмѣсто лаптей, непомѣрно длинная, суковатая клюка, а наконецъ и широкая сума, набитая вплотную и которую Архаровна держала на сгорбленной спинѣ своей такъ же свободно, какъ любой бурлакъ. Три молодые парня, стоявшіе у воротъ, были первые, которые ее замѣтили.—«Ишь, сказалъ одинъ: — вотъ такъ старуха; ну, ужъ, баба-яга, подлинно, что баба-яга.» — Да, подхватилъ другой: повстрѣчаться съ такой-то ночью,

такъ испужаешься, подумаешь, нечистаго встрѣтилъ...» — «Ишь, старая, старая, продолжалъ насмѣшливо третій: — а шутка каку штуку наворотила себѣ на спину... и нашему брату не подъ моготу...»

Архаровна подошла, припадая съ одной ноги на другую, къ окну избы, постучалась легонько по рамкѣ клюкою и произнесла жалобно на-распѣвъ: «Кормилицы наши батюшки, подайте милостинку во имя Христо-о-во...» — Окно отворилось, изъ него высунулось рябое лицо дворничихи. — «Богъ подастъ, много васъ здѣсь тляндаетъ... ступай-ка, ступай...», сказала она грубо и безъ дальнихъ разсужденій захлопнула окно. — Архаровна перекрестилась, потупила голову и подошла тѣмъ же точно порядкомъ припадая и прихрамывая, къ толпѣ, стоявшей у воротъ.

— Что, бабушка, сказалъ одинъ изъ молодыхъ парней, ударяя ее по плечу: — умирать пора!..

— Ась, касатикъ?..

— Умирать пора, что шляешься...

— По хлѣбушко, кормилецъ, хлѣбушка нѣтути...

— А вонъ это что у тебя въ мѣшкѣ? ишь туго больно набито, замѣтилъ онъ, подходя ближе и протягивая руку, чтобы пощупать суму; но старуха проворно повернулась къ нему лицомъ и никакъ не допустила его до этого. Другой молодой парень, стоявшій по близости, ловко подскочилъ въ это время къ ней сзади, и та не успѣла обернуться, какъ уже онъ обхватилъ мѣшокъ обѣими руками и закричалъ, надрываясь отъ смѣха:

— Старуха, мотри, эй! крупа-то высыпалась... право, на двѣ прорѣха... дорогой того и гляди всю раструсишь...

— Оставь!.. каку тутъ еще крупу нашелъ... бормотала сердито Архаровна, стараясь высвободить мѣшокъ изъ рукъ парня: — экой пропастный, полно, оставь... Но парень однимъ поворотомъ руки бросилъ суму на земь, повернулъ старуху и указалъ ей на прорѣху, изъ которой въ самомъ дѣлѣ сыпалась тоненькою струею крупа.

— Ахти!.. батюшки!.. крикнула старуха, расталкивая собравшихся зѣвакъ и поспѣшно нагибаясь: — ой, касатики мои... вотъ люди добрые подали крупицы на мою бѣдность... да и та растерялась... охъ...

И она заплакала.

— Знать, много ты бѣдна, сказалъ иронически парень:—что цѣлый мѣшокъ наворочали тебѣ люди-то добрые... эки добрые, право; у нихъ крупа-то, видно, что скорлупа... Да что ты пихаешься, тетенька? небось, не возьму, не съѣмъ, продолжалъ онъ, удерживая одною рукою Архаровну, другою развертывая суму: — ишь, ребята... эй, поглядите, какова нищенка... вона чего припасла... вонъ въ кулечкѣ говядинка... э! э!.. эхва, штофъ винца въ тряпицѣ... два! братцы! два штофа, и сала кусокъ, э! а вотъ и кулекъ съ крупою... жаль только, тетка, прорвался онъ у тебя маленько... ай да побирушка! да полно, ужъ не живешь ли ты домкомъ... Чай, на ярманкѣ накупила по хозяйству... что-жъ, въ гости-то позовешь насъ, что ли?.. да полно, ну, чего пузыришься, ишь огрызается какъ! говорятъ, не съѣдимъ, не тронемъ, поглядѣть только хотѣлось... И онъ обхватилъ ее еще крѣпче руками.

— Ишь, взаправду, чего набрала, замѣтилъ старикъ, подбираясь къ мѣшку: — а еще милостинку собираешь... эхъ ты... жидовина... да тебѣ, старой, эвтаго и въ годъ не съѣсть...

Всѣ эти замѣчанія, хохотъ, насмѣшки толпы, обступившей парня и нищенку, остервенили донельзя Архаровну; куда дѣвались ея несчастный видъ и обычное смиреніе! она ругалась теперь на всѣ бока, билась, скрежетала зубами и казалась настоящей вѣдьмой; разумѣется, чѣмъ долѣе длилась эта сцена, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе раздавался хохотъ, тѣмъ тѣснѣе становился кружокъ зрителей... Наконецъ кто-то ринулся изъ толпы къ парню и, ухвативъ его за плечи, крикнулъ, что было силы: — «эй, Петруха, мотри, укуситъ... пусти!..» Парень отскочилъ, толпа завыла еще громче, услышавъ страшныя ругательства, которыми старуха начала осыпать ее. Наконецъ Архаровна встала: повязка сползла съ головы ея, сѣдые волосы разсыпались въ безпорядкѣ по лохмотьямъ, лицо ея, искривленное бѣшенствомъ, стало вдругъ такъ отвратительно, что нѣкоторые отступили даже назадъ. Она подобрала, не оправляясь, всѣ свои покупки въ суму,

взяла ее въ обѣ руки, забросила съ необыкновенною легкостью на плечи и, осыпавъ еще разъ толпу проклятіями, поплелась твердымъ шагомъ къ городу. Все это исполнено было такъ неожиданно, что всѣ опѣшили отъ удивленія; густой, оглушительный хохотъ раздался уже тогда въ толпѣ, когда старуха совсѣмъ исчезла изъ виду...

Хмѣльной старичишка, пріѣхавшій съ молодымъ парнемъ, готовился было начать разсказъ о встрѣчѣ своей съ Антономъ какому-то мельнику (что дѣлалъ онъ безъ исключенія всякій разъ, какъ на сцену появлялось новое лицо), когда къ кружку ихъ подошелъ человѣкъ высокаго роста, щегольски одѣтый; все въ немъ съ перваго разу показывало зажиточнаго фабричнаго мужика. На немъ была розовая ситцевая рубаха, подпоясанная низехонько пестрымъ гаруснымъ шнуркомъ, съ привѣшеннымъ къ нему за ремешокъ мѣднымъ гребнемъ; на плечахъ его наброшенъ былъ съ невыразимою небрежностью длинный-предлинный синій кафтанъ со сборами и схватцами. Зеленыя замшевыя рукавицы, отороченныя красной кожей, высокая шляпа, утыканная алыми цвѣтами съ кулича, и клѣтчатый бумажный платокъ, который тащилъ онъ по землѣ, довершали его нарядъ.

— Здравствуйте, братцы, произнесъ онъ, приподымая легонько шляпу: — вотъ что, не здѣсь ли остановился троскинскій мужичокъ Антонъ?.. Онъ сюда лошадь пріѣхалъ продавать... лошаденка у него пѣгая, маленько съ изъянцемъ... Обѣщался я его провѣдать, да никакъ не найду, по всему низовью прошелъ, ни на одномъ постояломъ дворѣ нѣту...

— А какой онъ изъ виду? спросилъ кто-то.

— Такой сухолядый, долговязый, лѣтъ ему подъ-пятьдесятъ... съ просѣдью...

— Э! э! э!.. раздалось въ толпѣ: — да ужъ не тотъ ли, братцы?..

— Съ кѣмъ я повстрѣчался на дорогѣ? подхватилъ хмѣльной старичишка:—говорю, мотри, Ванюха, мужикъ бѣжитъ... И то, говоритъ...

— Ну, братъ, живо перебилъ третій: — съ нимъ не спорое дѣло попритчилось...

— Что ты! какое дѣло?..

— Да зѣвуна далъ: у него кобылку-то подтибрили, увели; нынче ночью и увели...

— Неужто правда? вскричалъ фабричный, ударяя объ полы руками.

— Не встать мнѣ съ этого мѣста... спроси хошь у ребятъ, вотъ-те Христосъ—правда...

— Да кто-жъ это? какъ?..

— А Богъ ихъ знаетъ! увели, да и все тутъ!

— Гдѣ-жъ онъ, самъ-отъ?

— Разыскивать побѣжалъ лошадь... маненько, братъ, и не захватилъ ты его...

— Я встрѣлся съ нимъ на дорогѣ, началъ-было снова старичишка: — бѣжитъ, бѣжитъ, какой-то, право, мужикъ любопытный!..

— Эко дѣло! э! произнесъ съ истиннымъ участіемъ фабричный: — да разскажите же, братцы, какъ бѣда-то случилась.

Всѣ разомъ принялись кричать, разсказывать; хозяинъ перекричалъ однако другихъ и съ разными прибавленіями, оправдывавшими его кругомъ, разсказалъ парню обо всемъ случившемся.

— Ну, пропалъ! совсѣмъ запропастилъ сердяга свою голову, твердилъ тотъ, хмурясь и почесывая съ досадою затылокъ: — теперь, хоть смерть принять ему, все одно.

— А что, онъ тебѣ братъ, али сродственникъ какой?

— Нѣтъ, не сродственникъ: землякъ; да больно жаль мнѣ его, пуще брата... то есть вотъ какъ жаль!.. мужикъ-то такой добрый, славный, смирный!.. Его совсѣмъ, какъ есть, заѣстъ теперь управляющій... эка, право, горемычная его доля... да что толковать, совсѣмъ онъ пропалъ безъ лошади...

— Знамо, въ крестьянскомъ житьѣ лошадь дѣло великое: есть она—ладно, нѣтъ—ну, вѣстимо, плохо.

— А какой мужикъ-то, продолжалъ землякъ Антона, садясь на лавочку и грустливо качая головою: — какой мужикъ! охъ, жаль мнѣ его...

— А мы, братъ, не посѣтуй, признаться, чаяли, вотъ и хозяинъ говорилъ, будто онъ человѣкъ не добрый ка-

кой... И Господь знаетъ, отчего это намъ на разумъ пришло.

— Хоть вѣрьте, хоть нѣтъ, я не про то его хвалю, что землякъ онъ мнѣ... да вотъ, братцы, спросите... Съ этими словами указалъ онъ на мужика въ красной александринской рубахѣ, подходившаго къ ихъ кружку. — Знаешь, Пантюха, крикнулъ онъ ему, когда тотъ могъ слышать:—знаешь, бѣда какая.., подь скорѣй сюда...

— Ну что?

— Вѣдь у нашего Антона лошадь-то увели.

— Ой-ли?

— Ей-Богу, правда. Вотъ здѣсь и молодцы всѣ знаютъ... А я думалъ, братъ, на радость привести тебя къ землячку... Эка бѣда!..

И онъ повторилъ Пантюхѣ все слышанное имъ отъ дворника.

— Ну, пропалъ, совсѣмъ пропалъ мужикъ, произнесъ тотъ послѣ нѣкотораго молчанія: — нивѣсть что съ нимъ станется. Никита заѣстъ его... Эка, право мужикъ-атъ этотъ лихобойный, безчастный!..

— Да кто у васъ Никита-то?

— Управляющій...

— Что-жъ ему заѣдать его? вѣдь лошадь не господская, мужицкая..

— А то, что онъ послалъ его продавать ее... податей заплатить нечѣмъ...

— Э! вотъ оно что... Стало, мужикъ добре бѣдный!..

— Какой бѣдный! совсѣмъ раззоренный; а все черезъ него-же, управляющаго... Этакого-то Господь послалъ намъ звѣря...

— Драчливъ, что-ли?

— Такой-то колотырникъ, такъ-то дерется, у-у-у!.. бяда, отвѣчалъ Пантюха, махнувъ рукой и садясь на лавку подлѣ товарища;—и не то, чтобы за дѣло; за дѣло бы еще ничего, пущай себѣ; а то просто, здорово живешь, казнитъ нашего брата...

— Что и нашъ, вѣрно, перебилъ ярославецъ, молчавшій все это время... у насъ вотчина-то большая, управляющій-то изъ нѣмцевъ, такой-же вотъ бядовый! ни Богу,

ни людямъ, ни намъ, мужикамъ... смерть!.. Разъ вотъ такъ-то иду я и, признаться, не запримѣтилъ, шапки ему не снялъ. Ну, хорошо; какъ подошелъ онъ ко мнѣ, да какъ хватитъ меня вотъ въ эвто само мѣсто. Ну, хорошо; я ему и скажи въ сердцахъ-то: Карлъ Иванычъ, за что, молъ, ты дерешься? какъ онъ, братцы, хлыстъ меня въ другую. Ну, хорошо. Я опять: Бога молъ не боишься ты, Карлъ Иванычъ... Какъ почелъ таскать, такъ я инда и свѣта не взвидѣлъ, такой-то здоровенный, даромъ что нѣмецъ... А спроси, за что билъ, я чай, и самъ не знаетъ; такое знать ужъ у него сердце... ретивъ, больно ретивъ...

— Поди-жъ ты, иной баринъ не такъ спѣсивъ: мужичка жалѣетъ...

— Эти-то, что изъ нашего брата да еще изъ нѣмцевъ—хуже, замѣтилъ старикъ:—особливо, какъ господа дадутъ имъ волю да сами не живутъ въ вотчинѣ; бяда! того и смотри начудятъ такого, что ввѣкъ поминать станешь... Не изъ тучки, сказывали намъ старики наши, громъ гремитъ: изъ навозной кучки!.. Скажи, братъ на милость, за что-жъ управляющій-то вашъ зло возъимѣлъ такое на землячка... Антономъ звать, что ли?

— Думаетъ, онъ понесъ на него жалобу барину въ Питеръ...

— А, вотъ, что! э! ишь!.. послышалось въ толпѣ, которая все плотнѣе и плотнѣе окружала разговаривающихъ.

— А жалобу-то не онъ совсѣмъ и понесъ, коли на прямыя денежки отрѣзать, по душѣ сказать. Она пошла отъ всего міра,—онъ виновнымъ только остался.

— Какъ такъ?

— Да вотъ какъ... Старый баринъ нашъ померъ, тому лѣтъ пять будетъ. Никита и остался у насъ управляющимъ. По настоящему дѣлу ему не слѣдъ было бы; да такъ ужъ старый баринъ пожелалъ... онъ вишь выдалъ за него при живности своей свою любовницу. Ее-то онъ и жаловалъ, она и упросила.

— Стало, любилъ ее баринъ?

— А такъ-то любилъ, что и сказать мудрено. У нихъ

вишь дочка была... она и теперь у матери, да только въ загонѣ больно; отецъ, Никита-то, ее добре не любитъ... Ну, какъ остался онъ у насъ такъ-то старшимъ послѣ смерти барина, и пошелъ тяготить насъ всѣхъ... и такая-то жисть стала, что, кажись, бѣжалъ бы лучше: при баринѣ было намъ такъ-то хорошо, знамо, попривыкли, а тутъ пошли побранки да побои, только и знаешь... а какъ разлютуется... бѣда! бьетъ, колотитъ, бывало, и бабъ и мужиковъ, обижательство всяко творитъ...

— Ну, а молодые-то господа?

— Молодые господа наши, сынъ да дочь, въ Питерѣ живутъ... Мы ихъ николи и въ глаза-то не видали... Вѣстимо, братцы, кабы они здѣсь жили или понавѣдывались, примѣрно, хошь на время, такъ ина была бы причина: у насъ господа по отцу, добрые, хорошіе, грѣхъ сказать, чтобы зла кому пожелали, дай имъ Господь за то много лѣтъ здравствовать. Вотъ мой братъ былъ въ Питерѣ и говоритъ: господа важные!.. Да гдѣ-жъ имъ самимъ до всего доходить? вотчинъ у нихъ много, и то сказать, всѣхъ не объѣздишь. Живутъ они въ Питенбурхѣ,—господа! они рады бы, можетъ статься, особливо баринъ, въ чемъ помочь мужикамъ своимъ, да вишь отъ нихъ все шито да крыто. Имъ сказываютъ: то хорошо, другое хорошо, знатно молъ жить вашимъ крестьянамъ. Ну, и ладно, они тому и вѣрятъ. А господа хорошіе, грѣхъ сказать. Кабы они вѣдали, примѣрно, что мужички въ обидѣ живутъ отъ управляющаго да нужду всяческу терпятъ, такъ вѣстимо того бы не попустили... Управляющему, знамо, какое до насъ дѣло! нешто мы его? дана ему власть надъ нами, и творитъ, что ему задумается, наровитъ, какъ бы послѣднее оттянуть отъ мужичка... И добро бы, братцы, человѣкъ какой былъ, самъ господинъ али какого дворянскаго роду, что ли; все бы, кажись, не такъ обидно терпѣть, а то вѣдь самъ такой-же сермяжникъ, ходитъ только въ барскомъ кафтанѣ да бороду брѣетъ... а господа души вишь въ немъ не чаютъ, они нашего мужицкаго дѣла не разумѣютъ, все сполняютъ, что ему только поволится... Ну, какъ почалъ онъ такъ-то обижать насъ, видимъ плохо: вотъ вся деревня наша и

сговорилась написать жалобу молодому барину въ Питеръ... время было къ самому розговѣнью... а сговорившись-то и собрались такъ-то ночью въ ригу, всѣ до единаго въ росхмѣль, какъ теперь помнится, а рига такая-то большая, за барскимъ садомъ стоитъ... Былъ съ нами и Антонъ...

При этомъ имени въ толпѣ произошло движеніе. Нѣкоторые изъ слушателей наклонились еще ближе къ разскащику и почти въ одно и то же время со всѣхъ концовъ послышалось: «ну, ну!».

— Онъ, нужно сказать, продолжалъ фабричный: —изо всего нашего Троскина одинъ только грамотѣ-то и зналъ... ужъ это всегда, коли грамоту написать али псалтырь почитать надъ покойникомъ, его бывало и зовутъ... ну, его и засадили; пиши, говорятъ, да пиши; подложили бумагу. Онъ и написалъ. Спроворили дѣло... Ну, хорошо, послали въ Питеръ. Никто и не пронюхалъ, зарокомъ было бабамъ не сказывать, и дѣло-то, думали, споро; анъ вышло не такъ... У нашего управляющаго, Никиты Ѳедорыча, въ Питерѣ есть братъ, такой же нравный; ходитъ онъ за бариномъ. Ну, вѣстимо, что говорить, сила! и другіе-то люди изъ тамошнихъ всѣ ему сродни, за-одно. Какъ пришло наше письмо туда, извѣстно, не прямо къ барину: къ людямъ сначала попало; швецаръ какой-то. свѣдали мы опосля, принялъ. Барину онъ ужъ какъ-то тамъ передаетъ... У меня братъ въ Питенбургѣ-то у господъ бывалъ... въ одной, говоритъ, прихожей столько-то народу, и-и-и... Знамо, гдѣ ужъ тутъ дойти? Народъ все проворный, не то, что нашъ братъ деревенскій. Ну, братцы, какъ получили они себѣ письмо, должно быть и смекнули, съ кой сторонки... Бумага али другое что не ладно было; а только догадались—возьми они его, утаи отъ барина да и довѣдайся, что въ немъ писано... а мы вишь писали, что управляющій и бьетъ-то насъ беззаконно, и всякое обижательство творитъ... Они видятъ, плохо пришло Никитѣ, возьми, да и отошли письмо-то назадъ къ нему, да еще и свое приписали... Вотъ разъ призываетъ насъ такъ-то управляющій, — этому года четыре будетъ.—эвтакъ объ утро, такой-то осерчалый. сердитый...

а намъ не въ-домекъ, и въ мысляхъ не держали чтой-то за дѣло... «Ахъ, молъ, вы такіе да сякіе; я васъ, говоритъ, посвойски! яжъ вамъ задамъ! Кто, говоритъ, писалъ на меня жалобу?» да какъ закричитъ... такъ вотъ по закожью-то словно морозомъ проняло: знамо, не свой братъ, подитка, сладь съ нимъ. Маненько мы поплошали тогда, сробѣли; ну, а какъ видимъ, дѣло-то больно плохо подступило, не сдобровать, доконаетъ!.. всѣ въ одинъ голосъ Антона и назвали. Своя-то шкура дороже; думали, тутъ того и гляди пропадешь за всѣхъ... Ну, вѣстимо, пришло Антону куды какъ жутко, ужъ чего-то онъ съ нимъ, съ сердешнымъ, не дѣлалъ, какъ не казнилъ, Господь одинъ знаетъ. Былъ у Антона братъ, Ермолай, женатый парень, того въ первое рекрутство записалъ, а Антона, на барщину да на барщину безъ отмѣны... Землица-то у него, какъ и у всѣхъ насъ, плохая была; ну, вѣстимо, какъ рукъ не стало на нее, не осилилъ, и вовсе не пошло на ней родиться... Тутъ вишь братнина семья на рукахъ осталась, двое махонькихъ ребятенковъ, не въ подмогу, а все въ изъянъ да въ изъянъ...

— Знамо, ужъ какая тутъ подмога — баба съ ребятенками... сказалъ вздыхая толстоватый ярославецъ:— эка, мужикъ бѣдный, право...

— Это еще не все, братцы, продолжалъ фабричный, постепенно воодушевляясь:—куды! онъ въ отместку ему и землю-то у него ту отнялъ!..

— Какъ! и землю отнялъ, землю! крикнули многіе.

— Да, отнялъ и вырѣзалъ ему что ни на есть плошную во всей вотчинѣ: суглинокъ... Хлѣба у Антона съ перваго же года и не стало... а жилъ онъ, нужно сказать, прежде не хуже другихъ... Была у него при покойномъ баринѣ добрая «кулига» *) сѣна, и то не оставилъ ему Никита: жирно больно живешь, говоритъ... Видитъ Антонъ, нечѣмъ кормить скотинку, а нужда пришла, крайность: онъ и давай продавать сердешный, то лошадку, то корову, то овцу... и что бы вы думали?.. и тутъ таки донялъ его Никита: не пущаетъ его въ го-

*) «Кулига»—частица, участокъ.

родъ, да и полно. Что ты станешь дѣлать? Продавай, говоритъ, въ деревнѣ... извѣстно, какой ужъ тутъ торгъ, мужички же неимущіе, денегъ нѣту,—отдавать сталъ за безцѣнокъ. Пришло Антону день ото дня плоше да плоше. Вѣстимо, мужичокъ не грибокъ: не ростетъ подъ дождемъ... долго ли раззорить его? Такъ-таки совсѣмъ и раззорилъ довелъ дотолева, что не осталось у него въ домѣ ни полщепочки, живетъ какъ бы день къ вечеру, и голодную собаку нечѣмъ стало изъ подъ лавки выманить...

— Знамо, какое ужъ тутъ житье! проти жара и камень треснетъ.

— Я чай самъ-то ужъ не радъ, что грамотѣ гораздъ...

— Эхъ! Богъ правду-то видитъ, да видно не скоро ее сказываетъ! замѣтилъ кто-то въ свой чередъ.

— И такой-то человѣкъ этотъ Никита, сказалъ фабричный: — что хоть бы разъ забылъ свою злобу. Вотъ нагдысь сказывалъ мнѣ нашъ же мужикъ, приходитъ къ нему нынѣшнюю весну Антонъ попросить осины — избенку поправить; ужъ онъ его корилъ, корилъ, все даже припомнилъ... опричь того и осины не далъ... Вѣстимо, одно въ одно, до того дошелъ теперь Антонъ, что хошь ступай сумой тряси, то есть совсѣмъ, какъ есть, сгибъ человѣкъ... Ужъ такъ-то, право, жаль мнѣ его...

— Какъ же не жаль! началъ опять ярославецъ: — охо, хо!.. ты же, братъ, говоришь, мужикъ-атъ добрый...

— Ужъ такой-то добрый... простой... бывало, какъ жилъ-то хорошо, всякаго готовъ уважить... простыня мужикъ... чрезъ простоту свою да доброту и пострадалъ болѣе... добрая была душа...

— Охъ, что-то теперь съ нимъ станется? вѣдь лошадь, ты, братъ, говоришь, у него была послѣдняя?..

— Послѣдняя...

— Вотъ то-то... мерзлой рожѣ да мятель въ глаза... плохо ему... и врядъ ему найти...

— Гдѣ, гдѣ теперь найти! и Господь знаетъ, куды загнали лошадь...

— Право, кабы зналъ, пособилъ бы ему, ей-Богу бы

пособилъ, сказалъ ярославецъ.—Послушай, братъ хозяинъ, полно тебѣ жидоморничать, ну, что ты съ него возьмешь? ей Богу грѣхъ тебѣ будетъ, отдай ему полушубокъ... э! не видалъ, что ли полушубка ты крестьянскаго!.. слышишь, мужикъ бѣдный, неимущій... право, отдай... этимъ, братъ, не расживешься, пра, отдай!..

Оба фабричные и большая часть присутствующихъ изъявили то же мнѣніе. Хозяинъ отмалчивался.

Сухощавое лицо его выражало совершенное невниманіе къ тому, что говорили вокругъ него; ни одна черта не обозначила малѣйшаго внутренняго движенія. Наконецъ онъ медленно приподнялся съ своего мѣста, погладилъ бороду, произнесъ съ озабоченнымъ видомъ: пропустите-ка, братцы... подошелъ къ воротамъ, окинулъ взоромъ небо, которое начинало уже посылать крупныя капли дождя, и, бросивъ полушубокъ Антона къ себѣ на плечи, пошелъ въ избу.

Брань и ругательства сопровождали его.

Холодный осенній дождь — «забойный», какъ называютъ его поселяне, полилъ сильнѣе и сильнѣе. Въ одно мгновеніе вся окрестность задернулась непроницаемою его сѣтью и огласилась шумомъ потоковъ, которые со всѣхъ сторонъ покатились, клубясь и журча, къ рѣкѣ. Мужички поднялись съ лавки и подошли къ воротамъ.

— Вотъ тебѣ и ярманка, сказалъ толстый мельникъ, выставляя свои сапоги подъ жолобъ: — ишь, какое Господь посылаетъ ненастье... хорошо еще, что я не торопился: того и гляди муку бы вымочилъ...

— Ишь, дядя Трифонъ, погляди-ка, какъ народъ-то бѣжитъ по горѣ... произнесъ молодой парень, схватившись за бока:—вонъ, вонъ, по горѣ... небось дождемъ-то знатно пронимаетъ...

— Что за напасть, братцы, такая, вотъ почитай мѣсяцъ цѣлый, какъ дождь льетъ безпереча... теперь того и гляди морозъ. Долго-ли до бѣды, какъ разъ озими обледенѣютъ... вымочки пойдутъ...

— Да, погрѣшились, знать, передъ Господомъ Богомъ: и прошлаго года было куды съ хлѣбами-те плохо, а какъ нынѣшній пойдетъ такой-же, такъ и совсѣмъ бяда...

— Что-то теперь съ землячкомъ твоимъ станетъ? гдѣ-то онъ, сердешный? сказалъ ярославецъ, подходя къ одному изъ фабричныхъ, прислонившемуся къ завалинкѣ: — вотъ ему куда, чай, какъ плохо: ишь чичеръ, сиверца пошла какая...

— А что сталось! перебилъ сѣдой старикашка, проходя въ это время мимо:—бѣжитъ себѣ да бѣжитъ, какъ когда я его встрѣлъ... такъ вотъ и дуетъ, чай... такой-то мужикъ любопытный...

— Пошелъ, старый, не тебя спрашиваютъ... Эхъ, жаль мнѣ его, ужъ такъ-то, право, жаль! прибавилъ фабричный, обращаясь къ ростовцу.

— И полушубка-то на немъ нѣтъ... у хозяина, у подлой души, за долгъ оставилъ... чай, такъ-то иззябъ, сердешный...

— Какъ не прозябнуть? ишь какая пошла погода, все хуже да хуже, индо въ дрожь кинуло... и вѣтрено какъ стало... такъ съ ногъ и ломитъ...

— Чай, промокъ?..

— Какъ не промокнуть! говорятъ, въ одной рубахѣ пошелъ, аль не слышишь?..

— Ишь, кругомъ, братцы, какъ есть обложило, на долго знать будетъ дождь...

— Пойдемте въ избу... и здѣсь донимать начинаетъ... смерть... ишь золко добре...

И толпа повалила грѣться.

VIII.

НИКИТА ѲЕДОРЫЧЪ.

Несмотря на раннюю пору и сильный морозный вѣтеръ, обращавшій лужи въ гололедь, троскинскій управляющій, Никита Ѳедорычъ, былъ уже давно на ногахъ. Исполненный благодарности къ молодымъ господамъ своимъ, которые такъ слѣпо довѣряли его честности свое состояніе, такъ безусловно поручали ему страшную обузу полураззореннаго имѣнія, онъ старался всѣми силами,

если не вполнѣ оправдать ихъ довѣріе, то по крайней мѣрѣ, не употреблять его во зло. И могъ-ли онъ въ такомъ случаѣ щадить свои силы и здоровье? долженъ-ли былъ потакать той гнусной лѣни, которая, Богъ вѣсть за что и почему, досталась въ удѣлъ русскому человѣку?.. Съ обязанностью управляющаго соединяется всегда столько хлопотъ, труда, попеченій, отвѣтственности!.. Нѣтъ, Никита Ѳедорычъ не могъ дѣйствовать иначе. Еслибъ даже находился онъ при другихъ обстоятельствахъ, то есть не пользовался-бы такимъ безграничнымъ довѣріемъ господъ или былъ поставленъ судьбою самъ на ихъ мѣсто, и тогда, въ этомъ можно смѣло ручаться, ни мало не утратилъ-бы ни благороднаго своего рвенія, ни дѣятельности, ни той ничѣмъ несокрушаемой энергіи, которая такъ рѣзко обозначалась въ его сѣрыхъ, блистающихъ глазахъ; онъ слишкомъ глубоко сознавалъ всю важность такой должности, онъ какъ будто нарочно рожденъ былъ для нея.

Имѣть подъ надзоромъ нѣсколько сотъ бѣдныхъ крестьянскихъ семействъ, входить въ мельчайшія ихъ отношенія, чуять сердцемъ ихъ потребности и нужды, обладать возможностью, иногда словомъ или даже движеніемъ, обращать ихъ частыя горести въ радость, довольствоваться умѣренно ихъ трудами, всегда готовыми къ услугамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдать за ихъ благополучіемъ, спокойствіемъ,—словомъ, быть для нихъ, бѣдныхъ и безотвѣтныхъ, отцомъ и благодѣтелемъ,—вотъ какая доля досталась Никитѣ Ѳедорычу! вотъ чему онъ такъ горячо могъ сочувствовать и сердцемъ и головою.

И, Боже, какъ былъ счастливъ троскинскій управляющій! Какъ легко довелось ему стать въ положеніе такого человѣка! Есть люди, которые съ дѣтства готовятся для какого-нибудь назначенія, работаютъ денно и нощно, истощаютъ всѣ силы и средства свои и всетаки достигаютъ того, чтобы обнаружить свои труды и мысли на дѣлѣ, тогда какъ онъ... Стоило только Аннушкѣ, теперешней супругѣ управляющаго, замолвить слово старому барину, и уже Никита Ѳедорычъ стоитъ лицомъ къ лицу съ своей задушевной цѣлью и дѣйствуетъ. Впрочемъ,

сказываютъ, все это случилось передъ самою кончиною барина.

Итакъ, Никита Ѳедорычъ, несмотря на раннюю пору и стужу, былъ уже на ногахъ. Онъ успѣлъ побывать на скотномъ дворѣ, заглянулъ въ клѣть, гдѣ стояли три тучныя коровы, принадлежавшія супругѣ его, Аннѣ Андреевнѣ,—посмотрѣлъ, достаточно-ли у нихъ мѣсива, погладилъ ихъ,—потомъ прикрикнулъ на старую скотницу Ѳеклу, хлопотавшую подлѣ тощихъ барскихъ телокъ, жевавшихъ по какому-то странному вкусу, имъ только свойственному, отлежалую солому. Далѣе заглянулъ онъ въ ригу, гдѣ нѣсколько мужиковъ обмолачивали господскую рожь. Исполнивъ это, Никита Ѳедорычъ направился къ собственному своему «огородишку», какъ называлъ онъ его, то есть огромному пространству отлично удобренной и обработанной земли, на которомъ виднѣлись въ изобиліи яблони, груши, ленъ, ульи, и гдѣ рѣпа, морковь, лукъ и капуста терпѣли крайнюю обиду, ибо служили только жалкимъ украшеніемъ. Тутъ онъ совсѣмъ захлопотался съ мужиками, которые окутывали ему на зиму яблони и обносили огородъ плотнымъ заборомъ и канавой. «Экой проклятый народъ, твердилъ онъ, размахивая толстыми своими руками:— лѣнтяй на лѣнтяѣ, только вотъ и на умѣ у него какъ бы отхватать скорѣе свои нивы, завалиться на печку да дрыхнуть безъ просыпу... до чужого дѣла ему и нуждушки нѣтъ... Бестія народъ, лѣнтяй народъ, плутъ народъ!»

Время вотъ видите ли подходило къ обозамъ. Никита Ѳедорычъ нарочно нагналъ всю барщину, думая живѣе отдѣлаться съ своимъ огородомъ, чтобы потомъ, сообща, дружнѣе, всѣмъ міромъ, приняться за господскую молотьбу; но міръ почему то медленно и нехотя подвигалъ дѣло, и это обстоятельство приводило бѣднаго управляющаго въ такое справедливоо негодованіе. Пожуривъ, какъ водится лѣнтяевъ, снабдивъ ихъ при случаѣ полезными совѣтами и поучительными истинами, Никита Ѳедорычъ поплелся черезъ пустынный барскій дворъ, прямо къ конторѣ. Но даже и здѣсь не дали ему покоя. Не успѣлъ онъ сдѣлать двухъ шаговъ, какъ Анна Андреевна высу-

нула изъ окна больное, жолтое лицо свое, перевязанное бѣлою косынкой по случаю вѣчнаго флюса, и прокричала пискливымъ, недовольнымъ голосомъ: «Никита Ѳедорычъ, а Никита Ѳедорычъ, ступай чай пить! что это тебя, право, не дождешься, да ступай же скорѣе... полно тебѣ переваливаться!..»

— Иду, иду, барыня, успѣешь еще... иду... проговорилъ заботливый супругъ.

Тутъ замахнулся онъ было въ разсѣянности на пѣтуха, взгромоздившагося на сосѣдній заборъ и неожиданно продравшаго горло, но къ счастію спохватился заблаговременно: пѣтухъ былъ его собственный; онъ кашлянулъ, плюнулъ и, окинувъ еще разъ дворъ, вошелъ къ себѣ въ сѣни.

Квартира его занимала часть стараго флигеля, построеннаго, какъ водилось въ прежніе годы, для помѣщенія гостей, имѣющихъ обыкновеніе пріѣзжать въ провинціи на недѣлю, а иногда и болѣе, нимало не заботясь о томъ, пріятно ли это или нѣтъ хозяину. Но теперь не оставалось и тѣни тѣхъ крошечныхъ уютныхъ комнатокъ съ ситцевымъ диванчикомъ, постелью, загроможденною перинами, умывальникомъ подлѣ окна съ вѣчно висѣвшимъ надъ нимъ пестрымъ полотенцемъ—узаконеннымъ годичнымъ приношеніемъ трудолюбивыхъ деревенскихъ бабъ. Слѣды комнатокъ обозначались лишь на внутренней стѣнѣ всего зданія желтоватыми полосами отъ перегородокъ, замѣненныхъ двумя капитальными стѣнами, съ сѣничками по серединѣ, раздѣлявшими флигель на двѣ равныя половины. Надъ дверьми одной стороны сѣней висѣла черная доска съ надписью: «Контора»; надъ дверьми другой не было никакой надписи, —да и не надо было: всякій зналъ очень хорошо, что тутъ жилъ Никита Ѳедорычъ. Нельзя пропустить безъ вниманія промежутка между двумя этими половинами, то есть сѣничекъ; они такъ же имѣли свое особое назначеніе, хотя такъ же не видно было никакой надписи: здѣсь, въ лѣтнее время, Никита Ѳедорычъ производилъ судъ, или, лучше сказать, расправу надъ провинившимися крестьянами, порученными его надзору и истинно безукоризненной справедливости.

Квартира управляющаго состояла изъ темной прихожей, въ то же время кухни, и трехъ большихъ свѣтлыхъ комнатъ. Въ первой изъ нихъ, какъ прежде другихъ бросающейся въ глаза, хозяинъ и хозяйка старались завсегда соблюдать чистоту и порядокъ. Предметы роскоши также имѣли здѣсь мѣсто.

Въ самомъ свѣтломъ и видномъ углу блисталъ ярко вычищенный образъ въ богатой серебряной ризѣ, которымъ покойный баринъ, въ качествѣ посажонаго отца, благословилъ жену бывшаго своего камердинера; подлѣ него, на старинной рѣзной горкѣ, находился разрозненный фарфоровый сервизъ, или, лучше сказать, нѣсколько разрозненныхъ сервизовъ, вѣроятно тоже подаренныхъ въ разныхъ случаяхъ старымъ бариномъ смазливой Аннѣ Андреевнѣ.

Въ остальныхъ углахъ и вдоль стѣнъ были установлены въ рядъ разнокалиберные, разнохарактерные диваны, кресла, стулья, иные изъ краснаго дерева съ позолотою, другіе обтянутые полинявшимъ штофомъ, которыми владѣлъ Никита Ѳедорычъ, должно быть вслѣдствіе духовнаго завѣщанія, послѣ барина, или чрезъ излишнюю къ нему благосклонность покойника. Двѣ другія комнаты были почти вплотную заставлены пожитками, перинами, холстинами, сундуками и всякимъ другимъ добромъ обоихъ супруговъ, не выключая, разумѣется, и широкой двуспальной постели, величественно возносившейся поперегъ дверей. Но туда изъ постороннихъ никто не заглядывалъ; Никита Ѳедорычъ почему то не допускалъ этого, а слѣдовательно и намъ нѣтъ до нихъ никакой надобности.

— У-уфъ! матушка Анна Андреевна, умаялся совсѣмъ съ этимъ проклятымъ народомъ, произнесъ Никита Ѳедорычъ, садясь къ окну въ широкія старинныя кресла. — Ну, барыня-сударыня, продолжалъ онъ; — наливай-ка теперь чайку... смотри, покрѣпче только, позаористѣе... Эй, ты, ваша милость, троскинскій бурмистръ, поди-ка, братъ, сюда... сказалъ онъ, обращаясь къ необыкновенно тюлстому, неуклюжему ребенку лѣтъ пяти, сидѣвшему въ углу подъ стѣнными часами и таскавшему по полу котенка, связаннаго веревочкою за заднія ноги: — экой

плутъ, зачѣмъ привязалъ котенка? брось его, того и гляди глаза еще выцарапаетъ...

Ребенокъ, страдавшій англійскою болѣзнью, согнувшей ему дугой ноги, всталъ на четвереньки, поднялся, кряхтя и покрякивая, на ноги и, переваливаясь какъ селезень, подошелъ къ отцу.

— Ну, ну, скажи-ка ты мнѣ, молодецъ, продолжалъ тотъ, гладя его съ самодовольной миной по головѣ: — я, бишь, забылъ, какія деньги ты больше-то любишь, бумажки или серебро?..

Это былъ всегдашній, любимый вопросъ, который Никита Ѳедорычъ задавалъ сыну по нѣскольку разъ въ день.

— Бумажки! отвѣчалъ отдуваясь ребенокъ.

— Ха, ха, ха!.. ну, а отчего-бы ты скорѣе взялъ бумажки?

— Легче носить! отвѣчалъ троскинскій бурмистръ такимъ голосомъ, который ясно показывалъ, что ему уже надоѣло повторять одно и то же.

— Ха, ха, ха!.. Ну, ну, поди къ матери, она тебѣ сахарку дастъ. Пряничка ѣлъ сегодня?

— Нѣтъ, сказалъ ребенокъ, глядя изподлобья на мать.

— Врешь, ѣлъ, канашка, ѣлъ... плутяга...

— Полно тебѣ его баловать, Никита Ѳедорычъ: что это ты, въ самомъ дѣлѣ, балуешь его, подхватила Анна Андреевна; — что изъ него будетъ... и теперь никакъ не сладишь...

— Ну, ну... пошла, барыня, вымолвилъ мужъ, громко прихлебывая чай: — будетъ онъ у меня погляди-ка какой молодецъ... ха, ха, ха!.. Ваня, шепнулъ онъ ему, подмигивая на сахарницу: — возьми потихоньку, — ишь, она тебѣ не даетъ... Ну, матушка Анна Андреевна, продолжалъ онъ громко: — видѣлъ я сегодня нашихъ коровокъ: ну, ужъ коровы, нечего сказать, коровы!..

— Мнѣ кажется только, замѣтила супруга: — Ѳекла стала что-то нерадѣть за ними... ты бы хоть разочекъ постращалъ ее, Никита Ѳедорычъ... даромъ что ей 60 лѣтъ, такая-то мерзавка, право...

— Небось, матушка, плохо смотрѣть не станетъ: еще

сегодня задалъ ей порядочную баню... Ну, видѣлъ также, какъ нашъ огородишко огораживали... велѣлъ я канавкой обнести: надежнѣе; неравно корова забредетъ или овца... съ этимъ народцемъ никакъ не убережешься... я опять говорилъ имъ: какъ только поймаю корову, овцу или лошадь — себѣ беру, плачь не плачь, себѣ беру, не пущай; и вѣдь сколько уже разъ случалась такая оказія; боятся, боятся недѣлю-другую, а потомъ, глядишь, и опять... Ну, да ужъ я справлюсь... Налей-ка еще чайку...

— Мнѣ говорила наша попадья, что ярманка была очень хорошая, начала Анна Андреевна: — и дешево, говоритъ, очень дешево продавали всякій скотъ... Вотъ ты обѣщалъ тогда купить еще корову, жаль, что прозѣвали, а все черезъ тебя, Никита Ѳедорычъ, все черезъ тебя... Впрочемъ, ты вѣдь скоро въ городъ пошлешь, такъ тогда еще можно будетъ.

— Нѣтъ, я въ городъ не скоро пошлю, отвѣчалъ, какъ можно равнодушнѣе, супругъ.

— Какъ! а оброкъ-то барскій когда-жъ пошлешь на почту? возразила та сердито.

— Онъ еще не собранъ; да хоть-бы и весь былъ, торопиться нечего, подождутъ! Братъ Терентій Ѳедорычъ пишетъ, что барину теперь не нужны деньги... Этакъ станешь посылать-то безъ разбору — такъ, чего добраго, — напляшешься съ ними; повадятся; давай, да давай... я вѣдь знаю нашего молодца. Вотъ Терентій Ѳедорычъ пишетъ, что онъ опять сталъ ѣздить на игру. Какъ напишетъ, что проигрался да къ горлу пристало, тутъ ему и деньги будутъ, а раньше не пошлю, хоть онъ себѣ тамъ тресни въ Петербургѣ-то! Меня не учить, барыня-сударыня; я вѣдь знаю, какъ съ ними справляться, съ господами-то: «нѣтъ у меня денегъ», написалъ ему, да и баста! «паръ, молъ, сударь не запаханъ, овсы не засѣяны, греча перепрѣла», вотъ тебѣ и все! Покричитъ, покричитъ да и перестанетъ. Развѣ они дѣло разумѣютъ: имъ что греча, что овесъ, что пшеница, все одно, а про чечевицу и не спрашивай... Имъ вотъ только шуры-муры, рюши да трюши, да знай денежекъ посылай; на это они лакомки... Вотъ съ ними я куды мастеръ справляться. Э! матушка, знаю я

ихъ голубчиковъ, не въ первый разъ вести съ ними дѣло... вотъ, потому-то и оброку не пошлю... не зачѣмъ!..

— Такъ-то ты всегда, проговорила ворча хозяйка.— Когда это до нашего добра, такъ ты всегда кобенишься... Денегъ небось жаль на корову... оттого и въ городъ не посылаешь...

— Да, жаль, жаль! оттого и не посылаю...

— Жаль, то-то... а отъ кого и въ люди-то пошелъ? отъ кого ихъ добылъ, деньги-то...

— Ну, ну... пошла, барыня... э! смерть не люблю!..

Тутъ, безъ сомнѣнія, возникла-бы одна изъ тѣхъ маленькихъ домашнихъ сценъ, которыя были такъ противны Никитѣ Ѳедорычу, еслибъ въ комнату не вошла знакомая уже намъ Фатимка. Не мѣшаетъ здѣсь замѣтить, при случаѣ, что лицо этой дѣвочки поражало сходствомъ съ лицомъ жены управляющаго, и особенно дѣлалось это замѣтнымъ тогда, когда та и другая находились вмѣстѣ. Сходство между ними было также разительно, какъ между одутловатымъ лицомъ самаго Никиты Ѳедорыча и наружностью троскинскаго бурмистра. Тѣ-же черты, не смотря на разницу лѣтъ и всегдашній флюсъ Анны Андреевны, который сильно вытягивалъ ихъ; разница состояла исключительно въ однихъ лишь глазахъ: у жены управляющаго были они сѣры и тусклы, у Фатимки черны какъ уголья и сыпали искры. Впрочемъ, сходство между ними должно было приписывать одной игрѣ природы, ибо Фатимка или, какъ называли ее въ деревнѣ, «Горюшка,» никакимъ образомъ не приходилась сродни Никитѣ Ѳедорычу.

— Ну, что? спросилъ онъ ее.

— Мельникъ-съ пришелъ, отвѣчала она робко.

— Ахъ, я бишь совсѣмъ забылъ... да, да... скажи, что сію минуту выйду въ контору.

— Что тамъ еще? отозвалась Анна Андреевна.

— Должно-быть, матушка, насчетъ помочи... сказалъ супругъ смягченнымъ голосомъ: — мужиковъ пришелъ просить на подмогу...

Никита Ѳедорычъ хлопотливо покрылъ недопитый стаканъ валявшимся по близости календаремъ, искоса поглядѣлъ на жену, хлопотавшую подлѣ самовара, потомъ,

какъ бы черезъ силу, ворча и потягиваясь, отправился въ контору.

Косвенный взглядъ этотъ и суетливость не ускользнули однако отъ Анны Андреевны, подозрительно слѣдившей за всѣми его движеніями. Только что дверь въ комнату захлопнулась, она проворно подошла къ сыну и, гладя его по головкѣ, сказала ему вкрадчивымъ, нѣжнымъ голосомъ:

— Ванюша... ты умница?..

— Умница.

— Сахару хочешь... голубчикъ?..

— Кацу.

— Ну, слушай, душенька, я тебѣ дамъ много, много сахару. Ступай, потихоньку, — смотри же, потихоньку,— къ тятькѣ, посмотри, не дастъ-ли ему чего-нибудь мельникъ... Ступай, голубчикъ... а мамка много, много дастъ сахару за то... и пряничка отрѣжетъ да смотри только не сказывай тятькѣ, а посмотри да и приходи скорѣе ко мнѣ... а я ужъ тебѣ сахару приготовлю...

— Ты обманешь...

— Нѣтъ, душенька, вотъ посмотри... я сюда сахарокъ положу. Какъ придешь, такъ и возьми его...

— Ты мало положила... еще...

— Экой... ну, вотъ еще кусочекъ...

— А еще положи...

— Довольно, душечка: брюшко заболитъ...

— Нѣтъ еще... еще, а то не пойду, закричалъ ребенокъ, топая ногою...

— Ну, ну... на вотъ тебѣ еще два куска... отвѣчала мать, боязливо взглянувъ на дверь: — ступай же теперь.

Ванюша сползъ со стула и потащился изъ комнаты, оборачиваясь безпрестанно къ матери, которая одной рукой указывала ему на порогъ, другою на кучку сахару

. . . . . .

— Здравствуй, братъ Аксентій, сказалъ управляющій, подходя къ мельнику и глядя ему пристально въ глаза.

— Здравствуйте, батюшка Никита Ѳедорычъ, отвѣчалъ тотъ, низко кланяясь.

— Что скажешь? а?..

— Да, такъ и такъ, къ вашей милости, батюшка, пришелъ.

— Ну, ну, ну... проговорилъ заботливо управляющій и сѣлъ на лавочку.

— Что, батюшка Никита Ѳедорычъ, началъ мельникъ, переминаясь, но со всѣмъ тѣмъ бросая плутовскіе взгляды на собесѣдника каждый разъ, какъ тотъ опускалъ голову, моргалъ или поворачивался въ другую сторону: — признаться сказать... вы меня маненько обижаете...

— Какъ такъ?

— Да какъ же, батюшка: прошлаго года, какъ я поступилъ къ вамъ на мельницу, такъ вы тогда, по нашему уговору, изволили сверхъ комплекта получить съ меня 250 рублевъ. Это у насъ было по уговору, чтобъ согнать стараго мельника... Я про эвти деньги не смѣю прекословить, много благодаренъ вашей милости; а ужъ насчетъ того... сдѣлайте божескую милость, сбавьте съ меня за... вино.

— Э! ге, ге, ге!.. такъ вы вотъ зачѣмъ, батюшка, изволили пожаловать, произнесъ управляющій тономъ человѣка, возмутившагося неблагодарностью другого;—э! я тебѣ позволилъ держать вино на мельницѣ, беру съ тебя сотню рублишковъ, а ты и тутъ недоволенъ, и этого много... Да ты знаешь ли, рыжая борода, что за это бѣда! Вино не позволено продавать нигдѣ, кромѣ кабаковъ, а ужъ я такъ только, по добротѣ своей, допустилъ это тебѣ, а ты и тутъ корячишься... Еще нынѣшнею весною допустилъ тебя положить съ нашихъ мужиковъ лишній пятакъ съ воза, и это ты, видно, тоже забылъ, а? забылъ, что ли?..

— Нѣтъ, батюшка, Никита Ѳедорычъ, мы много благодарны вашей милости за твою ласку ко мнѣ... да только извольте разсудить; еслибъ, примѣрно, было такое дѣло на другой мельницѣ, въ Ломтевкѣ или на Емельяновкѣ, такъ я бы слова не сказалъ, не пришелъ бы тревожить изъ за эвтаго... тамъ, изволите ли видѣть, батюшка, мѣсто-то приточное, по большей части народъ-то бываетъ вольный, богатый, до вина-то охочій, а вотъ

здѣсь, у насъ, такъ не то: мужички бѣдные, плохонькіе... винца-то купить не на что... а мнѣ-то и не приходится, батюшка Никита Ѳедорычъ...

— Ахъ ты бестія, бестія, говорилъ управляющій, качая головою:—ну, что ты мнѣ пришелъ турусы то плесть? а выгодъ тебѣ нѣтъ!.. Ахъ, ты, борода жидовская!.. Да хочешь я тебѣ по пальцамъ насчитаю двадцать человѣкъ изъ троскинскихъ мужиковъ, которые безъ просыпу пьянствуютъ... хочешь?..

— Что говорить... батюшка, есть пьющіе... да только супротивъ Емельяновки-то того... а я вашей милости, пожалуй, перечить не стану, готовъ заплатить... да только, право, маненько какъ будто обидно станетъ...

— Полно тебѣ, старая харя, возразилъ смѣясь Никита Ѳедорычъ:—меня, братъ, не проведешь; да ну, принесъ, что ли, деньги-то?..

— Есть, батюшка, отвѣчалъ тотъ охорашиваясь.

— То-то, выгоды тебѣ, вѣрно, нѣтъ; вотъ оно что; вино-то почемъ берешь?

— Да по десяти съ полтиной, батюшка-съ.

— А сколько воды-то подливаешь? спросилъ лукаво управляющій.

Мельникъ улыбнулся, почесалъ голову и поклонился.

— Давай-ка, давай; что толковать... продолжалъ Никита Ѳедорычъ, вставая и подходя ближе къ мельнику.

Тотъ вынулъ изъ-за пазухи тряпицу, въ которой были деньги и сталъ считать.

Въ это время дверь конторы скрипнула.

Никита Ѳедорычъ дернулъ мельника, набросилъ на деньги его шапку и проворно побѣжалъ въ сѣни. Вскорѣ вернулся онъ, однако, совсѣмъ успокоенный; за дверью никого не оказалось.

— Вотъ такъ-то лучше, говорилъ онъ, кладя деньги въ карманъ: — а насчетъ дарового лѣса я ужъ писалъ барину... сказывалъ, что плотину сшибло наводкомъ, онъ непремѣнно пришлетъ разрѣшеніе выдать... Ну, доволенъ, что ли, борода?..

— Благодарствуйте, батюшка Никита Ѳедорычъ, готовъ и впередъ служить вашей милости, какъ угодно...

— Ну, то-то же, смотри у меня...

— Никита Ѳедорычъ, произнесъ мельникъ, взявшись за шапку:—къ вамъ еще просьбица есть...

— Что такое?

— Да вотъ, батюшка, у васъ здѣсь мужичокъ находится, Антономъ звать; прикажите ему отдать мнѣ деньги. Съ самой весны, почитай мололъ онъ у меня, по сюпору не отдаетъ; да еще встрѣлся я какъ-то съ нимъ, на ярманку вы его, что ли, посылать изволили, такъ еще грубіянить зачалъ, какъ я ему напомнилъ... Ужъ такой-то мужикъ пропастный... батюшка...

— А!.. хорошо, хорошо, вымолвилъ съ разстановкою управляющій:—я этого еще не зналъ... Ну, да ужъ за одно, не миновать ему поселеній! поплатится, каналья, поплатится за все... Эй! Фатимка!... произнесъ онъ, отворяя дверь.

Фатимка прибѣжала.

— Ступай сейчасъ въ крайнюю избу, къ Антону, скажи, чтобы шелъ сюда...

— Да онъ еще не возвращался съ ярманки, возразилъ мельникъ:—я уже заходилъ къ нему...

— Какъ! и нынче еще не возвращался! вчера и третьяго дня тоже! ну, да ничего, тѣмъ лучше. Ступай, да смотри ты, бѣгомъ у меня, зови сюда жену его. Я-жъ имъ покажу!.. ступай!

Фатимка побѣжала.

— А ты, Аксентій, ступай пока домой; я съ нимъ раздѣлаюсь.

Въ сѣняхъ Никита Ѳедорычъ встрѣтилъ Ванюшу, который сосалъ пальцы, выпачканные сахаромъ.

— А нуткась, бурмистръ, сказалъ отецъ, подымая сына на руки:—хошь ли быть троскинскимъ управляющимъ? ха, ха, ха!

— Кацу, живо отвѣчалъ мальчишка.

— Ха, ха, ха!.. Ну, а что бы ты сталъ тогда дѣлать?..

— А вотъ... вотъ... высѣкъ бы Михешку кузнецова...

— Ха, ха, ха! ай да бурмистръ... ну, а за что бы ты его высѣкъ?

— У него, отвѣчалъ Ваня гнусливо:—у него, вишь, бабка свинчатка есть... онъ мнѣ ее не даетъ...

— Ха, ха, ха!... Пойдемъ, пойдемъ, разскажи-ка это матери... Анна Андреевна, а Анна Андреевна, послушайка, что говоритъ нашъ молодчикъ... ха, ха, ха!.. ну-ка, Ваня, скажи же мамкѣ, за что бы ты высѣкъ Михешку-то кузнецова...

Но, къ крайнему удивленію Никиты Ѳедорыча, жена его не обнаружила на этотъ разъ ни малѣйшаго удивленія къ необыкновенной остротѣ любимаго чада. Она сердито поправила косынку, перевязывавшую больную щеку, и сухо сказала супругу:

— Полно пустяки-то врать! Зачѣмъ приходилъ къ тебѣ нынче мельникъ?

— Эка тебѣ, барыня-сударыня, приспичило! Плотина повредилась—такъ мужичковъ просилъ... вѣдь я тебѣ уже сказывалъ...

— Ахъ ты безсовѣстный, безсовѣстный! закричала она, всплеснувъ яростно руками: — такъ-то ты? обманывать меня хочешь? Ты думаешь, что я не узнаю, что онъ тебѣ денегъ далъ?.. Ты отъ меня прячешь, подлая душа! Развѣ забылъ ты, черезъ кого въ люди пошелъ... черезъ кого нажился?.. кто тебя человѣкомъ сдѣлалъ!..

— Что ты орешь, вѣдьма! вскричалъ въ свою очередь Никита Ѳедорычъ, дѣлая нѣсколько шаговъ къ женѣ:—молчи! Теперь стараго барина нѣтъ, я тебѣ властитель, я тебѣ мужъ! шутить не стану, смотри ты у меня! Да, получилъ деньги, не показалъ тебѣ, не хотѣлъ говорить, да и не дамъ ни полушки, — вотъ тебѣ и знай... да не кричать.

— Разбойникъ! завопила жалобно Анна Андреевна, ложась на диванъ и ударясь выть: — ты меня погубить хочешь! зарѣзать, обокрасть... Не жена я тебѣ, холопу проклятому!.. Охъ, ахъ!

— Варвара пришла-съ... произнесла Фатимка, войдя въ комнату.

Услыша вопли Анны Андреевны, она быстро оберну-

лась въ ту сторону; видно было по первому ея движенію, что она хотѣла къ ней броситься, но взглядъ Никиты Ѳедорыча тотчасъ же осадилъ ее назадъ; она опустила глаза, въ которыхъ заблистали слезы, и проворно выбѣжала въ сѣни.

Управляющій вышелъ изъ комнаты, сильно хлопнувъ дверью.

Трепещущая отъ страха, Варвара стояла въ сѣняхъ и, закрывъ лицо разодраннымъ рукавомъ рубахи, тяжело всхлипывала. Услышавъ шаги Никиты Ѳедорыча, она мгновенно открыла лицо свое, на которомъ изображались слѣды глубокаго отчаянія, простерла руки и съ крикомъ повалилась къ нему въ ноги.

— Батюшка! батюшка!.. не погуби! твердила она, рыдая и орошая грязный полъ и сапоги управляющаго потоками слезъ: — не погуби... насъ... сиротъ горемычныхъ...

— Ступай-ка сюда, сюда! произнесъ Никита Ѳедорычъ, топнувъ ногою.

Онъ указалъ ей на контору.

Оба вошли.

Фатимка, притаившись въ темномъ углу сѣней, глядѣла съ какимъ-то страхомъ на всю эту сцену; но только что скрылась Варвара, она какъ котенокъ выпрыгнула изъ своей прятки, подползла къ дверямъ конторы, легла наземь и приложила глаза къ скважинѣ.

Каждый разъ, какъ голосъ Никиты Ѳедорыча раздавался громче, блѣдное личико ребенка судорожно двигалось; на немъ то и дѣло пробѣгали слѣды сильнаго внутренняго волненія. Наконецъ все тѣло ея разомъ вздрогнуло; она отскочила назадъ, изъ глазъ ея брызнули въ три ручья слезы. Ухватясь рученками за грудь, чтобы перевести дыханіе, которое давило ей горло, она еще разъ окинула сѣни съ видомъ отчаянія, опустила руки и со всѣхъ ногъ кинулась на дворъ. Такъ обогнула она флигель, потомъ опять перелѣзла черезъ заборъ и, очутившись въ крестьянскихъ огородахъ, пустилась все прямо, по задамъ деревни.

У крайнихъ избъ, за ригами, между обвалившимися

плетнями стояла толпа дѣвчонокъ и ребятишекъ. Завидя ее, всѣ въ одинъ голосъ приiялись кричать: — Горюшка идетъ! Горюшка! Горюшка!»

Тутъ Фатимка, какъ-бы собравшись съ послѣдними силами, пустилась какъ стрѣла и, размахивая отчаянно ручонками, прокричала задыхающимся голосомъ: «Бѣда съ Варварой!»

Въ то самое мгновеніе въ толпѣ раздался дѣтскій вопль и слова: «ой, мамка, мамка, мамка!» Въ то же время изъ среды ребятишекъ выбѣжала рыженькая, хромая дѣвочка, уже знакомая читателю, и поскакала на встрѣчу Фатимкѣ, вертясь на одной ножкѣ и пронзительно взвизгивая: «Горюшка, Горюшка!..»

— Полно тебѣ, Анютка: услышутъ! проговорила та, удерживая ее за руку и торопливо подбѣгая къ Аксюшкѣ и Ванюшкѣ, племянникамъ Антона, которые ревѣли въ два кулака:—ну Ваня,—ну, Аксюша, продолжала она, обхвативъ ихъ ручонками:—бѣда! бѣда пришла теткѣ Варварѣ... бѣда! «Быкъ-отъ» и дядю вашего хочетъ вишь куды-то отправить... я все, все слышала... все въ щелочку глядѣла... не кричите неравно, услышатъ... право, услышатъ...

Все это проговорила она съ необыкновеннымъ одушевленіемъ. Блѣдныя щеки ея разгорѣлись, она живо при каждомъ словѣ размахивала руками, безпрерывно поправляя длинныя пряди черныхъ своихъ волосъ, которыя то и дѣло падали ей на лицо.

Аксюшка положила свой кулачокъ въ ротъ и, удерживая всхлипыванія, еще пуще зарыдала.

— Ой, дядя Антонъ, дядя Антонъ, бормоталъ заливаясь Ванюшка:—куда ты ушелъ?.. онъ бы не далъ бить тетку Варвару...

— Вотъ что! сказала вдругъ Фатимка, выпрямляясь и становясь посредь толпы:—вотъ что! Ваня, Аксюшка, всѣ, всѣ... побѣжимте туда... берите всѣ камни, швырнемъ ему въ окно, я покажу въ какое... мы его испужаемъ; кто изъ васъ мѣтокъ?..

— Я! я! я! закричало нѣсколько тоненькихъ голо-

сковъ, и множество худенькихъ рученокъ замахали въ воздухѣ.

— Я! я! Горюшка, я! звончѣе всѣхъ визжала хромая Анютка, принимаясь снова кривляться вокругъ Фатимки.

— Полно тебѣ, дура! эка бестыжая!.. молчи!..

— Я пойду! я мѣтокъ! вскричалъ Ванюшка, торопливо утирая слезы;—я пойду!..

И онъ бросился уже подымать камень; но камень пришелся не по силамъ; Ванюшка залился снова слезами.

— Ничего, Ваня, ничего, продолжала съ тѣмъ же волненіемъ Фатимка: — побѣжимте скорѣе... тамъ много камней у забора... скорѣе, скорѣе, а то будетъ поздно... ложитесь всѣ ползкомъ наземь, а не то увидитъ... скорѣе, скорѣе...

Хромая Анютка принялась было опять за свои прыжки, но на этотъ разъ со всѣхъ сторонъ посыпались на нее брань и ругательства; она поневолѣ легла наземь и ползкомъ потащилась за всѣми вдоль плетня на брюхѣ... А между тѣмъ Никита Ѳедорычъ давнымъ-давно отпустилъ жену Антона. Бабы, глядѣвшія изъ оконъ и видѣвшія, какъ прошла она мимо деревни, перестали даже толковать объ этомъ предметѣ и перешли уже совсѣмъ къ другому.—Никита Ѳедорычъ одинъ одинешенекъ расхаживалъ теперь вдоль и поперегъ по конторѣ, заложивъ руки назадъ, опустивъ голову; казалось онъ погруженъ былъ въ горькое, тревожное раздумье. Сцена, которую сдѣлала ему Анна Андреевна, возмущала его кроткую душу. Наконецъ онъ какъ будто бы принялъ какое-то твердое намѣреніе, ударилъ себя руками по поламъ архалука, закинулъ голову назадъ и направился къ двери.

Въ эту самую минуту верхнее слуховое окно конторы зазвенѣло, разлетѣлось вдребезги, и нѣсколько увѣсистыхъ камней упало ему чуть-чуть не на носъ.

Никита Ѳедорычъ обомлѣлъ; съ минуту стоялъ онъ какъ вкопанный на одномъ мѣстѣ, потомъ со всѣхъ ногъ кинулся въ сѣни и, метаясь изъ угла въ уголъ какъ угорѣлый, закричалъ что было мочи:

— Эй! кто здѣсь? Степанъ! Дормидонъ! эй, Фатимка!.. ей, черти!..

Никто не отвѣчалъ.

Никита Ѳедорычъ остановился и сталъ прислушиваться... Волненіе его мало-по-малу утихло, когда онъ убѣдился, что кругомъ его никого не было. Онъ осторожно вышелъ изъ сѣней, еще осторожнѣе обогнулъ флигель и не безъ особеннаго смущенія, похожаго отчасти на страхъ, поглядѣлъ черезъ заборъ.

Но каково же было его изумленіе, когда онъ увидѣлъ собственное чадо.

— А, такъ это ты пострѣлъ! закричалъ онъ, грозя сыну: — погоди! я тебя выучу бить стекла!.. ступай сюда!..

— Нѣтъ, тятенька, нѣтъ, отвѣчалъ троскинскій бурмистръ, подбѣгая къ отцу: — это ребятишки... сейчасъ убѣжали... я ихъ видѣлъ...

— Какіе ребятишки?

— Деревенскіе-съ... я знаю, кто камнемъ-то бросилъ, тятенька... это не я-съ... не я-съ.

— Ну?

— Это, тятенька-съ... какъ бишь его?.. Ванюшка... Антоновъ... не я, тятенька... я самъ видѣлъ...

— А?.. ну, хорошо, э! э! э!.. да это того самого... э!.. хорошо, я съ нимъ тотчасъ же раздѣлаюсь... Пойдемъ, Ванюша, холодно тебѣ...

Сказавъ это, Никита Ѳедорычъ перекинулъ черезъ плетень толстыя свои руки, обхватилъ ими сына, поднялъ его на плечи и съ торжествующимъ видомъ направился къ дому.

IX.

ВОЗВРАЩЕНІЕ.

...Трое сутокъ бѣгалъ Антонъ, розыскивая повсюду свою кляченку. Все было напрасно: она не отыскалась. Въ горѣ своемъ не замѣчалъ бѣднякъ студенаго дождя, лившаго ему на голову съ того самаго времени, какъ покинулъ онъ городъ, ни усталости, ни холоду, ни голоду... Безъ полушубка, безъ кушака и шапки, потерян-

ныхъ гдѣ-то ночью, метался онъ какъ угорѣлый изъ деревни въ деревню, разспрашивая у встрѣчнаго и поперечнаго о своей пѣгой кобылкѣ. Никто ничего не зналъ; никто даже не далъ ему разумнаго отвѣта. Кто молча отворачивался за недосугомъ, кто равнодушно отсылалъ его дальше, а кто по просту отзывался смѣшкомъ на сго оторопѣвшія, нескладныя рѣчи.

Впрочемъ и то сказать надо, что еслибъ Антону посчастливилось даже отыскать конокрада, послѣдствія были бы не лучше: у него не было денегъ.

Мужички, провожавшіе его за ворота постоялаго двора, были совершенно правы, рѣшивъ въ одинъ голосъ, «что не найти-де ему лошади, коли алтынъ нѣтути, попусту только измается, сердешный...»

Полный нѣмого отчаянія, которое, постепенно возрастая въ немъ, жгло ему сердце и туманило голову, Антонъ бросилъ наконецъ свои поиски и направился къ дому.

Когда онъ ступилъ на троскинскія земли, была глухая, поздняя ночь, одна изъ тѣхъ ненастныхъ осеннихъ ночей, въ которыя и подъ теплымъ кровомъ и близъ родимаго очага становится почему-то тяжело и грустно.

Льдяной порывистый вѣтеръ рѣзалъ Антону лицо и поминутно посылалъ ему на голову потоки студеной воды, которая струилась по его изнуреннымъ членамъ. Бѣднякъ то-и-дѣло попадалъ въ глубокія котловины, налитыя водою, или вязнулъ въ глинистой почвѣ полей, размытой ливнемъ. Густой туманъ усиливалъ мракъ ночи, въ двухъ шагахъ ни зги не было видно, такъ что иногда ощупью приходилось отыскивать дорогу.

Когда вѣтеръ проносился мимо и протяжное его завываніе на минуту смолкало, окрестность наполнялась неровнымъ шумомъ падающаго дождя и глухимъ журчаніемъ потоковъ, катившихся по проселкамъ.

Казалось, не было уголка на бѣломъ свѣтѣ, гдѣ бы въ это время могло свѣтить солнышко и согрѣвать человѣка. Съ каждымъ шагомъ впередъ, все темнѣй и темнѣй становилось на душѣ мужика. Вскорѣ почувствовалъ онъ подъ ногами покатость горы, по которой дней пять

тому назадъ подымался на пѣгашкѣ; смутно и какъ бы сквозь сонъ мелькнуло въ головѣ его это воспоминаніе.

Откинувъ дрожавшими руками мокрые волосы отъ лица, вперилъ онъ тогда помутившійся взоръ къ селу и значительно прибавилъ шагу.

Такимъ образомъ, спустя нѣсколько времени, очутился онъ посередь улицы. Но здѣсь было также мрачно, какъ въ полѣ. Темнота ночи сливала всѣ предметы въ одну неопредѣленную, черную массу; слышно только было, какъ шипѣла вода, скатываясь съ соломенныхъ кровель на мокрую землю.

Вытянувъ шею впередъ, Антонъ продолжалъ идти, ускоряя все болѣе и болѣе шагъ...

Вдругъ, посреди завыванія непогоды, раздалась рѣзкая, звонкая стукотня въ чугунную доску...

Сердце мужика вздрогнуло. Онъ остановился, какъ вкопанный, и поднялъ голову: передъ нимъ возносился старый флигель, вмѣщавшій контору и квартиру управляющаго.

Пока онъ силился припомнить, какимъ случаемъ попалъ сюда, въ сторонѣ послышались шаги и почти въ ту-жъ минуту грубый, сиповатый голосъ прокричалъ, «кто тутъ?».

Голосъ показался Антону чей то знакомый; онъ невольно сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ.

— Какого тутъ дьявола еще носитъ? кто тутъ?.. произнесъ тотъ-же голосъ ближе, и Антонъ увидѣлъ передъ собою двухъ человѣкъ съ дубинками.

— Что-ты, лѣшій, не откликаешься? повторилъ громче прежняго одинъ изъ караульщиковъ, стукая дубинкою по грязи:—аль оглохъ? слышь, тебя спрашиваютъ!..

Антонъ молчалъ, потирая руками мокрую свою голову.

— Стой! закричали въ одинъ голосъ караульщики и кинулись на него.

Тотъ безъ всякаго сопротивленія дался имъ въ руки; «управляющій... дома?..» спросилъ онъ глухо.

Но едва успѣлъ онъ произнести это, какъ одинъ изъ мужиковъ тотчасъ же выпустилъ его и, засмѣявшись, сказалъ товарищу:

— Дядя Дороѳей... поглядь-ка, да вѣдь это нашъ Антонъ!

— Ой-ли?..

— Вотъ-те Христосъ... отсохни руки и ноги...

— Эй, сватъ! крикнулъ Дороѳей, также выпуская Антона и принимаясь его ощупывать: — какого лѣшаго тебѣ здѣсь надыть?.. что съ тобой?.. аль съ ума спятилъ?.. Безъ шапки, въ таку-то погоду... какого тебѣ управляющаго?.. Изъ города, что ли, ты?..

— Изъ города... проговорилъ Антонъ, вздрагивая всѣмъ тѣломъ.

— Эхва?.. такъ ты теперь-то управляющаго хватился!.. ну, братъ, раненько! Погоди, вотъ тебѣ ужотко еще будетъ... Экъ его, какъ накатился... Ѳедька, знать сватъ-то выпимши добре, ишь лыка не вяжетъ... Что те нелегкая дернула? продолжалъ Дороѳей, толкая Антона подъ бокъ:— а тутъ-то безъ тебя, что было... и-и-и...

— Что?..

— Да, теперь небось что?.. что?.. ишь у те языкъ-отъ словно полѣно въ грязи вязнетъ... а еще спрашиваешь что? Поditка домой, тамъ те скажутъ — что? Никита-то нынче въ обѣдъ хозяйку твою призывалъ... и-и-и... Ишь, дьяволъ, обрадовался городу, словно голодный Кирюха пудовой краюхѣ... приставь голову то къ плечамъ, старый чортъ! ступай домой, что на дождѣ-то стоишь...

— Эхъ, фаля! вотъ, погоди, погоди, что-то еще завтра будетъ тебѣ?.. да что-жъ ты ничего не баишь, аль совсѣмъ те ошеломило? Антонъ, а Антонъ! сватъ!..

— А?..

Дороѳей и Ѳедька залились во все горло.

— Слышь, что-ли, произнесъ первый, дергая его за руку:—полно тебѣ зубъ-то объ зубъ щелкать; ступай домой, пра ступай домой, слышь, что те говорятъ?..

Но Антонъ уже ничего не слышалъ. Съ остервенѣніемъ оттолкнулъ онъ наконецъ караульщиковъ и кинулся стремглавъ къ сторонѣ околицы.

— Антонъ! эй, Антонъ! кричали ему вслѣдъ мужики:—экой лѣшій! Что съ нимъ, право, попритчилось?..

— А что попритчилось, промолвилъ Дороѳей:—запилъ

вотъ те и все тутъ; экой право чортъ... должно быть деньги-то всѣ окончилъ... Поди-жъ ты. Ѳедюха, а кажись прежде съ нимъ такого дѣла не важивалось. Управляющаго, слышь, захотѣлось ему ночью... знать ужъ больно онъ его донимаетъ... Ну, да пойдемъ, Ѳедюха: я индо весь промокъ... така-то стыть-погода пошла...

— Пойдемъ, дядя Дороѳей... Постучимъ еще въ доску... да завалимся спать... смерть иззябъ...

И оба скрылись въ темнотѣ.

Немного погодя, рѣзкіе, звучные удары въ чугунную доску далеко разнеслись по окрестности, заглушая на минуту завываніе вѣтра и шумъ бури, которая, казалось, усиливалась часъ-отъ-часу.

Антонъ, между тѣмъ, продолжалъ бѣжать, какъ полоумный. Поровнявшись съ первыми избушками, онъ круто своротилъ къ огородамъ и пустился задами деревни. Тутъ шагъ его сдѣлался тверже и медленнѣе.

Когда онъ приближался къ тому мѣсту, гдѣ нѣсколько дней тому назадъ поднялъ платокъ, ему вдругъ почудилось, что кто-то мелькнулъ мимо него поперекъ дороги. Онъ остановился и оглянулся въ ту сторону. Въ эту самую минуту сильный порывъ вѣтра раздвоилъ тучу, и блѣднымъ свѣтомъ озарилась та часть поля. Антонъ явственно различилъ тогда въ бѣломъ пятнѣ неба, надъ поверхностью межи профиль старухи. Согнувшись въ три погибели, она ковыляла, размахивая сучковатою своею клюкою, которой, казалось, ощупывала дорогу...

Антонъ тотчасъ же узналъ Архаровну.

Всѣ розсказни и слухи о богатствѣ разомъ прихлынули ему въ голову. Ему пришло въ голову, что она можетъ пособить ему. Секунду спустя кинулся онъ вслѣдъ за побирушкой, нѣсколькими прыжками нагналъ ее, и крикнулъ задыхающимся голосомъ:

— Помоги, коли хочешь спасти душу христіанскую отъ грѣха—дай денегъ.

— Касатикъ! касатикъ! могла только проворчать побирушка:—Христосъ съ тобой... ой... да это... ты родной... Антонъ Прохорычъ... какія у меня деньги!.. Христосъ съ тобой!..

— У тебя есть!.. всѣ сказываютъ! прибавилъ онъ.

— Что съ тобой дѣлать, завопила старуха:—вишь ты какой странный... аль руку на себя поднять хочешь, что ли, прости Господи! — деньги... у меня въ березничкѣ... въ кубышкѣ... зарыты...

— Веди туда!.. крикнулъ мужикъ:— веди!.. скорѣе!..

Старуха оправилась, поспѣшно подняла клюку; онъ уцѣпился ей за полу, и оба быстрыми шагами пустились по дорогѣ къ рощѣ.

Пока еще тянулся проселокъ, они шли ходко; но какъ только старуха свернула на пашню, Антонъ началъ уже съ трудомъ поспѣвать за ней. Ночь стала опять черна, и дождь, ослабѣвшій-было на время, полилъ вдругъ съ такой силой, что онъ едва могъ различать черты своей спутницы. Глинистая почва пашни прилипала къ ихъ ногамъ тяжелыми комками и еще болѣе затрудняла путь; время отъ времени они останавливались перевести духъ.

Наконецъ старуха свела его въ глубокую межу, на днѣ которой бѣжалъ, журча и клубясь, дождевой стокъ; съ обѣихъ сторонъ поднимались черныя, головастыя дуплы ветелъ; мѣстами тянулись сплошною стѣною высокіе кустарники; кой-гдѣ бѣлый стволъ березы выглядывалъ изъза нихъ какъ привидѣніе, протягивая впередъ свои угловатыя худощавыя вѣтви. Дорога часъ-отъ-часу становилась затруднительнѣе; ноги поминутно встрѣчали камни или скользили въ тинѣ; иногда цѣлыя груды сучьевъ, сломанныхъ вѣтромъ, заслоняли межу.

Подобно несмѣтному легіону духовъ, вѣтеръ проносился съ одного маху по вершинамъ деревъ, срывая милліоны листьевъ и сучьевъ; потомъ вдругъ, какъ бы встрѣтивъ въ сторонѣ препятствіе, возвращался съ удвоенною силою назадъ, покрывая землю глыбами смоченныхъ листьевъ. Тогда грохотъ бури смолкалъ на минуту, и снова слышались журчаніе потоковъ и однообразный шумъ дождя, который падалъ полосами на деревья и скатывался на дорогу.

— Ой, погоди, касатикъ, дай вздохнуть... надыть еще въ оврагъ спусчаться, сказала старуха.

Антонъ молча остановился.

Немного погодя, они въ самомъ дѣлѣ начали спускаться по крутому каменистому скату въ оврагъ. Очутившись на днѣ, Антонъ поднялъ глаза кверху; окраины пропасти вырѣзывались такъ высоко на небѣ, что едва можно было различить ихъ очертаніе.

Нѣсколько разъ Антону приводилось проползать подъ стволами деревъ, опрокинутыми тамъ и сямъ поперекъ пропасти, загроможденной повсюду камнями; старуха, повидимому, хорошо знала дорогу, она ни разу не оступилась, не споткнулась, несмотря на то, что шла бодрѣе прежняго и уже не упиралась болѣе своею клюкою.

Затесавшись, наконецъ, вмѣстѣ съ Антономъ въ густую чашу кустарниковъ, изъ которой выходъ казался невѣроятнымъ, она неожиданно остановилась, рванулась впередъ и закричала хриплымъ своимъ голосомъ:

— Ребятушки! сюда, родимые!..

Одуматься не успѣлъ Антонъ, какъ уже почувствовалъ себя въ рукахъ двухъ дюжихъ молодцовъ. Движимый инстинктивнымъ чувствомъ самоохраненія, онъ бросился-было впередъ, но желѣзныя руки, обхватившія его, предупредили это намѣреніе и тотчасъ же осадили назадъ.

— Куда! сказалъ одинъ изъ нихъ:—куда? небось, не уйдешь, и здѣсь подождешь!..

— Ермолаюшка, касатикъ, заговорила старуха: — погоди, незамай его... родимый, вѣдь это братъ твой, Антонъ... охъ! рожоный, ужъ такой то, право, колотырный... пристаетъ, вишь, пособи ему, дай денегъ.

Услыша это, Ермолай отступилъ назадъ и крикнулъ:

— Антошка, ты ли это?..

Но такъ какъ Антонъ не отвѣчалъ, онъ быстро подошелъ къ нему, взялъ его обѣими руками за плечи, глянулъ ему въ лицо и потомъ, упершись кулаками въ бока, залился дребезжащимъ смѣхомъ.

— Антошка! чортъ! какимъ-те лѣшимъ принесло сюда?.. Петруха, пусти его. Небось, не уйдетъ: онъ съ родни!..

Петруха пристально посмотрѣлъ въ лицо мужику и тотчасъ-же выпустилъ его, промолвивъ, однако, грубо товарищу:

— Что-жъ что онъ братъ тебѣ... коли пришелъ вывѣдать... такъ все одно ему...

— До что-жъ ты ничего не говоришь, словно пень? продолжалъ Ермолай, обращаясь къ брату, который не двигался съ мѣста: — зачѣмъ пожаловалъ сюда, чего-те отъ насъ надо? да говори-же, дьяволъ! аль взаправду глотку-то заколотили тебѣ на деревнѣ?..

— Дай ему опомниться, касатикъ ты мой, видно запужался больно, подхватила старуха, нагибаясь и кладя что-то наземь:—вотъ иду я такъ-то, родной, изъ ихняго Троскина...

— Ну, что? спросили въ одно время Петръ и Ермолай.

— Да вотъ, отвѣчала она, понизивъ голосъ: — двѣ курочки у мужика сволочила... Ну, вотъ такъ-то, продолжала она громко:—иду я, а онъ, окаянный, какъ кинется ко мнѣ: денегъ, говоритъ, давай!.. такой-то пропастный!..

— Э! ге... ге... такъ ты, видно, горемыка! воскликнулъ Ермолай:—что, братъ, знать не по вкусу пришли дубовы-то пироги съ березовымъ масломъ!.. Да что-жъ ты, взаправду, ничего не говоришь? ай не радъ, что встрѣлся?..

— Радъ не радъ, произнесъ другой, подходя къ мужику:—тебѣ отсель не выйти...

— Братцы! началъ вдругъ Антонъ, какъ-бы пробудившись отъ сна:—мнѣ денегъ надо, денегъ!.. лошадь увели намедни... послѣднюю лошадь... оброку платить нечѣмъ, прибавилъ онъ черезъ силу.

— Такъ-ли?.. слыхалъ я про эвто, да...

— Такъ, родной, перебила старуха: — по-міру, почитай, пустилъ его управитель-то...

— Ну, а ребята мои живы? спросилъ неожиданно Ермолай.

— Живы... да ѣсть нечего, отвѣчалъ мрачно Антонъ:— пособите, братцы, хошь сколько-нибудь дайте денегъ! промолвилъ онъ голосомъ отчаянія.

— Мы вѣдь недавно, всего, кажись, три недѣли сюда подоспѣли... Вотъ парнюхѣ старуху свою хотѣлось про-

вѣдать... да мѣсто вышло податно, такъ и остались зимовать... а то-бы я навѣстилъ тебя... на ребятокъ поглядѣть хотѣлось, мать-то ихъ добре померла... такъ что-жъ ты, Антонушка?.. къ намъ, что-ли?

— Послѣднюю лошадь увели, началъ снова Антонъ:— подушныхъ платить нечѣмъ... денегъ мнѣ надо...

— Эхма! пособить-то те можно, да вотъ, вишь, какое дѣло—деньги-то у насъ не то что свои, не то что чужія. Онѣ у насъ теперь въ карманѣ, такъ стало наши. А вотъ маленько прежь сего ихъ держалъ у себя за пазухою купецъ, ѣхавшій съ ярманки; мы къ нему, знашь, тово: подѣлись, дескать, добрый человѣкъ! Онъ на насъ съ крикомъ, мы погрозили порядкомъ, деньги-то съ бумажникомъ онъ намъ и швырнулъ въ лицо, а самъ давай Богъ ноги... Ну, ты теперь нашъ, все узналъ; помочь-то тебѣ мы поможемъ, да только ни гу-гу, а то вѣдь бѣда! купецъ-то ночью насъ не разглядѣлъ, да и лыжи отсюдова навострилъ далеко, такъ никто не узнаетъ, коли ты не проболтаешься. Мы теперь зайдемъ въ кабакъ вмѣстѣ, что не далеко отсюдова, а тамъ дадимъ тебѣ на расживу, да и разойдемся на разныя стороны. — А что ты, Антошка, бывалъ у Бориски рыжака, пивалъ у него когда?

— Нѣтъ.

— Ну, стало, не знаетъ тебя рыжій?

— Не знаетъ.

— Ну, и ладно, идемъ... А ты, матушка, здѣсь оставайся!

— Вѣстимо, родной... васъ поджидать стану... мотри только, касатикъ, его-то отъ себя не пущайте...

— Небось, не уйдетъ! отвѣчатъ тотъ: — ну, идемте, ребята... мотри-же, Антонушка, опростоволосишься, вотъ-те Христосъ поминай какъ звали!..

Бродяги допили штофъ, подняли кверху дубинки и, сказавъ еще что-то шопотомъ старухѣ, пропустили Антона впередъ и начали выбираться изъ оврага. . . . .

. . . . . .

Кабакъ, куда направлялись они, стоялъ одиноко на распутьи, между столбовой дорогой и глубокимъ узкимъ

проселкомъ; сдѣлавъ два или три поворота, проселокъ исчезалъ посреди горныхъ, кочковатыхъ полей и пустырей, разстилавшихся во всѣ стороны на неоглядное пространство. Ни одно деревцо, ни одна башенка не оживляли ихъ; обнаженнѣе, глуше этого мѣста трудно было сыскать во всей окрестности.

Зданіе кабака соотвѣтствовало, какъ нельзя лучше, печальной мѣстности, его окружавшей: оно состояло изъ старинной двухъ-этажной избы съ высокою кровлей, исполосованной по всѣмъ направленіямъ темнозеленымъ мохомъ и длинными щелями. На верхушкѣ ея откоса торчала рыжая, изсохшая сосенка; худощавыя, изсохшія вѣтви ея, казалось, звали на помощь. Стѣны избы были черны и мрачны; промежутки между бревнами, сѣро-грязноватаго цвѣта, показывали, что мохъ уже давнымъ-давно истлѣлъ. Новенькое сосновое крылечко, прилаженное ко входу избы, еще болѣе выказывало ея ветхость. Его гладенькіе, вылущеные столбики, бѣлый, лоснящійся навѣсъ съ вычурами. тоненькія перила такъ рѣзко бросались въ глаза своимъ контрастомъ съ остальною частью кабака, что невольно напоминали уродливое сочетаніе безобразнаго старика съ свѣженькой молодой дѣвушкой.

Зданіе, подобно многимъ въ этомъ родѣ, было окружено съ трехъ сторонъ навѣсами, дававшими тотчасъ-же знать, что радушіе хозяина не ограничивалось одною лишь косушкой: тутъ находился и постоялый дворъ; польза соединялась слѣдовательно съ пріятнымъ. Такимъ образомъ проходимцу или извозчику предстояло чрезъ это истинно благодѣтельное соединеніе выпить вмѣсто одной косушки, уже необходимой для подкрѣпленія силъ, еще двѣ лишнія: одну, какъ водится, послѣ ужина, другую при разставаньи подъ утро.

По мѣрѣ того, какъ темнота ночи разсѣевалась, черная профиль высокой кровли кабака и сосны, усѣянной заночевавшими на ней галками, вырѣзывалась рѣзче и рѣзче на сѣроватомъ, пасмурномъ небѣ. Кругомъ тишина была мертвая. Несмотря, однакожъ, на ранній разсвѣтъ, въ одномъ изъ оконъ нижняго этажа, пока еще смутно мелькавшемъ сквозь полосы тумана, свѣтился огонекъ.

Послѣ нѣкотораго вниманія можно даже было довольно четко различить длинную тѣнь человѣка, ходившаго взадъ и впередъ по избѣ. Вскорѣ тѣнь эта скрылась. На крылечкѣ показался тогда высокій мужчина въ длиннополомъ кафтанѣ на лисьемъ мѣху. Сначала нагнулся онъ на перила и, приложивъ ладонь ко лбу въ видѣ зонтика, долго глядѣлъ на большую дорогу; потомъ, сдѣлавъ нетерпѣливое движеніе, незнакомецъ сошелъ внизъ. Видно было, однако, что и здѣсь остался онъ недовольнымъ, простоявъ еще нѣсколько времени, махнулъ онъ съ досадою рукой и опять поднялся на крылечко. Находясь, должно быть, подъ вліяніемъ нетерпѣливаго ожиданія и не довѣряя, вѣроятно, своей зоркости въ первыхъ двухъ попыткахъ, онъ сѣлъ на ступеньки, подперся ладонью и снова принялся глядѣть въ туманную мглу, окутывавшую мѣстность.

Но вотъ уже потянулся туманъ въ вышину. Глубокія колеи дороги, налитыя водою, отразили восходъ, а онъ все еще не покидалъ своего мѣста и не сводилъ глазъ съ дороги.

Пахнетъ-ли вѣтерокъ по влажной землѣ, пронесется-ли въ воздухѣ стая галокъ,—онъ быстро подымаетъ голову, прислушивается.

Терпѣніе его, казалось, наконецъ истощилось: онъ вскочилъ на ноги и проворно вошелъ въ сѣни кабака. Тутъ попрежнему онъ увидѣлъ рыжаго цѣловальника, лежавшаго навзничъ между двумя бочками, устланными рогожей; въ углу, на полу, храпѣли два мужика и мальчикъ лѣтъ 13, батракъ хозяина. Дверь налѣво въ кабакъ была заперта на замокъ.

Человѣкъ въ длинномъ кафтанѣ прошелъ поспѣшно сѣни и вступилъ въ избу направо. Онъ, повидимому, былъ чѣмъ-то сильно встревоженъ.

Слабый свѣтъ догоравшей свѣчки, смѣшиваясь съ бѣлымъ свѣтомъ утра, набрасывалъ синевато-тусклый отблескъ на лица нѣсколькихъ мужиковъ, спавшихъ на нарахъ. На лавкѣ, подлѣ стола, покрытаго скудными остатками крестьянскаго ужина, сидѣлъ, опустивъ голову на грудь, бородатый человѣкъ, котораго по одеждѣ легко можно было принять за купца. Опершись одною рукою

на столъ, другою на лавочку, онъ храпѣлъ на всю избу. Незнакомецъ прямо подошелъ къ нему и дернулъ его за руку; потерявъ равновѣсіе, купецъ свалился на лавку и захрапѣлъ еще громче.

— Матвѣй Трофимычъ, сказалъ съ досадою незнакомецъ, принимаясь будить его:—Матвѣй Трофимычъ! проснись, эй!.. до сна-ли теперь? да встань-же... ну...

— Мм... а что, братъ пріѣхалъ? отозвался купецъ, торопливо протирая глаза.

— Какой пріѣхалъ! слышь, Матвѣй Трофимычъ... мнѣ все думается, не бѣда-ли какая случилась съ братомъ...

— Гм! произнесъ Матвѣй Трофимычъ, приподнимаясь:— давно-бы надо здѣсь быть... вечоръ еще... сколько бишь, сказывалъ онъ, верстъ отъ города до Марина?

— Да никакъ 20 или 22 говорилъ...

— Эхъ, напрасно, право, мы съ нимъ тогда не поѣхали, получка денегъ не Богъ знаетъ сколько взяла бы времени!.. да дѣлать нечего, подождемъ еще, авось подъѣдетъ...

— Мнѣ все думается, не прилучилось бы съ нимъ бѣды какой... поѣхалъ онъ съ деньгами... долго-ли до грѣха?.. такъ индо сердце не на мѣстѣ... Слышалъ ли ты, мужички вечоръ разсказывали, здѣсь и въ частую бываетъ не ладно... Одинъ изъ Ростова, помнишь, такой дюжій, говорилъ, вишь изъ постоялаго двора да еще въ ярманку, вотъ гдѣ мы были-то, у мужичка увели лошадь.

— Ой-ли?..

— То-то, Матвѣй Трофимычъ, ты спалъ, а я слышалъ...

— Авось, Богъ милостивъ... охъ... хе... хе...

Въ то время въ избу вошелъ цѣловальникъ; закинувъ коренастыя руки свои назадъ за шею, онъ протяжно зѣвнулъ и сказалъ, потягиваясь:

— А что, не пріѣзжалъ еще вашъ товарищъ?..

— Нѣтъ, братъ, не ѣдетъ да и полно, отвѣчалъ высокій: — я ужъ поджидалъ, поджидалъ, глаза высмотрѣлъ... Побаиваемся мы, не случилось-ли съ нимъ бѣды какой... ѣхалъ ночью, при деньгахъ... на грѣхъ мастера нѣтъ...

– Что случится!.. запоздалъ должно быть...

— У васъ вотъ, говорятъ, на дорогахъ-то шалятъ больно... вотъ объ эвтомъ-то мы и сумлѣваемся...

— Что говорить, случалось, всяко бываетъ; да ужъ что-то давно не слыхать; намедни вотъ, сказываютъ, бабу вишь какую-то обобрали... а то не слыхать... кажись, смирно стало...

— О-охъ, бѣда, да и только... ужъ не съѣздить-ли мнѣ въ Марино... далече отселева станетъ?

— Верстъ 17 безъ малаго... да вы не ѣздите... обождите... Господь милостивъ... о!.. о!.. Цѣловальникъ зѣвнулъ. — Эй, Пахомка, что ты, косой чортъ!.. крикнулъ онъ, выходя въ сѣни и толкнувъ подъ бокъ ногою мальчика: — вставай, пора продрать буркулы-те... время кабакъ отпирать: день на дворѣ...

Матвѣй Трофимычъ сѣлъ снова на лавочку и задремалъ. Товарищъ его вышелъ на крылечко и снова принялся глядѣть на дорогу.

Вскорѣ кабакъ ожилъ. Зазвенѣли склянки, зашумѣлъ народъ, все пришло въ движеніе. Работница - стряпуха затопила печь, мужики завозились подъ навѣсами, и немного погодя послышались уже громкія восклицанія и удалая пѣсня.

Человѣкъ въ длиннополомъ кафтанѣ продолжалъ глядѣть съ тѣмъ же притупленнымъ вниманіемъ на дорогу.

Вдругъ онъ поднялся, взбѣжалъ на крыльцо, и вытянулъ впередъ шею, какъ-бы силясь приблизиться къ увидѣнному имъ вдалекѣ предмету. Но лицо его, обнаружившее радость, мгновенно нахмурилось; обманутый ожиданіемъ, онъ печально отошелъ назадъ. На дорогѣ показались три пѣшихъ человѣка.

Когда подошли они ближе, купецъ невольно обратилъ на нихъ вниманіе. Двое изъ нихъ были покрыты грязными лохмотьями; лица ихъ были тощи и изнурены; щетинистые, взъерошенные брови и бакены придавали имъ видъ суровый, дикій. Наружность третьяго путника особенно поразила купца. Это былъ высокій, сгорбленный мужикъ лѣтъ шестидесяти, покрытый сѣдиною, съ ли-

цомъ известковаго, болѣзненнаго цвѣта. Онъ какъ будто удрученъ былъ какимъ-то сильнымъ недугомъ. Голова его нѣсколько висѣла на бокъ; огромныя коренастыя руки старика какъ-то безжизненно болтались, при каждомъ шагѣ, вдоль угловатыхъ, костлявыхъ ногъ, перепутанныхъ разодранными онучами, покрытыми грязью. Онъ казалось совершенно безчувственъ былъ къ стужѣ, которая багровила ему грудь и плечи, едва прикрытыя лохмотьями крестьянской рубашки.

Приблизившись къ кабаку, товарищи старика оглянулись сначала во всѣ стороны, потомъ взяли его подъ руки и поспѣшно вошли въ кабакъ, не взглянувъ даже на сидѣвшаго незнакомца. Купецъ, поглядѣвъ еще нѣсколько минутъ на дорогу, тоже вошелъ въ кабакъ. Въ головѣ его невольно мелькнуло какое-то подозрѣніе.

Большая часть мужиковъ, заночевавшихъ у цѣловальника, находилась уже тутъ; нѣкоторые изъ нихъ стояли посередь избы и о чемъ-то горячо спорили, другіе сидѣли на лавочкѣ за большимъ столомъ. Въ углу подлѣ сороковой бочки, уставленной разнокалиберными мѣдными воронками, за небольшимъ столикомъ сидѣли по обѣимъ сторонамъ Антона, братъ его Ермолай и Петрушка. Передъ ними стояли штофъ и стаканы. Ермолай, положивъ локти на столъ и запустивъ ладони въ черные свои волосы, глядѣлъ безпечно въ окно; но усилія, съ какими расширялъ онъ глаза, безпрерывное движеніе мускуловъ на узенькомъ лбу его его и легкое наклоненіе головы свидѣтельствовали, что онъ жадно прислушивался къ тому, что говорилось вокругъ. Антонъ и другой его товарищъ сидѣли насупясь и молчали.

Немного спустя, цѣловальникъ подошелъ къ купцу.

— Ну, что? сказалъ онъ: — видно, братъ-атъ не ѣдетъ...

— Нѣтъ, не ѣдетъ, отвѣчалъ тотъ, бросивъ косвенный взглядъ на уголъ, гдѣ сидѣли бродяги: — я ужъ, право, думаю, бѣда случилась... онъ былъ при деньгахъ... поѣхалъ ночью...

Движеніе Ермолая и товарища его, который быстро поднялъ голову, не ускользнуло отъ купца; сердце его колотило такъ сильно, что онъ нѣсколько секундъ не могъ

произнести слова; оправясь, онъ продолжалъ, однако, стараясь принять по возможности спокойный видъ:

— Ты же, братъ, разсказывалъ, что у васъ здѣсь какую-то бабу обобрали на дорогѣ... точно, мѣсто глухое... чего добраго, ограбятъ еще...

Рѣчь замерла у него на устахъ. Взглядъ, брошенный Ермолаемъ на дверь и на товарищей, усиливалъ въ немъ подозрѣніе: все говорило ему, что тутъ крылось что-то недоброе. Онъ какъ бы нехотя приподнялся съ своего мѣста и, толкнувъ локтемъ цѣловальника, вышелъ съ нимъ въ сѣни.

— Слушай, братъ хозяинъ, сказалъ онъ торопливо:—мнѣ сдается, бѣда прилучилась... Видалъ этихъ трехъ, что сидятъ въ углу подлѣ бочки?..

— Какже... а что?..

— Сдѣлай милость, продолжалъ купецъ убѣдительнымъ голосомъ:—ради Господа Бога, не пущай ты ихъ, развѣдаемъ сперва, что они за люди... тебѣ будетъ не въ обиду... ишь они какими недобрыми людьми выглядятъ.. и тотъ, что съ ними, старикъ-атъ... въ одной рубахѣ... точно, право, бродяги какіе... не пущай ты ихъ... я пойду разбужу товарища... мнѣ, право, сдается, они...

И купецъ, не докончивъ рѣчи, опрометью кинулся въ избу...

Цѣловальникъ, страстный охотникъ до всякихъ свалокъ и разбирательствъ, и которому уже не впервые случалось накрывать у себя въ заведеніи мошенниковъ, тотчасъ же принялъ озабоченный видъ, пріободрился и, кашлянувъ значительно, вошелъ въ кабакъ.

Ермолай и его товарищи успѣли опорожнить въ то время штофъ и сбирались въ путь.

— Хозяинъ, сказалъ онъ, подходя бодро къ цѣловальнику:—что съ насъ?

— Штофъ, что-ли? спросилъ тотъ, окидывая взоромъ столъ и Антона, сидѣвшаго недвижно, какъ и прежде.

— Да, братъ, штофъ, отвѣчалъ Ермолай, надѣвая одною рукою шапку, другою подавая красную ассигнацію;—эхъ, жаль, время не терпитъ, а то бы знатную у тебя выпивку задали...

— А вамъ нешто къ спѣху... продолжалъ рыжій Борисъ, которому красная бумажка показалась что-то подозрительною въ рукахъ такого оборванца: — вы отколь?..

— А мы, братъ, сдалече, копальщики, идемъ съ заработокъ... домой, отвѣчалъ, ни мало не смущаясь, Ермолай и въ то же время подалъ знакъ Петру, указавъ на брата.

Но, замѣтивъ усилія, съ какими Петръ приподнималъ Антона на ноги, цѣловальникъ спросилъ:

— А что это у васъ, товарищъ-атъ... кажись, разнемогся...

— Да... на дорогѣ изъ Тулы... что-то животы подвело... отвѣчалъ Петръ, подбираясь съ Антономъ къ двери.

— Хозяинъ, давай-ка скорѣй сдачу... сказалъ Ермолай нетерпѣливо.

Но купецъ, сопровождаемый нѣсколькими мужиками, загородилъ имъ дорогу. Въ числѣ мужиковъ находился и ростовецъ, тотъ самый, что встрѣтился съ Антономъ на ярмаркѣ. Увидя его, онъ растопырилъ руки и произнесъ радостно:

— А! здорово, братъ, какъ те Богъ милуетъ... Вотъ не чаялъ встрѣтить! Ну, что, нашелъ лошадь?

Антонъ вздрогнулъ.

— Развѣ ты его знаешь? спросилъ удивленный купецъ.

— Какъ-же! отвѣчалъ ростовецъ, подходя ближе къ Антону:—да вѣдь это, братцы, тотъ самый мужикъ, что сказывалъ я вамъ вечоръ, у кого лошадь-то увели.—Ну, братъ, ужъ какъ же твой землякъ-то убивалси!..

Нѣсколько мужиковъ встали съ своихъ мѣстъ и подошли съ участіемъ къ Антону.

— Мы на другой день нашли его лошадь... отвѣчалъ оторопѣвъ Петръ:—насилу откупились...

— Ой-ли?..

— Да тебѣ-то что?.. сказалъ Ермолай, толкнувъ плечомъ ярославца и силясь пробиться къ двери. Видно было, что ему становилось уже неловко.

— Ты, братъ мотри не пихайся, не къ тебѣ слово идетъ...

— Стой, молодецъ, произнесъ вдругъ цѣловальникъ, удерживая бродягу:—какъ же ты говорилъ мнѣ, вы съ заработокъ шли... а вотъ онъ его видѣлъ (тутъ Борисъ указалъ на ростовца и потомъ на Антона) съ лошадью на ярманкѣ и сказывалъ, мужикъ пахатный... помнится, еще изъ ближайшей деревни...

— Какже, изъ Троскина какого-то, замѣтилъ ростовецъ:—а что?

— Что-жъ ты бабушку путаешь? воскликнулъ Борисъ, подступая къ Ермолаю:—какой-же онъ копальщикъ!

— Да чего тебѣ отъ насъ надо? крикнулъ Ермолай, врываясь силою въ двери...

— Нѣтъ, погоди... постой... Эй, ребята! не пущайте его... сказывай прежде, что вы за люди...

— Разбойники, разбойники!.. завопилъ неожиданно купецъ, выхватывая изъ рукъ Ермолая зеленыя замшевыя рукавицы, которыя тотъ не подумалъ второпяхъ спрятать:—братцы! вяжи ихъ! братнины рукавицы!.. знать они его ограбили... крути ихъ.

— Эй... держи!.. вяжи!.. держи!.. раздалось со всѣхъ сторонъ въ кабакѣ, и толпа мужиковъ обступила бродягъ.

— Чего вы, дьяволы! ну, что, кричалъ Ермолай, становясь въ оборонительное положеніе:—ну, что вамъ надо?..

— Откуда у тебя рукавицы, разбойникъ?.. произнесъ купецъ, хватая его за грудь.

— На дорогѣ нашелъ!..

— Врешь, собачій сынъ! сказалъ цѣловальникъ, вытаскивая въ эту самую минуту изъ-за пазухи Ермолая замшевый бумажникъ:—а это что?..

Не прошло минуты, какъ уже Ермолай лежалъ въ саняхъ, связанный по рукамъ и по ногамъ. Петрушку также выводили изъ кабака. Проходя мимо товарища, онъ сказалъ дрожащимъ, прерывающимся голосомъ:

— Братцы... отпустите меня... за что вы меня тащите... это вотъ онъ съ своимъ братомъ... мужикъ тотъ... сѣдой-то... обобрали купца... отпустите!..

— Какъ! убили! завопилъ купецъ, вбѣгая въ сѣни:—обобрали!..

И онъ кинулся, какъ полоумный, вонъ изъ избы.

— Эй, цѣловальникъ! хозяинъ! закричалъ Матвѣй Трофимычъ рыжему Борису, все еще хлопотавшему подлѣ Ермолая:—посылай скорѣй въ ихъ вотчину... въ накладѣ не будешь... скорѣй парня на лошади посылай въ ихъ деревню за десятскимъ... за управляющимъ... да, ну, братъ, проворнѣй!..

Пока прикручивали Петра, въ дверяхъ кабака послышался страшный шумъ, въ то же время на порогѣ показалось нѣсколько мужиковъ, державшихъ Антона;— ухвативъ старика, кто за что успѣлъ, они тащили его по полу съ такою яростью, что даже не замѣчали, какъ голова несчастнаго, висѣвшая на бокъ, стукалась о-земь. Глаза Антона были закрыты, и только судорожное вздрагиваніе вѣкъ и лба свидѣтельствовали о его жизни. Сквозь стиснутые зубы и на блѣдныхъ губахъ его проступала кровь. Толстоватый ярославецъ, казалось, болѣе другихъ былъ въ бѣшенствѣ; онъ не переставалъ осыпать его ударами.

— Вяжи его, разбойника... вяжи!.. кричалъ онъ хриплымъ голосомъ:—вишь, какъ надулъ... мошенникъ... надулъ, собака... а я-то, волкъ меня съѣшь, еще плакалъ-было надъ нимъ... тащи его, разбойника!.. вяжи его! вяжи!..

— Эй, Степка, бери скорѣй лошадь, валяй въ Троскино село, сказалъ цѣловальникъ вбѣжавшему дворнику:—ступай прямо къ управляющему, зови сюда... да скажи, чтобъ слалъ народу, разбойниковъ вишь поймали изъ ихъ вотчины... ступай скорѣй!..

Тотъ опрометью кинулся подъ навѣсы.

Немного погодя, Степка мчался что есть духу по дорогѣ въ Троскино.

Рыжій Борисъ, Матвѣй Трофимычъ и еще нѣсколько человѣкъ изъ мужиковъ стояли между тѣмъ на крылечкѣ, махали руками и кричали ему вслѣдъ:

— Ступай, не стой... мотри, скорѣй!.. зови управляющаго, зови народъ... погоняй, не стой!..

XI.

Заключеніе.

Недѣлю спустя послѣ происшествія въ кабакѣ, на улицѣ села Троскина толкалась почти вся деревня: каждый, и малый и взрослый, хотѣлъ присутствовать при отправленіи разбойниковъ. Пестрая толпа изъ мужиковъ, бабъ, дѣвокъ, ребятъ и даже младенцевъ, которыхъ заботливыя матери побаивались оставить однихъ-одинешенькихъ въ качкахъ, окружала съ шумомъ и говоромъ двѣ подводы, запряженныя парою тощихъ деревенскихъ клячъ. Въ телѣгахъ покуда никого еще не было. Прислонившись къ одной изъ нихъ, стояли другъ подлѣ дружки два сѣдыхъ старика въ рыжеватыхъ коротенькихъ полушубкахъ, туго подтянутыхъ ремнемъ; мѣдныя восьмиугольныя бляхи, пришитыя къ правой сторонѣ груди каждаго изъ нихъ, и обритыя бороды давали знать, что это были никто иные, кткъ наемные сотскіе изъ стана. Оба дружелюбно разговаривали съ молодымъ парнемъ, которому въ качествѣ хозяина очередной подводы слѣдовало везти конвойныхъ до ближняго острога. Поодаль отъ этой группы находился служивый этапной команды. Опершись на ружье и повернувшись спиною къ хозяину другой телѣги, молодому лѣтъ 16,—онъ то и дѣло поглаживалъ щетинистый усъ свой и вслѣдъ затѣмъ лукаво подмигивалъ близъ стоявшимъ бабамъ. По другую сторону подводъ сидѣли, прислонившись на ось, кузнецъ Вавила и его помощникъ. Послѣдній расположился на кожаномъ мѣшкѣ, изъ котораго выглядывали желѣзныя кольца и молоты; онъ свирѣпо почесывалъ затылокъ и, закинувъ голову назадъ, всматривался почему-то очень пристально въ небо, покрытое густыми бѣловатыми тучами. Къ нимъ-то толпа и напирала сильнѣе всего.

Каждый старался просунуть голову, чтобы только хоть вскользь да поглядѣть на новыя березовыя колодки, лежавшія грудой у ногъ Вавилы.

Высокій, плѣшивый старикъ, стоявшій впереди дру-

гихъ, не утерпѣлъ даже, чтобы не прикоснуться къ нимъ нѣсколько разъ ногою.

— Эки штуки!.. произнесъ онъ наконецъ, проворно отдергивая ногу.

— А чего надо? сказалъ сурово Вавила:—не видалъ что-ли?..

— Нѣтъ, не приводилось, отвѣчалъ тотъ съ сожалѣніемъ:—занятно больно...

— А что, дядя Вавила, я чай, куды тяжелы станутъ? спросила въ свою очередь, красная, какъ макъ, и востроносая, какъ птица, баба, вытягивая впередъ длинную, костлявую шею.

— Вѣстимо, тяжелы... попробуй... отвѣчалъ кузнецъ.

— Ну, ты, что лѣзешь... нешто не видала? пошла, вотъ какъ двину!.. вымолвилъ высокій плѣшивый старикъ, выжимая, востроносую бабу изъ толпы и снова устремляя круглые свои глаза на колодки — предметъ всеобщаго любопытства.

— Гдѣ ты ихъ срубилъ, дядя Вавила? въ осинникѣ, что-ли? вымолвила румяная, курносая дѣвка, повязанная желтымъ платкомъ, высунувъ голову изъ-за плечъ сгорбленной, сморщенной старушонки.

— А тебѣ на-што?..

— Эхъ, я чай, побредетъ теперь нашъ Антонъ, замѣтилъ кто-то далѣе:—вотъ привелось на старости лѣтъ надѣть сапожки съ какой оторочкою...

— По-дѣломъ ему, мошеннику!.. А развѣ кто велѣлъ ему на старости лѣтъ принять такой грѣхъ на душу... шуточное дѣло—человѣка обобрать!..

— Да, братцы, не думали, не гадали про него, началъ опять другой:—дались мы диву: чтой-то у насъ за воры повелись, того обобрали да другого... вотъ намедни у Стегнѣя все полотно вытащили... а это знать все они чудили... Антонъ-атъ, видно, и подсоблялъ имъ такія дѣла править: знамо, окромя своего некому провѣдать, у кого что есть...

— Подѣломъ ему, мошеннику, подѣломъ... что вы его, разбойника, жалѣете, братцы...

— Тетка Ѳедосья, была ты ономнясь на улицѣ, какъ

провели ту побирушку-то, что къ намъ въ деревню шлялась?

— Нѣтъ, матушка; не привелось видѣть. Вѣдь она, сказываютъ, мать тому бѣдному-то?

— Мать... Трифонъ Борисовъ баилъ, ужъ такая-то, говоритъ, злыдная, нивѣсть какая злыдная; руку, говоритъ, чуть было не прикусила ему, какъ вязать-то ее зачали.

— Что ты?

— Провалиться мнѣ на этомъ мѣстѣ, коли не сказывалъ... Вотъ, тетка Ѳедосья, и на умѣ ни разу не было, чтобы она была таковская: поглядѣть, бывало, смирная, смирная... еще и хлѣбушка подашь ей, бывало...

Словомъ, всюду въ толпѣ, окружавшей подводы, раздавались толки и пересуды.

Но вдругъ толпа зашумѣла громче, и со всѣхъ сторонъ раздались голоса:—«ведутъ! ведутъ!»

На противоположномъ концѣ улицы показались тогда Ермолай, Петръ, Архаровна и Антонъ; впереди ихъ выступалъ съ озабоченнымъ, но важнымъ видомъ Никита Ѳедорычъ, провожаемый сотскими и старостами. По обѣимъ сторонамъ осужденныхъ шли нѣсколько человѣкъ этапныхъ солдатъ въ полной походной формѣ, съ ружьемъ и ранцемъ. Позади ихъ валила толпа народа. Между нею и Антономъ, который шелъ позади товарищей, тащилась, переваливаясь съ ноги на ногу и припадая безпрестанно на колѣни, Варвара, сопровождаемая Ванюшею и его сестрою, ревѣвшими на всю деревню. Въ сторонѣ отъ всѣхъ бѣжала, то тискаясь, то разсыпаясь, пискливая ватага дѣвчонокъ и ребятишекъ. Рыженькая хромая дѣвочка, прыгая на одной ножкѣ и коверкаясь какъ бѣсенокъ, опережала всѣхъ.

— Пошли прочь! крикнулъ сердито Никита Ѳедорычъ, расталкивая мужиковъ и бабъ, тѣснившихся вокругъ телѣгъ: — чего стали?.. пошелъ, говорю. Ну, ты вставай да набей-ка имъ колодки, мошенникамъ. А вы смотрите, братцы, продолжалъ онъ, обращаясь ласково къ старикамъ, сотскимъ и солдатамъ: — не зѣвайте, держите ухо востро.

Никита Ѳедорычъ отошелъ нѣсколько въ сторону.

Вавила приступилъ немедля къ исполненію приказанія.

Въ толпѣ воцарилось глубокое молчаніе, такъ что съ одного конца улицы въ другой можно было ясно разслышать удары молотка, которымъ кузнецъ набивалъ колодки.

— Эхъ, братъ, Вавила! произнесъ бойко Ермолай, подставляя ногу: — вотъ гдѣ привелось свидѣться!.. Помнишь, кумъ, какъ пивали вмѣстѣ? лихой, братъ, былъ ты парнюха!

— Садись, мошенникъ! сказалъ ему Никита Ѳедорычъ: — садись. Вотъ погоди-ка, тебѣ покажутъ парнюху.

Ермолай съ помощью сотскихъ взгромоздился на телѣгу подлѣ Архаровны и Петра.

Когда очередь пришла Антону, и Вавила, усадивъ его на ось телѣги, ударилъ въ первый разъ по колодкѣ, посреди смолкнувшей толпы раздался вдругъ такой пронзительный крикъ, что всѣ невольно вздрогнули. Почти въ тоже время къ ногамъ Антона бросилась Варвара; мужики впихнули за ней Ваню и Аксюшу. Понява Варвары распадалась лохмотьями, волосы ея, выпачканные грязью, обсыпали ей спутанными комками лицо и плечи, еле-еле прикрытыя дырявою рубахой. Въ безпамятствѣ она ухватилась обѣими руками за ноги мужа, силясь сорвать съ нихъ колодки.

— Отецъ ты нашъ!.. отецъ, батюшка!.. ой, родные, спасите... вы меня... не пущайте его, родного сиротинушку; на кручину лютую... на кого-то, отецъ, оставишь ты насъ горемычныхъ!..

Далѣе ничего нельзя было разобрать: протяжное рыданіе заглушило ея несвязную рѣчь. Ваня и сестра его стояли неподвижно подлѣ дяди и обливались слезами.

— Эй, братцы, закричалъ снова Ермолай: — мотрите, по старой дружбѣ, не давайте моихъ ребятъ въ обиду, они не причастны!.. Эй вы, дѣвки! и юбки-голубки, сорочки бѣлобочки, присовокупилъ онъ, подмигивая глядѣвшимъ изъ толпы дѣвкамъ: — мотрите, будьте имъ отцами!..

Антонъ, сидѣвшій по сю пору съ видомъ совершен-

наго онѣмѣнія, медленно приподнялъ голову, и слезы закапали у него градомъ.

Тогда сосѣдъ его, Степанъ Бичуга, стоявшій неподалеку, приблизился къ нему и, потупя голову, сказалъ:

— Эхъ, сватъ Антонъ, не тѣмъ, братъ, товаромъ ты торгъ повелъ... жаль мнѣ... право, жаль тебя...

— Да что, отвѣчалъ всхлипывая Антонъ: — вѣдь я видно родился горемыкой, такъ тому и быть... Жаль ребятокъ. Вѣдь тутъ дѣло видимое, попался съ ворами... виноватъ, кругомъ виноватъ. Надо бы объявить по начальству, да какъ объявить? братъ родной! жаль стало... Ну, вотъ теперь и поминай какъ звали...

Онъ хотѣлъ было еще что-то прибавить, но только махнулъ рукой и обтеръ обшлагомъ сермяги глаза, покорившись своей горькой долѣ.

— Ну, сажай его! сказалъ Никита Ѳедорычъ, указывая сотскимъ на Антона: — а вы-то что-жъ стоите?.. Садись да бери возжи; что рты-то разинули!.. эй вы, старосты, оттащите ее... было ей время напрощаться съ своимъ разбойникомъ... отведите ее... ну!..

— Батюшка! вскричала Варвара, судорожно протягивая руки къ мужу. — Ба... тю... шка!.. охъ, Антонушка!.. охъ!..

И баба грохнулась со всѣхъ ногъ наземь.

— Эхма! тетка Варвара, началъ опять Ермолай, взмостясь на перекладину телѣги... полно! его не разжалобишь — онъ указалъ на Никиту Ѳедорыча — ишь онъ какъ пузо-то выставилъ...

— Трогай! закричалъ сердито Никита Оедорычъ, махнувъ рукою мужикамъ, усѣвшимся на облучки подводъ. Они ударили по лошадямъ, присвиснули, и телѣги покатились.

Толпа кинулась вслѣдъ за ними; впереди всѣхъ, подлѣ самыхъ колесъ, скакала, вертясь и коверкаясь на одной ножкѣ, рыжая, хромая Анютка...

— Прощайте, ребята, прощайте! кричалъ Ермолай, размахивая въ воздухѣ шапкой: — не поминайте лихомъ! Прощайте, братцы! прощайте, насъ не забывайте!..

. . . . . .

Телѣги приближались къ околицѣ. Въ это время бѣлыя густыя тучи, висѣвшія такъ неподвижно на небѣ, какъ бы разомъ тронулись и пушистыя хлопья перваго снѣга повалили, кружась и вертясь, на землю. Вмигъ забѣлѣла улица Троскина, кровли избушекъ, старый колодезъ, а наконецъ и поля, растилавшіяся далеко-далеко вокругъ всей вотчины; холодный вѣтеръ дунулъ сильнѣе, и снѣжная сѣть заколыхалась, какъ тяжелое, необъятное покрывало.

Никита Ѳедорычъ закутался плотнѣе въ свой архалукъ и обернулся къ околицѣ; но ничего уже не увидѣлъ управляющій; даже крайнія избы села едва замѣтно мелькали сквозь пушистыя хлопья валившаго отовсюду снѣга...

— Эки мошенники! произнесъ онъ, отряхиваясь и продолжая путь: — вѣдь вотъ говорилъ же я, что вся семья такая... не даромъ не жалѣлъ я ихъ, разбойниковъ... Ну, слава Богу, насилу-то наконецъ отдѣлался!.. Экъ, подумаешь, право, заварили дѣло какое... съ однимъ судомъ недѣлю цѣлую почитай провозились... Ну, да ладно... теперь по крайней мѣрѣ и въ поминѣ ихъ не будетъ!..

Размышляя такимъ образомъ, Никита Ѳедорычъ не замѣтилъ, какъ подошелъ къ конторѣ. Голосъ Анны Андреевны мгновенно вывелъ его изъ задумчивости.

— Никита Ѳедорычъ, а, Никита Ѳедорычъ! ступай чай пить, прокричала она, высовывая изъ форточки желтое лицо свое, перевязанное бѣлой косынкой: — ступай чай пить! полно тебѣ переваливаться-то!..

— Иду, иду, барыня-сударыня, отвѣчалъ супругъ съ достоинствомъ и вошелъ въ сѣни стараго флигеля, не замѣтивъ Фатимки, которая стояла за дверями и, закрывъ лицо ручонками, о чемъ-то разливалась-плакала.

БОБЫЛЬ.

Судъ наѣдетъ, отвѣчай-ка,
Съ нимъ я вѣкъ не разберусь!..

Пушкинъ.

Темная осенняя ночь давнымъ-давно окутала сельцо Комково. Погода стояла бурная, ненастная: мелкій дождь падалъ пополамъ съ снѣгомъ; холодный вѣтеръ гудѣлъ протяжно въ отдаленныхъ поляхъ и равнинахъ... Но буря, слякоть и темнота нимало не вредили приходскому празднику въ селѣ Комковѣ, и гулянка, которой годъ цѣлый ждали обыватели, была въ полномъ разгарѣ. На улицѣ толпилась тьма народа. Со всѣхъ сторонъ слышались нестройныя пѣсни, восклицанія, говоръ, хохотъ; правда, время отъ времени ихъ заглушалъ суровый голосъ бури, которая съ ревомъ и свистомъ пробѣгала по обвалившимся плетнямъ и лачугамъ, но тѣмъ не менѣе пѣсни и крики раздавались громче и громче, когда вѣтеръ проносился мимо и буря на минуту стихала. Почти въ каждой избушкѣ свѣтились огоньки, и длинная нить ихъ, отражавшаяся багровыми полосами въ лужахъ, давала знать, что и внутри домовъ точно такъ же продолжалась пирушка. Словомъ, жители Комкова веселились и гуляли на славу.

Но тогда какъ веселье такъ единодушно обнаружива-

лось съ одного конца деревни до другого, въ домѣ самой помѣщицы было что-то особенно спокойно и тихо. Распутица ли помѣшала сосѣдямъ съѣхаться по обыкновенію къ Марьѣ Петровнѣ, ненастье ли, или другое что, а только она сидѣла этотъ разъ почти безъ гостей. Общество составляли всего-на-все—бѣдная вдова, поручица Степанида Артемьевна, проживавшая въ домѣ третій годъ въ качествѣ «приживалки», и еще ближайшая сосѣдка Марьи Петровны, Софья Ивановна или просто «Иваниха», какъ называли ее крестьяне. Всѣ три дамы расположились въ небольшой уютной комнаткѣ, выходившей на улицу.

Въ углу, подлѣ незавѣшаннаго окна, сидѣла особнячкомъ Степанида Артемьевна и вязала чулокъ; противъ нея на столикѣ стояло все нужное для чая. Огромный неуклюжій самоваръ изъ красной мѣди, занимавшій чуть-ли не половину стола, пыхтѣлъ и отдувался какъ толстякъ, обремененный тяжкою ношей, въ знойное время; изъ него валили, клубясь и журча, густыя струи сѣраго пара, то направляясь на сосѣднее окно и обдавая его крупными каплями, то вдругъ обращаясь косою полосою на сальный огарокъ, находившійся тутъ-же, между чайникомъ и чашками.

При такомъ неожиданномъ нападеніи со стороны сосѣда, огарокъ бросалъ еще болѣе сомнительный свѣтъ на поручицу, женщину съ наружностью жесткою и деревянною, одѣтую, какъ вообще всѣ вдовствующія поручицы-приживалки, въ глубокій трауръ. Другія двѣ дамы сидѣли по-одаль отъ окна, у лежанки. Красное пламя жарко топившейся печки не только позволяло различать ихъ лица, но даже обозначало на стѣнѣ длинные, угловатые профили собесѣдницъ. Одна изъ нихъ, хозяйка дома, была подслѣповатая, маленькая старушонка съ лицомъ кроткимъ и добродушнымъ, напоминавшимъ скорѣе, однако-жъ, безотвѣтную простоту, чѣмъ первыя два качества. На ней былъ черный поношеный платокъ, черный ситцевый капотъ съ бѣлыми крапинами и жиденькій чепецъ съ темными лентами, находившимися постоянно въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи, вопреки неподвиж-

ности самой владѣлицы; это происходило оттого, что головка старухи, и безъ того уже слабая, приняла дурную привычку трястись съ тѣхъ поръ, какъ разъ ночью испугали Марью Петровну, объявивъ ей, что въ Комковѣ загорѣлась баня. Наружность Софьи Ивановны представляла самую рѣзкую противоположность съ наружностью ея сосѣдки. Ясно, что эти крутыя, багровыя щеки, готовыя лопнуть каждую минуту вмѣстѣ съ сѣрыми глазами на выкатѣ, этотъ узенькій лобъ, сплюснутый носъ и черные волосы безъ просѣди, несмотря на пятидесятый годъ, могли только принадлежать бойкой и энергической женщинѣ. Всѣ три дамы хранили глубокое молчаніе. Тишина въ комнатѣ прерывалась лишь трескомъ и щелканьемъ печки, метавшей на полъ искры, и пискливымъ напѣвомъ самовара, которому вторило иногда недовольное ворчанье собаченки, лежавшей на диванѣ, за спиною помѣщицы. Извнѣ слышался отдаленный гулъ толпы, бродившей по улицѣ; время отъ времени, гулъ этотъ какъ-будто приближался и, смѣшавшись внезапно съ свирѣпымъ завываніемъ вѣтра и шумомъ дождя, посылаемаго въ окна, производилъ такой грохотъ, что даже канарейка, сидѣвшая нахохлившись въ клѣткѣ надъ головою поручицы, вздрагивала, высовывала изъ-подъ крылышка голову и начинала отряхиваться.

— Цыцъ, Розка, говорила тогда Марья Петровна, обращаясь къ собакѣ, которая принималась неистово лаять:—цыцъ! Господи благослови, продолжала она: — съ ума они сошли, что-ли? того и смотри, деревню сожгутъ... Степанида Артемьевна, посмотрите, матушка, въ окно, ужъ не случилось ли чего?..

Тутъ Марья Петровна поворачивала съ безпокойствомъ худощавое лицо свое къ окошку и крестилась съ особенною выдержкою.

— Не видно ничего-съ, отвѣчала приживалка обтирая рукою мутное стекло: — все окно до верху занесло снѣгомъ-съ.

— Эхъ, матушка, Марья Петровна, охота же вамъ, право, допускать такія буйства, произнесла Софья Ивановна грубымъ голосомъ, соотвѣтствовавшимъ какъ нельзя

лучше ея дубовой наружности: — смотрите, когда-нибудь наживете себѣ бѣду съ вашею добротой; ужъ когда-нибудь да сожгутъ вамъ ваше Комково ваши-же мужики!..

— Пресвятая Богородица, Божья матерь, св. Сергій угодникъ... охъ!.. моя Анюточка покойница (царство ей небесное!) къ нему прикладывалась... простонала жалобно хозяйка, возводя очи къ потолку и принимаясь снова креститься.

— Да, конечно сожгутъ вамъ деревню, продолжала сосѣдка, — если станете попускать такія буйства и безчинства; время же стоитъ почти всякій разъ въ этотъ день, какъ нарочно, вѣтренное; разумѣется, дѣло осеннее, долго ли до бѣды!

— Охъ! да что-жъ мнѣ дѣлать-то съ ними, Софья Ивановна?..

— Какъ что дѣлать, матушка? вотъ славно! Да кто же здѣсь госпожа? сказали: не хочу, не смѣть, молъ, вамъ буйствовать! да и постращать хорошенько, вотъ и будетъ все въ порядкѣ; а то, право, долго-ли этакъ до грѣха... слышите сами, какой вѣтеръ?.. слышите?..

Софья Ивановна наклонила на бокъ голову; Марья Петровна и поручица послѣдовали ея примѣру.

Пронзительный вѣтеръ люто завывалъ вокругъ всего дома, потрясая ставни и выступы; дождь стучалъ неумолимо, то глухо ниспадая на кровлю, то барабаня по окнамъ.

— Охъ, сколько, я думаю, Софья Ивановна, бездомныхъ-то сироточекъ идутъ теперь по-міру въ такую-то погодушку, промолвила послѣ молчка Марья Петровна:— и пристанища-то у нихъ, бѣдненькихъ, нѣту...

— А вамъ-бы ихъ, небось, всѣхъ къ себѣ заманить хотѣлось! Много ихъ матушка Марья Петровна, на всѣхъ богадѣльни въ вашемъ Комковѣ не построишь, да и капиталу-то не достанетъ. Знаете ли, чѣмъ намъ объ эвтомъ сумлѣваться, погадайте-ка лучше опять въ карточки.

Слова эти произвели магическое дѣйствіе на старушку; лицо ея, обыкновенно безжизненное, осмыслилось вдругъ выраженіемъ живѣйшаго участія; даже что-то въ родѣ улыбки показалось на изсохшихъ губахъ ея. Нужно замѣтить, что она слыла во всемъ околоткѣ мастерицею га-

дать въ карты, и въ этомъ сосредоточивалась вся дѣятельность, все самолюбіе доброй Марьи Петровны. Она съ самодовольной улыбочкой взяла со стола замасленную колоду, стасовала ее и, тряхнувъ быстрѣе обыкновеннаго головкой, сказала поручицѣ: «Степанида Артемьевна, поставьте-ка, голубушка, къ намъ огарокъ, да присядьте сами сюда».

Приживалка зажгла, однако же, другую свѣчку, поставила ее передъ помѣщицею и, не отвѣчая ни слова, усѣлась на прежнее свое мѣсто. Профили старухъ еще значительнѣе вытянулись и расширились на стѣнѣ: голова Софьи Ивановны приняла видъ исполинской тыквы; носъ Марьи Петровны вытянулся и заострился такъ немилосердно, что достигнулъ до чайнаго стола, такъ что при малѣйшемъ движеніи пламени, казалось онъ клевалъ прямо въ сахарницу, а иногда зацѣплялъ даже за чепецъ поручицы, принявшейся снова за свой чулокъ.

— Вамъ, Софья Ивановна, я знаю, вѣрно на червонную даму... вы всегда на нее загадываете? спросила старушка, утвердительно кивая головою.

— Ну, хорошо, ставьте на червонную, отвѣчала та, придвигаясь ближе.

— Ужъ какъ хорошо выходитъ, говорила помѣщица между тѣмъ какъ худощавые ея пальцы такъ вотъ и бѣгали по столу:—ужъ какъ хорошо... интересъ, да, отъ трефоваго короля получите большой интересъ... Постойте, что это? Да, продолжала она, задумчиво потирая лобъ: — препятствуетъ какая-то бѣлокурая дама, довольно пожилая...

— Гм! бѣлокурая! кто же, однако-жъ?.. Ну, что же еще?

— Письмо получите изъ дальней дороги, вѣсти, вотъ, видите ли, дорога?.. постойте, вотъ тутъ, какъ-будто, болѣзнь, но небольшая, такъ, простуда какая-нибудь легонькая... но вообще все очень, очень хорошо; интересъ, большой интересъ отъ трефоваго короля получите...

— Марья Петровна, Софья Ивановна, перебила сухо поручица: — не будете больше кушать чаю? я прикажу снести самоваръ...

— Погодите, Степанида Артемьевна, можетъ Софьѣ Ивановнѣ угодно будетъ выкушать еще чашечку...

— Нѣтъ, матушка, благодарствуйте, я ужъ и такъ по горлышко... больше не могу...

Въ эту самую минуту на улицѣ раздался такой неистовый грохотъ, что всѣ три дамы разомъ вздрогнули. Почти въ то же время, подлѣ окна, гдѣ сидѣла приживалка, послышался протяжный вой собаки; онъ начался тихо, но потомъ, по мѣрѣ возвращавшейся тишины, вой этотъ поднялся громче и громче, пока наконецъ не замеръ съ послѣднимъ завываніемъ вѣтра. Собачка, лежавшая на диванѣ, на этотъ разъ не удовольствовалась ворчаньемъ: она проворно спрыгнула наземь, вскочила на окно и принялась визжать и лаять, царапая стекла, какъ бѣшеная.

— Цыцъ, Розка! цыцъ, Розка! болѣзненно простонала испуганная Марья Петровна:—охъ! что это въ самомъ дѣлѣ? слышите, душенька Софья Ивановна, какъ на дворѣ собака-то воетъ, и вѣдь не въ первый разъ, ужъ не къ покойнику ли?..

— Ну, вотъ еще! возразила ея собесѣдница:—у васъ все наумѣ такое... просто воетъ-себѣ собака.

— Охъ, начала снова Марья Петровна, крестясь и взводя очи къ потолку:—Божья матерь, св. Сергій угодникъ, моя Анюточка покойница (царство ей небесное!) къ нему прикладывалась. Степанида Артемьевна, да отгоните же Розку, ишь какъ она мечется, того и смотри, окно прошибетъ.

Поручица бросила съ сердцемъ чулокъ, крикнула на собачонку и, бормоча что-то сквозь зубы, вышла вонъ. Минуту спустя, въ комнату вошла высокая, рябоватая, бѣлобрысая дѣвка; она подошла къ самовару и стала убирать чашки.

— Палашка, сказала помѣщица:—какая у васъ тамъ собака воетъ? весь вечеръ покою не даетъ...

— Змѣйка, сударыня, отвѣчала Палашка, глядя изъподлобья:—у ней щенятъ вечоръ покидали въ рѣку... такъ должно быть и воетъ... Мы ее отгоняли отъ крыльца, да никакъ не сладишь съ проклятой-съ.

— Охъ ужъ мнѣ эта собака! Представьте, какой случай съ ней былъ нынѣшнимъ лѣтомъ; взбѣсилась, да Ѳе-

тискѣ, кучерову сыну, всю икру искусала... ужъ какже она меня тогда напугала, сказать вамъ не могу...

— Чѣмъ же вы его вылечили, Марья Петровна?

— Обыкновенно чѣмъ, всегдашнее мое средство: сначала мышьякомъ присыпала... а потомъ давала ему пить по три раза въ день подорожникова листочка...

— Напрасно вы это дѣлали, только лишняя потрата вамъ... Если хотите, я вамъ скажу другое средство... и гораздо дешевле; мнѣ передала его по секрету одна дама... да я, ужъ такъ и быть, не утаю отъ васъ,—для милаго дружка и сережка изъ ушка... вы же много больныхъ лечите, вамъ оно пригодится.

— Ахъ, матушка Софья Ивановна, ужъ какъ же вы меня много обяжете... вы не повѣрите, сколько мнѣ стоятъ эти лекарства; повѣрите ли, вѣдь изъ чужихъ деревень приходятъ; разумѣется, больной принесетъ изъ благодарности то яичекъ, то рыбки, то медку, да Господь съ ними, я вѣдь ничего не беру, народъ бѣдный, а денежки-то все идутъ да идутъ...

— Вотъ то-то и есть, перебила сосѣдка: — слушайте же, что я вамъ скажу. Тутъ она придвинулась еще ближе и промолвила съ таинственнымъ видомъ: — Какъ у васъ придется еще такой случай: укуситъ кого-нибудь бѣшеная собака, вы возьмите просто корку хлѣба, такъ-таки просто-на-просто корку хлѣба, напишите на ней чернилами, или все равно, чѣмъ хотите, три слова: «Озія, Азія и Ельзозія», да и дайте больному-то съѣсть эту корку-то: все какъ рукой сниметъ.

— Неужели правда? воскликнула помѣщица, всплеснувъ руками.

— Да вотъ какъ, отвѣчала скороговоркою Софья Ивановна:—та, которая передала мнѣ этотъ секретъ, сказывала, что пятерыхъ сряду вылечила этимъ средствомъ.

— Ахъ, матушка, какъ же я вамъ благодарна; сами знаете, мышьякъ дорого стоитъ, да еще и не скоро достанешь его... ужъ такъ то я вамъ благодарна, такъ благодарна...

— Очень рада, Марья Петровна, очень рада... ну, а

такъ какъ долгъ платежемъ красенъ, говорятъ добрые люди, и у меня также найдется къ вамъ просьбица...

— Что такое?..

— Вотъ что: вы картофель нынче сѣяли?

— Сѣяла, Софья Ивановна, и такой то крупный уродился, благодареніе царю небесному...

— Въ такомъ случаѣ попрошу я у васъ безъ зазрѣнія совѣсти, просто безъ зазрѣнія совѣсти, мѣрочку на мою долю; я не сѣяла.

Софья Ивановна проговорила все это съ той пріятной шутливостью, подъ видомъ которой люди, думающіе бить навѣрняка, дѣлаютъ самыя нахальныя просьбы. Помѣщица съ радостью изъявила готовность пособить горю сосѣдки.

— Экая память, право, у меня, вымолвила она послѣ минуты раздумья: — вотъ вѣдь я ужъ и забыла, что вы мнѣ сказали... что бишь писать то надо такое... зо... за... за... какъ бишь это?..

— Азія-съ Озія-съ и Ельзозія-съ... отвѣчала сосѣдка наилюбезнѣйшимъ образомъ:—да вамъ бы лучше записать на бумажкѣ...

— Да, да, и то правда... Степанида Артемьевна, сказала она входившей въ это время поручицѣ:—дайте, матушка, чернильницу и календарь...

Исполнивъ просьбу, приживалка сердито сняла со свѣчки, пошевелила узенькими своими губами и сѣла къ окну. Помѣщица записала рецептъ и, какъ бы утомленная такою продолжительною работою, прислонилась къ спинкѣ дивана. Въ маленькой комнаткѣ вновь воцарилось глубокое молчаніе, прерываемое по прежнему ворчаньемъ Розки, шумомъ бури, а иногда пѣснями и криками гулявшихъ комковцевъ.

Минутъ двадцать спустя, въ комнату вошла рябая Палашка, сопровождаемая скотницею Θеклой. Послѣдняя выступила съ озабоченнымъ видомъ впередъ и, поклонившись барынѣ въ поясъ, возвѣстила, что пришелъ какой-то старикъ на скотный дворъ, пришелъ да и сѣлъ на порогъ, стонетъ да охаетъ, да госпожу видѣть проситъ. «Ужъ такъ плохъ, матушка-барыня, такъ плохъ, присовокупила скотница, качая головою: лица на немъ, суда-

рыня, нѣтути; и ничего то не молвитъ, только-что охаетъ, такъ-то охаетъ, что бѣда-съ; больно хилъ, сударыня; побоялась я оставить его до завтра, народу въ избѣ нѣтъ, на праздникъ всѣ ушли... я и пришла доложить вашей милости...

— Пресвятая Богородица, заступница наша! произнесла послѣ тяжкаго вздоха помѣщица: — охъ, должно быть больной какой нибудь, бѣдняжушка! Сейчасъ, Θекла, сейчасъ иду, подожди меня въ «аптекѣ»...

— Что это вы, Марья Петровна, воскликнула Софья Ивановна, удерживая ее за руку: — ужъ не хотите ли идти въ такую пору, въ такое ненастье на скотный дворъ; помилуйте, Христосъ съ вами! что это вы дѣлаете?..

— Нѣтъ, отпустите меня, душенька Софья Ивановна, возразила старушка:—у меня и сердце не на мѣстѣ...

— Такъ вотъ нѣтъ же, не отпущу.

— Нѣтъ, отпустите, душенька, право, сердце не на мѣстѣ; пойду погляжу... можетъ, помощь нужна скорая...

— Ну вотъ, ужъ и скорая, — да не умретъ, не бойтесь; должно быть у васъ же въ деревнѣ употчивали его, дѣло праздничное, вотъ и все тутъ...

— Нѣтъ, все равно, душенька Софья Ивановна, а я пойду къ нему, все спокойнѣе на сердцѣ-то будетъ.

Сказавъ это, старушка поспѣшно вступила въ комнату еще меньшаго размѣра, увѣшанную съ потолка до полу пучечками сушившихся травъ. Тутъ также находился старинный вычурный шкафъ; сквозь стекла его можно было различить легіоны пузырьковъ, баночекъ, скляночекъ и ярлыковъ,—это была «аптека» помѣщицы, Марья Петровна немедля натащила на ноги теплыя валенки, закуталась въ старый салопъ на заячьемъ мѣху, намотала на шею платокъ и, сопровождаемая Θеклою, державшею фонарь, отправилась на скотный дворъ.

— Сюда, сюда-съ, пожалуйте, матушка-барыня, твердила Θекла, поддерживая одной рукою барыню, другою освѣщая ей дорогу:—не оступитесь, матушка-барыня, извольте вотъ сюда пожаловать; ишь лужи какія.

— Св. Сергій угодникъ, твердила жалобно Марья Петровна, шлепая по грязи:—охъ! чуть было не оступилась...

— Съ нами всѣ святые, присовокупила скотница, удвоивая старанія:—долго-ли до бѣды... ишь вѣтеръ какой, такъ съ ногъ вотъ и ломитъ... да и снѣгъ-то глаза залѣпляетъ.... пожалуйте сюда-съ... здѣсь будетъ посуше...

Вскорѣ своротили онѣ за домъ. Скотница направила фонарь прямо по долони черезъ длинный барскій дворъ, и обѣ пустились по этому направленію.

Съ улицы все еще слышались крики и пѣсни неугомонныхъ комковцевъ; тамъ-и-сямъ за заборами сквозь темноту мерцали огоньки. показывавшіе, что пирушка и не думала умолкать.

Наконецъ Ѳекла подвела свою госпожу къ скотному двору—мрачной избѣ, обнесенной съ трехъ сторонъ навѣсами. Посовѣтовавъ Марьѣ Петровнѣ не трогаться съ мѣста, чтобы не быть вымоченной дождемъ, шумно ниспадавшимъ съ навѣсовъ, баба уставила фонарь въ грязь и приблизилась къ зданію; тутъ она неожиданно загремѣла щеколдой, отворила узенькую дверцу, снова подняла фонарь и осторожно ввела барыню въ большія черныя сѣни, гдѣ вмѣсто пола служила твердо убитая земля.

— Не оступитесь, матушка-барыня, говорила Ѳекла:— онъ тутъ того и смотри гдѣ-нибудь да на полу валяется; какъ пошла-то я къ вашей милости, лежалъ онъ на порогѣ...

Въ сѣняхъ однако-жъ никого не было, и помѣщица, ступая осторожно въ багровомъ кругу свѣта, бросаемаго фонаремъ, вошла въ избу. Совершенная тишина царствовала повсюду; въ избѣ было темно, хоть глазъ выколи; острый запахъ дыма свидѣтельствовалъ, что лучина незадолго угасла. Когда фонарь освѣтилъ жилище Ѳеклы, взоры помѣщицы встрѣтили прежде всего однѣ голыя бревенчатыя стѣны и уголъ закопченой высокой печки; но потомъ, когда она обратила глаза назадъ, ей представилась въ тѣни чья-то фигура, полу-лежачая, полу-сидячая на полу, покрытомъ рѣдкой соломой.

— Посвѣти поближе, Ѳекла, вымолвила смущеннымъ голосомъ помѣщица, принимаясь креститься подъ салопомъ.

Ѳекла вынула изъ фонаря оплывшую свѣчку и поднесла ее почти къ самому полу. Марья Петровна явствен-

но увидѣла тогда, при желтоватомъ, трепетномъ свѣтѣ огарка, длинный, костлявый образъ старика лѣтъ восьмидесяти. Продолговатое, правильное лицо его, обрамленное рѣденькими, сѣроватыми волосами, мягкими какъ пухъ, склонялось на узенькую, сухощавую грудь, еле-еле прикрытую дырявой рубахой, изъ которой выглядывали также тщедушныя плечи и локти. Рубашка была мокра до послѣдней ниточки; казалось, всѣ члены старика съежились подъ ней какъ осенніе листья, прохваченные морозомъ. Черная тѣнь, спускаясь отъ сухого подбородка прямо на середину груди, скользила по ней угловатою, глубокою извилиной и выказывала еще рѣзче ея худобу и впадины; но, несмотря на нѣкоторую рѣзкость, придаваемую чертамъ этого человѣка его чрезмѣрною худобою и грубыми пятнами свѣта и тѣни, лицо его сохраняло выраженіе самое кроткое и тихое; даже запекшіяся, побѣлѣвшія губы дышали тѣмъ невыразимымъ добродушіемъ, которое какъ-бы просвѣчивалось во всей его наружности. Старикъ, какъ уже сказано, лежалъ на полу; костлявое туловище его, слегка приподнятое локтемъ правой руки, бросало густую тѣнь на стѣну и лавку, въ которую упирались его длинныя ноги, перепутанныя онучами. Лѣвая рука бѣдняка безжизненно покоилась на жиденькой холстяной сумѣ въ заплатахъ и поношенной шапкѣ. Послѣдніе два предмета оставили на полу слѣды воды, которою были пропитаны.

Страдальческая наружность бѣдняка, возбуждавшая невольное сочувствіе, успокоила мало-по-малу Марью Петровну. Она нагнулась и сдѣлала шагъ впередъ. Старикъ, узнавъ въ ней тотчасъ же барыню, хотѣлъ-было привстать; но усиліе его оказалось безполезнымъ, и онъ снова опустился на локоть. Поднявъ дрожащую руку на грудь онъ устремилъ на нее мутные глаза свои и сказалъ съ сильною одышкою:

— Простите, матушка... встать-то не смогу никакъ... не взыщите... сударыня... силой-то больно плохъ сталъ...

— Не надо, не надо! торопливо проговорила Марья Петровна:—ничего, лежи, старичокъ... лежи; что съ тобою? чѣмъ ты боленъ?

Старикъ опять попробовалъ-было приподняться, закашлялся и вымолвилъ, останавливаясь почти на каждомъ словѣ:

— Грудь одолѣла... ломитъ все... матушка... ходить не даетъ... одышка тяготитъ больно меня... ужъ пятый мѣсяцъ такъ-то бьюсь съ ней... сударыня...

— Что-жъ ты, застудилъ ее, что-ли?

— Нѣтъ, матушка, продолжалъ бѣднякъ, опуская въ изнеможеніи голову:—не застудилъ ее... зашибъ добре...

— Э, да какъ же это случилось?

— Я кровельщикъ... сударыня; у насъ въ вотчинѣ... мельницу вѣтряную ставили... народъ-то все молодой... меня и послали... кровлю свести, вишь, понадобилось... время-то... ненастное стояло... по веснѣ было, матушка... я и скатись съ нее... да вотъ грудью-то и упалъ на бревна... охъ!.. съ той поры такъ-то вотъ все и бьюсь... съ ней...

— Э, э, э, старичокъ, перебила Марья Петровна, жалостливо качая головою: — да тебѣ бы тогда надо было кровь пустить или сходить тотчасъ-же въ городъ къ лекарю...

— Былъ, матушка, отвѣчалъ старикъ ослабѣвшимъ голосомъ:—да не приняли... мѣста, вишь, въ ту пору не было... о... охъ!..

Усилія, какія употреблялъ бѣднякъ, чтобы говорить съ помѣщицей, казалось, превышали его силы; едва произнесъ онъ послѣднее слово, какъ звукъ уже замеръ на устахъ его; одышка и хриплый кашель, которому конца не было, совсѣмъ одолѣли старика. Внезапно лицо его искривилось, руки брякнули о земь и онъ покатился на солому.

— Воды! Ѳекла, скорѣй воды! завопила Марья Петровна, метаясь какъ угорѣлая:—Господи, Боже мой! заступница наша пресвятая Богородица... Скорѣй, Ѳекла, спрысни ему лицо... Господи, что съ нимъ такое?

— Охъ, матушка-барыня, твердила не менѣе испуганная скотница, поливая безъ милосердія голову старика студеной водой: — съ нимъ это не въ впервые... какъ только пришелъ онъ сюда, тоже вотъ такое попритчи-

лось... Охъ! чего добраго, помретъ еще пожалуй... Спросить его, барыня, откуда онъ... все бы, кажись, не такъ опасливо... Эка бѣда какая!..

Въ это время старикъ глубоко вздохнулъ, открылъ глаза и медленно началъ приподниматься; онъ какъ-будто совѣстился оставаться въ такомъ положеніи при барынѣ.

— Откуда ты, старичокъ? спросила Марья Петровна, тряся головой сильнѣе обыкновеннаго.

Старикъ тотчасъ же замѣтилъ выраженіе безпокойства на лицѣ барыни; онъ вѣроятно также понялъ причину ея опасеній и вмѣстѣ съ тѣмъ все, что ему угрожало въ такомъ случаѣ. Стараясь по возможности придать лицу своему доброе и спокойное выраженіе, онъ произнесъ съ меньшею однако противъ прежняго твердостью:

— Вотъ, матушка... какъ словно теперь полегче стало... со мной такъ-то бываетъ... оно ничего, сударыня... ничего... не откажите только своею милостью... не гоните меня безъ помощи, какъ другіе. (Тутъ онъ устремилъ на нее умоляющій, влажный взоръ). Оно ничего, матушка, прошло, ты не бойся... на силы-то больно я понадѣялся... прошелъ добре много, сударыня...

— Да ты откуда? спросила снова Марья Петровна.

— Я-то? простоналъ старикъ.

— Да, изъ какихъ ты мѣстъ?

— Издалече... верстъ за девяносто...

— Чьихъ господъ?

— Бакушиной... Анастасіи Семеновны... матушка...

— Э, э, э, перебила Марья Петровна, потряхивая головой: — экой ты какой, старичокъ, право! да тебѣ бы лучше подождать въ городѣ, пока мѣсто въ больницѣ не очистилось...

— Я и самъ думалъ, сударыня, замѣтилъ старикъ,— да сказали: долго придется такъ-то ждать... я и пошелъ опять въ деревню...

— Оно бы лучше было, хоть въ деревнѣ бы дождался... въ больницѣ тебя бы навѣрно вылечили...

— Не у кого было, сударыня, жить, въ деревнѣ-то, отвѣчалъ со вздохомъ бѣднякъ:—землицы и избенки нѣту

у меня, матушка... я по старости съ пашни-то уже девятый годъ снятъ... затяглымъ считаюсь... семьи нѣтъ, одинокій...

— У кого же ты жилъ?

— Да у своего же мужичка... на хлѣбахъ... подсоблялъ ему кое-что править... пока Господь силъ не отнялъ... онъ меня и кормилъ, матушка... ну, какъ силъ-то не стало, случилась со мной бѣда-то, расшибся, пришелъ ему въ тяготу... онъ кормить-то и не сталъ меня... вѣстимо, въ чужихъ людяхъ даромъ хлѣба не дадутъ...

— Такъ неужто ужъ у тебя никого нѣтъ изъ родни въ деревнѣ?..

— Есть, матушка... дочка есть... отвѣчалъ онъ, оживляясь:—да только не въ деревнѣ у насъ... за садовникомъ она, въ 30 верстахъ отселева живетъ... къ ней-то я, сударыня, и пошелъ и лѣто почитай все у нее прожилъ... да также, сударыня, люди они бѣдные, прибавилъ онъ послѣ вздоха:—въ тягость я имъ пришелся... они-то не сказывали, да вижу самъ, не въ моготу имъ стало кормить меня, старика... я и пошелъ побираться... Вотъ въ Запольи ономнясь провѣдалъ я про твою милость... и пришелъ къ тебѣ... да видно черезъ силу шелъ-то, время холодное, ненастье такое... мнѣ хуже и стало... Не оставь, матушка, меня своею милостью... вѣкъ буду за тебя молить Бога; мнѣ у тебя здѣсь такъ-то хорошо... изба теплая... совсѣмъ обогрѣюсь... не оставь, родимая...

— Погоди, погоди, бѣдный старичокъ, погоди, сказала Марья Петровна: — отдохни здѣсь, сейчасъ пришлю тебѣ лекарства... напьешься горяченькаго, и груди легче станетъ... и мази также пришлю тебѣ...

Старикъ не отвѣчалъ ни слова, но взглядъ, брошенный имъ на барыню, передалъ его благодарность лучше всякой рѣчи. Марья Петровна и Ѳекла, успѣвшая уже въ это время воткнуть огарокъ въ фонарь, вышли изъ избы.

. . . . . .

— Ну, что у васъ тамъ такое случилось? спросила Софья Ивановна, встрѣчая сосѣдку въ аптекѣ—Что это за старикъ?

— Охъ, душенька Софья Ивановна, лучше и не спрашивайте! могла только проговорить помѣщица:—охъ! представьте, продолжала она, разводя руками: — какой-то старикъ, старый-старый, пришелъ за девяносто верстъ въ эту погоду, и ужъ чуть-то живехонекъ... Грудъ расшибъ, бѣдненькій, съ мельницы упалъ... Охъ, не знаю, право, чѣмъ ему помочь... бузины развѣ съ шалфеемъ сварить... пусть напьется горяченькаго, оно мягчитъ, а потомъ велю Палашкѣ натереть ему грудь оподельдокомъ... какъ вы думаете?

— Смотрите, Марья Петровна, не нажить бы вамъ бѣдъ съ вашими леченьями! сами же вы говорите, что старикъ этотъ чуть живехонекъ... ну, а какъ онъ вдругъ да отдастъ у васъ Богу душу, умретъ! что вы думаете? Знаете ли, какое это дѣло? Да тутъ отъ суда не отдѣлаешься. Развѣ не слышали, какихъ хлопотъ нажилъ себѣ чрезъ такой же точно случай Егоръ Ивановичъ Рѣдечкинъ третьяго года?.. Христосъ съ вами, Марья Петровна, что вы дѣлаете?..

— Охъ, Софья Ивановна, не пугайте меня, душенька, у меня и такъ сердце не на мѣстѣ, воскликнула въ страхѣ старуха. — Палашка! Палашка! поди сюда, дура, взлѣзь поскорѣй на стулъ, да сними вонъ съ того шестка два пучечка травы... Ну, бѣги теперь въ кухню, спроси мѣдный чайникъ у Прасковьи и неси его въ ту комнату... Что, печка еще топится?

— Топится.

— Ну, хорошо; такъ бѣги же, стотри, скорѣй... Напою его, Софья Ивановна, тепленькой бузиной, авось Господь не попуститъ такой бѣды...

Минуту спустя, Марья Петровна сидѣла передъ печкой, заставляя рябую Палашку мѣшать цѣлебныя травы и въ то же время твердя молитвы. Софья Ивановна, вмѣстѣ съ поручицей, все еще вязавшей чулокъ, расположилась подлѣ нея. Первая не переставала повторять сосѣдкѣ свои опасенія, подтверждая ихъ каждый разъ случаемъ съ Егоромъ Ивановичемъ Рѣдечкинымъ.

А между тѣмъ буря по прежнему свирѣпствовала на улицѣ, вѣтеръ жалобно завывалъ вокругъ всего дома и

дождь безмилосердно барабанилъ въ окна; заунывный голосъ Змѣйки также иногда раздавался за окномъ, вторя мрачному напѣву бурной осенней ночи... Вода въ чайникѣ начинала уже закипать, когда въ комнату неожиданно вбѣжала Ѳекла; комки мокраго снѣга, покрывавшіе голову и плечи бабы, свидѣтельствовали, что она не подумала даже второпяхъ отряхнуться и обчиститься въ сѣняхъ; лицо ее изображало сильную тревогу. Марья Петровна, увидя ее, раскрыла ротъ, глаза и осталась какъ окаменѣлая въ этомъ положеніи; Софья Ивановна одна не растерялась.

— Что ты? спросила она, поднимаясь на ноги:—вѣрно, что нибудь случилось?..

— Бѣда, матушка-барыня! проговорила скотница, размахивая руками и посылая при этомъ случаѣ брызги воды на обѣихъ старухъ: — старикъ-атъ никакъ совсѣмъ отходитъ!..

— Божья матерь, св. Сергій угодникъ... простонала наконецъ помѣщица.

— Ну, Марья Петровна, не говорила ли я вамъ, что это будетъ? произнесла торжественно сосѣдка.

— Охъ, что жъ мнѣ съ нимъ дѣлать?

— А вотъ что, вымолвила опять Софья Ивановна, энергически махнувъ рукой: — по-моему просто-на-просто прикажите-ка скорѣе отвезти его на дорогу, да пусть идетъ себѣ умирать куда хочетъ!..

— Вѣстимо, матушка-барыня, возразила Ѳекла, поливая барыню какъ изъ лейки: оно что про то говорить время ненастное, да все же лучше отослать его до грѣха...

— Видите, Марья Петровна, перебила сосѣдка: —вамъ даже это говоритъ простая мужичка... что вы дѣлаете? помилосердуйте... послушайте меня... я вамъ добра желаю... Посудите сами, время праздничное, подумаютъ еще, какъ слѣдствіе затѣется, что его здѣсь и убили у васъ: прикажите его, говорю вамъ, отвезти скорѣе. Богъ съ нимъ, своя рубашка ближе...

Марья Петровна минуту цѣлую ничего не могла отвѣчать; глаза ея были устремлены на лампадку, висѣвшую въ углу передъ образомъ, и казалось, все существо

ея переселилось мысленно на кончикъ свѣтильни. Наконецъ она обратила добродушное лицо свое къ Θеклѣ и сказала болѣе твердымъ голосомъ:

— Бѣги скорѣй къ старостѣ, скажи ему, чтобы велѣлъ запречь телѣжку, да отвезъ бы старичка куда ему надо... охъ! да вели ему дать, бѣдненькому, пирожка на дорогу... Постой, вотъ я волью въ посудинку бузины... Пусть прежде напьется хорошенько горяченькаго... Палашка! вынь также бѣлый хлѣбецъ изъ кладовой... а ты, Θекла, ступай сюда (тутъ она ввела бабу въ «аптеку»), на тебѣ мазь, скажи ему, чтобъ натиралъ грудь утромъ и вечеромъ... охъ, съ нами крестная сила!.. ну, ступай, ступай... Господь съ тобою!..

Получивъ что слѣдовало, Θекла заблагоразсудила напередъ всего забѣжать домой и поглядѣть на старика. Она увидѣла его распростертаго, какъ прежде, на полу безъ малѣйшаго признака жизни.

Замѣтивъ, однакожъ, послѣ внимательнаго разсмотрѣнія, легкое колебаніе рубашки на груди страдальца, она перекрестилась, поставила фонарь и ношу свою на окно и сломя голову кинулась къ старостѣ.

Изба Демьяна была полна народу, и прежде чѣмъ Θекла достигла «краснаго угла,» гдѣ дребезжалъ, какъ струна бойкаго шерстобита, голосъ старостихи, она должна была протискиваться сквозь густую толпу бабъ, дѣвокъ, ребятъ и мужиковъ. Хозяйка дома, краснощекая, румяная баба, стояла противъ дюжаго, багроваго мельника, кланялась ему низменно и упрашивала откушать еще пирожка; она не обращала ровно никакого вниманія на то, что столъ передъ мельникомъ былъ покрытъ грудами съѣстного; еще менѣе заботилась старостиха о томъ, что кусочки лепешекъ, пироговъ и каравая, за неимѣніемъ другого мѣста, покоились гуськомъ на колѣняхъ именитаго гостя; она только кланялась да приговаривала:

— Да пожалуйце, да покорнѣйце прошу, да откушайце... На что гость отвѣчалъ, отдуваясь какъ быкъ:

— Много довольны... не обезсудьте... очень довольны...

— Да пожалуйце, продолжала хозяйка: — да хоть

скушайце кусочекъ... вы мало чего получаете... изъ-подъ себя кусочекъ выкушайце...

— Много довольны, отвѣчалъ опять тотъ: — и такъ передо мной копной-съ наворочено...

Когда Ѳекла объявила во всеуслышаніе причину своего посѣщенія, въ избѣ поднялся такой страшный шумъ, что съ минуту можно было думать, что она разрушается до основанія; въ сѣняхъ послышались давка, визгъ, пискотня... Не успѣла одуматься хозяйка, какъ уже изба ея опустѣла, остался только мельникъ; благодаря радушному пріему, одинъ онъ не въ силахъ былъ послѣдовать общему примѣру.

— Ахти, матушка! вскричала старостиха, всплеснувъ руками; а вѣдь мужа то нѣту дома... знать, загулялъ гдѣ... постой я побѣгу за нимъ... поди ты дѣло-то какое...

Не дожидаясь приготовленій старостихи, Ѳекла стремглавъ понеслась домой. Она до того была занята своимъ дѣломъ, что на поворотѣ улицы не замѣтила двухъ пьяныхъ мужиковъ, лежавшихъ въ лужѣ поперекъ дороги, и чуть не шлепнулась черезъ нихъ со всего размаха; услыша неожиданно голосъ старосты, она подбѣжала къ одному изъ нихъ и, толкая его, принялась было передавать ему приказаніе барыни; но тщетны были ея старанія: Демьянъ ничего и слышать не хотѣлъ. Обнявъ крѣпко-на-крѣпко свата своего Стигнея, онъ только лобызалъ его въ бороду, повторяя: «Сенька, Сенька, запой! запой!..» вслѣдствіе чего сватъ раскрылъ ротъ наибезобразнѣйшимъ образомъ, испуская сиплый, раздирающій звукъ,—только то и было.

Видя, что толку не доищешься, Ѳекла поспѣшно подобрала подолъ и продолжала путь. Народъ, извѣщенный случаемъ, валилъ на скотный дворъ со всѣхъ сторонъ и успѣлъ ужъ натискаться въ избу вплоть до самыхъ сѣничекъ. Никто однакожъ изъ толпы, окружавшей бѣдняка, не трогался съ мѣста; всѣ глядѣли на него, вылупивъ глаза, съ какимъ то притупленнымъ любопытствомъ; и только глухой ропотъ пробѣгалъ иногда съ одного конца избы до другого. Старикъ лежалъ по прежъ-

нему на соломѣ; ему какъ будто опять отлегло. Ошеломленный шумомъ, смотрѣлъ онъ въ недоумѣніи на толпу, его окружавшую. Казалось, тяжкое предчувствіе того, что должно было случиться, начинало уже мало по малу забираться въ его душу; но когда Θекла, продравшись къ нему, тряхнула его за руку и сказала: «а что, старикъ, тебѣ, кажись, опять легче стало? вставай!» все разомъ прояснилось передъ нимъ. Судорожный трепетъ пробѣжалъ по всѣмъ его жиламъ. Онъ не сказалъ однакожъ ни слова. Медленно, съ неимовѣрными усиліями, приподнялся онъ съ помощью рукъ, на колѣни и только раздирающій вздохъ отвѣтилъ на шумъ толпы, поднимавшійся все сильнѣе и сильнѣй.

— Постой, дядя, я те помогу привстать-то, вымолвилъ наконецъ дюжій мужикъ, выступая впередъ и пропуская коренастую руку подъ плечо больного.—Митроха, промолвилъ онъ, толкнувъ локтемъ молодого парня: — подсоби! чего стоишь, ротъ то разинулъ?

Старика поставили кой-какъ на ноги. Кружокъ значительно расширился.

— Вотъ что, старикъ, начала Θекла, заглядывая ему пристально въ лицо: — ступай-ка ты лучше отъ насъ съ Богомъ, мы те проводимъ, а то пришелъ ты, Господь тебя знаетъ, отколѣ... неравно еще бѣда съ тобой случится, всѣмъ намъ хлопотъ наживешь... ступай, до грѣха...

— Вѣстимо, перебила какая-то близь стоявшая старушка, обращаясь къ бобылю:—погляди-ка, касатикъ, на себя, вѣдь на тебѣ лица нѣтъ, родимый; того и смотри, Богу душу отдашь.

— И то, замѣтилъ дюжій мужикъ, все еще поддерживавшій старика:—ишь уже ноги то какъ трясутся... и всего инда дрожь пронимаетъ... ступай-ка лучше отъ насъ до бѣды... ты помрешь, тебѣ что, а намъ отъ суда то житья не будетъ, дѣло знамое; ишь у те какъ глаза то посоловѣли... ступай, дядя, лучше отъ насъ, пра, ступай...

— Да что вы съ нимъ больно кобянитесь, послышался чей-то голосъ:—ведите его, и все тутъ; чего ждете? небось хотите, чтобъ померъ, да всѣмъ бѣду накликалъ?...

— Погодите! закричала Ѳекла: — барыня велѣла ему дать мази на грудь... Старикъ, гдѣ у тебя сума-то? старикъ?..

— Ась?

— Мѣшокъ гдѣ?

— А!..

— Здѣсь, здѣсь! закричало нѣсколько голосовъ, и въ то же время множество рукъ протянулось къ Ѳеклѣ съ сумою.

— Погодите, продолжала Ѳекла:—барыня велѣла еще положить туда хлѣбъ бѣлый да лекарство; ну, дядюшка, а посудинка гдѣ твоя?.. Эй, тетки, крикнула она: — за вами, кажись, на окнѣ посудинка стоитъ... Да что вы тискаетесь, черти, словно угорѣлые, чего не видали? эки безстыжіе какіе!.. (При этомъ Ѳекла начала угощать подзатыльниками дѣвчонокъ и мальчишекъ, карабкавшихся подъ ея ногами).

— Кажись, все теперь, прибавила она, торопливо надѣвая мѣшокъ на плечи старика и нахлобучивая ему на глаза шапку.—Ну, теперь Господь съ тобой, дядюшка!.. ступай отъ насъ!..

Старикъ медленно поднялъ костлявыя, сухія руки свои къ головѣ и стащилъ шапку; послѣ этого правая рука его еще медленнѣе поднялась кверху и трепещущая, невѣрная кисть ея прильнула къ страдальческому челу, потомъ къ груди, и робко сотворила крестное знаменіе.

Ѳекла снова помогла ему надѣть шапку; тогда дюжій мужикъ толкнулъ еще разъ Митроху, и, приподнявъ старика подъ руки, повелъ его вонъ изъ избы. Опустивъ голову, бѣднякъ безмолвно протащился въ сѣни, преслѣдуемый шумною толпою, которая чуть не сшибла съ ногъ его вожаковъ, ругавшихся на всѣ бока; но когда его вывели на улицу, когда неумолимый дождь началъ снова колотить его въ бока и спину, когда студеныя лохмотья рубашки вздуваемыя свирѣпымъ вѣтромъ, начали хлестать въ его изнуренную грудь, старикъ поднялъ голову, и помертвѣлыя уста его невнятно прошептали о пощадѣ; но яростное завываніе бури заглушало слова страдальца, и его повлекли прямо къ околицѣ.

Вскорѣ не стало старика въ сельцѣ Комковѣ, и толпа, его провожавшая, снова загуляла на славу; и долго потомъ громкіе крики веселившагося народа раздавались на улицѣ, долго еще слышались во всѣхъ ея концахъ звонкія, залихватскія пѣсни, говоръ и дружный, безпечный хохотъ, пока наконецъ глубокая полночь не прогнала хмѣльныхъ обывателей въ теплыя избы на палати и печи. Все понемногу стихло и смолкло. Одинъ лишь свирѣпый вѣтеръ, пробѣгая по кровлямъ и заборамъ, подымалъ свой пронзительный голосъ въ тишинѣ ночи, да изрѣдка вторило ему съ барскаго двора протяжное завываніе Змѣйки, которую не могли никакъ отогнать караульщики...

. . . . . .

На другой день утромъ Софья Ивановна собралась ѣхать домой. Не взирая ни на какія убѣжденія со стороны Марьи Петровны, упрашивавшей Христомъ-Богомъ сосѣдку погостить еще денечекъ, она осталась непоколебимою въ своемъ намѣреніи. Дѣлать было нечего; велѣно было рябой Палашкѣ приказать кучеру запречь каурую кобылу. Къ полудню старинныя дрожки Марьи Петровны бойко подкатили къ крыльцу, причемъ рыжій Степка, сидѣвшій кучеромъ (отецъ злополучнаго Ѳетиски находился еще въ разслабленномъ состояніи послѣ вчерашняго праздника), поглядѣлъ на дворовыхъ, столпившихся у застольной, какъ бы похваляясь своей удалью. Когда обѣщанный кулечекъ съ картофелемъ былъ привязанъ бѣлобрысою Палашкой къ экипажу, Софья Ивановна, закутанная съ головы до ногъ, стала усаживаться на дрожки, поддерживаемая лакеемъ Ѳедоромъ, у котораго все лицо, отъ стужи ли или отчего другого, было покрыто синяками. Марья Петровна, стоявшая съ поручицей-приживалкой на крыльцѣ, готовилась уже спуститься внизъ, чтобы въ послѣдній разъ поцѣловать дорогую сосѣдку, какъ въ это самое время, откуда ни возьмись, появился передъ нею староста. На лицѣ Демьяна не было и слѣда вчерашней гулянки, оно выражало однѣ лишь тяжкія заботы.

— Что ты, Демьянъ? спросила помѣщица.

— Да къ вашей милости, матушка Марья Петровна, отвѣчалъ онъ съ поклономъ: — вечоръ, матушка, прихо-

дилъ сюда хворый мужикъ, такъ вы его отослать приказали... ну, слава Богу, сударыня, что отдѣлались мы отъ него... такую было бѣду заварилъ.

— Что такое? вымолвила съ безпокойствомъ старушка.

— Да что, матушка Марья Петровна, сюда пріѣхалъ на мельницу мужикъ изъ Орѣшкова, сказывалъ, старика-то вишь нашли у нихъ нынѣче къ разсвѣту, на межѣ, мертваго... пошли, говоритъ, ихніе ребята за кольями, а онъ, сударыня, и лежитъ подлѣ самой-то межи въ канавкѣ, словно, говоритъ, живой... подлѣ него мѣшокъ, шапка... сказывалъ мужикъ тотъ; къ нимъ и становой вишь пріѣхалъ... така-то, говоритъ, бѣда завязалась...

Софья Ивановна всплеснула руками и подпрыгнула на дрожкахъ; Марья Петровна прослезилась и подняла очи къ небу; одна лишь поручица прослушала все это съ обычнымъ своимъ хладнокровіемъ.

— Божья матерь, св. Сергій угодникъ... охъ! простонала наконецъ Марья Петровна; головка ея тряслась сильнѣе обыкновеннаго, и теплыя, благодарственныя слезы текли по изсохшимъ ея щекамъ.

— Вотъ то-то, произнесла ей сосѣдка, размахивая руками: — теперь, небось, сами, Марья Петровна, благодарите Бога, а вчера, помните ли? и слушать меня не хотѣли... ну, не предупреждала ли я васъ, а? а вы еще хотѣли оставить его у себя... ну, да слава царю небесному, что это дѣло такъ благополучно для васъ окончилось, очень рада... Прощайте, душенька Марья Петровна, благодарю за хлѣбъ за соль, да къ намъ въ Закуряево скорѣй пріѣзжайте погадать въ карточки... Прощайте!

И дрожки укатились, унося за собою помѣщицу, добрую мѣру картофеля и цѣлый коробъ новостей, которыя Софья Ивановна поспѣшитъ сообщить другой своей благодѣтельницѣ, куда и приказываетъ немедля направить путь рыжему Степкѣ.

КАПЕЛЬМЕЙСТЕРЪ СУСЛИКОВЪ.

I.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, городъ Б*** находился въ страшномъ волненіи. Одинъ изъ самыхъ богатыхъ обывателей этого города, Алкивіадъ Степанычъ Кулындинъ, получилъ извѣстіе, что одно довольно значительное лицо, приходящееся ему нѣсколько съ родни, проѣздомъ остановится у него въ домѣ. Супруга Алкивіада Степаныча, Софья Кириловна, тотчасъ же приказала заложить карету и поспѣшила сообщить новость пріятельницамъ; тѣ, разумѣется, точно такимъ же порядкомъ передали ее своимъ, а тѣ опять-таки своимъ. Самъ Алкивіадъ Степанычъ, не медля ни минуты, далъ знать о событіи мѣстному начальству, которое, въ свою очередь, передало вѣсть женамъ, тѣ опять другимъ пріятельницамъ, такъ что въ самое короткое время весь городъ узналъ о неожиданной новости. Все засуетилось. Со всѣхъ сторонъ показались озабоченныя лица; у мужчинъ заботливость эта, неизвѣстно почему, выразилась вдругъ значительнымъ пожиманіемъ бровей и обращеніемъ губъ въ трубу; у дамъ обозначилась она радостными улыбками и той суетливостью, какая предвѣщаетъ всегда появленіе чего-нибудь необыкновеннаго, торжественнаго. Но не въ томъ дѣло; уже во всѣхъ концахъ города гремѣли коляски,

рыдваны, дрожки, тарантасы, разлюли; многочисленные экипажи направлялись, однакожъ, сколько извѣстно, преимущественно къ двумъ только пунктамъ: тѣ, въ которыхъ сидѣли мужчины, стремглавъ летѣли къ подъѣзду Алкивіада Степаныча; другіе, занятые дамами, направились къ голубому домику, украшенному надписью; «Госпожа Трутру изъ Парижа, Modes», съ прибавленіемъ внизу русскими буквами: «Нувоте». Не мѣшаетъ замѣтить, что Софья Кириловна, въ разговорахъ съ пріятельницами, намекнула вскользь о балѣ, который думаетъ дать ея мужъ, въ честь дорогого родственника. Въ то время, когда каждый занимался своимъ дѣломъ, мѣстное начальство съѣзжалось къ Кулындинымъ, а жены осаждали г-жу Трутру, городъ Б***, забытый всѣми, рѣшился показать что онъ не хуже другихъ, и въ случаѣ надобности, можетъ также пригладить свою будничную наружность и пощеголять передъ гостемъ: улицы вдругъ очистились, обвалившіеся заборы отнеслись на задворья, домостилась площадь, ворота окрасились свѣжею масляною краской, и съ такою тщательностью, что даже не было никакой возможности отогнать отъ нихъ собакъ, привлекаемыхъ вѣроятно столько же искусствомъ маляра, сколько необыкновенною свѣжестью колеровъ. Городъ Б***, украсивъ, такимъ образомъ, свои главныя улицы (объ остальныхъ онъ и не заботился), перещеголялъ даже многихъ обывателей мужескаго пола, которые, не смотря на парадный видъ, очень походили на вымоченныхъ курицъ. Появленіе дорогого посѣтителя возбуждало такое любопытство, что одинъ толстенькій, коротенькій обыватель, съ крутымъ брюшкомъ и круглою головой, помѣстился у самой заставы, чтобы только прежде другихъ посмотрѣть ему въ лицо; онъ то и дѣло щурилъ масляные свои глазки по направленію къ большой дорогѣ, подымался на цыпочки, и приложивъ жирную ладонь ко лбу, въ видѣ зонтика, удвоивалъ вниманіе, каждый разъ, какъ въ той сторонѣ показывалась пыль...

Пріѣздъ родственника Кулындиныхъ подѣйствовалъ, однакожъ, сильнѣе всего на Николая Платоныча Сабанѣева. Лицо его отразило почти въ одно и то же время

всѣ разнохарактерныя выраженія, какія только неожиданная вѣсть могла разбросать на лица остальныхъ обывателей города. Онъ то улыбался, то сердито хмурилъ густыя свои брови, то вдругъ опять самодовольная улыбка появлялась на губахъ его; онъ расхаживалъ съ озабоченнымъ видомъ взадъ и впередъ по кабинету, трепалъ себя немилосерднѣйшимъ образомъ за высокіе воротнички (въ то время носили еще высокіе воротнички), взъерошивалъ волосы и радостно потомъ потиралъ руки. Николай Платонычъ, точно также какъ пріятель его Алкивіадъ Степанычъ, — обыватель города Б***, обыватель съ достаткомъ, съ вѣсомъ. Сверхъ того, онъ былъ еще и содержателемъ театра. Нечего упоминать, что полу-нищіе антрепренеры, таскающіеся по ярмаркамъ и уѣздамъ съ оборванною труппою, такъ же походили на него, какъ актеръ, представляющій Цезаря на сценѣ, похожъ на настоящаго Цезаря. Николай Платонычъ не только не имѣлъ въ виду гнусной корысти, но даже охотно жертвовалъ каждый годъ изъ своего кармана на улучшеніе и содержаніе театра, который въ самомъ дѣлѣ представлялъ всѣ совершенства, какихъ только можно ожидать въ провинціи. Особенно оркестръ обращалъ на себя вниманіе г. Сабанѣева. Николай Платонычъ былъ самъ музыкантъ, меломанъ въ душѣ и даже композиторъ по призванію, — главная причина, заставившая его, какъ утверждали многіе, взяться за управленіе театромъ. Что онъ такое компоновалъ, опредѣлить трудно, потому что кромѣ огромной оперы, надъ которой трудился онъ неусыпно десять лѣтъ сряду въ своемъ кабинетѣ, изъ-подъ пера его вышли двѣ только пьесы, маршъ и русская пѣсня; но во всякомъ случаѣ, избранное общество города Б*** очень хорошо дѣлало, сохраняя высокое мнѣніе о его талантѣ и музыкальныхъ познаніяхъ. Уже одна наружность Николая Платоныча свидѣтельствовала если не совсѣмъ геніальнаго человѣка, то ужъ, ковечно, натуру необыкновенную. Маленькая подвижная фигурка, какъ будто разбитая когда-то въ дребезги и склеенная потомъ неопытнымъ мастеромъ, увѣнчивалась огромною головой, казавшеюся втрое еще больше отъ сѣрыхъ, сухихъ волосъ, встрепан-

ныхъ самымъ неистовымъ образомъ; лицо Николая Платоныча, свойства жолчнаго, представляло одни только глубокія впадины и выступы; между послѣдними особенно отличались энергическій носъ, загнутый клювомъ, и четырехугольный подбородокъ, рѣдко выбритый; одну изъ самыхъ рѣзкихъ особенностей композитора составляла небрежность туалета. Николай Платонычъ находился вѣчно въ какомъ-то волненіи: глядишь—сѣлъ: не успѣешь отвернуться — какъ уже быстро расхаживаетъ по комнатѣ, покручивая головой, взъерошивая волосы и мурлыча что-то подъ носъ. Сухощавые, но жилистые и крѣпкіе его члены подергивались безпрерывно судорожными движеніями; онъ никогда не оставался въ покоѣ; взглянувъ на него дѣйствительно можно было повѣрить, что въ немъ, какъ онъ самъ утверждалъ, сидѣла цѣлая дюжина огнедышащихъ горъ. Николай Платонычъ говорилъ разбитымъ, надорваннымъ голосомъ; но это потому, что онъ никакъ не могъ побѣдить въ себѣ горячку и спорилъ до упаду со встрѣчнымъ и поперечнымъ о музыкѣ и своихъ произведеніяхъ, несмотря на ежедневную клятву обращаться съ такимъ предметомъ къ однѣмъ дамамъ. Г. Сабанѣевъ не бѣгаетъ дамскаго общества; напротивъ того, присутствіе прекраснаго пола какъ-то вдохновляетъ, воодушевляетъ композитора; между женщинами и артистами существуетъ уже издавна сродство: однѣ нѣжныя, мягкія души способны понимать другъ друга. Не всѣ, однакожъ, согласятся съ этимъ: одна молоденькая дама не раздѣляла общаго сочувствія къ Николаю Платонычу; она увѣряла даже, будто русская пѣсня и маршъ знакомы ей еще съ дѣтства и не принадлежатъ его генію; но это несправедливо и, Николай Платонычъ былъ въ правѣ продолжать отзываться о ней дурно, не смотря на то, что уже прошло много лѣтъ съ тѣхъ поръ, и молоденькая дама успѣла съ того времени родить сына и опредѣлить его въ пансіонъ; впрочемъ, дама была музыкантша: это объясняетъ лучше всего ея вражду къ композитору. Пора, однакожъ, объяснить, какимъ образомъ при всѣхъ этихъ обстоятельствахъ, повидимому, совершенно частныхъ, пріѣздъ гостя такъ сильно могъ подѣйствовать на дирек-

тора театра. Нѣсколько мѣсяцевъ до начала разсказа, въ гостиныхъ города Б*** распространился слухъ, что Николай Платонычъ подводитъ къ концу свою оперу и рѣшился наконецъ подарить б*** общество нѣсколькими выдержками; но слухи, подтвержденные самимъ авторомъ, почему-то не состоялись; слышно только было, что репетиціи дѣлались каждый день, и оркестръ, управляемый старымъ капельмейстеромъ Сусликовымъ, просиживалъ съ утра до вечера въ театрѣ. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока Алкивіадъ Степанычъ не получилъ вѣсти о прибытіи въ Б*** своего родственника. Нечего распространяться о томъ, какъ обрадовался Николай Платонычъ случаю, позволяющему показать постороннему лицу, да еще значительному, театръ во всемъ его блескѣ; что же въ самомъ дѣлѣ могло быть выгоднѣе для славы провинціальнаго театра выдержекъ изъ совершенно новой, оригинальной оперы, написанной притомъ самимъ директоромъ? Онъ распорядился отлично; изъ выдержекъ составился цѣлый дивертисментъ, съ хорами, танцами и пѣніемъ. Судя по репетиціямъ, дивертисментъ подавалъ надежду пройти очень удовлетворительно. Съ этой стороны Николай Платонычъ былъ совершенно спокоенъ. Съ другой стороны (и что очень естественно), его терзало то тревожное чувство, которое суждено испытывать каждому артисту, выставляющему на судъ публики свое произведеніе, даже и тогда, когда существуетъ твердая увѣренность въ его успѣхѣ и достоинствѣ.

Въ такомъ-то неопредѣленномъ состояніи духа Николай Платонычъ сѣлъ въ карету и поѣхалъ на репетицію.

II.

Репетиція еще не начиналась. На слабо-освѣщенной сценѣ толпилась уже почти вся труппа. Подлѣ оборванныхъ кулисъ, на лавочкѣ, изображающей лодку, сидѣло нѣсколько женщинъ, вязавшихъ чулокъ; кое-гдѣ, въ потемкахъ, въ глубинѣ театра, между холстяными полосами, представлявшими швейцарскую долину, слонялись изъ

угла въ уголъ хористы, актеры и статисты. На темномъ этомъ полѣ четко обозначалась фигурка молоденькой, сухощавой женщины, освѣщенная съ боку лампою; на ней было коротенькое танцовальное платье; ухватившись одною рукой за кулису, она мѣрно размахивала лѣвою ногой и упражнялась въ батманахъ; неподалеку отъ нея стоялъ, вывернувъ носки и приложивъ пятку къ пяткѣ, человѣкъ лѣтъ тридцати, коренастый, съ завитками на головѣ, въ бѣлой холстяной курткѣ и такихъ же панталонахъ; онъ плавно разводилъ руками и, сгибая колѣни, дѣлалъ пліе за пліе. Между ними, какъ маятникъ, ходилъ взадъ и впередъ черезъ всю сцену толстый трагикъ труппы, съ синеватымъ, отекшимъ лицомъ, посреди котораго высовывался носъ, похожій на пузырекъ съ баканомъ; вся окраска съ широкаго лица его постепенно сходила къ этому носу, который, въ самомъ дѣлѣ, былъ такъ красенъ, что, казалось, какъ-будто кровь всего тѣла устремилась туда и разъ навсегда остановилась въ немъ. Заложивъ обѣ руки за спину, закинувъ назадъ голову, онъ поминутно останавливался, подымалъ опухшіе глаза свои къ холстянымъ облакамъ, болтавшимся на потолкѣ, издавая раздирающія восклицанія, явно относившіяся къ роли, потому что никто не обращалъ на нихъ вниманія. На переднемъ планѣ сцены, подлѣ темнаго оркестра, изъ котораго выглядывали глянцовитыя лысины и головы музыкантовъ, ярко освѣщенныя свѣчками, прикрытыми колпаками, сидѣла на позлащенномъ картонномъ стулѣ примадонна въ шляпкѣ и бархатномъ бурнусѣ; подлѣ нея увивался вертлявый режиссеръ съ гладко-прилизанными волосами и такою лоснящеюся физіономіей, какъ-будто ее только-что вымазали постнымъ масломъ. Говоръ, шушуканье и хохотъ, слышавшіеся со всѣхъ сторонъ, перебивались иногда бранью бородатыхъ мужиковъ, тащившихъ съ крикомъ и гамомъ лѣсъ или гору; иногда вся сцена, отъ колосниковъ до преисподней, наполнялась яростными, сухими раскатами грома, который машинистъ приводилъ въ движеніе ради пробы; съ другой стороны внезапно раздавались удары молотковъ или слышался пронзительный свистъ искуственнаго вѣтра; были минуты,

гдѣ весь этотъ шумъ, смѣшиваясь съ говоромъ, пискомъ, визгомъ, дополняемый звуками инструментовъ, которые настраивали въ оркестрѣ, производилъ такую кутерьму, что примадонна затыкала уши и топала ногою, причемъ режиссеръ бѣгалъ по сценѣ, хлопалъ въ ладоши и кричалъ: «тише! тише»!..

Въ одну изъ такихъ минутъ послышалось вдругъ шиканье, и кто-то неистово крикнулъ изъ-за кулисъ:

— Николай Платонычъ! Николай Платонычъ!

Все разомъ смокло.

— Позвать Сусликова! произнесъ почти въ то же время разбитый, хриплый голосъ, и содержатель театра, взъерошивая себѣ волосы, торопливо вошелъ на сцену.

Всѣ присутствующіе, кромѣ примадонны, повскакали съ своихъ мѣстъ и поклонились.

— Здравствуйте, здравствуйте, говорилъ Николай Платонычъ, направляясь прямо къ примадоннѣ: — здравствуйте, Глафира Львовна. Ну, матушка, новости! Всѣ сюда, всѣ! продолжалъ онъ, становясь спиною къ оркестру и нетерпѣливо махая рукою. — Горковенко, собрать всѣхъ ко мнѣ!

Режиссеръ засуетился; вмигъ труппа окружила Сабанѣева; даже коренастый господинъ въ бѣлой курточкѣ, съ завитками на головѣ, пересталъ упражняться въ «пліе» и, помощію вывороченныхъ, гусиныхъ ногъ своихъ, сталъ подбираться къ общей группѣ.

— Сегодня спектакля не будетъ, началъ содержатель театра, обращаясь, однакожъ, къ одной примадоннѣ: — завтра идетъ полный дивертисментъ изъ моей оперы, тотъ самый, который мы репетировали: сначала третій нумеръ, потомъ хоръ Вятичей и Радимичей и русская арія Миловиды. (Тутъ онъ самодовольно покрутилъ головою и, наклонившись къ Глафирѣ Львовнѣ, пошепталъ ей что-то на ухо). — Горковенко! выставить крупными буквами на завтрашней афишѣ имя Глафиры Львовны, да составить скорѣй афишу; пьесы оставь, какія были назначены; главное—надо еще разъ прорепетировать дивертисментъ. Смотрите же, продолжалъ онъ, повертываясь, наконецъ, лицомъ къ труппѣ:—не плошать у меня

завтра, особенно ты, смотри! у! у! у!.. (Тутъ онъ съ нѣкоторою строгостью посмотрѣлъ на трагика съ пузыремъ бакана вмѣсто носа, который стоялъ потупя голову и глядѣлъ изъ-подлобья).—А что-жъ Сусликовъ? Горковенко, скоро-ли?..

Горковенко метнулся за кулисы, но чуть-было не шлепнулся со всего размаха, столкнувшись съ Сусликовымъ, который въ страшныхъ попыхахъ бѣжалъ на сцену. Это былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, средняго роста сухощавый, жиденькій, кисленькій, вида самаго кроткаго, смирнаго, отчасти немного даже глуповатаго; крошечное лицо его, усыпанное красными и синими жилками, скорѣе склонялось книзу, чѣмъ закидывалось кверху; сѣренькіе глаза, лишенные рѣсницъ, постоянно слезившіеся, заслонялись большими круглыми очками въ оловянной оправѣ, скрѣпленной кое-гдѣ черными нитками. Широкая лысина, сливающаяся непосредственно съ низенькимъ лбомъ и обнажавшая все темя, вплоть до того мѣста, гдѣ затылокъ упирался въ воротникъ сюртука, обрамлялась съ боковъ жиденькими пучечками сѣдыхъ волосъ, зачесываемыхъ обыкновенно Сусликовымъ на самую лысину справа налѣво. Одежду его составляли ветхій бумажный галстукъ, полосатый жилетъ, упорно подбиравшійся къ подбородку, и классическій длиннополый сюртукъ гороховаго цвѣта, сдѣлавшійся уже почему-то неизбѣжной принадлежностью всѣхъ старыхъ театральныхъ музыкантовъ. Оправившись немного послѣ сшибки съ Горковенкой, Сусликовъ подбѣжалъ къ Сабанѣеву и сложивъ, по обыкновенію своему, обѣ ладони къ животу, согнулся въ три-погибели.

— Куда это тывѣчно забѣжишь, что тебя съ собаками надо отыскивать? гдѣ ты былъ до сихъ поръ? спросилъ Николай Платонычъ, закидывая руки назадъ.

— Я-съ, насчетъ... все... маленечко... Николай Платонычъ, началъ-было Сусликовъ, да замялся и окончилъ оправданіе новымъ поклономъ.

— Ну, ну, хорошо, хорошо, перебилъ содержатель театра. Все пьешь! заключилъ онъ, насупивъ брови. — Завтра идетъ дивертисментъ; чтобъ все у тебя было

исправно. Смотри, Сусликовъ, я знаю, кто тебя подбиваетъ, прибавилъ онъ, грозя пальцемъ трагику, который тотчасъ же принялъ мрачный видъ: — все ли у тебя въ оркестрѣ какъ слѣдуетъ, а?..

— Все-съ, возразилъ Сусликовъ: — вотъ только Николай Платонычъ, гобойчикъ развѣ...

— Что такое? живо перебилъ содержатель театра.

— Да захворалъ, какъ словно, маленечко...

— Что-жъ ты мнѣ прежде не сказалъ этого? а? а? ну что-жъ ты стоишь? надо поскорѣй дать знать Алкивіаду Степанычу и просить, чтобъ онъ одолжилъ своего гобоиста на-завтра. Куда? куда-а-а? погоди, послѣ, теперь надо пройти дивертисментъ... я самъ пошлю потомъ: ступай! да живо настроить оркестръ!

Николай Платонычъ говорилъ «ты» всѣмъ артистамъ безъ различія; но тыканье его отнюдь не было грубо и оскорбительно; напротивъ того, въ немъ заключалось что-то нѣжное, отеческое, способное скорѣй размягчать, чѣмъ оскорблять сердце того, къ кому оно относилось. Черезъ нѣсколько минутъ лысина Сусликова показалась посрединѣ оркестра, и началась репетиція. Прежде всего пошла русская арія Миловиды, главная пьеса дивертисмента.

— Тише! Сусликовъ, тише! кричала, топая ногами, Глафира Львовна, когда не хватало у ней голоса, чтобы покрыть весь оркестръ.

— Тише же, тише, вы! повторялъ примирительнымъ тономъ авторъ, самодовольно проводя ладонью по волосамъ:—тра, та, та, та!.. Тутъ онъ ударялъ въ тактъ ладошами, и когда оркестръ начиналъ играть, принимался снова расхаживать по сценѣ, закинувъ назадъ руки.

– Громче, громче! что это, я, просто, пѣть не могу! громче, говорятъ! отчаянно произносила примадонна каждый разъ, какъ обрывалась у ней нота, и она чувствовала, что не дотянетъ ее до конца.

— Ну, громче же, громче, подхватывалъ композиторъ.

Наступила очередь танцовщицы.

— Скорѣе! скорѣе! кричала она, опасаясь кончить пируетъ прежде музыки: — скорѣй! Тише теперь, тише! продолжала она, становясь въ аттитюдъ, въ которомъ выгодно выказывались ея плечи.

Затѣмъ послѣдовала казацкая пляска, исполненная танцовщицей и тѣмъ самымъ господиномъ съ вывернутыми ногами и завитками на головѣ, который упражнялся въ «пліе»; потомъ дѣло дошло до комическаго танцора Розанцева, который долженъ былъ пройти свой знаменитый англійскій комическій па подъ названіемъ «horn pipe»; затѣмъ выступили впередъ хористы и началась проба еще одной выдержки изъ оперы директора: хоръ Вятичей и Радимичей; но тутъ уже самъ авторъ принужденъ былъ нѣсколько разъ останавливать оркестръ, чтобы мылить капельмейстеру голову. Николай Платонычъ былъ впрочемъ очень доволенъ выполненіемъ своихъ выдержекъ, и если задавалъ Сусликову острастки, такъ единственно на томъ же основаніи, какъ одна баба нѣжная мать, наказывала сына изъ убѣжденія, что побои-то для будущности пригодятся. Едва кончилась репетиція, появился Горковенко съ составленною афишею.

— Хорошо, сказалъ Николай Платонычъ, пробѣгая глазами.—А зачѣмъ же въ драмѣ назначенъ Переславскій вмѣсто Мускатицкаго, а? выставить опять Мускатицкаго, да впередъ не умничать.

— Никакъ нельзя-съ, отвѣчалъ Горковенко.

— Что такое? какъ нельзя?

— Никакъ не управишься, Николай Платонычъ; Мускатицкій даже на сцену сойти не могъ, мы водой его отливали въ уборной, насилу очнулся-съ...

— Позвать его сюда, притащить пьяницу! о! о! о!.. твердилъ Николай Платонычъ, быстро расхаживая по сценѣ.

Спустя минуту привели перваго любовника труппы, Мускатицкаго, высокаго, худощаваго какъ щепку человѣка съ неимовѣрно длинными, бѣлобрысыми волосами, пропитанными водою и прилипавшими къ его лицу и шеѣ; на немъ было жиденькое прорванное твиновое пальто, составлявшее, впрочемъ, всегдашній и вмѣстѣ съ тѣмъ

единственный домашній гардеробъ перваго любовника. Увидя передъ собою содержателя театра, Мускатицкій опустилъ глаза свои, тусклые какъ у вареной рыбы, и горько зарыдалъ, повторяя посреди всхлипываній, что его обидѣли.

— Спустить его подъ сцену, сказалъ Николай Платонычъ Горковенкѣ: — да сію жъ минуту снять съ него сапоги, чтобъ не убѣжалъ, а къ завтрашнему спектаклю все-таки выставить его на афишѣ... Ступайте!..

Сдѣлавъ такое распоряженіе, Николай Платонычъ снабдилъ еще кой-какими замѣчаніями артистовъ, пожалъ руку Глафирѣ Львовнѣ, далъ еще разъ поучительное наставленіе Сусликову, мимоходомъ погрозилъ трагику и, взъерошивая себѣ волосы, покинулъ наконецъ театръ, очень довольный своими выдержками. Вскорѣ сцена опустѣла; остались одинъ только первый любовникъ Мускатицкій, котораго жалобные вопли глухо раздавались подъ поломъ, да Сусликовъ, убиравшій въ оркестрѣ ноты. Наконецъ и капельмейстеръ вышелъ на подъѣздъ. Яркій солнечный свѣтъ такъ ошеломилъ его послѣ закулисныхъ потемокъ, что онъ невольно ухватился за лицо руками, причемъ толстыя тетради нотъ, находившіяся у него подъ мышкою, шлепнулись на-земь. Сусликовъ проворно раскрылъ глаза и, къ величайшему удивленію, увидѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя Анику Ѳедоровича Громилова, трагика труппы, того самаго, которому такъ часто грозилъ директоръ. Закинувъ одинъ конецъ шинели за плечо и драпируясь въ него на подобіе римскихъ трибуновъ, онъ мрачно глядѣлъ на афишу, возвѣщавшую о представленіи, только-что отмѣненномъ директоромъ. Шумъ упавшихъ нотъ заставилъ его оглянуться въ ту сторону. Увидѣвъ капельмейстера, трагикъ подозвалъ его къ себѣ величественнымъ жестомъ. Сусликовъ поспѣшно подобралъ ноты и приблизился съ видомъ крайне оторопѣвшаго человѣка.

— Сюда, Семенъ, сюда, ко мнѣ! закричалъ трагикъ, хватая его обѣими руками за воротникъ сюртука и дергая такъ сильно, что тотъ едва держался на ногахъ; — смотри (тутъ онъ указалъ ему на афишу),—видишь, опять

она! опять ея имя напечатано выше моего, да еще крупными буквами! Тараторка проклятая! ты слышалъ, какъ «онъ» приказалъ Горковенкѣ напечатать ея имя еще повиднѣе... мало ей! Сюда ждутъ вишь важнаго человѣка, такъ боится, чтобъ не пропустилъ ее... Чай, опять раздастъ «онъ» цвѣтовъ да вѣнковъ своимъ людямъ, да велитъ имъ хлопать ей, что есть мочи... Глафира Цвѣтошникова! Эка диковинка! я небось и постарше ея, всѣ первыя роли играю въ трагедіяхъ, драмахъ, мелодрамахъ, да не выставляютъ Громилова крупными буквами, не бросаютъ вѣнковъ... имячко-то Громилова почище ея; Громилова всѣ театры видали, всѣ! да ничего! пусть ее выставляютъ, пусть! Громиловъ себя покажетъ! Громилову только обидно... «Но твердъ, изъ глазъ нѣтъ слезъ, изъ устъ не слышенъ стонъ!..»

Тутъ трагикъ оттолкнулъ далеко капельмейстера, ударилъ себя кулакомъ въ грудь и снова принялъ мрачный видъ.

— Охо-хошеньки, повторялъ Сусликовъ, обтирая безпрерывно лобъ, лицо и лысину клѣтчатымъ дырявымъ платкомъ.

— Семенъ, дай понюшку! отрывисто сказалъ трагикъ.

Сусликовъ пошарилъ въ карманѣ, поскрипѣлъ табакеркою и поспѣшно подалъ ее Громилову.

— Да, будь у меня деньги, продолжалъ Аника Ѳедорычъ:—я бъ имъ показалъ, какъ понукать Громиловымъ, я бъ имъ... Семенъ! прибавилъ онъ, величественно махнувъ рукой:—ступай за мной!..

— Куда жъ это мы такъ пойдемъ-то, Аника Ѳедорычъ? вымолвилъ капельмейстеръ, боязливо оглядываясь на стороны.

— Ступай за мной! торжественно заключилъ трагикъ, направляясь прямо къ трактиру, котораго вывѣска съ надписью: «Traktеur», блистала въ отдаленіи.

— Аника Ѳедорычъ, миленькій, постой, Аника Ѳерычъ, погоди, что я скажу тебѣ... повторялъ Сусликовъ, стараясь всѣми силами удержать трагика за полы шинели...

— Ну, что?

— Аника Ѳедорычъ... маленечко какъ будто ужъ поздноватенько, едва внятно произнесъ капельмейстеръ:—милый человѣкъ, погоди, что я тебѣ скажу... домой пора...

— Полно врать, ступай за мной!..

— Охъ... да что жъ она-то, Арина-то Минаевна-то...

— А, такъ ты опять сталъ бояться ее? сказалъ Громиловъ, презрительно оглядывая Сусликова съ головы до ногъ: гдѣ она? подавай мнѣ ее сюда!.. Ахъ ты! что жъ ты, мужъ что ли? али нѣтъ? а? Она тебя бьетъ, а ты ее боишься... ахъ ты, тряпка ты этакая... Семенъ! за мной... идемъ!..

Идемъ на путь, предназначенный славой!..

Идемъ!.. И кто жъ, Семенъ, велѣлъ тебѣ жениться на этакомъ уродѣ?.. нѣтъ!..

Не Гименей тамъ былъ, Мегера тамъ была!..

Ступай за мной!..

Трагикъ держалъ Сусликова за рукавъ; Сусликовъ уже не противился и ковылялъ за нимъ какъ школьникъ, котораго учитель поймалъ въ шалостяхъ и ведетъ сѣчь.

— Я тебя выучу, какъ бояться Арины Минаевны, повторилъ трагикъ, сжимая все крѣпче и крѣпче обшлагъ гороховаго сюртука... ты у меня забудешь Арину Минаевну...

— Слабый человѣкъ, слабый человѣкъ, бормоталъ сквозь зубы капельмейстеръ:—охо... хошеньки... хохошеньки...

Наконецъ они подошли къ трактиру.

— Ступай впередъ! сказалъ трагикъ, вталкивая Сусликова въ двери, не смотря на всѣ усилія послѣдняго, упиравшагося руками и ногами.

Четверть часа спустя, пріятели вышли изъ трактира и тутъ же на порогѣ разстались; путь каждаго изъ нихъ лежалъ въ противоположную сторону. Оставшись одинъ, Сусликовъ вздохнулъ свободнѣе и началъ оглядываться во всѣ стороны. Кругомъ все было тихо, нигдѣ живой

души, и только глухое дребезжанье дрожекъ обывателей города Б***, возвращавшихся, кто отъ Алкивіада Степаныча, кто отъ г-жи Трутру, раздавалось въ отдаленьи на главныхъ улицахъ. Капельмейстеръ приладилъ подъ мышку ноты, обтеръ лицо и лысину, значительно раскраснѣвшіяся, потомъ поскрипѣлъ табакеркою и, окинувъ еще разъ глазами площадь, направился неровнымъ, колыхавшимся шагомъ къ дому.

III.

Если Сусликова прозывали тряпкой, и онъ въ самомъ дѣлѣ оправдывалъ такую кличку, изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы въ немъ не было природнаго дарованія, точно такъ же, какъ не слѣдуетъ и того, что дарованіе это наслѣдовалъ онъ отъ отца своего Игнатія Сусликова, игравшаго въ свое время на контрабасѣ. Смѣло можно утверждать, что дарованіе, какое бы оно ни было, явленіе совершенно случайное въ родѣ Сусликовыхъ. Трудно сыскать человѣка, который находился бы въ такихъ враждебныхъ отношеніяхъ съ музыкою, какъ покойный Игнатій Сусликовъ, отецъ Семена Сусликова. Прежде чѣмъ сдѣлался контрабасистомъ, Игнатій Сусликовъ слылъ въ цѣломъ околоткѣ за самаго страстнаго охотника. Да вдругъ какъ-то охота не взлюбилась ему; Игнатій произнесъ: «въ контра-басы!», и сталъ съ тѣхъ поръ Игнатій Сусликовъ контрабасистомъ.

Но съ сыномъ Сусликова было совсѣмъ другое; замѣтивъ въ немъ съизмала склонность къ музыкѣ (кто замѣтилъ и почему, неизвѣстно), ему дали скрипку (почему именно скрипку, такъ же неизвѣстно) и принялись не на шутку учить музыкѣ. Отъ шестнадцати до двадцати пяти лѣтъ его жизнь не обозначалалась ровно ничѣмъ замѣчательнымъ, кромѣ развѣ, что изъ Сеньки онъ преобразовался въ Семена, изъ Семена въ Семена Игнатьича, да и то съ такою постепенностью, что право не стоитъ и упоминать объ этомъ. Когда умеръ отецъ его, онъ уже изрядно дѣлалъ ріссісаto, а когда скончался хозяинъ орке-

стра, Сусликовъ состоялъ первою скрипкою въ капеллѣ. Онъ и еще три музыканта согласились тогда отправиться въ О*** попытать счастія... Они дали концертъ, но счастье ихъ обмануло, и вскорѣ концертисты разсѣялись Богъ вѣсть куда, за исключеніемъ Сусликова, попавшаго въ оркестръ къ одному знатному барину. Жизнь Сусликова была бы самая счастливая, еслибъ онъ только съумѣлъ ею воспользоваться; капельмейстеръ этого оркестра, старикъ лѣтъ 80-ти, по прозванью Матвѣй Гусликовъ, принялъ его подъ свое покровительство; разумѣется, это досталось ему не даромъ. Не знаю съ чего вспало на умъ Сусликову сочинить кадриль. Старый капельмейстеръ, узнавъ объ этомъ, взялъ кадриль и при первомъ торжественномъ случаѣ разыгралъ ее передъ бариномъ. «Это что-то опять новенькое?» — сказалъ баринъ капельмейстеру, — «хорошо, хорошо, продолжай!» Капельмейстеръ всталъ и, выразивъ на лицѣ своемъ добродушную улыбку, почтительно поклонился. Съ тѣхъ поръ, какъ только являлся торжественный случай: имянины, обѣдъ, съѣздъ, старый капельмейстеръ поручалъ Сусликову написать кадриль, матрадуру, монимаску, курантъ, — словомъ все, что требовалось. Сусликовъ писалъ, баринъ хвалилъ, а старый капельмейстеръ кланялся съ обычною добродушною улыбочкой. Справедливость требовала же наконецъ, чтобы старый капельмейстеръ получалъ какое-нибудь вознагражденіе за покровительство, оказываемое имъ молодому музыканту; смѣшно было бы возставать противъ этого; но грубой натурѣ Сусликова недоступны были такія тонкія отношенія; онъ не замедлилъ отплатить благодѣтелю самою черною неблагодарностью. Разъ какъ-то Гусликовъ поручилъ Сусликову написать экосезъ къ балу, назначенному въ день имянинъ барина. Экосезъ былъ оконченъ съ умысломъ въ день самаго бала. Добродушный старикъ попросилъ Сусликова сдѣлать пробу и заранѣе потиралъ себѣ руки. Но когда вечеромъ онъ взялъ смычокъ и оркестръ грянулъ экосезъ, всѣ присутствующіе разразились такимъ неистовымъ хохотомъ, какого вѣрно не слышно было со временъ богатырскихъ. Вмѣсто экосеза Сусликовъ нарочно наплелъ такую билиберду, такъ перепуталъ звуки инструментовъ,

что самъ подъ конецъ не выдержалъ и покатился со смѣху подъ самымъ носомъ своего благодѣтеля. Но шутка стоила ему дорого. Гусликовъ такъ возненавидѣлъ Сусликова, что принялся его гнать безпощадно; музыканты, подчиненные Гусликову, движимые чувствомъ справедливаго негодованія къ неблагодарному, начали вторить своему капельмейстеру; Сусликова гнали, гнали, и такъ гнали, что онъ долженъ былъ искать себѣ другого мѣста. Но Сусликовъ родился подъ счастливою звѣздою. Онъ вскорѣ попалъ въ оркестръ одного довольно значительнаго провинціальнаго театра. Въ этомъ театрѣ однакожъ, какъ на зло, всѣ капельмейстеры и даже музыканты были композиторы, и уже достаточно было имъ узнать, что новый собратъ сочинилъ матрадуру, чтобы не дать ему ходу и сбыть его какъ можно скорѣе съ рукъ. Такъ и случилось. Сусликову пришлось плохо, денегъ ни гроша; онъ уже задумывалъ было покончить съ музыкою навсегда, да къ счастью выручилъ содержатель другого театра, пріѣхавшій вербовать свѣжую труппу. Дѣло сладилось скоро, и Сусликовъ отправился съ нимъ въ качествѣ первой скрипки и капельмейстера. Несмотря на непостоянство и шаткость провинціальныхъ театровъ вообще, Сусликовъ ухитрился, однакожъ, такъ, что провелъ на своемъ мѣстѣ нѣсколько лѣтъ сряду съ самымъ невозмутимымъ спокойствіемъ. На сороковомъ году отъ рожденія (эпоха, въ которую началъ онъ носить очки и завелъ табакерку со скрипомъ) счастье стало сильно измѣнять ему. Это обстоятельство значительно подѣйствовало на капельмейстера; привыкнувъ опираться весь свой вѣкъ на фортуну, какъ на костыль, онъ вдругъ ослабѣлъ какъ ребенокъ; смиреніе, кротость и уступчивость сдѣлались отличительными чертами его характера. Онъ вдался въ чудачество и, что всего хуже, не только не умѣлъ поддержать къ себѣ уваженія товарищей, но даже заслужилъ отъ нихъ названіе «плюгаваго капельмейстера»,— кличка, оставшаяся за нимъ вплоть до той минуты, когда бросили послѣднюю горсть земли въ его могилу.

Никто, разумѣется, не понималъ настоящей причины, внезапно измѣнившей капельмейстера; всякій объяснялъ

ее по своему. Основываясь на вѣрныхъ источникахъ, всего справедливѣе, что Сусликовъ по-просту терзался угрызеніями совѣсти. Когда прошла горячка и первый пылъ молодости (нельзя сказать, чтобъ онъ когда-нибудь отличался тѣмъ и другимъ, но я говорю относительно), Сусликовъ ясно увидѣлъ, сколько гнуснаго и возмутительнаго было въ его поступкѣ съ добродушнымъ старикомъ Гусликовымъ, и это-то воспоминаніе омрачало въ конецъ его существованіе. Впрочемъ, была еще и другая причина. Сусликовъ нанималъ квартиру у одной бездѣтной вдовы одного провинціальнаго трагика; вдова эта, олицетворявшая какъ нельзя лучше всѣмъ извѣстную Бобелину и не уступавшая въ энергіи и силѣ духа сказанной героинѣ, воспользовалась могучими своими качествами, чтобы взять въ руки Сусликова, и дѣлала изъ него по произволу то верхъ, то подкладку. Ослабѣвшій Сусликовъ боялся ея какъ огня и съ каждымъ днемъ поддавался ей сильнѣе и сильнѣе. Такая покорность объясняется только вліяніемъ боа на птицу или животное: боа пользуется обыкновенно своимъ вліяніемъ и поглощаетъ свою жертву; энергическая хозяйка Сусликова поступила иначе: она вышла за него замужъ. Какъ рѣшился Сусликовъ на такой отважный поступокъ, объяснить трудно. Со стороны выгодъ какихъ-нибудь не представлялось ему ровно ничего. Онъ жилъ у ней нѣсколько лѣтъ сряду жильцомъ самымъ горемычнымъ, — женившись, остался неизмѣнно въ положеніи того же самаго жильца, въ той же самой комнаткѣ, подъ тѣмъ же строгимъ надзоромъ Арины Минаевны; а впрочемъ, Богъ его знаетъ; разныя бываютъ причины, почему иногда люди женятся; я зналъ, напримѣръ, одного человѣка, женившагося потому только, что его крайне соблазнилъ парадный обѣдъ, который долженъ былъ сопровождать свадьбу; мысль быть распорядителемъ на томъ обѣдѣ, первымъ лицомъ—словомъ, играть роль, заставила его закрыть глаза на пятидесятилѣтнюю невѣсту; другой сочетался бракомъ вслѣдствіе купленной имъ по оказіи за дешевую цѣну двухспальной кровати.

Что-жъ касается до Арины Минаевны, цѣль ея очевидна: Семенъ Игнатьичъ получалъ четыреста рублей

ассигнаціями въ годъ, и хотя она и прежде еще, до свадьбы, распоряжалась этими деньгами какъ хотѣла, но все-таки пріятнѣе было ей глядѣть на нихъ какъ на законную, неотъемлемую собственность. «Ну, а какъ сгонятъ его вонъ — думала предусмотрительная Арина Минаевна, — какъ обанкрутится содержатель театра, онъ съѣдетъ съ квартиры, поступитъ на другое мѣсто, я-то что тогда?» Арина Минаевна имѣла право болѣе, чѣмъ какая-нибудь другая женщина, искать положительнаго обезпеченія; покойный трагикъ оставилъ всего-на-все три цѣлковыхъ долгу въ трактирѣ, которые въ свое время стоили ей много слезъ и горя. Арина Минаевна пробавлялась кой-какъ своими трудами: то уладитъ свадебку честную, то съѣздитъ къ благодѣтельнымъ помѣщицамъ уѣзда попросить бѣдной вдовѣ на бѣдность; да вѣдь горекъ такой хлѣбъ; хорошо еще, если подадутъ его; случалось попадать и на жесткое, каменное сердце; пріѣдетъ къ помѣщицѣ и плачетъ-то надъ нею, заливается, и жалѣетъ-то ее всячески, и хвалитъ-то, да съ тѣмъ и уѣдетъ, всѣ труды пропали... вотъ это-то каково?..

Чтобы окончательно оправдать Арину Минаевну, стоитъ только сказать, что она не обманулась, и предусмотрительность ея вовсе была не лишняя. Не прошло и года послѣ ея брака, какъ содержатель театра дѣйствительно обанкрутился, и Сусликовъ лишился своего мѣста. Арина Минаевна тотчасъ-же запаслась рекомендательными письмами, взвалила домашній скарбъ и мужа на подводу и поѣхала въ другую губернію. Она бѣгала, хлопотала, плакалась, забѣгала и кончила все-таки тѣмъ, что нашла Семену Игнатьевичу мѣсто въ другомъ театрѣ. Тутъ только понялъ Сусликовъ, что Арина Минаевна ему необходима, и уже съ той минуты окончательно покорился ей во всемъ. Такимъ образомъ провели они нѣсколько лѣтъ, таскаясь изъ театра въ театръ, пока наконецъ Арина Минаевна не заѣхала съ своею подводою, рухлядью и мужемъ въ городъ Б***, гдѣ и опредѣлила послѣдняго къ Николаю Платонычу. Никогда еще положеніе Сусликова не было такъ благополучно обставлено. Даже то, что причиняло обыкновенныя невзгоды капельмейстеру, именно способ-

ность сочинить на скорую руку матрадуру или монимаску, обратилась здѣсь ему въ пользу. Николай Платонычъ особенно благоволилъ къ нему. Расположеніе это вскорѣ приняло такіе размѣры, что композиторъ строжайше запретилъ Сусликову обнаруживать кому-бы то ни было о своей авторской способности, опасаясь, вѣроятно, чтобы подобное извѣстіе не вооружило противъ него другихъ музыкантовъ города Б***, какъ нарочно, людей самыхъ завистливыхъ и самолюбивыхъ. Вотъ именно около этого-то времени и появились въ свѣтъ выдержки изъ оперы Николая Платоныча (это приводится здѣсь исключительно для исторической вѣрности). Впрочемъ, что-жъ скрывать: Николай Платонычъ, пожалуй, если хотите, и прибѣгалъ иногда къ помощи Сусликова; но нужно опять принять въ соображеніе, какъ это дѣлалось: «Позвать Сусликова!» крикнетъ обыкновенно содержатель театра. Придетъ Сусликовъ. «Ну, братъ, говоритъ ему Николай Платонычъ покровительственнымъ тономъ (замѣтьте, покровительственнымъ, а отнюдь не повелительнымъ),—подойди сюда, а вотъ я опять написалъ кое-что... а?.. возьми-ка, да перепиши... у меня, ты знаешь, рука не разборчива; перепиши же, да смотри, не дай маху, не ошибись... ну, понимаешь... если встрѣтишь тамъ какой-нибудь промахъ или пропускъ — такъ поправь; всего не досмотришь: да смотри, никому не говорить, что, мо́лъ, Николай Платонычъ написалъ новую пьесу: я держу это покуда въ секретѣ; ступай.» Сусликовъ прикладывалъ по обыкновенію обѣ ладони къ животу, низенько кланялся, бралъ ноты и шелъ домой, очень довольный ласкою и милостями г. Сабанѣева. При всемъ томъ, онъ съумѣлъ-таки насолить себѣ. Ни съ того, ни съ сего, связался онъ съ Аникою Ѳедорычемъ Громиловымъ, извѣстнымъ трагикомъ и еще болѣе извѣстнымъ пьянчужкой. Самъ нечистый, казалось, завидуя его счастью, натолкнулъ его на этого безшабашнаго человѣка. Ужъ одно то, что дурной примѣръ пагубно дѣйствовалъ на старика; но, принявъ еще въ разсчетъ его робость и слабость, сообщество съ Громиловымъ легко могло погубить окончательно капельмейстера. Дѣло шло, однакожъ, до сихъ поръ довольно ладно,

Николай Платонычъ глядѣлъ на проказы капельмейстера сквозь пальцы, Сусликовъ былъ счастливъ и доволенъ и, вѣроятно, прожилъ бы въ такомъ завидномъ состояніи до глубочайшей старости, еслибъ не случилось одного обстоятельства, которое сразу подкосило все его существованіе.

IV.

Приближаясь къ дому, сѣренькой лачужкѣ о двухъ окнахъ и крылечкѣ, выглядывающихъ на улицу и пятившихся недоброжелательно другъ отъ друга, Сусликовъ вытянулъ впередъ шею и, повернувшись нѣсколько бочкомъ, сталъ прислушиваться; такимъ образомъ добрался онъ до самыхъ оконъ, осторожно заглянулъ въ каждое изъ нихъ и, наконецъ, юркнулъ въ сѣни. Повсюду царствовала мертвая тишина, прерываемая только жужжаніемъ мухъ. Сусликовъ бодро вступилъ въ слѣдующую комнату, но въ ту же минуту отшатнулся въ уголъ и сталъ какъ вкопанный: на постели, заваленной пуховиками и перинами, лежала Арина Минаевна. Огромное ея туловище, закутанное въ черный коленкоровый капотъ, почти исчезало въ перинахъ; однѣ лишь ноги, запрятанныя въ сѣрые шерстяные чулки, да голова съ черными встрепанными волосами, прикрытыми чернымъ же чепчикомъ, выглядывали наружу. Въ комнатѣ стояла жара нестерпимая: два окна на дворъ были заколочены наглухо, несмотря на знойное лѣто. Арина Минаевна тяжело дышала, и по широкому, красному лицу ея струились ручьи, какъ по самовару, когда утекаетъ кипящая въ немъ вода. Семенъ Игнатьичъ вскорѣ, однакожъ, оправился; подогнувъ колѣни и съежившись въ-три-погибели, онъ началъ подбираться на цыпочкахъ къ двери, останавливаясь при каждомъ скрипѣ и шорохѣ и не упуская изъ виду несмѣтныхъ полчищъ мухъ, осаждавшихъ лицо Арины Минаевны такъ же усердно, какъ морскія птицы спинку кита, случайно высунувшуюся изъ воды. Сусликовъ пробрался, наконецъ, въ кухню; но тутъ онъ уже смѣлѣе подошелъ къ сундуку, на которомъ спала кухарка.

— Дарьюшка, Дарьюшка, шепталъ Сусликовъ, толкая ее легонько подъ бокъ:—вставай, голубушка... вставай!..

— Асинька?.. о! о! о!.. а! да это ты, кормилецъ, вымолвила Дарья, сбрасывая босыя ноги на полъ и принимаясь тереть глаза, или «кукситься», какъ выражаются въ простонародьи: — ахъ ты, мой касатикъ, рожоный ты мой, чтожъ тебѣ, чай, покушать, небось, надыть?..

— Да, Дарьюшка... я нынче еще не обѣдалъ... поѣсть-бы малехонько чего-нибудь...

— Охъ ты, болѣзный ты мой, умаялся, чай, на службѣ-то на своей... что-жъ бы тебѣ такого... Арина-то Минаевна почитай-что сама все поѣла... ужъ такъ-то, касатикъ ты мой, осерчала сегодня...

Сусликовъ проворно оглянулся назадъ.

— А мнѣ бы чего-нибудь кисленькаго... вымолвилъ онъ, бросая еще разъ украдкою глаза къ двери.

— Охъ, ты, рожоный ты мой... да кисленькаго, кажись, у насъ нѣтути... киселику нынче не готовили, а вотъ огурчики соленые, да похлебочка осталась... покушай на здоровье.

— Ничего, Дарьюшка, ты только потихонечку; все равно, дай хоть солененькаго... да только потихоньку, не буди...

— Охъ, ты, рожоный, ненаглядный ты мой, твердила Дарья, роясь въ темномъ шкафу, наполненномъ мухами, какъ улей пчелами:—а вотъ и пирожка съ капусткой нашла... сейчасъ соберу на столъ. Ты, чай, здѣсь въ кухонкѣ покушаешь?..

— Здѣсь, все равно, сказалъ Сусликовъ, снимая сюртукъ и усаживаясь къ окну противъ березоваго досчатаго стола.

Нужно замѣтить, что хозяйственная часть въ домѣ Сусликова находилась въ крайнемъ запустѣніи и безпорядкѣ. Арина Минаевна, проживавшая день-деньской у благодѣтельницъ или бѣгавшая по дѣламъ сватовства, не имѣла времени заняться этимъ предметомъ. Все было поручено старой Дарьѣ, простой деревенской бабусѣ, поступившей къ ней въ батрачки за два съ полтиной въ годъ и спавшей рѣшительно съ утра до вечера на своемъ сундукѣ.

— Рожоный ты мой, да ты хошь пирожка-то еще прикушай, говорила Дарья, нарѣзывая ломоть за ломтемъ... чай, голоденъ, болѣзный ты мой...

— Нѣтъ, спасибо, а вотъ кабы теперь кваску бы, Дарьюшка, произнесъ Сусликовъ, когда все уже исчезло со стола (старикъ любилъ плотно покушать), и онъ уже готовился снять очки, чтобы всхрапнуть часочекъ, какъ вдругъ въ сосѣдней комнатѣ послышался громкій кашель и вслѣдъ затѣмъ раздались по всему дому шаги Арины Минаевны. Дарья и Сусликовъ заметались какъ угорѣлые; послѣдній кинулся къ двери, но въ ту самую минуту на порогѣ показалась Арина Минаевна, и онъ остался пригвожденнымъ къ полу, съ открытымъ ртомъ, въ которомъ виднѣлся еще кусокъ пирога.

— Что вы здѣсь дѣлаете, а? прохрипѣла Арина Минаевна, быстро окидывая заспанными глазами кухню: — гдѣ ты по сю пору шлялся, а? присовокупила она, мгновенно обращаясь къ мужу и сердито хмуря густыя съ просѣдью брови.

— Ей-Богу... а вотъ же ей-Богу... Арина Минаевна, былъ на репетиціи... отвѣчалъ Сусликовъ съ увѣренностью, разводя руками, но такъ, однакожъ, чтобы, въ случаѣ надобности, защитить ими свою лысину.

— Врешь, врешь, круто перебила жена: — я давно встрѣтила этого поганца Горковенку... ты опять шлялся, а? прибавила она, дѣлая шагъ впередъ.

— Ужъ я ли, я ли шляюсь... Арина Минаевна, произнесъ Сусликовъ, забиваясь въ уголъ и стараясь принять видъ самаго ничтожнаго, незначительнаго существа.

— Опять ты у меня по трактирамъ пошелъ! продолжала Арина Минаевна.—Погоди же, разбойникъ ты этакой... вотъ я тебѣ покажу...

— А вотъ же ей-Богу не былъ... ей-Богу, сказалъ супругъ, высовываясь изъ угла: — отсохни руки и ноги, коли былъ... Грѣшно тебѣ, Арина Минаевна, Бога ты не боишься... (Тутъ Сусликовъ быстро подогнулъ колѣни, прикрылъ лысину обѣими руками и окончательно исчезъ за душегрѣйкою Дарьи, болтавшеюся на гвоздикѣ).

— Ужъ попадись мнѣ только въ руки этотъ плутъ Громиловъ, окаянный, разбойникъ этакой... я ему покажу, какъ подбивать людей, да водить по трактирамъ!..

— Ей-Богу, Арина Минаевна, не былъ, повторялъ Сусликовъ, высовывая опять голову: — маковой росинки во рту не было...

Анна Минаевна была въ тотъ день очень не въ-духѣ. Во первыхъ, купецъ Рыжиковъ, которому она сватала дочь купца Севрюгина, повздорилъ съ отцомъ невѣсты за роспись приданаго, требуя стъ него настоятельно лисьей шубы, означенной въ росписи, и отъ которой Севрюгинъ начиналъ отнѣкиваться, — свадьба разошлась, и слѣдовательно труды свахи пропали за-даромъ; во-вторыхъ, Арина Минаевна, забѣжавшая послѣ такой неудачи къ одной молоденькой дамѣ, провела битыхъ три часа, восхищаясь ея красотою и платьемъ, только-что принесеннымъ отъ г-жи Трутру для бала, назначеннаго въ честь гостя Кулындиныхъ, не получивъ за то ровно никакого вознагражденія. Арина Минаевна осталась безъ гроша и это обстоятельство тѣмъ болѣе возбуждало въ ней желчь, что до полученія мужнина жалованья надо было ждать цѣлый мѣсяцъ. Куда дѣвала Арина Минаевна столько денегъ, неизвѣстно. Не знаю также, до чеге возросло бы неудовольствіе грозной супруги, если-бы не раздался въ сѣняхъ стукъ и вслѣдъ за нимъ не послышался голосъ: «Кто здѣсь?.. дома, что ли?..»

Въ дверяхъ показалась долговязая фигура съ сѣрыми глазами, въ сѣрой фуражкѣ и сѣрой ливрейной шинели съ краснымъ стоячимъ воротникомъ и такими же красными полосами на капишонѣ.

— Чего вамъ надо? спросила на-отрѣзъ Арина Минаевна.

— А надо, что Алкивіадъ Степанычъ Кулындинъ требуетъ къ себѣ музыканта, что при театрѣ.

— Зачѣмъ?

— Вотъ еще зачѣмъ? а я почему знаю зачѣмъ? требуетъ, приказалъ позвать, то-есть, чтобъ сейчасъ же шелъ, нужно оченно скоро...

— Скажите, батюшка, сію молъ минуту придетъ, отвѣчала Арина Минаевна, бросаясь въ попыхахъ къ мужу:— сію минуту... Что жъ ты, чушка ты этакая, копаешься? ворчала она, подталкивая Сусликова, который схватывался за лысину и подгибалъ колѣни каждый разъ, какъ только супруга приближалась. — Ступай скорѣй! А ты, розиня, чего буркалы-то свои глупые кажешь? потри ему сапоги. Ну, ну, скорѣй! неравно еще помощь какую оказать хочетъ тебѣ, дураку... а коли зачѣмъ другимъ зоветъ, такъ самъ проси у него... ну, ступай! ступай!..

Черезъ нѣсколько минутъ Сусликовъ ковылялъ по улицѣ, провожаемый глазами Дарьи, которая стояла на крылечкѣ и скрестивъ руки на крутую грудь свою, повторяла жалобнымъ голосомъ: «ахъ ты, рожоной, болѣзный ты мой, и отдохнуть-то тебѣ, сердешному, не дадутъ... ненаглядный соколикъ!»

Вскорѣ Сусликовъ очутился подлѣ дома Алкивіада Степаныча Кулындина и не замедлилъ войти въ переднюю. Передняя показалась Сусликову темною и грязною; но что-жъ мудренаго? ему впервые приводилось видѣть богатый домъ, и онъ не зналъ, что переднія въ этихъ домахъ нарочно устраиваются такимъ образомъ, чтобы проходившаго черезъ нихъ по возможности болѣе ослѣпить блескомъ и великолѣпіемъ послѣдующихъ затѣмъ комнатъ. Въ передней толкалось множество лакеевъ; тутъ находились всякаго рода люди. Но Сусликовъ не оторопѣлъ, какъ нужно было ожидать; онъ поспѣшно поскрипѣлъ табакеркою и учтиво предложилъ каждому изъ нихъ понюшку. Тонкая политичность капельмейстера, разумѣется, не могла пройти даромъ въ такомъ образованномъ обществѣ; кто-то изъ нихъ взялся даже доложить о немъ барину.

Когда Сусликовъ вошелъ въ залу, его чуть не сшибли съ ногъ шутъ и шутовка, или, правильнѣе сказать, дуракъ и дура, выпрыгнувшіе неожиданно изъ-за двери и принявшіеся трепать его за полы сюртука. Капельмейстеръ согнулъ уже колѣни и прикрылъ руками лысину, какъ передъ Ариной Минаевной, но дѣло вскорѣ объяснилось: шутъ и шутовка потребовали табаку. Сусликовъ по-

скрипѣлъ табакеркою и поспѣшилъ исполнить ихъ просьбу. Тогда дура, наряженная въ бѣлый суконный балахонъ, испещренный красными кругами, треугольниками и фигурками, побѣжала впередъ, какъ бы расчищая ему дорогу, а дуракъ, приподнявъ свой халатъ изъ цвѣтныхъ лоскутковъ, пустился плясать вокругъ Сусликова, ударяя при каждомъ колѣнцѣ пяткою въ полъ и напѣвая въ тактъ:

Чижикъ, чижикъ, гдѣ ты былъ?
На Фонтанкѣ воду пилъ и т. д.

Сусликовъ вступилъ въ кабинетъ, сопровождаемый ими.

— Василиса пришла! произнесла дура, вытягиваясь передъ бариномъ и дѣлая самую серьезную мину, какъ будто докладывая о вошедшемъ.

— Пошла, пошла, Фефелка, пошла дура, сказалъ съ добродушною улыбкою Алкивіадъ Степанычъ:—здравствуй, Сусликовъ; подойди сюда, милый мой...

Алкивіадъ Степанычъ, человѣкъ высокаго роста, худощавый, пріятной наружности, въ золотыхъ очкахъ, съ мягкими, рѣденькими черными волосами, но такъ гладко прилизанными, что можно было безъ большого затрудненія пересчитать всѣ выступы и впадины на его черепѣ, что, безъ сомнѣнія, доставило бы большое удовольствіе не только Галлю, но и вообще всякому другому френологу. Алкивіадъ Степанычъ изъясняется мягко и плавно; въ его голосѣ есть что-то такое, невольно располагающее въ его пользу.

— А я вотъ зачѣмъ позвалъ тебя, милый мой, началъ онъ:—я ожидаю съ минуты на минуту моего родственника... завтра у меня балъ... Пошелъ прочь, Эська, пошелъ, дуракъ, присовокупилъ онъ, обращаясь къ шуту, который, просунувъ рыжую, выстриженную въ кружокъ голову, подъ руку Сусликова, показалъ ему языкъ, что крайне смутило капельмейстера:—да, такъ у меня завтра балъ... можешь ли ты, милый мой, написать мнѣ польскій?

— Какъ-же, сударь... только бы Николай Платонычъ... отвѣчалъ переминаясь капельмейстеръ.

Но тутъ Эська схватилъ Сусликова за плечи и, повертывая имъ какъ волчкомъ, запѣлъ съ приплясомъ:

Ой котокъ, котокъ, котокъ,
Что жъ ты ходишь безъ чулокъ?

— Пошелъ прочь, Эська! экой дуракъ! пошелъ вонъ! Фефела! прогони своего жениха... пошли въ залу... Ну, такъ ты можешь написать мнѣ къ завтраму польскій?

— Какъ же, можно-съ... вотъ только развѣ Николай Платонычъ... повторялъ Сусликовъ.

— Знаю, знаю, перебилъ Алкивіадъ Степанычъ:—да онъ и безъ того очень занятъ, ему некогда... я нарочно не просилъ Николая Платоныча, онъ бы не отказалъ мнѣ; да видишь ли, дѣло къ спѣху, а я слышалъ, у тебя къ этому большой навыкъ; главное, чтобъ поспѣло къ завтраму вечеру; такъ можешь ли взять на себя такую работу?

— Можно, сударь... если ваша милость...

— И къ завтраму будетъ готово?

— Какъ-же, сударь.

— Навѣрное?

— Слушаю-съ; можно даже къ вечеру, если угодно, и репетичку сдѣлать.

— И прекрасно! ну, а ужъ ты мною останешься доволенъ.

Сусликовъ приложилъ руки къ животу, поклонился и повернулся, чтобы выйти.

— Погоди, милый мой, сказалъ Алкивіадъ Степанычъ, удерживая его за руку:—я позабылъ сказать тебѣ, что все это должно остаться въ тайнѣ до завтрашняго вечера, чтобы никто не зналъ объ этомъ; это сюрпризъ... слышишь?.. Устрой такъ, чтобы даже музыканты до репетиціи не знали.

— Слушаю-съ...

— Ну, хорошо, милый мой, принимайся сейчасъ же за работу, чтобъ не опоздать,—это главное; ступай, милый мой, прощай!

Сусликовъ вышелъ въ залу, но опять-таки попалъ въ руки Фефелы и Эськи, которые, вмѣсто ласкъ, принялись на этотъ разъ преслѣдовать его съ гикомъ и визгомъ

вплоть до самой передней. Наконецъ капельмейстеръ выбрался на улицу.

— Ну, что, зачѣмъ тебя призывали? спросила Арина Минаевна, выбѣгая къ нему на встрѣчу.

— А на счетъ музыкантовъ, отвѣчалъ, запинаясь Сусликовъ:—завтра, вишь, балъ тамъ, просилъ поуправиться съ оркестромъ.

— Что жъ онъ тебѣ далъ?

— Посулилъ, Арина Минаевна; говоритъ, не забуду, доволенъ останешься.

— А тебѣ бы, дураку, попросить да поклониться.

— Не смѣлъ, Арина Минаевна.

— Э, дуракъ, дуракъ! ну, что—чай, при тебѣ небось говорили—что сказывали, а? ждутъ, чай, гостя?..

— Ништо, Арина Минаевна, ждутъ-таки.

— Ну, а въ домѣ ничего не видалъ? чай, суматоха идетъ, а?

— Два какіе-то, ништо, Арина Минаевна, такъ-то прыскаютъ.

— Какіе два?

— Скоморошенные, кажись, какіе-то...

— Эхъ, ты дуракъ, дуракъ.

Арина Минаевна поспѣшно набросила на плечи траурный платокъ и побѣжала со двора. Сусликовъ снялъ сюртукъ, приладился къ окну, поставилъ чернильницу, нотную бумагу, и вскорѣ весь домикъ наполнился визжаніемъ скрипки, прерываемымъ иногда скрипомъ пера, которымъ Сусликовъ довольно быстро водилъ по бумагѣ, выставляя крючки и заковычки. Дарья, любившая засыпать подъ шумомъ скрипки своего бо̀лѣзнаго хозяина, приподымалась однакожъ довольно часто съ своего сундука и, отворивъ осторожно дверь, произносила въ полголоса, жалобно качая головою:

— Рожоной ты мой... охъ болѣзный, соколикъ ты нашъ, вишь, какъ умаялся, касатикъ, и вздохнуть-то тебѣ не дадутъ, моему батюшкѣ...

Проговоривъ все это, она снова запирала дверь и отправлялась на сундукъ, какъ словно сдѣлала трудное дѣло.

Сусликову тѣмъ болѣе удобно было заниматься, что

жена не ночевала дома. Арина Минаевна провела ночь у одной вдовы, оплакивавшей мужа, скончавшагося десять лѣтъ тому назадъ, и единственное утѣшеніе которой составляла старая моська, кормимая пилюлями изъ прѣснаго тѣста, нарочно для нея изготовляемыми.

Весь слѣдующій день прошелъ для Сусликова въ занятіяхъ. Онъ не отрывался отъ своего дѣла ни на минуту; онъ не замѣтилъ даже, какъ мимо его оконъ пролетали дрожки и линейки, не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на общую городскую суматоху, возвѣщавшую о пріѣздѣ ожидаемаго гостя въ городъ Б***. Къ вечеру только, часу въ четвертомъ, капельмейстеръ вышелъ изъ дому, неся подъ полою только что оконченный польскій. Все прошло какъ нельзя лучше; Алкивіадъ Степанычъ остался до того доволенъ музыкою Сусликова, что тутъ же вынулъ изъ бумажника двѣ бѣленькія и подалъ ихъ капельмейстеру, подтвердивъ ему явиться тотчасъ же по окончаніи спектакля на балъ, для управленія оркестромъ и польскимъ.

V.

Зала театра была полнешенька. Все, что слыло въ городѣ лучшимъ, собралось сюда въ тотъ знаменитый вечеръ. Даже въ мѣстахъ за креслами и райкѣ сидѣли не бѣдняки. Первые ряды были заняты мѣстнымъ начальствомъ и ремонтерами, тамошними театралами. Нечего упоминать, что избранная публика съѣхалась не для какихъ нибудь драмъ или водевилей, которыхъ всѣ болѣе или менѣе видѣли нѣсколько разъ; даже самый дивертисментъ Николая Платоныча служилъ, кажется, однимъ только предлогомъ. Всеобщее вниманіе исключительно обращалось къ пріѣзжему, сидѣвшему налѣво, въ ложѣ бельэтажа, принадлежавшей Алкивіаду Степанычу Кулындину, — обстоятельство, возбудившее въ разныхъ концахъ залы нѣсколько ѣдкихъ эпиграммъ и замѣчаній со стороны самыхъ искреннихъ пріятельницъ Софьи Кириловны Кулындиной и ея супруга, который въ самомъ дѣлѣ принялъ почему-то уже слишкомъ надменную и оскорбительную позу, хотя и не переставалъ улыбаться. Взоры всѣхъ

все-таки съ жадностью устремлялись на извѣстную ложу; одна пожилая дама въ зеленомъ платьѣ, съ розовыми бантами, уподоблявшими ее издали тучному кусту, усѣянному пышными розами, пріѣхавшая въ театръ съ тремя жиденькими дочерьми, была такъ очарована наружностью гостя, что не давала дочкамъ глядѣть на сцену и, подталкивая поочередно каждую изъ нихъ сзади, повторяла безпрестанно:

— Инна, держись прямѣе!.. Ринна, куда глядишь!.. Пинна, смотри налѣво!..

Причемъ Инна, Ринна и Пинна вытягивались въ струнку и, кокетливо съуживая глазки, бросали томные взгляды на ложу Кулындиныхъ. Тишина въ залѣ не прерывалась; зрители хранили благоговѣйное молчаніе, такъ что еслибъ вниманіе публики было обращено на актеровъ, никто не проронилъ бы слова изъ драмы, которая разыгрывалась на сценѣ. Признаюсь, въ этомъ случаѣ можно сожалѣть о присутствіи родственника Кулындиныхъ, потому что драма была дѣйствительно достойна вниманія; уже одно то, что главная роль считалась лучшею въ репертуарѣ Громилова. Вотъ ея содержаніе:

Одинъ молодой человѣкъ (Аника Ѳедорычъ) и одна молодая дѣвушка (Курочкина) страстно любятъ другъ друга; ложный другъ Громилова (Мускатицкій) влюбленъ также въ эту дѣвушку. Онъ похищаетъ ее противъ воли изъ дому родителей и увлекаетъ несчастную на корабль. Громиловъ преслѣдуетъ ихъ на другомъ кораблѣ. Буря посреди океана. Корабли сшибаются, разбиваются вдребезги, и часть обоихъ экипажей бросается на плотъ, нарочно приготовленный для непредвидѣннаго случая. На плоту сталкиваются: ложный другъ Мускатицкій, Громиловъ и Курочкина. Страшная сцена, заглушаемая ревомъ бури, свистомъ вѣтра и раскатами грома. Мало по малу всѣ умираютъ съ голоду. Громъ поражаетъ злодѣя Мускатицкаго. Остаются въ живыхъ одни лишь несчастные любовники. Но голодъ томитъ ихъ; они уже четырнадцать дней безъ пищи; Громиловъ, въ забытьи и ярости, рѣшается наконецъ съѣсть свою возлюбленную, которая, жалобно скрестивъ ослабѣвшія руки на грудь, умоляетъ

о пощадѣ, припоминая ему въ трогательныхъ выраженіяхъ то время, когда они рвали фіалки у берега ручья. Но освирѣпѣвшій Громиловъ уже ничего не слышитъ, и жертва погибаетъ. Утоливъ голодъ, несчастный любовникъ (и въ этой-же сценѣ особенно хорошъ Аника Ѳедорычъ) начинаетъ мало по малу приходить въ себя: онъ катается по плоту, терзаемый угрызеніями совѣсти, и рѣшается лишить себя жизни, какъ вдругъ показывается шлюпка. Но Громиловъ сошелъ уже съ ума. Пьеса кончается тѣмъ, что Громиловъ бродитъ по лѣсу, отыскивая повсюду гробницу милой: но вдругъ появляется прислуга изъ дома умалишенныхъ, вооруженная факелами. Громиловъ хватается за сердце и вновь обрѣтаетъ разсудокъ. Но поздно: силы его слабѣютъ, онъ падаетъ въ изнеможеніи и испускаетъ послѣдній вздохъ посреди живописной группы прислужниковъ, потрясающихъ факелами.

Тишина въ залѣ прерывалась, однакожъ, каждый разъ, когда заѣзжій гость желая поощрить актера или оказать учтивость Николаю Платонычу, съ которымъ его только-что познакомили, хлопалъ въ ладоши, потому что тогда вся публика, отъ райка до заднихъ рядовъ, принималась также хлопать, движимая, вѣроятно, тѣми самыми чувствами, какія воодушевляли гостя.

Николай Платонычъ, находившійся въ это время за кулисами, не переставалъ, однакожъ, трепать себя за волосы и, казалось, былъ въ сильномъ волненіи. Черезъ полчаса какіе нибудь долженъ былъ начаться дивертисментъ. Онъ поминутно посылалъ въ оркестръ за Сусликовымъ.

— Все ли у тебя исправно? въ сотый разъ спрашивалъ Николай Платонычъ: — смотри, не забылъ ли чего-нибудь? сейчасъ начнется дивертисментъ, — помни, что я тебѣ говорилъ: какъ только Глафира Львовна оборвется или не дотянетъ ноты, fortissimo всѣмъ оркестромъ! да и не слишкомъ зачащивай, когда танцовщица начнетъ свой па, — дай ей три такта, три такта... слышалъ? смотри же, держать ухо востро; ступай!..

Волненіе Николая Платоныча возрастало съ каждою минутой; временами оно принимало даже видъ нѣкоторой досады; это особенно случалось, когда громкія рукопле-

сканія раздавались въ честь Громилова, Мускатицкаго и дѣвицы Курочкиной. Наконецъ начался дивертисментъ. По мѣрѣ того, какъ русская арія Глафиры Львовны приходила къ концу, не нарушивъ ни разу молчанія, досада Сабанѣева начинала обнаруживаться сильнѣе и сильнѣе. «Охрипла! робѣетъ! твердилъ Николай Платонычъ:— сорвалась нота, — э! Проклятый Сусликовъ не подтянулъ: «fortissimo, fortissimo!» кричалъ онъ въ оркестръ, прикладывая къ губамъ обѣ ладони въ видѣ трубы: — опять опоздалъ, — э, ну, брр... прр! ну, пошло все къ сатанѣ!.. вотъ что надѣлали негодяи!» присовокупилъ онъ, пожимая плечами и ударяя кулаками по колѣнямъ. Начался хоръ Радимичей и Вятичей; но хору суждено было претерпѣть туже неудачу. И въ самомъ дѣлѣ, охота же была Николаю Платонычу исключительно писать ученую музыку, доступную однимъ лишь высокимъ знатокамъ и цѣнителямъ искусства. Николай Платонычъ ходилъ уже какъ угорѣлый, проклиная артистовъ и неловкаго капельмейстера. Какъ на зло, случилось, что при первомъ появленіи танцовщицы и господина съ вывернутыми ногами, рукоплесканія заглушили оркестръ; Сабанѣевъ заскрежеталъ зубами; но когда Розанцевъ началъ свой комическій англійскій па, подъ названіемъ horn-pipe, и публика, потерявъ всякое воздержаніе, разразилась единодушнымъ, восторженнымъ браво, отъ котораго дрогнули самыя стѣны театра, гнѣвъ окончательно обуялъ композитора; даже режиссеръ Горковенко и еще нѣсколько человѣкъ, одѣтыхъ испанскими грандами, стоявшіе по близости, попрятались въ самые темные углы кулисъ. «Позвать Сусликова, Сусликова сюда!..» могъ только прокричать Николай Платонычъ, подстрекаемый, какъ нарочно, крикомъ толпы, вызывавшей Розанцева за комическій horn-pipe... Должно полагать однакожъ, что вызовами занимался въ это время раекъ, потому что главная публика спѣшила уже давнымъ-давно на балъ къ Кулындинымъ.

Домъ Алкивіада Степаныча представлялъ самое великолѣпное зрѣлище: плошки, шкалики, фонари снаружи по карнизамъ и на подъѣздѣ, цвѣты и ковры на парадной лѣстницѣ, вездѣ лакеи въ богатыхъ парадныхъ ливреяхъ;

по комнатамъ, усѣяннымъ сотнями свѣчей, носятся струи самыхъ тонкихъ куреній. Свѣтъ главной залы, обращенной окнами на парадный дворъ, былъ такъ ярокъ, что позволялъ даже различать лица горожанокъ и купчихъ, стекавшихся толпами къ рѣшеткѣ двора, чтобы поглазѣть на праздникъ. Танцы еще не начинались. Въ залахъ, наполнавшихся народомъ, слышался покуда отрывчатый глухой говоръ и шелестъ туго накрахмаленныхъ платьевъ. Дорогой гость, держа подъ руку хозяйку дома, стоялъ по срединѣ залы подъ самою люстрою; его окружали значительныя лица города; остальныя, менѣе значительныя лица бродили взадъ и впередъ, бросая томные, но болѣе завистливые взгляды на эту группу. Пожилая дама въ зеленомъ платьѣ съ розовыми бантами, окончательно уже очарованная наружностью величаваго гостя и желавшая, вѣроятно, чтобы дочки раздѣляли ея чувство, не переставала подталкивать Инну, Ринну и Пинну, приглашая ихъ всматриваться въ него какъ можно пристальнѣе. Всѣ казались, однакожъ, очень довольными и веселыми. Мраченъ былъ одинъ только Николай Платонычъ, пріѣхавшій послѣ другихъ. Онъ, пожалуй, такъ-же улыбался, но это были скорѣе тѣни улыбокъ, да и то появлявшіяся не иначе, какъ когда гость поворачивался въ его сторону. Въ такомъ многочисленномъ собраніи никто, разумѣется, не замѣчалъ мрачнаго лица директора; да и кому въ эту минуту было до него дѣло, кромѣ развѣ Сусликова, который, судя по времени, долженъ уже былъ стоять гдѣнибудь въ оркестрѣ.

— Послушай, Николай Платонычъ, я отыскиваю тебя повсюду; я уже думалъ, что ты не пріѣхалъ, сказалъ хозяинъ дома, неожиданно подлетая къ директору:—у меня къ тебѣ просьба: позволь твоему капельмейстеру управлять оркестромъ... представь, онъ увидѣлъ тебя и, хоть зарѣжь, не хочетъ; умора! Ну, братъ, нечего сказать, задалъ же ты ему страху, прибавилъ онъ, шутливо трепля его за руку.

— Пожалуй, любезнѣйшій, сколько хочешь... ты знаешь, я ни въ чемъ тебѣ не отказываю... пусть управляетъ... пусть управляетъ...

— Нужно тебѣ сказать, у меня сюрпризъ, — это по твоей части,—новый польскій... чудо!

— Чей? спросилъ Николай Платонычъ, судорожно ухвативъ себя за воротнички.

— Твоего Сусликова, отвѣчалъ ему на ухо Алкивіадъ Степанычъ:—ну, братъ, просто талантъ, я нарочно не говорилъ тебѣ, хотѣлъ сдѣлать сюрпризъ: ну, mon cher, и ты таки удивилъ насъ всѣхъ нынѣче... спектакль твой— charmant, charmant! присовокупилъ хозяинъ дома, повернувшись на каблукѣ иославъ композитору поцѣлуй рукою.

Но композиторъ уже ничего не слышалъ и не видѣлъ; онъ судорожно взъерошилъ себѣ волосы и въ одинъ мигъ очутился подлѣ оркестра. Горячій потъ прохватилъ его насквозь, когда, по знаку Алкивіада Степаныча, Сусликовъ появился вдругъ на возвышеніи передъ музыкантами, и польскій грянулъ всѣмъ оркестромъ. Все вокругъ засуетилось, и вскорѣ пестрая вереница изъ дамъ и кавалеровъ, предводительствуемая гостемъ и хозяйкою дома, потянулась зигзагами по залѣ. — «Charmant! прекрасно, превосходно! славный польскій!» послышалось внезапно отовсюду. Содержатель театра вздрогнулъ. Еслибъ только Сусликовъ взглянулъ въ эту минуту на Николая Платоныча, онъ вѣрно выронилъ бы смычокъ и далъ тягу,—но къ счастію этого не случилось. Сусликовъ уже ничего не видѣлъ передъ собою. По мѣрѣ того, какъ польскій приближался къ концу, группы передъ оркестромъ умножались и похвалы раздавались сильнѣе и громче,—лицо старика разгоралось, оживлялось, колѣни его выпрямлялись, тщедушная, согнутая фигурка его какъ-будто выростала и закидывалась назадъ; онъ быстро размахивалъ на всѣ стороны смычкомъ, моталъ головою, топалъ ногою; жиденькіе волосы, прилизанные на лысинѣ, взбились кверху и колыхались, какъ степной ковыль, раздуваемый вѣтромъ...

— Charmant! прекрасно! отличный польскій! ай да Сусликовъ! кричали отовсюду.

Воодушевленіе капельмейстера возрастало... Но вдругъ онъ опустилъ смычокъ, склонилъ лысину на сторону и

дрожащею отъ волненія рукою положилъ скрипку: польскій кончился.

— Прекрасный польскій! очень, о-ооочень хорошій, сказалъ въ свою очередь гость, останавливаясь передъ оркестромъ подлѣ самого директора (гость, нужно замѣтить, былъ въ полномъ убѣжденіи, что польскій сочиненъ Николаемъ Платонычемъ, о которомъ наслышался уже какъ о музыкантѣ).—Алкивіадъ Степанычъ! продолжалъ пріѣзжій, обращаясь къ хозяину дома, который подошелъ къ нему съ видомъ счастливѣйшаго человѣка: — скажи, пожалуйста, откуда этотъ польскій? Я никогда его не слыхалъ. Это должно быть что-то новенькое! Очень, о-о-чень хорошо...

— Это сочиненіе капельмейстера изъ оркестра г. Сабанѣева, отвѣчалъ съ сіяющимъ отъ восторга лицомъ Кулындинъ, подводя содержателя театра къ своему родственнику.

— Неужели! воскликнулъ тотъ: — поздравляю васъ, милостивый государь, съ такимъ прекраснымъ пріобрѣтеніемъ. Это просто находка, присовокупилъ онъ, пожимая руку композитора, съ котораго градомъ катилъ потъ:— вы обладаете, какь я вижу, прекрасными талантами, и я вамъ вполнѣ завидую... Нельзя ли мнѣ какъ - нибудь доставить этотъ польскій?.. Вы бы меня очень обязали... я большой охотникъ до музыки...

— Мнѣ будетъ очень пріятно, пробормоталъ сквозь зубы Николай Платонычъ, не упуская случая кивнуть Сусликову, который стоялъ ни живъ, ни мертвъ, за своимъ пюпитромъ.

— У меня тоже свой оркестръ, продолжалъ гость:— но, признаюсь, намъ, далеко отъ такого капельмейстера...

— Вы дѣлаете мнѣ много чести, пробормоталъ, краснѣя до ушей, Николай Платонычъ и въ то же время подалъ знакъ Сусликову, чтобы тотъ сошелъ внизъ.

Николай Платонычъ подавалъ эти знаки такъ искусно, что гость и окружающіе видѣли однѣ только пріятныя улыбки на лицѣ Сабанѣева, тогда какъ Сусликовъ встрѣчалъ каждый разъ грозно сдвинутыя брови и вздрагивающія губы. Раскланявшись съ гостемъ, Николай Пла-

тонычъ бросился въ уголъ подлѣ оркестра, гдѣ ожидалъ его капельмейстеръ. Что говорилъ онъ ему, неизвѣстно; издали впрочемъ, судя по фигурѣ Сусликова и выраженію его лица, казалось, какъ будто Николай Платонычъ извѣщалъ его о скоропостижной кончинѣ отца и матери.

Въ то время пріѣзжій, сопровождаемый многочисленною своею свитою, успѣлъ уже отойти на середину залы; мѣсто Сусликова въ оркестрѣ занялъ домашній капельмейстеръ Алкивіада Степаныча; черезъ нѣсколько минутъ заиграли первую французскую кадриль и балъ начался.

Но Николаю Платонычу было уже не до праздника; напрасно предлагали ему сѣсть въ преферансъ или остаться до ужина: онъ наотрѣзъ отказался. «Что съ тобою, Николай Платонычъ? не боленъ ли ты? не случилось ли чего?» спрашивали вокругъ пріятели. «Ну, братъ, поздравляемъ тебя! вотъ не ожидали! каковъ Сусликовъ, а? кто бы могъ думать?.. талантъ, просто талантъ!» говорили другіе. Николай Платонычъ ровно ничего не отвѣчалъ, хмурилъ только брови, дергалъ себя за воротнички, взъерошивалъ волосы и думалъ, какъ бы скорѣе выбраться вонъ. Съ своей стороны, Сусликовъ спѣшилъ такъ же домой. Мысли его были въ страшномъ безпорядкѣ. «Дома ли Арина Минаевна?» могъ только произнести капельмейстеръ, когда Дарья вышла на его стукъ съ фонаремъ въ рукахъ.

— Нѣтути ея, рожоный ты мой, не приходила; да что съ тобой, касатикъ? али что прилучилось недоброе?..

— Охъ - хохошеньки... хохошеньки... бѣда наша, Дарьюшка, отвѣчалъ Сусликовъ, заботливо потирая лысину.—Не сказывай только Аринѣ Минаевнѣ, прибавилъ онъ умоляющимъ голосомъ.

Далѣе Сусликовъ ничего не объяснилъ старой Дарьѣ, сколько она ни допытывалась. Собравъ черновые листы польскаго, онъ пустился со всѣхъ ногъ къ Николаю Платонычу. Вручивъ бумаги камердинеру, онъ такъ же поспѣшно возвратился домой, спросилъ опять «дома ли Арина Минаевна?» и получивъ отвѣтъ, казалось, нѣсколько успокоился.

На другой день, часу въ двѣнадцатомъ, Николай

Платонычъ явился къ родственнику Кулындиныхъ съ польскимъ, исправленнымъ имъ въ продолженіи ночи. Гость былъ любезенъ до крайности, осыпалъ его похвалами и, въ довершеніе, объявилъ, что польскій уже есть у него, ибо Алкивіадъ Степанычъ, не далѣе часа тому назадъ, принесъ ему эту пьесу въ оригиналѣ, оставленномъ вчера послѣ бала на пюпитрѣ.

Это, повидимому ничтожное, обстоятельство произвело однакожъ очень важныя послѣдствія. «Позвать Сусликова!» были первыя слова, произнесенныя содержателемъ театра по возвращеніи его домой. Слова эти были такъ произнесены, что лакей, къ которому обращено было приказаніе, исполнилъ его на рысяхъ, и не болѣе какъ черезъ пять минутъ явился самъ Сусликовъ.

Какого рода совѣщаніе происходило между Николаемъ Платонычемъ и Семеномъ Игнатьичемъ, опредѣлить въ точности трудно; должно предполагать, однакожъ, что объясненіе было горячее, потому что первый любовникъ, Мускатицкій, котораго также приказалъ позвать Сабанѣевъ для какихъ-то переговоровъ, услышавъ частичку разговора, никакъ не рѣшился войти въ кабинетъ и стоялъ за дверью, пронимаемый поперемѣнно ознобомъ и жаромъ, какъ будто его обдавали то кипяткомъ, то студеной водой.

Свидѣтельство Сусликова ровно ничего не объясняло изъ того, что происходило между нимъ и директоромъ. Когда разспрашивали его объ этомъ, онъ только прикрывалъ рукою лысину да подгибалъ поспѣшно колѣни, и больше ничего.

VI.

Къ вечеру того же дня въ городѣ узнали, что капельмейстеръ Сусликовъ отставленъ отъ своей должности, а на мѣсто его назначенъ кларнетистъ, дальній родственникъ извѣстной примадонны, Глафиры Львовны Цвѣтошниковой. По поводу этого родства и поспѣшности, съ какою исполнялось Николаемъ Платонычемъ все, чего требовала Глафира Львовна, было, разумѣется, много

толковъ. Дорогой гость уже уѣхалъ; что же дѣлать обывательницамъ города Б***? не сидѣть же повертывая мизинцы да закрывъ ротъ.

Каждый легко вообразитъ, какое впечатлѣніе произвело на Арину Минаевну извѣстіе объ изгнаніи мужа. Распространяться о томъ, что произошло въ ея домѣ, чѣмъ обнаружились первыя ея движенія, лишнее; вторымъ ея дѣломъ было кинуться къ Николаю Платонычу. Но композиторъ не дослушалъ ея слезной рѣчи, повернулся къ просительницѣ спиною, взъерошилъ волосы, дернулъ себя за воротнички и приказалъ немедленно выйти ей вонъ. Затѣмъ Арина Минаевна пустилась со всѣхъ ногъ къ Алкивіаду Степанычу. Алкивіадъ Степанычъ, выслушавъ внимательно въ чемъ дѣло, попросилъ ее подождать, сѣлъ въ коляску и полетѣлъ прямо къ Николаю Платонычу. Не прошло и четверти часа, какъ онъ снова вернулся назадъ; но вмѣсто утѣшительныхъ извѣстій Кулындинъ объявилъ наотрѣзъ Аринѣ Минаевнѣ, что ровно ничего не можетъ для нея сдѣлать, что Николай Платонычъ грубый человѣкъ, съ которымъ хочетъ онъ прервать всякаго рода сношенія, что онъ прежде не зналъ этого, что съ этого же дня нога его не будетъ въ домѣ Сабанѣевыхъ и, наоборотъ, что онъ очень сожалѣетъ о невозможности опредѣлить Сусликова въ свой собственный оркестръ, за неимѣніемъ въ немъ на время никакой надобности, и такъ далѣе; словомъ, повергъ Арину Минаевну въ совершенное отчаяніе. Но кто представитъ себѣ весь ужасъ злосчастной женщины, когда, вернувшись домой, она услышала отъ Дарьи, какъ Сусликовъ пропалъ изъ дому, а съ нимъ вмѣстѣ и Аника Ѳедорычъ Громиловъ, какъ захватили они съ собою скрипку, ноты, баночку съ канифолью, и какъ послѣ всего этого рожоный и болѣзный Семенъ Игнатьичъ сулилъ ей три двугривенныхъ, если только она согласится поступить къ трагику кухаркой.

Арина Минаевна съ плачемъ и воплемъ бросилась къ благодѣтельницамъ, прося защиты и помощи, но на этотъ разъ никто не слушалъ ее. Уже весь городъ, не исключая и самихъ благодѣтельницъ, былъ исключительно за-

нятъ ссорою Николая Платоныча и Алкивіада Степаныча. Въ самое короткое время образовались двѣ партіи— одна за Сабанѣевыхъ, другая за Кулындиныхъ; партіи эти, предводительствуемыя большею частью благодѣтельницами, объявили вскорѣ войну, пошли споры, толки, пересуды, и Богъ вѣсть чѣмъ бы это кончилось, еслибъ мужья, наскучивъ такою дребеденью, не махнули рукой и не разъѣхались кому куда пришлось. Тогда только, посреди возникшей тишины, вспомнили стараго Сусликова и его супругу; но тутъ толковъ немного было и партій рѣшительно никакихъ не возникло; всѣ единодушно утверждали, что Сусликовъ пьетъ запоемъ, а Арина Минаевна—бѣдная женщина, достойная всякаго сострадания и лучшей участи. Послѣднее заключеніе справедливо, но первое, къ несчастію, еще справедливѣе.

Въ такомъ то положеніи находились дѣла, какъ вдругъ Алкивіадъ Степанычъ получилъ письмо отъ дорого своего родственника, въ которомъ тотъ убѣдительно просилъ его переманить какъ-нибудь къ нему въ оркестръ капельмейстера Сусликова. Хотя Алкивіадъ Степанычъ былъ человѣкъ извѣстный своею обходительностью и кротостью, однакожъ мысль сдѣлать что нибудь въ пику своему врагу Николаю Платонычу такъ обрадовала его, что онъ тотчасъ же приказалъ позвать къ себѣ стараго капельмейстера. Обстоятельства Сусликова, нужно замѣтить, находились въ это время въ самомъ жалкомъ состояніи. Уже двѣ двадцати-пяти-рублевыя ассигнаціи, пожалованныя ему за польскій, приходили къ концу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самая дружба Аники Ѳедорыча что-то ничинала ослабѣвать: уже старикъ приходилъ въ отчаяніе и думалъ прибѣгнуть къ крайней мѣрѣ, обратиться снова къ Аринѣ Минаевнѣ, когда неожиданно позвали его къ Кулындину. Увидѣвъ передъ собою капельмейстера, Алкивіадъ Степанычъ отступилъ шагъ назадъ, скрестилъ руки на грудь, и покачалъ головою.

— Ай, ай, ай! произнесъ онъ, оглядывая старика съ головы до ногъ: — значитъ, милый мой, мнѣ правду про тебя говорили... тссссс... ай, ай... стыдись, милый мой, стыдись, посмотри, на кого ты похожъ теперь...

Сусликовъ дѣйствительно много перемѣнился: лицо его осунулось, похудѣло, спина согнулась, волосы не были приглажены по обыкновенію на лысинѣ справа налѣво, а торчали туда и сюда, какъ послѣ сна; отъ жилета и гороховаго сюртука оставались одни лишь лохмотья...

— Тсссссс... продолжалъ Алкивіадъ Степанычъ: — жаль, жаль, вѣдь ты, милый мой, артистъ, художникъ, тсссс... вѣдь тебѣ только что по настоящему открывается дорога. Знаешь ли, что: мой родственникъ, тотъ самый, который хвалилъ твое новое сочиненіе, проситъ опредѣлить тебя къ нему въ оркестръ капельмейстеромъ... а ты такъ дурно ведешь себя, пьешь все... стыдись, милый мой; знаешь ли, что родственникъ мой показывалъ твой польскій артистамъ и музыкантамъ, лучшимъ музыкантамъ: всѣ утверждаютъ, что у тебя есть талантъ, что ты можешь пойти далеко... а ты еще пьешь, милый мой... тсссс... стыдись...

Сусликовъ ничего не отвѣчалъ; онъ стоялъ понуря лысую свою голову и только переминалъ дрожащими руками лохмотья бумажнаго платка.

— Ну, милый мой, присовокупилъ Алкивіадъ Степанычъ: — надѣюсь, что ты исправишься... не такъ ли? подумай, вѣдь ты артистъ, милый мой, художникъ, человѣкъ съ дарованіемъ... какъ же это можно пить! тсссс... (тутъ Кулындинъ опять-таки замоталъ головою). Нужно тебѣ сказать, прибавилъ онъ: — что родственникъ мой даетъ тебѣ двѣ тысячи рублей въ годъ жалованья, ты будешь жить въ его домѣ, на его глазахъ; подумай объ этомъ; вѣдь если ты станешь продолжать вести себя такимъ образомъ, то лишишься своего мѣста, и что-жъ тогда?.. тсссс.

Сообщивъ Сусликову еще кой-какія замѣчанія, касательно новаго мѣста, снабдивъ его добрыми наставленіями, Алкивіадъ Степанычъ, тронутый вѣроятно жалкимъ видомъ гороховаго сюртука, сунулъ ему въ руку ассигнацію и приказалъ немедленно готовиться въ дорогу. На-радостяхъ Сусликовъ можетъ-быть и отправляся бы въ ближайшее

заведеніе, но къ счастью намѣреніе его предупредили. Камердинеръ Алкивіада Степаныча, согласно отданному заранѣе наставленію, передалъ его изъ рукъ въ руки Аринѣ Минаевнѣ, которая, извѣщенная уже обо всемъ, ожидала блуднаго своего супруга въ передней. Находясь въ трезвомъ состояніи и бывъ слѣдовательно слабъ духомъ, Сусликовъ не противился и, прикрывъ лысину, подогнувъ колѣни, тотчасъ-же послѣдовалъ за дражайшею половиной... Нѣсколько дней спустя послѣ того, изъ воротъ сѣренькаго домика съ крылечкомъ, гдѣ жилъ старый капельмейстеръ, выѣхала телѣга, навьюченная кулечками, перинами, горшками и всякимъ домашнимъ скарбомъ и рухлядью. Главное мѣсто подводы занимала Арина Минаевна. Толстая голова ея была укутана чернымъ шерстянымъ платкомъ, по-дорожному. Подлѣ нея, ближе къ козламъ, между кулемъ картофеля и футляромъ скрипки, робко высовывалась голова Сусликова. Воротникъ гороховаго сюртука, приподнятый кверху, позволялъ однакожъ различить лицо старика, изображавшее глубокую тоску. На облучкѣ, рядомъ съ извозчикомъ, сидѣла, обернувшись передомъ къ хозяевамъ, Дарья. Телѣга подвигалась молча, никѣмъ почти незамѣченная, посреди пыльныхъ улицъ города Б***; на всемъ пути отъ дома до заставы попались два-три лица, выглянувшія случайно изъ оконъ между горшками съ бальзаминомъ, да и тѣ такія заспанныя и недовольныя, что Сусликовъ невольно отвернулся. У заставы подвода остановилась. Дарья медленно слѣзла на земь. Началось прощанье. Все совершилось какъ нельзя спокойнѣе. Но когда Арина Минаевна отдала приказаніе ѣхать и телѣга тронулась, Дарья, оставшаяся одна-одинешенька, выронила изъ рукъ узелокъ, въ которомъ хранились ея пожитки, присѣла на тумбочку и разразилась такимъ воплемъ, что стоявшій по близости ея таможенный досмотрщикъ почелъ необходимымъ сказать ей: «чего ты глотку-то дерешь? отваливай! здѣсь не мѣсто...»

Дѣлать было нечего; Дарья встала, взвалила узелокъ на плечи и направилась къ городу, не переставая однакожъ оборачиваться поминутно къ дорогѣ, гдѣ клубилось косое облако пыли, относимое вѣтромъ...

Легко, очень легко могло статься, что Сусликовъ, несмотря на то, что ему было скоро шестьдесятъ, и глаза его начинали слѣпнуть, довершилъ бы свою музыкальную карьеру чѣмъ нибудь достопримѣчательнымъ и оправдалъ бы надежды Алкивіада Степаныча Кулындина, еслибы только счастливая звѣзда его, утомленная вѣроятно напутствовать такого недостойнаго любимца, не закатилась преждевременно. Сусликову должно быть ужъ на роду написано было получать не болѣе 500 рублей жалованья и проживать смирненько, скромненько, въ глухой неизвѣстности, подъ блюстительнымъ окомъ Арины Минаевны. Дѣло въ томъ, что Семенъ Игнатьичъ не доѣхалъ до мѣста назначенія. На третьей или четвертой станціи отъ города Б***, онъ почувствовалъ сильный жаръ и попросилъ чего-нибудь кисленькаго, чтобы утолить жажду. Къ несчастью, въ гостинницѣ нашлось все, что угодно, кромѣ того, что спрашивалъ проѣзжающій. Арина Минаевна уложила мужа въ подводу и поѣхала далѣе. На пятой станціи стало ему хуже, на шестой еще хуже; на седьмой онъ слегъ въ постель шурина, станціоннаго смотрителя, полежалъ часъ, другой, вздохнулъ, попросилъ еще разъ чего-нибудь кисленькаго и отдалъ Богу грѣшную свою душу...

Что-жъ касается до Арины Минаевны, она живетъ о-сю-пору, и какъ еще живетъ! толстѣетъ и добрѣетъ съ каждымъ часомъ; да впрочемъ, что ей дѣлается? Она разъѣзжаетъ по уѣздамъ отъ одной помѣщицы къ другой: гдѣ день погоститъ, гдѣ два, гдѣ и цѣлую недѣльку. Тутъ выпроситъ медку, тамъ крупицы, здѣсь курочку, въ другомъ мѣстѣ поднесутъ рюмочку, въ третьемъ предложатъ очередную подводку да проводника доѣхать до ближайшаго сосѣда. И вотъ, Арина Минаевна садится и ѣдетъ себѣ по извилистому, кочковатому проселку, покрякивая да подталкивая своего вожатаго. Подъѣзжаетъ она, голубушка, къ барскому дому. вываливается кряхтя изъ телѣги, спрашиваетъ повелительно помѣщика или помѣщицу и прямо вваливается въ комнаты.

— Здравствуйте, сударыня или сударь, говоритъ Арина Минаевна, смягчая по возможности свой сиплый, басистый голосъ: — здравствуйте, честь имѣю рекомендоваться, —

была прежде жена музыканта — капельмейстерша, а теперь — просто Арина Минаевна...

— Позвольте узнать, спрашиваютъ обыкновенно хозяева: — что вамъ угодно?

— Всякое даяніе благо... всякое даяніе благо... не поможете ли чѣмъ бездѣтной одинокой вдовѣ?.. отвѣчаетъ Арина Минаевна, слегка приподымаясь съ мѣста и устремляя сѣрые глаза свои на хозяевъ.

Она всѣмъ беретъ, чѣмъ угодно; и удивительное дѣло, какъ проворно исчезаетъ въ ея рукахъ всякое подаяніе! вотъ, кажется, только что взяла цѣлковый, глядишь, глядишь пристально — и уже нѣтъ его, между тѣмъ какъ ея пальцы, толстые и жирные, кажется, вовсе не созданы для фокусовъ. Послѣ подаянія, радушные хозяева предлагаютъ бѣдной вдовѣ откушать съ ними чѣмъ Богъ послалъ; но Арина Минаевна имѣетъ обыкновеніе отказываться, увѣряя, что только-что отобѣдала у губернаторши.

— Велите-ка лучше, милостивая государыня, присовокупляетъ вдова: — истопить мнѣ баньку...

Послѣ баньки, которую Арина Минаевна между прочимъ считаетъ первымъ наслажденіемъ, она проситъ, чтобъ ей отрекомендовали кого-нибудь изъ ближайшихъ сосѣдей, и обращается обыкновенно съ этою просьбою къ людямъ.

— Да ты мнѣ, братецъ, не толкуй, говоритъ она съ нѣкоторымъ жаромъ: — не разсказывай про тѣхъ, у кого въ семи дворахъ одинъ топоръ, говори про тѣхъ, которые могутъ мнѣ помощь оказать... понимаешь?..

Разспросивъ подробно, какъ и куда слѣдуетъ ѣхать, Арина Минаевна какъ бы вдругъ перемѣняетъ намѣреніе и проситъ у хозяевъ позволенія заночевать. Такимъ образомъ заночевываетъ она, сердечная, ночь, другую, третью, пока наконецъ хозяинъ или хозяйка, приведенные въ отчаяніе опустошительною гостьею, не предлагаютъ ей очередную подводу. Тогда Арина Минаевна Сусликова, ни мало не обидясь, прощается съ хозяевами, укладываетъ свои узелки съ подаяніемъ, вваливается, кряхтя и ворча, въ телѣгу и снова отправляется въ путь.

ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ГОДА.

I.

Ну, тащися, сивка,
Пашней, десятиной,
Выбѣлимъ желѣзо
О сырую землю.
Красавица зорька
Въ небѣ загорѣлась,
Изъ большого лѣса
Солнышко выходитъ!

Кольцовъ.

Заря только-что занималась... Туманныя полосы, въ которыхъ тонули луга и пашни, начинали, однакожъ, алѣть и расходиться; и только холмистыя поля, заслонявшія восходъ, оставались покрыты черною, холодною тѣнью.

Солнце далеко не показывалось надъ ними.

А между тѣмъ на смугломъ хребтѣ ихъ, обозначавшемся все рѣзче и рѣзче въ загоравшемся горизонтѣ, уже давнымъ-давно трудился пахарь. Угловатая профиль дряхлаго его туловища, согбеннаго годами и заботой, четко вырѣзывалась въ чистомъ, прозрачномъ небѣ вмѣстѣ съ профилью старой клячи, тащившей соху; вытянувъ длинную, кудластую шею свою, усиленно подогнувъ переднія ноги, она также трудилась, бѣдная, взрывая жесткую,

неблагодарную почву; подлѣ бѣжалъ спотыкаясь жеребенокъ «сосунчикъ», упорно прижимавшійся къ костлявымъ бокамъ ея своими жиденькими членами, покрытыми сѣрымъ пухомъ. За сохою слѣдила, то подымаясь на воздухъ, то припадая къ землѣ, цѣлая стая сизыхъ и бѣлыхъ полевыхъ голубей, искавшихъ завтракъ въ засвѣжо раскрытой бороздѣ, которую проводилъ пахарь.

По мѣрѣ того, какъ горизонтъ становился ярче и ярче, въ поляхъ и особенно въ лощинѣ, лежавшей по ту сторону горы и обращенной къ солнцу, все постепенно оживало и наполнялось звуками. Робкій голосъ овсянки и пѣночки откликнулся уже гдѣ-то на проталинкѣ; легкій вѣтерокъ пахнулъ сильнѣе, принося жирный запахъ только-что вспаханной нивы; тамъ, изъ-за темной кочки, тяжело взмахнулъ крыльями грачъ, первая хлѣбная птица и высоко поднялся въ сверкающемъ небѣ; лощина, потопленная золотыми лучами восхода, вскорѣ представила самую жизненную картину: по всѣмъ направленіямъ, вдали и вблизи, показались пахари съ ихъ лошадьми, тащившими сохи и бороны, которыя подпрыгивали на кочкахъ, влача за собою косматые пучки травъ, захваченныхъ зубцами. Отдаленные крики: «возлѣ, возлѣ!» или «ближе, ближе!», которыми пахарь возбуждаетъ рвеніе лошади, заставляя ее въ то же время держаться прямо направленія сосѣдней борозды, внятно раздавались въ чистомъ воздухѣ; слѣва лощина замыкалась длинною березовою рощей, усыпанной только-что распускавшимися почками. Милліоны голосовъ подымались оттуда: все вокругъ радовалось и улыбалось теплому, весеннему утру...

Но старый пахарь, преданный весь своей работѣ, казалось, ничего не замѣчалъ; онъ выступалъ за сохою тѣмъ же медленнымъ, ровнымъ шагомъ, кладя борозду подлѣ борозды и постепенно спускаясь въ лощину. Это былъ мужикъ уже согнутый и покрытый морщинами; лѣта его опредѣлить было, однакожъ, трудно; есть время, гдѣ почти невозможно это сдѣлать; труды и забота рано кладутъ на лица поселянъ печать загрубѣлости, истомы и старости. Судя, впрочемъ, по широкой лысинѣ и сѣдымъ волосамъ, спускавшимся длинными прядями по обѣимъ

сторонамъ щекъ, ему можно было дать лѣтъ пятьдесятъ слишкомъ; онъ былъ небольшого роста, сухощавъ, костлявъ, но еще здоровъ и плотенъ; худенькое лицо его, покрытое синими и красными жилками, склонялось къ землѣ, его кормилицѣ—особенность, нимало, однакожъ, не отнимавшая у него выраженія добродушія и какой-то ясности, которая просвѣчивалась во всѣхъ чертахъ; маленькіе сѣрые глазки, окруженные красными, больными вѣками, безпрерывно съуживались, что постоянно придавало лицу старика видъ веселый и улыбающійся.

Итакъ, онъ усердно работалъ, не обращая ни на что вниманія; изрѣдка лишь остановится, понюхаетъ табачку изъ берестовой тавлинки, спрятанной за пазухой, или вдругъ повернется спиною къ рощѣ и, приложивъ ладонь къ глазамъ, чтобы защитить ихъ отъ свѣта, пристально поглядитъ въ безкрайное поле, гдѣ пашетъ сынъ,—и снова за соху.

Солнце не на шутку начало уже припекать лысину его, когда онъ остановился, наконецъ, у межи и рѣшительно отеръ потъ. Взглянувъ тогда украдкою на сына, онъ дернулъ возжами, своротилъ соху и пошелъ къ нему на встрѣчу. Достигнувъ куста орѣшника, на которомъ висѣли двѣ сермяги, старикъ бросилъ возжи и принялся выжидать сына, успѣвшаго въ это время сдѣлать еще конецъ и возвращавшагося къ кусту.

Сыну было всего лѣтъ восемнадцать; дѣтина былъ рослый, свѣжій, здоровый, съ русыми кудрями, падавшими скобками вдоль полныхъ щекъ, подернутыхъ первымъ пухомъ.

— Ну, что, Петрушка, умаялся? спросилъ старикъ, когда тотъ подошелъ къ нему валкимъ шагомъ.

— Ничего, батюшка, отвѣчалъ парень, тряхнувъ волосами и въ то же время отирая рукавомъ рубахи лобъ и щеки.

— То-то, продолжалъ, подтрунивая, отецъ: — зналъ только о сю пору челночкомъ на фабрикѣ пощелкивать... э! небось, пашенка не свой братъ: какъ разъ упаритъ! Ладно, выѣхали до зари, хошь росой маленько землицу-то посмочило, а то бы не такъ еще уломался; ишь какъ ее, нашу матушку, присушило... смерть!.. Ну, чего-жъ

стоишь? распрягай лошадей: пусть ихъ подберутъ травки, пока мы отдохнемъ да пообѣдаемъ... Ухъ, какъ упыхался! рубаху-то хошь выжми.

Они молча распрягли лошадей, пустили ихъ на паръ и снова сошлись къ кусту орѣшника; старикъ вынулъ изъ-подъ него плетеную берестовую котомку, выложилъ поочередно передъ сыномъ полновѣсный сукрой хлѣба, черный глиняный горшокъ, заткнутый ветошью, тряпицу съ солью, и оба дружно принялись за обѣдъ.

— Экъ! кабы да къ эвтому лучку теперь либо огурчика! вотъ дѣло было бы ладно, замѣтилъ старикъ, между тѣмъ какъ сынъ, не смотря на такія прихоти, усердно вонзалъ бѣлые какъ кипень зубы въ ломоть чернаго хлѣба. — Да авось либо Господь насъ не оставитъ, продолжалъ отецъ, жадно прихлебывая изъ кувшина:—прошлый годъ, и то великъ больно разстрой вышелъ, ничѣмъ-ничего не уродилось... Неужто и нынче не создастъ намъ Господь хлѣбушка!..

— Съ чего бы, кажись, батюшка, быть нынѣ недороду? простодушно вымолвилъ парень:—ишь какія стоятъ ведра! за прошлую весну, помнится, объ эту пору дождику переводу не было.

— Точно годъ былъ мочливый, отвѣчалъ отецъ заботливо качая головою: на нашу землицу не угодишь: песокъ да глина; до пахоты пошелъ дождь: землю смочило, и пахать сподручно; спахалъ, ведра надыть для сѣва, ждать время не приходится; старики говорятъ: «сѣй въ золу да въ пору!» И то сказать надо: упустишь сутки въ весну, въ осень недѣлей не нагонишь... Посѣялъ — опять надо просить у Бога дождичка, да и то въ уровень: пошелъ забойный — забьетъ, того и смотри, зернышко въ землю! тамъ поздній сѣвъ, овсы да гречиха— опять надыть тепло да ведра; старики сказываютъ, овесъ надо сѣять, когда голая нога не стынетъ на пашнѣ и листъ какъ есть развернется; тамъ опять подмочить его надо, какъ заборонишь... никакъ не угодишь! Много дождя—разступилась наша пашенка словно кисель; мало— пошла трескаться камень-камнемъ!.. Вотъ теперь ужъ какъ бы по настоящему дождя-то надо, присовокупилъ

онъ со вздохомъ: — совсѣмъ одолѣли ведра, тепло такое стоитъ, того и смотри, засушь; ничему нѣтъ росту; вонъ посмотри, озимы-то какія голодныя: слобно варомъ ихъ поварило—(онъ выразительно протянулъ жилистую свою руку на сосѣднюю ниву, покрытую рѣденькими зеленоватыми отпрысками), — давно пора бы птицѣ въ нихъ хорониться, а ихъ отъ земли не видать... Эхъ, кабы на нихъ да нашу матушку, тучку, онѣ бы сейчасъ какъ есть вздохнули; росой только и пробавляются... По всему сдается, и нынче быть сухменному лѣту; утренники студеные стоятъ, а день весь солнышко припекаетъ словно лѣтомъ... шутка, съ самаго Еремѣя-запрягальника почитай дождя-то не было. Ишь какъ паритъ, словно въ жнитво, продолжалъ онъ, проводя ладонью по лысинѣ:—ну, Петруха, сытъ, что ли?

— Сытъ батюшка.

— И слава Господу Богу... эхма! прибавилъ онъ, ставъ на колѣни и тряхнувъ шутливо сына по плечу:— была бы у насъ мука, напекли-бъ мы съ тобою пироговъ, да горе, что не дается!.. Ну, я чай, послѣ работы и вздохнуть не грѣхъ...

Сказавъ это, старикъ запряталъ въ котомку остатокъ обѣда, бодро поднялся на ноги, посмотрѣлъ, гдѣ лошади и, перекрестившись на востокъ, развалился подъ кустомъ, подложивъ руку подъ голову и прикрывъ лицо шапкою. Сынъ не замедлилъ послѣдовать его примѣру, и вскорѣ оба заснули сладкимъ сномъ, подъ шумокъ насѣкомыхъ, которыя жужжали и кружились надъ ихъ головами...

II.

За-одно съ весной
Пробуждаются
Ихъ завѣтныя
Думы мирныя.

Кольцовъ.

Солнце далеко перешло половину неба, когда Петръ разстался съ отцомъ и вновь очутился одинъ-одинешенекъ посреди полей. Несмотря на усердіе и готовность,

съ какою принимался онъ за работу, легко было замѣтить, однако-жъ, что мысли его частенько отрывались отъ сохи и уносились Богъ знаетъ куда; борозда шла тогда косѣе, кляча тащила лѣнивѣе, а наконецъ и вовсе останавливалась, и каждый разъ спохватится нашъ молодякъ, проворно подыметъ голову, дернетъ возжами, а тамъ, смотришь, опять зазѣвался, повѣсилъ невѣсть зачѣмъ голову, и снова пошла косить борозда подъ сошникомъ.

Уже передвоилъ онъ съ грѣхомъ пополамъ половину нивы, когда разъ, поднявъ голову, увидѣлъ вдалекѣ, на дорогѣ, извивавшейся посреди пашень, какъ будто что-то бѣлѣлось. Онъ невольно остановилъ лошадь и сталъ вглядываться; вскорѣ зоркій глазъ его различилъ бабу, которая несла что-то на спинѣ и, какъ казалось, направлялась прямо въ его сторону. Живой человѣкъ въ полѣ не диковинка! Но какъ бы тамъ ни было, появленіе бабы, повидимому, сильно запугало парня; щеки его загорѣлись, что кумачъ; онъ поспѣшно поворотилъ соху, такъ чтобы проходившая мимо баба не могла его узнать и, нагнувъ голову, принялся за работу.

Къ несчастью, дорога прилегала прямо къ его нивѣ; трудно было послѣ этого, чтобы проходившій по ней своякъ и особенно баба, завидя молодого парня, рѣшилась пройти мимо, не перекинувшись словомъ.

Такъ и случилось. Поровнявшись съ нивой, баба остановилась, сбросила съ плечъ свертокъ холста и принялась ждать, пока парень вернется къ дорогѣ.

Бабенка была еще моложавая; въ одеждѣ ея замѣтно было болѣе щегольства, чѣмъ у простой крестьянки. Несмотря на будни, изъ-подъ коротенькой поневы выглядывали узорчатые, строченые коты, надѣтые на босую ногу; широкую грудь перехватывалъ темный ситцевый передникъ съ большими желтыми разводами; на головѣ пестрѣлъ яркій писаный платокъ, широкіе концы котораго падали на плечи рубашки, вышитыя краснымъ и синимъ гарусомъ. Свѣжее лицо ея было красно и лоснилось на солнцѣ какъ сафьянъ; черные маслистые глазки, увѣнчанные двумя сходившимися дугами черныхъ бровей, бѣгали какъ у мышенка и, вмѣстѣ съ вздернутымъ, раз-

двоеннымъ на концѣ носомъ, придавали ея физіономіи что-то бойкое, наглое, игривое, — свойство, особенно послѣднее, имѣющее, какъ извѣстно, силу полонить сердца мигачей фабричныхъ, служивыхъ и подгородныхъ, гульливыхъ мѣщанъ.

— Здравствуй, Петруша, сказала она заманчиво, когда парень остановилъ передъ ней соху и неловко приподнялъ шапку:—какъ поживаешь?

— Ничего, ладно... отвѣчалъ Петръ, нагибаясь къ подсошнику, чтобы скрыть свою неловкость.

— Что больно спѣсивъ сталъ? продолжала бабенка, подбочениваясь и потряхивая головою.

— А что мнѣ спѣсивиться! нешто... я ничего... сказалъ Петръ, разглаживая волосы.

— Какъ ничего! въ одномъ селѣ живемъ, а хоть бы слово сказалъ... и на улицѣ-то не подойдешь... не стать бы кажись, тебѣ со мною спѣсивиться...

— Рази меня на то отецъ вызвалъ на пашню? возразилъ Петръ, запинаясь:—сама, чай, знаешь, здѣсь не на фабрикѣ работа, да и время-то рабочее.

— Вотъ то-то, теперь работа! перебила она, поддразнивая:—ты думаешь, я не знаю...

— Что ты знаешь? подхватилъ онъ, плохо скрывая смущеніе.

— Ишь какой! ловокъ больно; думаешь, люди-то глупѣе тебя...

— Да что ты знаешь?

— А вотъ знаю же! знаю! произнесла бабенка съ нѣкоторой досадой:—совокъ да неловокъ: прежде и тово и сево... а на деревню пришелъ, и глядѣть не хочешь...

— Чего тебѣ-то отъ меня надо? съ сердцемъ спросилъ Петръ.

— Чего! проговорила, переминаясь, бабенка: — чего? а! такъ ты вотъ какъ! заключила она, какъ бы не зная уже, что отвѣчать:—ладно же, ладно, не впервые намъ съ тобой встрѣчаться!.. я те припомню!

— Ладно, припоминай сколько хочешь, я тебя не боюсь...

— Ой ли?.. Ну, хорошо, бойся аль не бойся, припомнишь, припомнишь! вымолвила она, взваливая на плечи свертокъ холста. —Припомнишь! прибавила она, обернувшись еще разъ и останавливаясь посреди проселка.

— Ладно, ладно, ступай своей дорогой! сказалъ Петръ, погоняя лошадь.

— И пойду... что ты думаешь, не пойду; а вотъ пойду же, пойду... думаешь, больно мнѣ нужно! много васъ, шушеры, лохмотниковъ окаянныхъ!..

— Ступай, ступай!..

— Не спрошусь тебя! прокричала она, яростно размахивая руками и снова останавливаясь.

На этотъ разъ Петръ ничего уже не отвѣчалъ, повернулся къ ней спиной и тронулъ возжами.

Встрѣча съ краснощекой бабенкой, казалось, еще сильнѣе закручинила молодого пахаря.

И было, впрочемъ, изъ чего.

Въ бытность Петра на фабрикѣ, передъ тѣмъ, какъ отправиться ему къ отцу, лукавый натолкнулъ его на солдатку Домну (такъ звали бабенку). Оба, какъ на зло, были изъ одной деревни. Домна, баба вострая, которой въ-частую приходилось бражничать съ фабричными ребятами, подсѣла къ нему и, благо парень въ ту пору былъ простоватъ, давай вертѣть имъ какъ покромкой. Только и бѣды-то всей было, что Петръ занялъ у хозяина двугривенный, да потрунили надъ нимъ день-другой парни. Недѣли двѣ спустя послѣ этого, наступила Святая, и Петръ, по уговору, распрощался съ хозяиномъ фабрики и пошелъ на лѣто къ отцу, въ сосѣднюю деревню, откуда была также и Домна.

Гдѣ ужъ и быть веселью, какъ не на Святой! Знамое дѣло, въ деревнѣ не каждый день праздникъ. Пошли хороводы да пѣсни. Дѣвки понадѣли пестрые платки, парни красныя рубахи съ синими ластовицами, схватились за руки, и началось раздолье. Глядѣлъ такъ-то Петрушка, глядѣлъ на старостину дочку, да мысли къ ней и припали. Полюбить развѣ долго? Разъ взглянулъ, другой взглянулъ, поговорилъ въ третій, въ хороводѣ прошелъ — и дѣлу конецъ: запала зазнобушка, бродятъ по ней мысли

день и ночь, что брага молодая, незаквашенная! Забылъ Петрушка и фабрику, и парней фабричныхъ, и Домну солдатку. И дѣвка-то, кажись, старостина-то дочка, непрочь была отъ парня. Прошла Святая, — стоятъ оба на заваленкѣ, каждый на своей, да переглядываются промежъ себя, ни дать ни взять—звѣздочки перекатныя въ синемъ небѣ, когда на немъ ни облачка. Проходитъ еще недѣля,—и вдругъ, откуда ни возьмись, къ рабочему времени и Домна перебралась въ деревню. Бѣды тутъ большой опять-таки для Петра не было, да парень-то больно былъ новый, тихій: боялся, не наегозила бы чего тараторливая баба. Начнетъ болтать, сплететъ нивѣсть что, а тамъ, глядь, и Парашка перестанетъ съ нимъ кланяться. Вотъ почему такъ усердно избѣгалъ онъ встрѣчи съ солдаткой и смутился, когда столкнулся съ нею глазъ-на-глазъ въ полѣ.

Раздумье, овладѣвшее имъ, было такъ сильно, что онъ не замѣтилъ даже, какъ подъѣхалъ къ нему отецъ.

— Порѣшилъ, что ли, нивку-то? спросилъ старикъ, пристально оглядывая поле.

— Послѣднюю борозду провожу, батюшка, оторопѣвъ, отвѣчалъ сынъ.

— Эхъ, рѣдко запахалъ вонъ тотъ клинъ! э! э!.. а еще домкомъ собираешься жить; говорилъ: не тормази руки, вымолвилъ старикъ, уперши ладони въ бока и слегка подсмѣиваясь надъ парнемъ, съ котораго валилъ потъ.

— Никакъ не осилишь, батюшка: ишь какая сушь...

— Ладно, ладно... хорошо еще, до свѣту выѣхали: успѣли передвоить... Пойдемъ домой; солнышко садится, старуха-то наша ждетъ, я чай, не дождется.

Они перекинули на плечи сермяги, перевернули сохи сошникомъ кверхъ и выбрались на дорогу.

Скаты полей начинали уже покрываться огненнымъ заревомъ заката; сизая, зубчатая тѣнь отъ рощи, куда тянулась дорога, постепенно захватывала окрестность; съ востока небо заволакивалось тучами; въ воздухѣ замѣтно холодѣло.

Вскорѣ наши мужички достигли опушки рощи и, немного погодя, скрылись между деревьями, успѣвшими уже окончательно распуститься въ продолженіи дня. Тутъ Петръ остановилъ свою лошадь позади, приблизился къ отцу и оба пошли рядышкомъ.

Все вокругъ дышало той весенней прохладой и сыростью, долго еще не покидающей лѣса, гдѣ, несмотря на засушь равнинъ, часто подъ грудами прошлогоднихъ листьевъ, рядомъ съ новой травкой, дотаиваетъ втихомолку пластъ рыхлаго, темнаго снѣга. Съ обѣихъ сторонъ проселка, врѣзаннаго глубоко въ землю и исполосованнаго корнями, тѣснились кусты вербы, орѣшника, жимолости; ихъ красные и голубоватые прутья, лишенные еще зелени, ярко пестрѣли надъ черною, влажною почвой. Мѣстами на глинистую окраину проселка свѣшивался крутой бугоръ мху, изъ-подъ котораго сочилась вода, падавшая капля за каплей въ ближнюю колею, заваленную сучьями и покрытую плесенью. Кое-гдѣ между бѣлѣвшими стволами березъ прорѣзывалась лужайка, охваченная золотымъ лучомъ солнца; жиденькая ея травка пестрѣла сквозившимися листами ландышей и фіалокъ, которыя разливали тонкій запахъ въ сыромъ вечернемъ воздухѣ. По мѣрѣ того, какъ Петръ и отецъ его забирались далѣе, кругомъ дѣлалось тише и тише, такъ что постукиваніе бороны, прыгавшей по корнямъ, одно раздавалось въ рощѣ.

— Эхъ, какъ холодкомъ-то хорошо идти, словно жерновъ съ плечъ снялся! началъ старикъ, снимая шапку.— Что это за весна, право, кажись, я такой и не запомню... Бѣда, коли долго будетъ такъ-то стоять, куда тяжко будетъ: ничего не уродится!.. придется: ни вонъ, ни въ избу!.. Нашъ оброкъ не то, чтобъ непосильный, что Бога гнѣвить!—а все внести его надо по осень; пятьдесятъ рублевъ деньги большія въ такіе годы... Вотъ вѣдь и женить тебя пора, Петруха; — что глаза-то на меня уставилъ! вѣстимо, пора...

Онъ взглянулъ на сына и невольно усмѣхнулся, видя, какъ тотъ осадилъ тотчасъ же назадъ и замялся.

— Самъ вѣдаешь, продолжалъ отецъ, поглаживая лы-

сину и стараясь принять заботливое выраженіе: — старъ я сталъ, одинъ работы не осилю, да и старуха наша одна съ домомъ не управится; братишки еще махонькіе: что въ нихъ!.. Тебѣ съ Миколы восемнадцатый годъ пошелъ; я на то тебя изъ фабрики на пашню и вызвалъ... а ты думаешь зачѣмъ?.. Время старикамъ подсоблять... Ума вотъ только не приложу, присовокупилъ старикъ, искоса поглядывая на сына, который шелъ понуря голову: — кого бы въ снохи взять; въ своей деревнѣ одна Карпова Парашка на выданьи... да та не по насъ... отецъ артачится добре много: не отдаетъ даромъ, знай, молъ, старосту!.. Вотъ развѣ изъ чужой какой вотчины засватать...

— Слушай, батюшка, что я тебѣ скажу, вымолвилъ Петръ, запинаясь и обращая къ отцу зардѣвшее лицо свое:—я, кажись, о сю пору ни тебѣ, ни матери ни въ чемъ не перечилъ и впредь изъ твоей воли не выступлю... только ты, батюшка, не неволь меня въ этомъ дѣлѣ...

— А развѣ я тебя неволю? экой дурень! къ слову только пришлось, отвѣчалъ старикъ, поглядывая на сына смѣющимися своими глазками:—въ семьѣ и каша гуще; пора, молъ, парнюху женить, — вотъ что!.. А и то сказать: батрака, что ли, подрядилъ ты за меня, старика, я вотъ про что толкую...

— Я нешто отнѣкивался когда отъ работы? сказалъ Петръ, едва скрывая досаду:—нешто пенялъ я на васъ? Дѣлай со мною что хочешь, твоя воля; а изъ чужой деревни не возьму за себя дѣвку... лучше смерть принять!..

— А что-жъ такъ? спросилъ старикъ, ухмыляясь въ бороду.

— А вотъ что, возразилъ парень съ рѣшимостью: — окромя Карповой Парашки никого за себя не возьму!..

— А что, развѣ полюбилась?.. Ишь разластился какъ! сказалъ отецъ, давъ на этотъ разъ полную волю своему смѣху. — Эхъ, вы! вамъ бы только была взрачная да осанистая! А что въ нихъ, въ сухопарыхъ-те, ну, хошь бы въ Карповой Паранькѣ? Съ лица-то ея не воду намъ

пить!.. Ну, ну, что голову-то повѣсилъ, полюбилась, такъ полюбилась, я не перечу, коли ты ей любъ; она дѣвка не гулящая—что худое говорить—дѣвка сытая, хорошая дѣвка; да вѣдь я-жъ те говорю, Карпъ даромъ ее не отдаетъ...

— Такъ что-жъ, батюшка, рази у насъ рукъ не стало? Годъ только-что начался, время много до осени...

— Эхъ! голова-то у те, видно, только для шапки и сдѣлана... дурень, дурень! слышь, говорятъ тебѣ: отецъ восемьдесятъ рублевъ за нея выкупу проситъ, а у насъ въ домѣ алтына нѣту; послѣднія деньги, что были, за корову отдали... малолѣтокъ ты, что-ли? вишь весна какая: завтра Егорье, а травы отъ земли не видать,—чего ужъ тутъ ждать по-осени...

— Да что ты, батюшка, загадываешь, — время раннее, можетъ еще уродитъ намъ Господь,—самъ говорилъ ты намедни, ласточки рано прилетѣли... И то сказать, станъ у меня теперь поставили: все штуку хошь одну миткалю вытку; вотъ-те и тридцать рублевъ лишку...

— Лишку! эхва! а оброкъ забылъ?.. пятьдесятъ рублевъ одного оброку...

— Погоди, батюшка, братишки малы, малы, а все въ лѣто шпуль намотаютъ рублей на тринадцать; да корова къ осени отелится... я чай, въ городѣ-то все рублевъ десятокъ дадутъ за теленка...

— Ладно, нутка-сь, перебилъ отецъ, выставляя лѣвую руку впередъ и принимаясь загибать правою палецъ за пальцемъ,—считай: тридцать рублевъ, да тринадцать, да еще десять,—сколько, по твоему, выходитъ?..

— Пятьдесятъ три рубля, съ запинкою отвѣчалъ парень.

— Тото-же. отдашь оброкъ, — три рублишка и останется тебѣ на свадьбу...

— Я чай, ржицы-то продашь хоть на сколько-нибудь, вымолвилъ Петръ нетвердымъ голосомъ.

— На это считать спозаранку нечего, что еще Богъ дастъ.

— А сѣно-то! воскликнулъ парень, какъ бы спохватившись.

— Экой ловкій какой! ну, а какъ дожди пойдутъ къ Петрову дню, да подмочитъ его на покосѣ... тогда что?

— Да что ты взаправду, батюшка, все къ худому загадываешь! съ сердцемъ произнесъ Петръ.

— Ну, Петруха, знать, больно полюбилась тебѣ Карпова Парашка, заключилъ отецъ, заливаясь смѣхомъ, крутя головою и ударяя ладонями по поламъ. — Дѣлай, какъ знаешь, присовокупилъ онъ серьезнѣе:—приневоливать не стану, а только коли годъ выйдетъ плохой, да денегъ на оброкъ въ обрѣзъ хватитъ—не видать тебѣ ее, какъ ушей своихъ.

Между тѣмъ, какъ они такъ разсуждали, деревья постепенно рѣдѣли, и вдругъ на крутомъ изгибѣ проселка оба очутились прямо противъ заходящаго солнца, лучи котораго потопляли въ этомъ мѣстѣ расщелину рощи. Вскорѣ передъ ними открылся широкій лугъ, спускавшійся накатомъ къ деревнѣ.

— Погляди, Петруха, радостно воскликнулъ старикъ, указывая на востокъ, окутанный сизою тучей:—никакъ, замолаживать начинаетъ!.. Эхъ, кабы Господь дождичка послалъ... Господи! прибавилъ онъ, снимая шапку и крестясь набожно на востокъ:—создай намъ теплую воду и тихую росу!..

Петрушка снялъ шапку и также перекрестился.

— Ну, вотъ, Петруха, плакались мы съ тобой, произнесъ старикъ, лицо котораго вмигъ повеселѣло: — вотъ, можетъ статься, и благодать небесная!.. ишь какъ небото съ той стороны позаволакиваетъ!.. дай-то, Господи!.. пойдетъ дождь—не о чемъ будетъ кручиниться,—сватай тогда любую невѣсту; тебѣ Парашка, а намъ, старикамъ, покой да хлѣбъ святой... Пойдемъ скорѣй домой; я чай, на деревнѣ не нарадуются!.. иди дружнѣй...

Въ радости, старикъ не замѣчалъ, какъ сынъ поминутно отставалъ, снималъ шапку, глядѣлъ пристально на приближавшуюся тучу и крестился, произнося шопотомъ: «создай, Господи, тихую воду и теплую росу!..»

Лугъ, по которому змѣился теперь проселокъ, ограничивался слѣва крестьянскими капустниками, околицей и задами деревни, — амбарами, ригами и клѣтушками,

перехваченными плетнями, надъ которыми кое-гдѣ высились столѣтнія ветлы, усѣянныя гнѣздами; справа лугъ замыкался песчаными берегами рѣки и холмистыми полями. На одномъ изъ загибовъ рѣки, далеко, далеко, новая, только-что выстроенная мельница показывала изъза ветлъ свою новую тесовую кровлю, охваченную солнцемъ.

Вскорѣ старикъ и сынъ его остановились у околицы.

III.

Дождь, дождь!
На бабину рожь,
На дѣдову пшеницу,
На дѣвкинъ ленъ,
Поливай ведромъ!..

Простонародная пѣсня.

Улица была уже окутана тѣнью, и только макушки крышъ, обращенныя къ закату, горѣли какъ вылитыя изъ золота. Почти у каждой заваленки, загроможденной сохами и боронами, толпился народъ. Ребятишки носились въ-запуски вокругъ часовни и окружавшихъ ее березокъ; топанье лошадей, пущенныхъ безъ путъ, на улицу, скрипъ воротъ, крикъ дѣтей, пронзительный визгъ бадьи, которую безпрестанно подымали и опускали у водопоя, наполняли деревню веселымъ гамомъ.

Петръ и отецъ подъѣхали къ кривой избенкѣ и остановились передъ воротами; распрегши лошадей, они загремѣли щеколдой и вступили на топкій, узенькій дворъ, обнесенный кругомъ сплошнымъ соломеннымъ навѣсомъ, бросавшимъ густую тѣнь, въ которой мелькали телѣга, сломанное колесо, ободья, корыто, оглобли. Полдесятка куръ отозвались тотчасъ же звонкимъ кудахтаньемъ со своихъ жердочекъ. Изъ самаго темнаго угла двора, загороженнаго плетнемъ, внезапно раздалось протяжное мычанье, послѣ котораго надъ плетнемъ показалась бѣлая голова коровы.

Старикъ, не останавливаясь ни на минуту, пошелъ

къ клѣти, не взглянувъ даже на овецъ и барана, которые, вытуливъ на него глаза свои, казалось, чего-то ждали, и принялся оглядывать корову. Увидя себя предметомъ такого вниманія, животное — съ радости, вѣроятно,—дунуло такъ сильно мокрыми своими ноздрями въ корыто, куда нагнулся было хозяинъ, что тутъ же напустило ему въ лицо цѣлое облако отрубей и пыли.

— Эхъ! Христосъ съ тобой! вымолвилъ онъ, протирая глаза и отступая шагъ назадъ:—знать, соскучилась стоять? Погоди, погоди, завтра на травку выпустятъ... Эй, Петруха, подь-ка сюда, прибавилъ онъ, обращаясь къ сыну, который развѣшивалъ хомуты... Старуха наша хоть и не велитъ похваляться, а надо сказать правду, — погляди-ка, — знатная животина попалась намъ; на всемъ селѣ другой такой не найдешь, — ей-Богу, правда; ишь утробистая какая! присовокупилъ онъ, трепля ее самодовольно по ребрамъ.

— Демьянычъ! а Демьянычъ! что те тамъ надыть!.. чего не видалъ! послышался полусердитый, дребезжащій голосъ на другомъ концѣ навѣса.

Старикъ проворно заслонилъ плетень и, вынырнувъ изъ-подъ клѣти вмѣстѣ съ сыномъ, очутился въ нѣсколькихъ шагахъ противъ жены, — крошечной старушки съ вдавленными плечами и грудью, которая торопливо пробиралась по кирпичикамъ и полѣньямъ, разбросаннымъ для хода по двору, отъ крылечка до навѣса.

Поступь ея и движенія отличались необыкновенною суетливостью и прыткостью; худенькое желтоватое лицо, сморщенное преждевременно пареньемъ въ печахъ, работой, зноемъ и всякими другими невзгодами, на-половину только выглядывало изъ-подъ синяго, прорваннаго платка, небрежно окутывавшаго голову; сразу можно было узнать въ ней тѣхъ хлопотушекъ-домохозяекъ, охотницъ до мелочного порядка, вѣчно суетящихся, вѣчно бѣгающихъ отъ печурки до каморки, отъ каморки до клѣти, самоуправно распоряжающихся всѣмъ домомъ и наполняющихъ его ворчаньемъ, стоющимъ, впрочемъ лучше иной ласки.

— Ну, что ты, старый дурень, прости Господи, глаза-то уставилъ! проговорила она скороговоркою, приправ-

ляя каждое слово быстрымъ движеніемъ головы и рукъ и едва сохраняя равновѣсіе на полѣнѣ, вертѣвшемся подъ ногами:—небось, извести захотѣлось животину-то?.. Стоитъ себѣ, старый дурень, да похваливаетъ. — Стоитъ да похваливаетъ, продолжала она, горячась болѣе и болѣе и наступая на мужа, который стоялъ, почесывая затылокъ и ухмыляясь въ бороду: — небось, много у тебя коровъто?.. хочется, видно, чтобъ она издохла, какъ у Стѣгнея... тьфу!..

Тутъ старуха плюнула съ сердцемъ чрезъ правую руку наземь, какъ это водится обыкновенно, чтобъ отвести вліяніе дурного глаза, и тотчасъ же, измѣнивъ недовольный голосъ, обратилась къ сыну:

— Охъ! касатикъ ты мой... что не веселъ родной? аль больно измаялся?.. поди въ избу, болѣзный, поди, киселька поснѣдай... ишь отецъ-то словно чужакъ тебѣ достался... ступай, кормилецъ... Ну, чего буркулы-те уставилъ? стоитъ да глядитъ! прибавила она, гнѣвно обращаясь къ мужу.

— Ладно, ладно, иду, отвѣчалъ тотъ, посмѣиваясь:— эхъ, кабы хозяйка намъ молочка вынула, Петруха... Я чай, сказали бы мы ей спасибо... ась?..

— Да, есть у меня молоко, нарочно такъ вотъ и припасла про васъ, какже!.. ступай-ка, ворота-те отопри лучше, ишь ребята стучатъ...

Заботливость оказалась, однакожъ, лишнею: ворота протяжно скрипнули, и на дворъ вбѣжали два мальчика, лѣтъ по десяти. На одномъ была лишь прорванная рубашенка; руками, вынутыми изъ рукавовъ, болталъ онъ за пазухой, наполненной бабками, и глядѣлъ изъ подлобья; другой, смуглый, кудрявый, держалъ между пальцами какое-то подобіе утки изъ муравленой глины, которую не выпускалъ изо рта, издавая такіе пронзительные звуки, что куры, усѣвшіяся была на жердочкѣ, поскакали внизъ и забѣгали, какъ угорѣлыя, по двору.

— Тятька! закричали въ одинъ голосъ парнишки:— пусти насъ на водопой...

Демьянъ, не слушая возраженій своей старухи, начавшей было браниться за баловство, посадилъ ребятъ на

лошадь, отворилъ ворота, выпустилъ ихъ на улицу и пошелъ въ избу за Петромъ, который стоялъ уже на крылечкѣ и умывалъ лицо изъ горшечка съ четырьмя горлышками, болтавшагося на перекладинкѣ противъ двери. Минуту спустя, старуха вошла за ними въ избу, таща горшокъ молока подъ полою.

— На, касатикъ, покушай, съ Богомъ, сказала она, ставя передъ сыномъ, подлѣ деревянной солоницы, наполненной комками соли, огромную чашку съ киселемъ:— въ полѣ-то, я чай, проголодался, сердечный...

— Ну, старуха, засушь какая! напасть да и только, началъ Демьянъ, опрокидывя послѣ каждаго глотка ложку къ закраинѣ чашки:—коли Господь не создастъ нынче дождичка, быть опять недороду...

Прошло нѣсколько минутъ молчанія, послѣ которыхъ старуха украдкою взглянула на мужа, отошла къ перегородкѣ, отдѣлявшей избу отъ печи, и кивнула ему оттуда пальцемъ.

— Демьянычъ, подь-ка сюда... вымолвила она.

Старикъ опрокинулъ ложку, всталъ изъ-за стола и пошелъ за перегородку.

— Быть дождю, таинственно шепнула она ему наухо:—я, касатикъ ты мой, ономнясь въ колодезь-то мошку подсыпала...

Старикъ недовѣрчиво покачалъ головою, сѣлъ къ столу и продолжалъ ужинать.

— Старуха, а старуха?..

— Ну, что еще? спросила она быстро, высовывая голову.

— Кисель-то какой у тебя нынче знатный. Вотъ такъ ужъ кисель... продолжалъ онъ, усмѣхаясь:—густъ только что-то... я чаялъ, ты молочкомъ его поразбавишь... эй, ссуди молочкомъ! право, спасибо скажемъ. — Петруха, проси у матери,—чего зѣваешь...

— Да что ты, одурѣлъ нынче, что ли? прости Господи? ишь его!.. Ну, ну, на тебѣ, на, ѣшь! на, на!.. проговорила она, смягчая постепенно голосъ и ставя на столъ горшокъ съ молокомъ.

— Ай-да хозяйка вотъ такъ уважила! ну, разсказывай, что дома дѣлала?

— А что дѣлала, вѣстимо что, не баклуши била...

— Понавѣдывался кто въ избу?

— Вѣстимо, ворчала она, суетясь у печки: — свѣтъ не безъ добрыхъ людей!

— Кто-жъ былъ?

— Кто! кто!.. а тебѣ что? были, да и полно.—Дарья была!

— Ой ли! ну что, отступилась отъ нея лихоманка?

— Да, какъ бы не такъ, отступится! тутъ нивѣсть еще какъ другой-то болѣсти не приступить... совсѣмъ извелась, сердечная.

— А что?

— Вѣстимо что: во тоскѣ да во кручинѣ живетъ, одни побои да понуканья только и видитъ. Тутъ и безъ лихой болѣсти не проживешь. Мужъ пьяница, охаверникъ,— чтобъ ему, собакѣ, на томъ свѣтѣ... тьфу! Парнишечка-то въ послѣднее время больно измаялъ ее: грыжа у него показалась; ночь за нимъ ходитъ, не смигнетъ: болѣзная такая; день отъ мужа некуда голову преклонить. Охъ, вѣстимо, все бы притерпѣлось, какъ бы не онъ, охаверникъ проклятый! Сохнетъ, бездольная, словно порошинка; рада, рада, коли хлѣбушка корочку слезами-те горькими смочитъ; изодня въ день плоше да плоше, убивается кажиной день, горькая; право, такъ-то жаль бабенку; смирная такая... А все отъ недобраго глаза сухота-то припала; все эта вѣдьма Домна, все она, проклятая!

— Да полно, старуха, такъ ли? мало ли что говорятъ бабы; она, можетъ, и въ мысляхъ не держала...

— Вотъ еще разсказывать сталъ! заговорила съ жаромъ старуха:—бабы, я чай, видѣли, какъ она, проклятая, идетъ, идетъ за ней, нагнулась, недобрая, взяла изъ-подъ ея слѣда земли да и бросила по вѣтру; она давно на нее злобу имѣла... Она и мальчишку-то сглазила... Подошла объ самое заговѣнье: Дарья стоитъ, такъ-то, лиха не чая, и держитъ его: «Экой, говоритъ, у те брюхастый парнишка!» Съ той самой поры съ нимъ и попритчилось: сухота припала; я еще надоумила съ уголька спрыснуть, а то

бы совсѣмъ померъ... Бабы, я чай, сами видѣли; что имъ врать-то? Давно бы пора ее изъ деревни выгнать: пускай идетъ къ своему Никанору на фабрику, пусть тамъ и безчинствуетъ съ нимъ...

— Э-ге-ге! никакъ дождичекъ не на шутку сбирается: ишь какъ заволокло, неожиданно перебилъ старикъ, нагибаясь къ окну:—дай-то Господи! Петруха, пойдемъ на улицу: я чай, весь народъ туда валитъ порадоваться Божьей милости; пойдемъ, старуха, и ты...

Едва успѣли всѣ трое ступить въ сѣни, какъ яростный ударъ грома прокатился надъ избою.

– Демьянычъ, Демьянычъ! кричала старуха, крестясь и метаясь какъ угорѣлая:—тащи скорѣй лопату на дворъ... гдѣ она?.. вонъ, вонъ, въ углу... тащи ее скорѣй на дворъ: оборони, помилуй, бѣда прилучится; громъ упадетъ на крышу... А что, касатикъ, впервые нынче громъ-то? спросила она шопотомъ у мужа, когда тотъ вынесъ лопату.

— Впервые; а что?

— Слава тебѣ Господи, что въ скоромный день... а то бы во весь годъ, какъ есть, коровы не стали давать молочка...

Тутъ она вышла на крылечко и набожно перекрестилась.

Громъ, между тѣмъ, прокатился во второй и третій разъ, и когда старики присоединились къ сыну, который стоялъ уже на заваленкѣ и глазѣлъ на народъ, толкавшійся подъ каждыми воротами, крупныя капли запрыгали на пыльной дорогѣ, и вскорѣ дождь полилъ какъ изъ ведра.

— Создай, Господи, тихую воду и теплую росу, говорили послѣ каждаго громоваго удара Демьянъ и его старуха, крестясь на небо.

Со всѣхъ сторонъ, сквозь густое покрывало дождя, мелькали руки, которыя подымались и творили крестное знаменіе; многіе выходили даже на середину улицы, заглянуть, на долго-ли обложило небо. Заваленки и подворотни наполнялись мужиками, бабами, ребятами; даже дряхлыя старушки-бабушки, много дней не сходившія съ

печи, и тѣ показались въ толпѣ съ грудными внучками на рукахъ. Посреди шума и хлестанья ливня слышались отовсюду радостныя восклицанія; мальчишки и дѣвчонки бѣгали какъ угорѣлые по лужамъ, хлопая въ ладоши и припѣвая съ крикомъ и визгомъ:

Дождь, дождь!
На бабину рожь,
На дѣдову пшеницу,
На дѣвкинъ ленъ,
Поливай ведромъ!..

Ночь уже окинула непроницаемою пеленою деревню; уже давнымъ-давно наступило время отдыха; улицы и заваленки давно были пусты; но долго еще изъ крошечныхъ оконъ избушекъ дѣды высовывали на дождикъ костлявыя руки и сѣдыя головы, и долго изъ конца въ конецъ раздавались посреди смолкавшаго ливня восклицанія: «Создай, Господи, тихую воду и теплую росу!..»

IV.

Ужъ и нѣтъ такихъ людей,
Какъ фабричныхъ мигачей!
Они пьютъ, ѣдятъ готово,
Носятъ стеганое!..

Простонародная пѣсня.

Въ деревнѣ прежде всѣхъ пробудился пастухъ, шестидесятилѣтній старикъ, безъ роду и племени, нанимавшійся обыкновенно въ околоткѣ на лѣто пасти стадо. Нагнувшись къ крошечному волоковому окну и увидавъ, что на дворѣ уже свѣтлѣетъ, онъ началъ поспѣшно мотать онучи; одѣвшись, старикъ подошелъ къ темному углу мазанки и принялся будить мальчика лѣтъ десяти, худенькаго, тщедушнаго; это былъ его батракъ. Старикъ нанималъ его у полунищаго, вдоваго мужика, обремененнаго многочисленною семьею. Мальчикъ, дрожавшій отъ предразсвѣтнаго холода подъ лохмотьями и соломой, очутился скоро на ногахъ. Запрятавъ тогда въ кузовъ свертокъ лыкъ, кочедыкъ и колодку, перебросивъ черезъ плечо

начатые лаптишки и длинный смоляной кнутъ, старикъ взялъ съ полки рожокъ, свитый изъ бересты и, сопровождаемый тщедушнымъ мальчикомъ, вышелъ изъ мазанки.

Утро было чисто и ясно; на небѣ ни облачка; свѣжій вѣтерокъ распространялъ въ воздухѣ запахъ полей и луговъ, промоченныхъ насквозь вчерашнимъ дождикомъ. Заря занималась.

Пастухъ сталъ спиною къ околицѣ, перекрестился, оглянулъ деревню и заигралъ въ рожокъ; послѣ двухъ, трехъ колѣнъ, онъ медленно пошелъ по серединѣ улицы, сопровождаемый мальчикомъ, тяжело переступавшимъ по влажной дорогѣ, чернѣвшей между яркими полосами травы, съ которой начинали сверкать и дробиться дождевыя капли. Старикъ не успѣлъ пройти половины улицы, какъ уже всѣ хозяйки встрепенулись и засуетились.

— Вставай, вставай! кричала жена Демьяна, дергая мужа и Петра, спавшихъ подъ овчинами на палатяхъ:— на дворѣ совсѣмъ бѣлехонько! вставайте, касатики, ишь, пастухъ скотину сзываетъ! вставай, Демьянычъ! рази не вѣдаешь—нонѣ Егорья, стадо впервые въ поле выгоняютъ.

И, успокоенная тѣмъ, что оба свѣсили ноги съ палатей, она обратилась къ малолѣткамъ, лежавшимъ на лавкѣ:

— Подь, я умою тебя, болѣзный, нашептывала она, подымая младшаго. — Ваня, подь, батюшка, ко мнѣ... Ну, полно же, полно, продолжала она, видя, что оба жмурили глаза и тянулись на лавку: — а я пирожка дамъ съ кашкой; слышь, слышь, какъ пастухъ-то играетъ? ступайте скорѣй на улицу. Она насильно стащила ребятишекъ съ лавки, вынесла ихъ на крылечко и начала спрыскивать водою. Почти въ то же время на крылечкѣ показался Демьянъ; онъ окинулъ сонливыми глазами дворъ и какъ бы невзначай направился прямо къ клѣти, гдѣ стояла корова.

— Демьянычъ! куда ты? закричала старуха, бросая ребятъ и кидаясь вслѣдъ за мужемъ: — ну, чего ты лѣзешь къ ней, въ самомъ-то дѣлѣ? Ступай лошадей лучше напой; народъ давно на улицѣ, добрые люди въ поле собираются.

Видно было, что ей страхъ хотѣлось выпроводить мужа изъ своихъ владѣній.

Когда онъ вышелъ вмѣстѣ съ Петромъ, она сунула парнишкамъ по куску чернаго пирога съ кашей и точно также выгнала ихъ на улицу.

Оставшись одна, старушка тщательно заперла ворота и побѣжала въ избу; тамъ сняла она изъ-за иконы пыльный пучокъ вербы, вынула изъ него вѣтку и, вернувшись на дворъ, обмахнула ею нѣсколько разъ корову. Во время этой церемоніи она не переставала нашептывать ей что-то на-ухо; сморщенное лицо старушки сохраняло самое строгое выраженіе. Наконецъ она положила вербу подъ ворота, открыла ихъ настежъ и принялась гнать корову изъ клѣти, соблюдая при этомъ, чтобы животное перешло не иначе изъ двора на улицу, какъ черезъ вербу.

Пастухъ все еще игралъ на рожкѣ; но уже за нимъ вмѣсто блѣднаго мальчика слѣдовала теперь цѣлая толпа крикливыхъ ребятъ и дѣвчонокъ. На дворѣ совсѣмъ разсвѣло; первые лучи солнца играли на рѣзныхъ и соломенныхъ макушкахъ избъ, придавая какую-то особенную чистоту и ясность окрестности, деревьямъ и воздуху. Со всѣхъ сторонъ показался народъ; всѣ сходились на середину улицы, къ колодцу, гдѣ остановился старый пастухъ и куда отовсюду сгоняли стадо.

— Тетка Арина, а тетка Арина, возьми парнишку, возьми его на руки! ишь подъ ноги лѣзетъ: того и смотри, быкъ запыряетъ! кричала солдатка Домна, просовывая впередъ красное лицо свое и махая руками. — Куда лѣзешь? пострѣлъ! вотъ я те... у-у... какъ пойду!..

— Бабы, касатки! пропустите Дарью, совсѣмъ путь заслонили! дайте ей пройти, раздалось на другомъ концѣ кружка, густѣвшаго вокругъ стада.

— Ступай, ступай! заговорило въ одно время нѣсколько бабъ, давая дорогу двумъ шаршавымъ овцамъ и худощавой женщинѣ съ изнывшимъ лицомъ, державшей въ одной рукѣ грудного младенца съ изсохшими ножками, въ другой — жиденькій прутъ вербы.

— Эхъ, знатная у те корова-то какая, сватъ! вымол-

вилъ долговязый рыжій мужикъ, обращаясь къ Демьяну, успѣвшему напоить лошадей и присоединиться къ толпѣ.

— И деньги зато хороши, отвѣчалъ Демьянъ, самодовольно поглядывая то на присутствующихъ, то на корову:—не даромъ досталось.

— Ну, чего не видали! возразила съ сердцемъ жена его, проворно подбѣгая къ разговаривавшимъ.—Тьфу, пострѣлы! прибавила она, отплевываясь черезъ правую руку.

Въ толпѣ послышался хохотъ.

— Что ты ругаешься, тетка! твое же добро хвалятъ, а ты коришь да хаишь, подала голосъ Домна, просовывая голову къ старухѣ:—вѣстимо, противъ твоей коровы на всей деревнѣ не сыщешь: ишь, гладкая какая!

— А ты чего лѣзешь? запальчиво возразила старушка:—эхъ, ты, ты!

— Да ты что ругаешься?.. ишь какъ ее куражится.

— Вѣстимо чего... твоя похвальба хуже всякой брани! я чай, всѣ добрые люди тоже скажутъ; ты вонъ и Дарью-то испортила, и парнишка ея сглазила...

— Ахъ ты, загуменная карга! это ты всѣмъ ворожишь да лихость всяку напускаешь, затрещала солдатка, порываясь впередъ: — ишь разспесивилась какъ! жирны больно стали!.. словно барскаго помету, тронуть нельзя, такъ и шипитъ на кажиное слово, какъ желѣзо каленое, когда на него плюнешь... вотъ что!..

— Ахъ ты, окаяннал ты этакая!.. и отца, и мать-то твою всѣ знали: такіе же были лиходѣи... шла бы лучше въ Бабурино село на фабрику къ своимъ полюбовникамъ, чѣмъ здѣсь всѣхъ баламутить!.. вотъ что!.. съѣшь!..

— Сама съѣшь!..

Хохотъ усиливался; толпа притиснулась къ ссорившимся.

Богъ знаетъ, до чего бы дошла ссора, еслибъ въ эту самую минуту всеобщее вниманіе не отклонилось появленіемъ Никанора Иваныча, фабриканта, который подъѣхалъ на своемъ возѣ. Возъ былъ до верху навьюченъ мотками бумаги и пряжи, такъ что напереди только оставалось мѣсто для хозяина, правившаго толстой саврасой кобылой.

Никаноръ Иванычъ игралъ сильную роль между мужиками того уѣзда; хоть онъ былъ такой же сермяжникъ, какъ и они, однакожъ, онъ держалъ ихъ всѣхъ въ своихъ рукахъ. Не было такой семьи, изъ которой хоть одинъ человѣкъ не работалъ бы на его фабрикѣ; кромѣ этого онъ раздавалъ еще работу на домъ; сверхъ всего онъ былъ чѣмъ-то въ родѣ банкира между поселянами. Приходила-ли кому нужда прикупить лѣску, подходилъ-ли годъ къ исходу и не хватало хлѣба, пала-ли лошадь передъ рабочею порою, хозяинъ волею-неволею бредетъ въ Бабурино на фабрику.

— Такъ и такъ, молъ, Никаноръ Иванычъ, ссуди, кормилецъ, деньжонками: бѣда стряхнулась на меня, не оставь...

— А на что тебѣ?

— Да такъ и такъ, батюшка, во какое дѣло вышло... а ужъ насчетъ заработки за себя не постоимъ, къ сроку представимъ.

— Ты когда взялъ основу?.. съ перваго Спаса, что ли?.. такъ, ладно... ну, чтобъ была къ Рождеству готова, съ тѣмъ и даю деньги.

И бьется, колотится мужикъ, чтобы поспѣла во-время непосильная работа и въ конецъ не утратить кредита Никанора Иваныча въ тугую пору.

Никаноръ Иванычъ зналъ, слѣдовательно, болѣе или менѣе обстоятельства каждаго мужика и, разумѣется, кто себѣ врагъ, пользовался частенько этимъ знаніемъ. Онъ пріобрѣталъ также не мало вѣсу своею ученостью; кромѣ того, что мужики видѣли его каждое воскресенье на клиросѣ, подтягивающаго басомъ дьячку и пономарю, онъ частенько выходилъ читать апостола. Никаноръ Иванычъ носилъ синій кафтанъ въ распашку; рубаха была на немъ всегда ситцевая; на поясѣ его болтался мѣдный гребешокъ, хотя, правда, немного было на головѣ его что расчесывать. Вмѣсто лаптей, надѣвалъ онъ сапоги съ каблуками, унизанными гвоздями съ четырехгранными головками. «Купецъ, купецъ, да и полно!» говорили всегда мужики, когда фабрикантъ проѣзжалъ по улицѣ въ телѣжкѣ или выходилъ подбоченясь на рѣзное крылечко

фабрики. И, въ самомъ дѣлѣ, онъ во многомъ походилъ на купца: выпивалъ по самовару кипятку въ сутки; избу свою, оклеенную внутри лубочными картинками, называлъ горницею; водился охотнѣе съ уѣздною знатью: мельниками, купцами и дворовыми людьми; съ мужиками же кумился не иначе, какъ съ богатыми или когда приходила въ комъ нужда. Впрочемъ, былъ исправный плательщикъ, надо отдать справедливость, счеты и книги держалъ въ хорошемъ порядкѣ, велъ себя вообще гладко и чинно; въ одномъ развѣ можно упрекнуть его: рѣзовъ былъ на счетъ волокитства, сильно даже рѣзовъ; но гдѣ-жъ сыскать человѣка безъ лиха?

— Что у васъ за сходка? чего расходились? шутливо повторялъ Никаноръ Иванычъ, продираясь сквозь толпу и показывая каждому свое пухлое лицо, оканчивающееся тучной бородой.

— Бабы поругались за корову! отвѣчали отовсюду мужики и парни, осклабляя зубы.

— Какія бабы? за какую корову?

— Домна, солдатка, съ демьяновой женой.

— Э-ге-гей, тетки! что горло-то дерете! изъ чего у васъ вышло? спросилъ фабрикантъ, протискиваясь къ двумъ бабамъ.

— Ничего, батюшка, ничего, свое дѣло! вымолвила съ сердцемъ Демьянова старуха.

— Здорово, братъ Демьянъ, продолжалъ Никаноръ Иванычъ, обращаясь къ Демьяну, который уговаривалъ жену:—изъ за какой коровы у нихъ вышло?.. Не изъ-за твоей ли? покажи-ка мнѣ ее... я наслышенъ отъ людей, хороша больно животина...

— Вотъ она, вотъ смотри, отвѣчалъ мужикъ, раскланиваясь съ фабрикантомъ.

— Э-ге-ге... и въ-заправду корова добрая, произнесъ тотъ, оглядывая ее со всѣхъ сторонъ и значительно сжимая губы:—гдѣ это ты поддѣдюлилъ ее?.. славная, славная; нечего сказать...

— На Люблинской ярмаркѣ, отвѣчалъ Демьянъ, самодовольно потряхивая головою и не замѣчая жены, ко-

торая, заслыша рѣчь о коровѣ, бросила солдатку и присоединилась къ мужу.

— Много молока даетъ? спросилъ фабрикантъ, продолжая ощупывать животное.

— Не знаемъ еще, Никаноръ Иванычъ: стояла все на мякинѣ, сдается, сила будетъ, какъ травку начнетъ подбирать...

— Гм! а дорого далъ?

— А какъ бы сказать... началъ Демьянъ и остановился, взглянувъ на жену, которая мигала и трясла головою.

— Нешто она полюбилась тебѣ, Никаноръ Иванычъ?

— Славная корова! ай да Демьянъ!..

— Животина знатная, Никаноръ Иванычъ, ишь ребры-те выпучила, утробистая животина! заговорило разомъ нѣсколько мужиковъ и бабъ, обрадованныхъ случаю подать свое мнѣніе.

— Ну, вотъ вѣдь и всѣ добрые люди говорятъ, неожиданно прокричала Домна, становясь на цыпочки и просовывая раздвоенный носъ свой: — а ты ругаться зачала... эхъ ты!.. добро еще свой языкъ безъ костей...

— А тебя спрашиваютъ! молчи, молчи!.. начала было Демьянова хозяйка.

— Полно, полно вамъ, бабы, экія какія! ужъ подлинно: бабье сердце, что глиняной горшокъ: вынешь изъ печки, онъ пуще шипитъ... По моему, вотъ что, Демьянъ, вымолвилъ Никаноръ Иванычъ примирительно-шутливымъ голосомъ: — чѣмъ вамъ ссориться, продайте-ка лучше мнѣ корову-то, право-ну, по рукамъ, что-ли?..

— А ты что даешь, Никаноръ Иванычъ?

— А сколько просишь?

— Мало не возьму, самимъ нужда, затѣмъ и купили.

Тутъ старуха придвинулась совсѣмъ къ мужу и начала дергать его за полы.

— Знамо дѣло, сказалъ фабрикантъ: — на то и я покупаю, что нужда.

— Ну, хорошо, мы тебѣ продадимъ, а сами съ чѣмъ останемся?..

— Слушай, Демьянъ, уговоръ лучше денегъ: я тебѣ свою корову дамъ, — слышь; что возьмешь въ придачу?

— А что намъ въ твоей коровѣ! все одно, что есть она, что нѣту; я и сорока рублевъ не возьму въ придачу...

— Ну, нѣтъ, смышленъ больно, перебилъ фабрикантъ, лукаво подмигивая: — я чай, и за всю-то столько не далъ... сердито больно просишь...

— Нѣтъ, Никаноръ Иванычъ, я вовсе не продаю ее. Самимъ нужно; животина-то больно хороша выпала.

— Эй, продай, Демьянъ, полно тебѣ ломаться...

— Нѣтъ, Никаноръ Иванычъ, я вовсе не продаю.

— Ну, возьми двадцать рубликовъ и корову мою въ придачу...

— Ненадыть и сорока.

— Продай, говорю...

— Нѣтъ, ей же ей, не продамъ, упрямо заключилъ мужикъ, отдергивая руку жены, которая закрутилась вокругъ его полы.

— Бери тридцать рублевъ въ придачу, послѣднее слово.

— Ненадыть.

— Вотъ, поди-жъ, сладь съ нимъ! возразилъ съ досадою фабрикантъ, обращаясь къ окружавшимъ.

— Коровенка-то хороша больно, Никаноръ Иванычъ...

— И вы туда-же, эхъ вы!.. Эй, уважь, Демьянъ, мотри, чтобъ опосля не каяться...

— Не продаю! отвѣчалъ Демьянъ, махнувъ рѣшительно рукой.

— Ну, какъ знаешь, такъ и дѣлай, жаль, жаль, да и Богъ съ тобой! произнесъ фабрикантъ, хмуря лобъ: — самъ придешь просить о чемъ нибудь...

— Да нешто я въ чемъ причастенъ, Никаноръ Иванычъ, отвѣчалъ, смѣясь, Демьянъ: — что тебѣ полюбилась моя корова; мы ее не на продажу купили; всякій за свое добро стоитъ...

Въ то время, когда они разсуждали такимъ образомъ, стадо постепенно прибывало между пестрыми рядами густо столпившагося народа; каждая хозяйка пригоняла сюда вербой послѣднюю овцу свою; въ рукахъ каждой

виднѣлась ватрушка, или лепешка, или нѣсколько яицъ, которыми, по принятому обыкновенію, обдѣляютъ, въ день Егорья, пастуха, какъ бы для того, чтобы задобрить его къ хорошему уходу за скотиной.

— Пора, сказалъ пастухъ, уложивъ приношенія въ мѣшокъ и взваливъ его на худенькія плечи мальчика: — вишь, солнышко какъ высоко...

— Съ Богомъ! съ Богомъ! зашумѣло отовсюду.

Толпа разступилась на двое, и стадо ринулось съ ревомъ и блеяньемъ къ околицѣ, преслѣдуемое ребятишками, которые бѣжали, размахивая вербами, вырванными почти насильно изъ рукъ матерей.

— Эй, бабы, несите скорѣй шнули, да приходите разбирать бумагу!.. мнѣ недосугъ! закричалъ Никаноръ Иванычъ, поворачиваясь спиною къ Демьяну, который тотчасъ же поплелся съ хозяйкой домой.

Минуту спустя, подлѣ воза Никанора Иваныча осталась одна только Домна; улица, за минуту кипѣвшая народомъ, почти опустѣла; кой-гдѣ виднѣлись мальчишки, бѣгавшіе въ-запуски, да мужики, хлопотавшіе у воротъ подлѣ сохи и собиравшіеся въ поле. Домна оглянулась на стороны и подошла ближе къ фабриканту.

— Здравствуй, Домнушка; что тебя давно не видать? началъ Никаноръ Иванычъ, охорашиваясь:—хоть на Святой завернула-бы на фабрику; аль распрогнѣвалась, сударка?..

— Да, какже, есть мнѣ время, отвѣчала она заискивающимъ голосомъ:—къ тому же и ловки вы больно...

— А что?

— Да тоже... забылъ, что-ли?

— Видитъ Богъ, не помню...

— То-то... а кто посулилъ сафьяновые башмаки? сказала она, показывая ему рядъ бѣлыхъ зубовъ.

— Эка баба! проговорилъ вполголоса фабрикантъ:— развѣ ты изъ одной корысти къ намъ хаживала?.. вишь, всѣ вы, видно, здѣсь корыстью забрались, словно жиды какіе, право-ну...

— Да, жиды, извѣстно, жиды, вымолвила Домна, наклоняя на бокъ голову и поддразнивая фабриканта.

— Разумѣется, одинъ за корову заломилъ чуть не сотенку, другая дошла до Бабурина, три версты всего, а сафьянные башмаки... вынь да положь... А что, въ самомъ дѣлѣ, Домнушка, безъ ссоры, не знаешь ли, сколько далъ Демьянъ за корову?.. больно она мнѣ полюбилась...

— Пожалуй, скажу; а что дашь?..

— Ну, вотъ!.. да я коли захочу, безо всего навѣдаюсь: я чай, не ты одна знаешь.

— А вотъ же никто, ей-Богу, никто не знаетъ, заговорила торопливо солдатка:—я знаю, какъ и корову-то достать... прибавила она, понизивъ голосъ и осматриваясь вокругъ.

— Ой-ли?

— Провалиться мнѣ на эвтомъ мѣстѣ, отсохни руки и ноги, чтобъ мнѣ...

— Ладно, ладно... ну, слушай, Домна, уговоръ лучше денегъ, когда правду скажешь, будутъ тебѣ башмаки, что посулилъ, да еще въ придачу платокъ набивной куплю, ей-Богу, куплю.

— Обманешь...

— Ну, вотъ.

— Побожись.

— Ей-Богу, куплю.

— Знаешь Петрушку Демьянова? начала Домна, подходя еще ближе.

— Какъ не знать! я чай, не хуже твоего, перебилъ Никаноръ Иванычъ, лукаво подмигивая солдаткѣ:—пять лѣтъ у меня на фабрикѣ работалъ; а что?

— Ему полюбилась Карпова Парашка; отецъ и мать, старая вѣдьма, непрочь женить его, да только Карпъ-то восемьдесятъ рублевъ проситъ выкупу... Имъ, знаешь, не въ домекъ это было, они и польстились на корову, да сорокъ рублевъ, послѣдніе что были, и отдали; приходится ждать имъ съ невѣстой до осени... А ужъ такъ-то хочется имъ породниться съ Карпомъ: вѣстимо, староста свой братъ будетъ тогда. Ты, Никаноръ Иванычъ, запужай ихъ только своимъ племянникомъ, Игнаткой: скажи, что сватаешь его за Карпову Парашку; на деревнѣ и то

объ эвтомъ толкуютъ бабы; денегъ-то, восьмидесяти рублевъ, Демьяну по осени взять неоткуда будетъ: знамо: оброкъ, то, другое. Ты Петрушкинъ миткаль не возьми: съ нихъ спѣси-то и убудетъ; а ты тогда и приступи къ нему: либо Парашку уступишь, либо корова твоя будетъ, особливо коли денегъ еще посулишь... Корову купишь, а тамъ все засылай къ Карпу сватовъ, все одно; тебѣ сходно за восемьдесятъ рублевъ взять дѣвку... что на Демьяна тебѣ глядѣть, своя рубаха ближе; коли хочешь, я сама тебѣ посватаю...

— Ладно, ладно, перебилъ Никаноръ Иванычъ, самодовольно разглаживая бороду:—ай да Домна! съ печи летитъ, семдесятъ-семь думъ задумываетъ! Ну, ужъ уважила, прибавилъ онъ, тряхнувъ головой: — видитъ Богъ, не даромъ побожился—корова моя, тебѣ башмаки и платокъ...

— Вотъ еще что сказалъ! сердито воскликнула солдатка;—нѣтъ, башмаки давай, какъ было по уговору, къ Троицыну дню.

— Тише, глупая; аль не видишь, бабы идутъ... никакъ вонъ и Демьянова старуха идетъ... чего боишься? отдамъ, коли побожился.

Домна повернула за другую сторону воза.

— Вотъ, кормилецъ, прими коклюшки, сказала старуха Демьяна, подавая ему связку: — парнишки мои намотали...

Никаноръ Иванычъ взялъ, сосчиталъ коклюшки, отмѣтилъ ихъ на биркѣ, противъ Демьянова дома, и подалъ старухѣ взамѣнъ три мотка бумаги.

— Эй, старуха, не скупись, вымолвилъ онъ:—скажи мужу, чтобъ уступилъ корову...

— Э-э-э, касатикъ, отвѣчала старуха, накидывая на себя плаксивый, жалкенькій видъ, съ какимъ обыкновенно бабы обращаются къ сильному человѣку:—что ты на нее больно позарился? сами радешеньки, что купили животинку-то, не знать какъ ужъ и ради-то ей... какъ это она полюбилась тебѣ, родной? что въ ней? не больно видущая, зазорная... все народъ наговорилъ тебѣ...

Тутъ къ возу приступило нѣсколько бабъ, и старуха,

пользуясь этимъ случаемъ, взяла мотки подъ мышку и направилась въ избу. У воротъ нашла она Петра и мужа, которые запрягали уже лошадей въ сохи и собирались ѣхать въ поле.

— Ну, что, далъ небось мотковъ? а я чаялъ онъ въ отместку поартачится пробавлять насъ работой... ишь глаза-то у него стали больно велики: что завидитъ, подавай ему... куда буяроватъ сталъ, настоящая чуфара!..

— Мотри, Демьянычъ, бѣды какой бы не вышло... охъ...

— Ну, вотъ, какая бѣда... э! полно старуха, гореваньемъ не пособишь, хоша и было бы о чемъ... Ну, Петрушка, пора: вишь солнышко гдѣ?.. Вотъ пахать, такъ ужъ нечего сказать, ладно нынче будетъ, прибавилъ онъ, весело оглядывая черныя поля, стлавшіяся вправо отъ околицы.

Старикъ нахлобучилъ на глаза шапку, взялъ возжи и, сопровождаемый сыномъ, побрелъ за лошадью.

— Господь съ вами, родные! проговорила со вздохомъ старуха, когда оба очутились уже за околицей.

Затѣмъ перекрестила она нѣсколько разъ воздухъ къ той сторонѣ, куда поѣхали пахари, повернулась къ двору и, согнувшись въ три погибели, торопливо поплелась въ избу.

V.

Люди семьями
Принялися жать,
Косить подъ корень
Рожь высокую.

Въ копны частыя
Снопы сложены;
Отъ возовъ всю ночь
Скрыпитъ музыка.

Кольцовъ.

...Было около полудня. Солнце пекло невыносимо; въ воздухѣ становилось жарко и душно, какъ въ раскаленной печи. Поля и окрестность обозначались въ отдаленіи какими-то движущимися, волнующимися очертаніями, кой-гдѣ, развѣ, подъ воротами да навѣсами, бросавшими сине-

вато-сквозныя тѣни, можно было найти убѣжище отъ зноя.

Въ деревнѣ царствуетъ тишина мертвая.

Въ иное время, въ тотъ же полдень, когда все отдыхаетъ отъ утреннихъ трудовъ, встрѣтишь хоть толпу мальчишекъ, играющихъ у колодца, или старушонку, разстилающую холсты на лужайкѣ, или послышатся мѣрные удары валька съ ближайшаго плота; теперь все пусто, собака не пробѣжитъ по пыльной улицѣ... Пора стоитъ рабочая, страдная пора, какъ называютъ ее въ деревняхъ. Теперь и старушки, и дѣтки ихъ, и даже животныя, все живмя-живетъ въ полѣ. Вотъ почему такъ тихо въ деревнѣ и кромѣ неугомонныхъ воробьевъ, перелетающихъ иногда цѣлыми стаями отъ одного коноплянника къ другому, ничего не встрѣтишь на улицѣ.

Но вотъ, однакожъ, посреди тишины протяжно заскрипѣли чьи-то ворота... Секунду спустя, изъ подъ густой тѣни показалась Дарья. Она тащила на спинѣ люльку или зыбочку; въ рукахъ ея виднѣлись сѣрый глиняный кувшинъ и коровай, завернутый въ полотенце. Черты изнывшаго лица ея, казалось, еще болѣе вытянулись съ весны; загаръ какъ бы вовсе не касался блѣдныхъ щекъ бабы. Она медленно добрела до конца деревни, сняла невыразимо бережно зыбочку съ плечъ, тихо поставила ее на-земь и отворила околицу.

Путь къ полямъ лежалъ, какъ уже извѣстно, черезъ лугъ, поднимавшійся накатомъ къ рощѣ. Дорога только-что начиналась, а между тѣмъ крупныя капли пота выступали на сухощавомъ лбу и впалыхъ щекахъ Дарьи; но усталость и тяжесть ноши не измѣняли нимало кроткаго выраженія лица; при малѣйшемъ шорохѣ или крикѣ изъ зыбки, она выпрямлялась, поворачивала назадъ голову и безпокойно разглядывала блѣдное личико младенца, подернутое потомъ и казавшееся еще блѣднѣе желтоватой тѣни, бросаемой толстой холстиной.

Очутившись у опушки рощи, Дарья пріободрилась, отерла потъ, оглянула кувшинчикъ, поправила зыбку и пошла скорѣе. Лѣсъ погруженъ былъ въ какую-то сладкую дрему; каждая вѣтка лѣниво отдыхала въ тишинѣ

и зноѣ; листъ не шелыхался; все было тихо и, вмѣстѣ съ тѣмъ, полно таинственной жизни. Кой-гдѣ лопнетъ стручекъ сбрасывающій сѣмя; прожужжитъ насѣкомое въ жирной травѣ, опутывающей мшистые корни; тамъ изъподъ темной груды слѣпившихся листьевъ тяжело ломится мухоморъ, и алая шапка его, облитая лучомъ, случайно прорѣзавшимъ тучную листву, ярко сверкаетъ посреди лиловыхъ колокольчиковъ, бузины и кашки, покрытыхъ синею тѣнью; прокричитъ иволга, — и снова тишина...

Дарья остановилась, придержала люльку и стала внимательно прислушиваться: вдалекѣ на другомъ концѣ рощи, раздался съ перекликами голосъ кукушки; но не успѣла она сосчитать и одного разу, какъ пѣніе смолкло и лѣсъ погрузился въ молчаніе... Движеніе неотразимой тоски промелькнуло на блѣдномъ лицѣ бабы; она легонько приподняла холстяное покрывало, взглянула на младенца, который спалъ, скрестивъ худенькія рученки, и грустно покачала головой.

Мало-по-малу стали открываться поля и лощина. Тутъ все дышало жизнью. По обѣимъ сторонамъ проселка желтѣли нивы, усѣянныя золотыми копнами; все обозначало окончаніе жатвы; изъ рѣдкаго кустарника не торчали пучки колосьевъ, прицѣпившихся во время возки; кой-гдѣ между гладко скошенными нивами попадались клинья еще нетронутаго хлѣба; бѣлыя рубашки жницъ мелькали въ нихъ, какъ сѣдые барашки на волнующемся морѣ; то тутъ, то тамъ выглядывало смуглое, полное личико, осѣненное васильками, подымалась обнаженная рука съ пучкомъ длинныхъ колосьевъ, сверкалъ серпъ на солнцѣ. Насѣкомыя, оживленныя зноемъ, носились роями въ синемъ небѣ, производя отдаленную музыку, которая, казалось, еще сильнѣе давала чувствовать жизненность окрестности. Всюду между рядами копенъ подымались высокія телѣги, навьюченныя снопами; подлѣ бродили распряженныя лошади; въ прозрачномъ полусвѣтѣ, бросаемомъ подводами, отдыхали, развалившись, ребята, бабы и мужики съ ихъ дюжими, плотными работниками.

Несвязный говоръ поселянъ, кой-гдѣ начатая пѣсня,

трескъ кузнечика, голосъ жаворонка, серебряное ржаніе жеребенка въ отдаленіи,—все это, сливаясь вмѣстѣ, придавало полямъ какое-то приволье, жизнь, что-то чарующее, манящее въ эту тѣнь, въ эту желтую, тучную рожь, испещренную цвѣтами и лѣниво клонившуюся къ землѣ.

Дарьѣ слѣдовало пройти всю лощину, чтобы достичь мужа, которому несла она обѣдъ. Усталость ея была, однакожъ, такъ велика, что она рѣшила присѣсть и отдохнуть, какъ скоро поровняется съ нивой Демьяна, до которой оставалось уже не больно далеко. Немного погодя, ей послышались знакомые голоса, и вскорѣ увидѣла она ветлу, а изъ-за нея головы Демьяна, его жены и Петра.

Расположившись въ глубокой межевой ямѣ, заросшей вьющимся ежевичникомъ, бузиной и шиповникомъ, всѣ трое мирно оканчивали свой обѣдъ. Жиденькая тѣнь ветлы предохраняла отъ зноя только головы стариковъ и туловища двухъ ребятишекъ, которые спали навзничь, заложивъ обѣ руки за голову и выставивъ на солнце ноги. На колѣняхъ у Демьяна была старинная липовая чашка, наполненная обломками хлѣба, лукомъ и квасомъ; подлѣ него, прижавшись бочкомъ къ плетеному кошелю, лежала старуха, державшая въ одной рукѣ кувшинчикъ, въ другой кленовую ложку; немного поодаль сидѣлъ Петръ. Положивъ голову между ладонями и уперши локти въ колѣни, онъ не раздѣлялъ, казалось, трапезы: ложка его лежала подлѣ на травѣ.

Когда Дарья подошла къ ветелкѣ, ей послышалось, что старики увѣщевали въ чемъ-то сына.

— Хлѣбъ да соль, тихо сказала она, останавливаясь на закраинѣ ямы.

— А, Дарьюшка! спасибо тебѣ, спасибо!.. вымолвилъ Демьянъ, опрокидывая ложку:—изъ деревни, что ли? мужу обѣдъ несешь?..

— Здравствуй, касатка, перебила старуха, ставя въ траву кувшинчикъ и приподымаясь на локтѣ:—подь къ намъ; я чай, измаялась, полемъ-то идучи; подь, вздохни...

— Спасибо, тетушка, я здѣсь посижу, отвѣчала Дарья, отирая потъ;—мнѣ недосугъ, боюсь запоздать.

— Все одно, болѣзная, что тебѣ на солнышкѣ-то печись, право, подь къ намъ, не запоздаешь.

— Вѣстимо ничего, промолвилъ Демьянъ:—твой мужъ упустилъ работу... вотъ Петруху посылали мы къ ручью за водою, самъ видѣлъ: много еще у него непожатаго хлѣба; я чай, работаетъ себѣ, все къ вечеру поспѣть хочетъ... останься съ нами безъ опаски, къ тому не всѣ еще обѣдаютъ, рано...

Побѣжденная частью зноемъ, частью лаской, Дарья потихонечку спустилась подлѣ Петра, который молча далъ ей дорогу и, бережно уложивъ зыбочку въ траву, усѣлась подлѣ стариковъ. Поднявъ глаза, она увидѣла надъ собою однѣ лишь окраины межевой ямы, глухо заросшія травою, синее небо и верхушку ветлы.

— Ты, касатка, поближе къ намъ сядь отъ солнышка, сказала старуха.—Что, спитъ? прибавила она, прикладывая сморщенную ладонь къ люлькѣ.

— Спитъ...

— Эй, Дарьюшка! произнесъ Демьянъ, подавая ей краюху съ отрѣзаннымъ ломтемъ, въ которомъ виднѣлись разрѣзанные надвое зерна:—не хочешь ли надломить съ нами хлѣбца святого? Хлѣбецъ мягкій, нынѣшній, отвѣдай; ты, я чай, нынѣшняго-то еще не пробовала; всего третьяго дня помолотились...

— Нѣтъ, спасибо, родные, отвѣчала Дарья, качая головою:—что-то не хочется.

— Можетъ, тебѣ тюрька наша приглянулась?.. на, бери ложку...

— Нѣтъ, благодарствуй, рòдный, повторила она, продолжая качать головою.

— Что такъ? аль у васъ опять нивѣсть что съ мужемъ вышло?.. Вѣстимо, недобрый человѣкъ, что говорить; съ нимъ живучи, много бѣды напринимаешься! Эхъ, жаль мнѣ тебя: баба-то ты больно покорливая... была-бы моя сила, ей-ей, не пожалѣлъ бы его!..

Дарья закрыла лицо ладонями и продолжала качать головою.

— И-и-и... полно, полно, касатушка, заговорила старуха, замѣтивъ слезы между сухощавыми пальцами бабы:—гореваньемъ не пособишь, не убивайся такъ-то понапрасну, не томи себя тоскою; полно, прибавила она, отводя ей руку отъ лица.

— Вѣстимо, гореваньемъ бѣдѣ не пособишь, перебилъ Демьянъ, не зная уже, что бы такое ввернуть въ утѣшенье.

— Полно, касатка, по комъ бѣда-бѣдовая не ходила, продолжала старуха, махая мужу, чтобъ онъ замолчалъ:—я не къ слезамъ говорю тебѣ; авось создастъ Господь, выйдетъ тебѣ перемѣна; добръ отецъ до дѣтей, добръ и Богъ до людей! Какіе еще твои года!.. Вотъ Господь утѣху послалъ тебѣ, присовокупила она, указывая на люльку...—не убивай такъ-то, Дарья, своего здоровьица некрѣпкаго...

— О, о, охъ! говорила, рыдая, Дарья:—я о немъ-то и сокрушаюсь... сдается мнѣ, не жить ему, тетушка...

— И-ихъ, полно, болѣзная! во всемъ святая власть Божья... не попуститъ онъ тебѣ такого горя... за что?

— Вѣстимо... Э! чего не было, смекай да подумывай, а будетъ, не будетъ—темный человѣкъ,—не распознаешь, началъ было Демьянъ.

— У кого нѣту своей кручины, перебила старуха, отстраняя руку мужа:—у всякаго свое,—въ лѣсу не безъ звѣря, въ людяхъ не безъ лиха, касатушка; вотъ и мы; жили, жили лиха не чая, а привелось горя отвѣдать,—накликали бѣду...

— Да, Дарьюшка, привелось и намъ почесать затылокъ, вымолвилъ Демьянъ:—бѣда не больно чтобы велика... Мы Господомъ Богомъ оченно довольны и, встаючи и ложаючи, благодаримъ его; а все худо... Полно рюмить; послушай, что я тебѣ скажу, сами нынче только провѣдали: спасибо еще сватъ Гаврило навелъ...

Тутъ Петръ, сидѣвшій во все время неподвижно, легъ грудью на-земь и, уперевъ раскраснѣвшееся лицо въ шапку, прикинулся спящимъ.

Дарья медленно подняла заплаканные глаза свои и устремила ихъ сначала на парня, потомъ на обоихъ стариковъ.

— Да, подкузьмилъ насъ Никаноръ Иванычъ, чтобъ ему вѣкъ отъ добрыхъ людей добраго слова не слыхать, началъ Демьянъ.

— Слышь, — лихорадица истрепи его, окаяннаго!— племянника своего за Карпову Парашку хочетъ засватывать, перебила съ жаромъ старуха:—самъ вишь Гаврилѣ сказывалъ; а все на зло, ей Богу, на зло, родная, продолжала она, разгорячясь болѣе и болѣе: — видитъ Богъ, и въ мысляхъ прежде не держалъ; провѣдалъ онъ, что мы мѣтили на дѣвку, да въ отместку, что корову ему не продали, и хочетъ у насъ отбить ее... вотъ како горе пало на насъ... а мы, признаться, на дѣвку-то больно позарились: дѣвка хороша; гдѣ искать, и сами теперь не знаемъ; изъ своей деревни все лучше: знаешь кого берешь въ домъ...

— Онъ, можетъ, еще отступится отъ нее... проговорила Дарья, взглядывая украдкою на Петра.

— А лихъ его знаетъ! возразилъ Демьянъ:—сватовъ, вишь, засылать хочетъ, сказывалъ Гаврило, — такой-то пропастный... сто рублевъ бы правилъ съ того, кто родилъ его недобраго...

На этомъ мѣстѣ Демьянъ и всѣ присутствующіе были прерваны громкимъ говоромъ, раздавшимся надъ ихъ головами.

Поднявъ глаза, они увидѣли нѣсколькихъ мужиковъ и бабъ съ вилами и косами на плечахъ, остановившихся у закраины ямы.

— Вишь куда затаились! здорово сватъ Демьянъ! здравствуй, тетка! Э, Дарья, ты какъ здѣсь? я, чай, вамъ податно тутъ отдыхать-то въ холодкѣ?.. заговорили они въ одно время.

— Здорово, братцы! куда? отозвался Демьянъ, привставъ на ноги.

— Порѣшили, сватъ, свой хлѣбъ,—идемъ къ Карпу,— звалъ на помочь, хочетъ заразъ убрать нынче послѣдній снопъ съ поля... А ты какъ, сватъ, —убрался?

— Нѣтъ еще; сдается, нынче совсѣмъ покончимъ...

— Богъ помочь!..

— Спасибо, братцы!..

Жнецы и жницы встряхнули косами и, распрощавшись съ Демьяномъ и его хозяйкой, пошли полемъ, затянувъ веселую пѣсню.

— Пора и намъ, сказалъ Демьянъ, взглянувъ на солнце:—вставай, Петруха; эй, ребята! полно вамъ... ишь развалились, и слышать не хотятъ,—вотъ то-то: ступай работать—брюхо болитъ,—ступай кисель ѣсть... а гдѣ моя большая ложка?.. прытки больно... ну, ну, полно валяться, ночью отдохнете...

— И мнѣ пора, вымолвила Дарья, припадая къ зыбочкѣ: —пособи, тетушка, поднять на плечи...

— Изволь, родная...

Дарья взвалила на спину люльку, взяла кувшинчикъ и каравай и, сопровождаемая семьею Демьяна, уже вооруженною серпами и граблями, выбралась на проселокъ.

— Смотри только, касатка, сказала старуха, отводя въ сторону молодую бабу:—не разславляй никому, что я тебѣ повѣдала про наше горе; огласка пуще всего...

— И, тетушка, кому мнѣ разсказывать! отвѣчала она, выразивъ печальную улыбку.

— Ну, то-то... я затѣмъ тебѣ и сказала, касатка, что ты не станешь разносить по деревнѣ:—ты баба смирная, не смутьянка какая... прощай, болѣзная, Господь съ тобою...

Старушка кивнула ей головою, повернулась къ полю и бормоча что-то сквозь зубы, поплелась за мужемъ и Петромъ, которые шли какъ-то невесело другъ подлѣ дружки, поглядывая иногда на двухъ ребятишекъ, беззаботно прыгавшихъ между копнами.

Вскорѣ маленькая семейка достигла своихъ подводъ и принялась дожинать остающуюся рожь, не разгибая спины.

VI.

Въ селѣ, весной при мѣсяцѣ,
Спокойно спитъ крещеный міръ;
Вдоль улицы нашъ молодецъ
Идетъ самъ-другъ съ сосѣдкою;
Промежь себя ведутъ они
О чемъ-то рѣчь хорошую.

Ужъ вечерѣло, когда принялись они накладывать послѣдніе снопы.

— Готово? спросилъ Демьянъ, затягивая конецъ веревки, которую перекинулъ ему сынъ черезъ возъ, навьюченный до верху.

— Готово.

— Съ Богомъ! да смотри, Петруха, какъ станемъ изъ рощи спускаться, поддерживай лѣвый бокъ: трогай! пора, пойдемъ, старуха... Эй, ребята, полно вамъ баловать съ жеребенкомъ! домой! ишь всѣ убираются съ поля...

И въ самомъ дѣлѣ, по всѣмъ концамъ необозримой лощины тянулись высокіе возы съ рожью; за ними брели толпы поселянъ въ бѣлыхъ рубашкахъ, съ граблями и косами на плечахъ. Солнце медленно спускалось за рощу, обливая поля, народъ, подводы, всю окрестность пурпуровымъ свѣтомъ; огненное небо было чисто и ясно; несмѣтные рои комаровъ и мошекъ кружились въ тепломъ, тихомъ воздухѣ. По всей лощинѣ неслась звонкая пѣснь, начинавшаяся у рощи, куда отовсюду стекались бабы и дѣвки. Пѣсня съ каждою минутой раздавалась громче и громче. Толпа, собравшаяся у рощи, видимо сгущалась вокругъ возовъ, которые постепенно останавливались одинъ за другимъ.

— Ай-да дѣвки! какъ знатно пѣсни играютъ!.. воскликнулъ Демьянъ, выравниваясь съ толпою и останавливаясь подлѣ возовъ, которые захватывали весь проселокъ.

— Дѣлать, знать, нечего; ишь орутъ, словно шальныя какія... проворчала старуха.

— Э, ге, ге! да онѣ, должно быть, не снопъ ли наряжаютъ, продолжалъ Демьянъ, придерживая лошадь и вытягивая впередъ шею.

— Ну, чего ты, дурень, остановился? ступай, ступай... что глаза-то выпучилъ, словно баранъ на гумно... эка невидаль какая! сказала старуха, недовольное расположеніе которой, казалось, усиливалось съ часу на часъ.

— А тебѣ что?.. Петруха, полно ее слушать, старую, пойдемъ, поглядимъ! произнесъ Демьянъ, заглядывая въ густую толпу:—ребятишки! э! да они ужъ тамъ,—ай-да молодцы!—пойдемъ, Петруха!.. И не обращая вниманія на брань жены—такъ сильно забирало его любопытство—

онъ привязалъ возжи къ возу и протискался въ народъ вмѣстѣ съ сыномъ.

Посреди кружка, пестрѣвшаго шитыми рубахами, платками, передниками, стоялъ высокій возъ съ рожью, перетянутый крестъ-на-крестъ веревками и запряженный двумя лошадьми. Подлѣ него нѣсколько разряженныхъ бабъ и дѣвокъ съ визгомъ и хохотомъ возились вокругъ тучнаго снопа: кто повязывалъ его макушку платкомъ, кто натягивалъ на него рубаху. Это былъ «имянинникъ», какъ называютъ въ простонародьи снопъ, связанный изъ послѣднихъ пучковъ ржи, собранныхъ въ полѣ.

Пѣсни оглушали присутствующихъ.

— Экія чудныя! твердилъ Демьянъ, надрываясь со смѣху: Петрушка, глядь, словно бабу сдѣлали, ей-ей, бабу, ни дать, ни взять, бабу... ай-да дѣвки!

Но Петръ уже ни на что не обращалъ вниманія; потупя голову, онъ изъ подлобья, словно прикованный, глядѣлъ на старостину дочку, виднѣвшуюся съ того мѣста въ толпѣ дѣвокъ.

— Кому садиться на возъ? дѣвки, ступайте всѣ сюда! кричала солдатка Домна, суетясь съ огромнымъ вѣнкомъ, сплетеннымъ изъ колосьевъ, цвѣтовъ и травы:—кому на возъ? выходите... чего заспесивились? Бабы, погодите пѣсни играть, изъ-за васъ ничего не слышно.

— Ступайте, дѣвки... что-жъ вы, эй! Пора, не ночи здѣсь ждать, заговорило нѣсколько голосовъ.

— Ну, чего прячетесь? экія! продолжала Домна:— э, коли спесивитесь, пустите меня: я сяду... никто не хочетъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, Карпову Парашку пустите! Карпову Парашку на возъ къ имянинику! отозвалось разомъ нѣсколько тоненькихъ голосковъ.

И почти въ ту же минуту дѣвки съ крикомъ вытащили на середину кружка стройную, осанистую дѣвушку въ синемъ сарафанѣ, съ алымъ платкомъ на головѣ, обхватывавшемъ кругленькое, загорѣлое личико съ карими глазами и длинными рѣсницами. У Петрухи заколыхнуло на сердцѣ.

— Нѣтъ, дѣвки, пустите меня, я не хочу, пусть

Домна сядетъ, говорила Параша, выбиваясь изъ рукъ подругъ, которыя тащили ее силою къ возу.

— Садись, садись! закричалъ весь кружокъ: садись... чего артачишься! изъ-за тебя дѣло стоитъ... полно тебѣ ломаться... Домна, надѣвай ей вѣнокъ на голову; тащите именинника на возъ; тащи его, ну, дружнѣй! Держи его, держи, мотри, крѣпче, Парашка, нето свалится на косогорѣ, держи, не урони! кричали отовсюду, махая руками дѣвушкѣ, которая усаживалась на макушкѣ воза, придерживая одной рукой пестрый вѣнокъ надъ румянымъ своимъ личикомъ, другою—наряженный снопъ.

— Ну, трогай, что ли, съ Богомъ, съ Богомъ! о-о-о!..

И возъ, поскрипывая и покачиваясь изъ стороны въ сторону, покатился по проселку; впереди его, словно лебединое стадо, плавно выступали бабы, парни и дѣвки, съ граблями, вилами и косами, сверкавшими какъ золото на заходящемъ солнцѣ; громкая пѣсня ихъ, посреди которой мѣрно звякали удары въ обломокъ косы, далеко огласила окрестность. По сторонамъ бѣжали, хлопая въ ладоши, съ приплясомъ и кривляньемъ, ватаги мальчишекъ и дѣвчонокъ, размахивая пучками цвѣтовъ и колосьевъ; позади, за другими возами, тащились, припадая съ ноги на ногу, отцы, сѣдые старики-дѣды и люди степенные.

Смуглыя лица ихъ, покрытыя потомъ и морщинами, сіяли довольствомъ и радостью.

И какъ не порадоваться! Не даромъ молвится: «мужичокъ пашетъ плачучи, а жнетъ скачучи?» Забота теперь какъ съ плечъ долой; хлѣбца святого уродилось въволюшку. Онъ станетъ дешевле; э, гдѣ-жъ теперь заботушка? ужъ не объ умолотѣ ли, когда изъ-за каждаго гумна, надъ плетнями, перевитыми хмѣлемъ и травами, глядятъ, словно божьи гости, ряды остроконечныхъ скирдъ-кормилицъ! И вотъ, прислушиваясь однимъ ухомъ къ размашистой пѣснѣ, другимъ къ веселому скрипу тяжелыхъ телѣгъ, навьюченныхъ снопами, ведутъ они мирную рѣчь свою о жатвѣ, покосахъ и засѣвахъ...

А между тѣмъ, въ это время старуха Демьяна была уже давно дома. Недовольное расположеніе духа, ка-

залось, все еще не покидало желтоватаго лица старушонки; она поминутно выбѣгала за ворота, заглядывала на улицу, съ сердцемъ отмахивалась отъ жуковъ, которые то и дѣло ударяли ее со всего размаху по лицу, и вновь высовывалась заботливо на улицу. Но не пѣсни приближающихся жницъ, не поѣздъ «имянинника», начинавшій показываться изъ рощи, были тому причиной. Старушка не обращала на нихъ ни малѣйшаго вниманія. Она глядѣла въ другую сторону, къ высокому берегу рѣки, надъ которымъ начинало клубиться облако пыли. Наконецъ старушка отворила настежь ворота и побрела къ нему на встрѣчу. Вскорѣ облако, охваченное солнцемъ, расширилось и сквозь золотую ткань пыли показались рогатыя головы, послышалось мычанье: ближе—мелькнули изъ-за него старый пастухъ съ вязкою лаптей и худенькій мальчикъ съ котомкой; еще ближе—и все стадо съ ревомъ и грохотомъ ринулось на мостъ. Лицо старушки прояснилось, когда она увидѣла впереди всѣхъ свою корову.

— Аль времячко выглядываешь, тетка? спросилъ пастухъ.

— Да, родной, завтра посушить конопли хотѣли, слава те Господи!

— Да, будутъ ведра, произнесъ старикъ:—бѣлая корова впереди всѣхъ бѣжала; ужъ такая-то она у тебя, тетка, прыткая, никакъ не угоняешься за нею, здорова больно.

Старушонка поспѣшила отплюнуться, а старикъ тѣмъ временемъ кинулся сломя голову за стадомъ, которое смѣшалось и сбилось, набѣжавъ прямешенько на поѣздъ «имянинника», въѣзжавшій на улицу изъ противоположнаго конца деревни.

Крики, пѣсни, ревъ, блеянье,—все это разомъ смѣшалось вмѣстѣ. Много трудовъ стоило старушкѣ отыскать посреди этой кутерьмы мужа; еще труднѣе было ей добраться до Петра, который, затесавшись въ самую середину толпы, шелъ, вздернувъ голову кверху, ничего не слышалъ и не отводилъ глазъ отъ Парашки. Наконецъ, кой-какъ, съ помощью толчковъ и брани, она по-

тащила ихъ домой, ззаставила убрать возъ и усадила за ужинъ.

Въ деревнѣ становилось, однакожъ, ии ше и тише: хозяйки разогнали стадо по дворамъ; мужья и дѣды, утомленные знойнымъ, трудовымъ днемъ, покидали одинъ за другимъ улицу; кой-гдѣ на заваленкахъ оставались лишь парни да дѣвки, но и тѣ, впрочемъ, скоро разбрелись, такъ-что, когда сумерки окутали деревню, серебряный мѣсяцъ, выкатившійся изъ-за рощи, освѣтилъ уже совсѣмъ пустую улицу.

Все спало.

. . . . . .

— Что ты, Петруха? вымолвилъ Демьянъ, вскидываясь внезапно отъ сна.

— Ничего, батюшка, отвѣчалъ тотъ, проворно подбирая ноги, которыя свѣсилъ было съ палатей.

Прислушавшись къ храпѣнью отца, раздавшемуся почти вслѣдъ за пробужденіемъ, онъ потихонечку началъ спускаться по стремешкамъ съ палатей, останавливаясь при каждомъ шорохѣ, и наконецъ выбрался на крылечко. Вся забота состояла теперь въ томъ, чтобы отворить заднія ворота въ огородъ, перелѣзть черезъ плетень и выбраться на зады безъ малѣйшаго шума. Къ счастью, все прошло какъ нельзя лучше; собака не шевельнулась. Очутившись въ густой тѣни, бросаемой крестьянскими гумнами, Петръ попалъ на тропинку, вьющуюся между глухо разросшеюся крапивой, и пошелъ еще бережнѣе. Онъ зналъ, что многіе изъ мужиковъ спали теперь въ ригахъ. Встрепенется ли заснувшая птица, крикнетъ ли коростель въ болотной осокѣ, Петръ уже припадаетъ въ траву, пришипится словно куропатка, когда всматривается въ нее огненный глазъ лягавой собаки.

Такимъ образомъ достигъ онъ рѣчки, обогнулъ берегъ и очутился на-задахъ другой половины деревни.

— Что за диво! тамъ темно, хоть глазъ выколи; — здѣсь словно днемъ: виднымъ виднешенько, прошепталъ Петръ, взглянувъ на мѣсяцъ, который обливалъ съ этой стороны поля и гумно голубовато-серебрянымъ свѣтомъ.

Ночь была чудная! звѣздное небо казалось еще необъ-

ятнѣе и шире. Теплый воздухъ былъ такъ тихъ, что малѣйшій звукъ въ отдаленіи, сухое дребезжанье телѣги, катившейся Богъ вѣсть гдѣ, по пыльной дорогѣ, говоръ запоздалыхъ жнецовъ за рощей—доходили четко и ясно, какъ будто все это происходило у околицы.

Но Петръ уже ничего не замѣчалъ; затаивъ дыханіе, стоялъ онъ передъ высокимъ плетнемъ, изъ-за котораго выглядывалъ черною бахрамою конопляникъ старосты.

Взобравшись кой-какъ на плетень, Петръ оглянулся на стороны; въ сторонѣ послышался шорохъ... Онъ рухнулся сломя-голову въ конопляникъ, закрылъ глаза и не двинулъ ни однимъ членомъ.

— Петруша, ты? произнесъ шопотомъ чей-то голосъ.

Петръ поднялъ голову и увидѣлъ шагахъ въ трехъ Парашу, которая шла къ нему, отслоняя одной рукой стволы конопле́й, другою боязливо указывая ему на кровлю отцовской избы. Мѣсяцъ свѣтилъ ей прямо въ лицо.

— Молчи, молчи! говорила она, удерживая парня, который, не обращая ни на что вниманія, кинулся къ ней на встрѣчу:—отецъ спитъ въ каморкѣ,—смерть страшно: того и смотри, услышитъ...

Они молча прошли нѣсколько шаговъ и остановились подъ высокой рябиной, которая окутывала черною тѣнью плетень и часть конопляника.

— Ну, что, Параша, ты, я чай, все... слышала? спросилъ не совсѣмъ твердымъ голосомъ парень.

— Слышала, Петруша... не знаю, что и дѣлать, отвѣчала она, опуская руки.

— Какъ не знаешь? живо подхватилъ парень:—стало, тебѣ все одно! я изъ-за горести свѣта не вижу, отбился отъ сна, отъ ѣды, а тебѣ все одно...

— Что-жъ мнѣ дѣлать, коли отецъ приневоливать станетъ... Вотъ ты какой... Петруша, прибавила она съ упрекомъ: — чѣмъ бы пожалѣть меня, горькую... а отъ тебя только и слышишь попреки...

— Полно, перестань Параша, живо подхватилъ Петръ:— не серчай на меня; я и самъ не знаю, что со мною попритчилось; не тоскуй такъ-то, у меня и безъ того все сердечко изныло... Вотъ послушай, что я тебѣ скажу

продолжалъ онъ, робко взявъ ее за руку: — слышь, что ли, Параша?

— Слышу, отвѣчала она, прижимаясь къ парню и стараясь улыбнуться.

— Ты говоришь: отецъ приневолитъ; нѣтъ, не приневолитъ, когда ты просить станешь... Что онъ тебѣ за злодѣй! ты у него всего одна какъ перстъ...

— Да что-жъ я ему скажу?

— Любъ я тебѣ, Параша? спросилъ неожиданно Петръ, взглядывая ей въ лицо.

— Кажись, пуще отца родного и матери, Петруша! отвѣчала она, наклоняясь къ парню.

— Ты бухнись имъ въ ноги, продолжалъ онъ, обнимая дѣвушку: — скажи: родные вы, молъ, мои, я одна у васъ, вы одни у меня, не губите вы меня, дайте хоть пожить маленько на бѣломъ свѣтѣ, чтобъ знала я, что за радость жить съ вами; буду служить вамъ вмѣсто батрачки, все стану работать и ни охну, ни застону!.. Сдѣлай, только повременили-бы они до осени, да слова не давали Никанору; выгадай только времячко; а ужъ я охулки на руки не положу; поколь мочь и сила будутъ, стану работать да денегъ наживать къ той порѣ; сама ты вѣдаешь: мать моя не прочь отъ этого дѣла; она намъ подсобитъ уломать отца.

— Ему-то что идти противъ нашего счастія? возразила Параша;—нешто я въ чемъ не по нраву пришлась ему?..

— Ну, вотъ поди-жъ ты! сказалъ Петръ, досадливо тряхнувъ головою:—сколько разъ говорилъ, что ты дѣвка хорошая, какъ передъ Богомъ!.. Да заартачился продать Никанору корову; слово за словомъ, повздорили, нѣтъ да нѣтъ, изъ этого-то и дѣло все вышло... Никаноръ на зло ему хочетъ сватать за тебя Игнатку... теперь вишь отнѣкивается брать у меня работу; да это куда бы ни шло: я снесу въ Емельяновку; тамъ возьмутъ: денегъ на выкупъ станетъ.

— Ну, а коли отецъ твой не послушаетъ матери: поартачится продать Никанору корову, а тотъ зашлетъ сватовъ?

— Нѣтъ, уломаемъ... Господь не попуститъ такого грѣха.

— А ну, какъ не уломаешь... тогда что?..

— Тогда... если ты пойдешь за Игнатку, прощай, Параша! прощай навѣки!.. пойду изъ деревни куда глаза глядятъ, загублю свою голову...

— Нѣтъ, Петруша, чтобъ мнѣ свѣта Божьяго не видать,—не пойду ни за кого окромѣ тебя; лучше весь вѣкъ въ дѣвкахъ просижу, по тебѣ плачучи...

Въ сторонѣ послышался легкій шорохъ. Оба притаились за рябину.

— Слышь, Петруша?.. шепнула она, робко озираясь и дрожа какъ осиновый листъ.

— Слышу... никакъ собака... не бойся...

— Охъ, нѣтъ, не отецъ ли... Смертъ боюсь, Петруша, ступай лучше... ступай скорѣй... неравно еще застанетъ...

— Не бойся, ничего, говорилъ парень, прижимая ее къ себѣ крѣпко-на-крѣпко.

— Нѣтъ, оставь, оставь! шептала она, упираясь, что есть мочи, руками въ грудь парня:—застанетъ, осерчаетъ такъ, что слова мои въ прокъ не пойдутъ... экой ты какой!.. пусти!

Она вырвалась изъ рукъ его, нагнула голову и пустилась безъ оглядки.

— Прощай, Параша, шепнулъ Петръ, выглядывая изъ-за плетня, черезъ который успѣлъ уже перемахнуть.

— Кто тамъ? послышался въ эту минуту хриплый голосъ изъ каморы.

Петръ не дослышалъ далѣе; онъ летѣлъ уже стрѣлою по задамъ, придерживаясь къ плетнямъ, чтобы оставаться въ тѣни, которую начинали бросать теперь и съ этой стороны крестьянскія гумны.

— Экъ его, старый хрычъ, чуткой какой! вымолвилъ онъ, останавливаясь у берега, чтобы перевести духъ: — ладно, выходи теперь изъ каморы, — много возьмешь!.. Э, э! вонъ ужъ мѣсяцъ-то гдѣ, прибавилъ онъ оглядывая синее небо, начинавшее блѣднѣть на востокѣ; мы и не примѣтили времячка; должно быть, скоро свѣтать начнетъ... не хватились бы дома!..

Сказавъ это, онъ снова пустился въ дорогу и, немного погодя, очутился въ отцовскомъ огородѣ, между тѣсными рядами капусты, огурцовъ, луку и картофеля, залитыхъ серебрянымъ свѣтомъ мѣсяца, тихо кативша-гося по синему звѣздному небу.

VII.

Вѣдь ужъ лѣто прошло,
Вѣдь ужъ осень на дворъ
Черезъ прясло глядитъ.

Кольцовъ.

— Экіе холода пошли! въ избѣ донимать стало!.. говорилъ Демьянъ, выходя ранымъ-рано на крылечко и кутаясь въ кожухъ, наброшенный на плечи:—жаль, запоздали мы добре съ капустой, того и смотри прохватило ее нынче морозомъ, прибавилъ онъ, спускаясь на дворъ, покрытый застывшею грязью. Онъ направился прямо къ огороду, но, проходя мимо клѣти, не утерпѣлъ-таки, чтобы не остановиться передъ коровой, предметомъ столькихъ толковъ и зависти.

Кромѣ пятка овецъ, барана и коровы, въ клѣти находился еще новый жилецъ—рыжая телочка съ бѣлыми отмѣтками на лбу и бокахъ, которую не переставала облизывать Демьянова любимица. Мужикъ поглядѣлъ сначала на мать, потрепалъ ее по ребрамъ, потомъ приласкалъ дочку и, усмѣхнувшись самодовольно, пошелъ къ заднимъ воротамъ, не переставая ухмыляться въ бороду.

Вступивъ въ огородъ, онъ не безъ сожалѣнія увидѣлъ побѣлѣвшіе ряды капусты, поднялъ голову—и остановился, пораженный страннымъ зрѣлищемъ. Огромная старинная ветла, глядѣвшая изъ-за сосѣдняго плетня, была усѣяна вся съ низу до верху, ласточками; даже плетень и кровля сосѣдняго амбара были покрыты ими такъ, что казались совершенно черными. Демьянъ притаился за уголъ и сталъ глядѣть. Ласточки слетались отовсюду цѣлыми стаями; мало-по-малу онѣ усѣлись и успокоились: мертвое молчаніе воцарилось между ними; такъ прошло нѣсколько ми-

нутъ—и вдругъ всѣ, сколько ихъ было, защебетали въ одно время, замахали крылышками и разомъ понеслись къ югу, наполнивъ воздухъ своимъ крикомъ.

— Что за диковина! произнесъ Демьянъ, слѣдя съ недоумѣніемъ за темнымъ облакомъ ласточекъ, постепенно уменьшавшимся въ сѣромъ небѣ:—ужъ не къ отлету ли въ теплую сторону собирались онѣ сюда?.. А можетъ статься и то правда: время позднее, заключилъ онъ, возвращаясь на дворъ.

Онъ отвязалъ лошадей, отворилъ переднія ворота и, пропустивъ уздечки въ лѣвую руку, вышелъ на улицу.

Было еще очень рано. Сѣрое, туманное небо, разливавшее грустный свѣтъ на окрестность, свидѣтельствовало, однакожъ, что солнце показалось надъ горизонтомъ. Все вокругъ безмолвствовало. Казалось, какъ-будто все живущее уже давно попряталось отъ стужи въ избенки, подъ теплыя овчины и кожухи; у черныхъ заваленокъ, перепутанныхъ поблекшею, косматою травою, не было видно ни сохи, ни бороны, ни телѣги; вся дѣятельность обозначалась возвышавшимся кой-гдѣ у воротъ ворохомъ хвороста, да дымкомъ, который начиналъ тянуться сизою струйкой изъ двухъ трубъ, прикрытыхъ горшечками.

Демьянъ достигалъ уже конца деревни, когда до слуха его неожиданно коснулись глухіе стоны и вопли. Онъ сталъ прислушиваться. Вопли выходили изъ крошечной избенки, объ одномъ волоковомъ окнѣ, перекосившейся на одну сторону и глядѣвшей невыразимо печально.

Демьянъ вспомнилъ тогда, что наканунѣ у Дарьи умеръ ребенокъ. Движимый любопытствомъ, онъ подошелъ къ избѣ и приложилъ бороду къ окну, стараясь разглядѣть, что тамъ происходило. Ничего, однакожъ, не увидѣлъ мужикъ; темно и мрачно было въ избушкѣ; глухія причитанья Дарьи, сопровождаемыя рыданіями, одни наполняли бѣдную, полуобвалившуюся лачужку.

— Дитятко мое! милка моя! плакала она на-распѣвъ:—охъ! горе мое, горькое горюшко... И нѣтъ уже дитятка моего! нѣтъ бѣлаго селезня!.. Кого мнѣ прибаюкать на плечѣ моемъ? Бывало, забуду истому злую, нагнусь, возьму тебя на руки... Дитятко мое! надежда моя! Егорушка!

бѣлянушка!.. охъ, прости, Господи, горе мое, оторвалось мое сердце, осиротѣла грудь моя и молочко твое присохнетъ; пуста теперь твоя зыбочка! охъ, горе мое, горе мое! забуду, что пуста она, твоя зыбочка, и стану качать ее, тебя вспоминаючи!..

— Полно, касатушка, полно, сердечная, не убивайся такъ-то, грѣшно передъ Господомъ... повторялъ вслѣдъ за тѣмъ чей-то ласковый голосъ.

— Э! старуха моя ужъ тамъ! вымолвилъ Демьянъ, отходя прочь:—такъ, такъ, вотъ и ведра наши стоятъ у воротъ. Должно быть за водой шла да завернула провѣдать горюшицу, присовокупилъ онъ, направляясь къ рѣкѣ, сверкавшей какъ темное лезвее стали въ почернѣвшихъ берегахъ:—эхъ, жаль бабу-то! добрая, смирная баба такая... Да что станешь дѣлать! не стоятъ, знать, у ней ребята... вотъ ужъ третьяго на моей памяти хоронитъ... жаль, право, жаль!..

Напоивъ лошадей, Демьянъ подобралъ уздечки и началъ подыматься по скату у берега.

Навстрѣчу ему попалась жена съ коромысломъ и ведрами на плечахъ. Глаза старушки были красны; въ смуглыхъ морщинахъ щекъ и подбородка виднѣлись кой-гдѣ слѣды незасохшихъ слезъ; желтое, ворчливое лицо ея было на этотъ разъ кротко и спокойно.

— Погоди меня, Демьянычъ, я воды зачерпну, пойдемъ вмѣстѣ, сказала она, проводя рукавомъ по лицу.

Мужикъ остановился, поглядѣлъ ей въ слѣдъ и почесалъ затылокъ. Немного погодя, старушка, переваливаясь съ ноги на ногу подъ тяжелыми ведрами, нагнала мужа, и они пошли рядышкомъ.

— Эхъ, бабу-то жаль, ишь какъ ее убивается! вымолвилъ Демьянъ, взглядывая на избенку Дарьи, изъ которой все еще раздавались стенанія и голошенье.

— О-о-охъ! горькая-то наша долюшка! произнесла старуха, кротко опуская голову: — охъ! скоро и мнѣ, горемычной, приведетъ Господь такъ-то плакаться.

Тутъ она остановилась, устремила съ мольбою заплаканные глаза на мужа и сказала съ упрекомъ.

— Демьянычъ, а Демьянычъ, полно тебѣ артачиться!..

Демьянъ также остановился, поднялъ голову къ сѣрому небу, гдѣ тянулась длинная вереница журавлей, и сдѣлалъ видъ какъ-будто ничего не слышитъ.

— Демьянычъ, аль сердца въ тебѣ нѣтути? продолжала старуха, ставя наземь ведра и скрестивъ руки: — опостыли мы тебѣ, что ли?.. Всю осень, почитай, плачусь надъ тобой; полно тебѣ спесивиться: продай ты ее...

— Чтой-то за диво, какъ они низко летятъ нынче... пробормоталъ мужикъ, не отрывая глазъ отъ журавлей.

— Демьянычъ, а Демьянычъ... загубить ты насъ хочешь, что-ли? чѣмъ погрѣшили мы передъ тобой?.. взмилуйся, касатикъ... продолжала старуха, дергая его за рукавъ кожуха.

— Эхъ-ма! вотъ привязалась... вымолвилъ Демьянъ полушутливо, полусердито:—ну, чего тебѣ? Чего ведра-то поставила?.. пойдемъ!..

— Не пойду, касатикъ... охъ, не сойду съ эвтого мѣста, пока не отойдетъ у меня сердце... Батюшка, родной ты мой, отецъ ты нашъ, Демьянъ Васильичъ, сказала старуха и вдругъ ударилась съ воплемъ ему въ ноги.

— Что ты, дура-голова, ишь нашла гдѣ мѣсто... при людяхъ-то... аль срама нахлебаться хошь? вставай, говорятъ... одурь взяла тебя, что-ли?

— Охъ, нѣтъ, кормилецъ, не встану!.. охъ не встану!.. силушки моей нѣтути; не встану, пока не взмилуешься... Что она тебѣ полюбилась? напустилъ, знать, на тебя лихой человѣкъ, выманилъ лестью изъ тебя душу... Самъ ты, родной, въ Спожинки горевалъ объ эвтомъ горѣ... а теперь твои же рѣчи въ-забыть пошли!..

Демьянъ, видя, что дѣлать было съ ней нечего, плюнулъ на сторону и пошелъ скорыми шагами къ дому. Но не успѣлъ онъ запереть воротъ, какъ уже старуха нагнала его.

— Демьянычъ, аль взаправду души въ тебѣ нѣтути? воскликнула она, ставя опять ведра на-земь: — аль опостыло тебѣ родное дѣтище? Отшатнись ты отъ нея, Господь съ нею! неужто окромѣ ея другой не найдемъ...

— Отвяжись ты отъ меня, Христа-ради! ну, чего тебѣ, въ самомъ дѣлѣ, отъ меня надыть? сказалъ Демь-

янъ такимъ голосомъ, какъ-будто о сю пору не въ-догадъ ему было, о чемъ говорила старуха, и между тѣмъ не переставая взглядывать украдкою на корову, которая, показавъ надъ плетнемъ бѣлую свою голову, отозвалась протяжнымъ мычаньемъ.

— Слышь, слышь, касатикъ! завопила старуха, живо размахивая руками:—слышь, она сама чуетъ смерть свою, сама просится со двора вонъ... Кормилецъ, нынче и листъ-то ишь его какъ поздно не спадаетъ съ дерева: по всему, быть мору. Вотъ, родной, чтобъ мнѣ нечистый пригрезился, если воронъ не перелетѣлъ нашъ дворъ намедни... ужъ такъ-то каркаетъ! Она сама чуетъ свою погибель; что тебѣ въ ней прибыли, коли она хвостъ откинетъ, коли сгинетъ у насъ весь скотъ до послѣдней шерстинки, да ничегохонько не останется?..

Демьянъ покосился на корову и почесалъ затылокъ.

— Демьянъ Васильичъ, кормилецъ ты нашъ, не губи парня-то... за что? Продай ты ее Никанору! вопила жена, обливаясь слезами и снова бросаясь обнимать ноги мужа.

— Да, теперь продай; а не ты ли весной сама меня отговаривала... привередлива больно стала, вотъ что!..

— О-охъ! вотъ то-то, отецъ родной, глупая-то дурость наша, охъ, отчаянно простонала старуха.

— А куда я пойду продавать? сказалъ Демьянъ, немного смягчаясь: — ну, куда?.. онъ самъ теперь ее не возьметъ...

— Охъ, возьметъ, кормилецъ! право, возьметъ! онъ самъ намедни сказывалъ свату Стегнѣю, что возьметъ...

— Да какже пойду я съ нею въ Бабурино... самъ не хотѣлъ, а теперь буду навязываться...

— Нѣтъ, касатикъ, не надыть ходить... я о томъ и молю тебя нынче, что Никаноръ пріѣдетъ сегодня объ утро раздавать пряжу... Полно тебѣ спесивиться... слышь, слышь, вотъ такъ-то ни ночью, ни днемъ покою ему нѣтути, присовокупила она, указывая выразительно на избу, изъ которой раздавались удары челнока и шумъ стана:— совсѣмъ извелся парнюха... думаетъ работой пособить, тебя умилостивить, батюшка Демьянъ Васильичъ — со-

всѣмъ какъ есть присушила его дѣвка-то... охъ, пожалѣй ты его, не табашникъ онъ какой у тебя, загубитъ парень свою голову; не прими грѣха на свою душу! Господи, святые угодники! неужто корова жалчѣе ему родного дѣтища!

Демьянъ хотѣлъ было что-то сказать, но въ эту минуту на крылечкѣ показался Петръ, и старикъ замялся.

Круглыя, полныя щеки парня, въ самомъ дѣлѣ, немножко осунулись съ лѣта; онъ былъ блѣднѣе обыкновеннаго. Увидя старуху-мать на колѣняхъ передъ отцомъ, Петръ сдѣлалъ движеніе впередъ, но старикъ предупредилъ его.

— Подь сюда, Петруха, сказалъ онъ, принимая свой повседневный, шутливый голосъ и устремляя то на парня, то на жену свои смѣющіеся, узенькіе глазки:—вотъ старуха наша привязалась ко мнѣ: продай да продай корову Никанору... что ты объ этомъ промолвишь?

— Что-жъ, батюшка, отвѣчалъ, запинаясь, Петръ:—продай...

— Ой-ли? смѣясь, возразилъ отецъ.

— Вѣстимо, батюшка, не одна она на свѣтѣ... нонѣ, слава Богу, годъ хорошій... къ веснѣ я заработаю еще деньжонокъ,—купимъ другую...

— Э, не сули лапти сшить, не дравши лыкъ! этакъ пожалуй, про васъ не напасешься, — сегодня купи, а завтра продай... Мякины нынче вволю, зачѣмъ ее продавать, пусчай ее постоитъ, потрата не больно велика...

— Ты самъ знаешь, зачѣмъ мы тебя въ этомъ утруждаемъ, сказалъ Петръ, переводя духъ на каждомъ словѣ.

— Погоди, мы вотъ у кого спросимъ, произнесъ Демьянъ, обращаясь шутливо къ двумъ парнишкамъ, которые вбѣжали на дворъ, махая посинѣвшими отъ стужи руками:—оба вы что-то хитро больно говорите... Что они скажутъ, тому и быть... Ну, ребятишки, продать корову, аль нѣтъ?

— Продай, продай, касатикъ! прокричала старуха, кидаясь къ мужу.

— Продай, продай! закричали вслѣдъ за матерью ребята, сами еще не смекая хорошенько, о чемъ шло дѣло.

— Продай, батюшка, прибавилъ Петръ:—день и ночь буду за тебя Бога молить...

— Продай, продай, тятька! кричали мальчуганы цѣпляясь за отцовскій кожухъ.

Демьянъ тряхнулъ головою, нахмурилъ брови и, не сказавъ ни слова, пошелъ къ клѣти; очутившись подлѣ коровы, онъ принялся ее снова осматривать; ребята, жена и Петръ послѣдовали за нимъ и не отнимали отъ него глазъ. Мало-по-малу веселое выраженіе на лицѣ мужика уступило мѣсто нерѣшительному и наконецъ упрямому и недовольному.

Петръ былъ какъ на угольяхъ и вертѣлъ рукавомъ рубахи; старуха стояла какъ стопочка, жалостливо повѣсивъ голову и скрестивъ руки. Въ эту самую минуту за воротами послышался женскій, дребезжащій голосъ.

— Тетка Анна, а тетка Анна! ступай, вынеси мотки да коклюшки: фабрикантъ пріѣхалъ.

Демьянъ нахмурилъ еще сильнѣе сѣдыя свои брови.

Сердце Петра и старухи болѣзненно, тоскливо сжималось.

— Демьянъ Васильичъ!.. начала-было жена.

Но Демьянъ не дослушалъ ее; онъ вышелъ изъ клѣти, поднялъ голову къ сѣрому небу, откуда слышались отдаленные крики, и произнесъ съ разстановкою:

— Опять, никакъ, журавли летятъ... да, точно, вонъ, вонъ... Что это, какъ они нынче низко летятъ... быть, стало, студеному времени...

— Батюшка, Демьянъ Васильичъ, полно тебѣ умомъто раскидывать! завопила старуха, снова бросаясь ему въ ноги: — когда я тебя въ чемъ утруждала, али просила? батюшка, кормилецъ, взмилуйся надъ роднымъ дѣтищемъ...

— Батюшка, продай ее въ-заправду, рѣшился наконецъ поддакнуть парень:—самъ вѣдаешь, какую мы терпимъ изъ-за нея помѣху... вѣдь вотъ Никаноръ и работы моей не беретъ... куда я съ ней пойду?..

Демьянъ медленно надѣлъ кожухъ въ рукава, нахлобучилп на глаза шапку и молча вышелъ на улицу.

Вся семья побѣжала за нимъ.

Сѣренькій осенній день окончательно смѣнилъ туман-

ное утро. Холодный воздухъ былъ сухъ и прозраченъ; какъ то особенно ясно обозначались въ немъ теперь темныя кровли избушекъ съ ихъ пѣтушками и коньками на макушкахъ; рѣзче вырѣзывались фіолетовыя прутья обнаженныхъ березъ, тронутыхъ еще кой-гдѣ красными и жолтыми листьями; даже поля и нивы, оставшіяся въ отдаленьи, очерчивались чистыми, опредѣлительными линіями. Мѣстами въ воздухѣ тянулись длинныя, бѣлыя волокна тенетника, признакъ долгой, студеной осени, или «листопада», какъ говорятъ поселяне.

Въ самой деревнѣ какъ будто повеселѣло. Теперь изъ каждой почти избушки возносилась кверху сизая струйка дыма; кой-гдѣ, въ окнахъ, сверкалъ огонекъ жарко топившейся печи. Ребятишки, закутанные кто въ отцовскій полушубокъ, тащившійся на половину по землѣ, кто въ бабушкинъ зипунъ, толкались подлѣ заваленокъ. Съ задовъ слышались мѣрные удары цѣпа или шумъ вѣявшейся ржи, которая падала на гладко убитый токъ. По всѣмъ концамъ деревни виднѣлись бабы съ мотками бѣлой пряжи и связками шпуль за плечами, сходившіяся къ колодцу, куда, по обыкновенію, присталъ съ своимъ возомъ Никаноръ Иванычъ.

Его уже окружала порядочная ватага. Никаноръ Иванычъ, казалось, на этотъ разъ былъ очень въ-духѣ. Хохотъ его и прибаутки далеко слышались вокругъ..

— Эй вы, любки-голубки! поворачивайтесь скорѣй: мнѣ недосугъ съ вами валандаться... Сколько у тебя шпулей?.. Ну, эхъ ты, немогузнайка! давай! разъ, два, три... такъ, присовокупилъ онъ, вырѣзывая одинаковое число на биркѣ; здорово, Гаврило; ну, что, какъ умолотъ у васъ?

— Да ништо, грѣшно Бога гнѣвить, самъ-семъ уродилось, Никаноръ Иванычъ.

— Вотъ то-то, а вы все плачетесь; охъ, вы колосовички-гречишнички! А! здорово, сватъ Демьянъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ мужику, который протискивался въ кружокъ съ видомъ совершеннаго равнодушія: — ну, что, какъ живешь-можешь?

— Ничего, отвѣчалъ Демьянъ: — живы по Божьей милости...

— Батюшка, Никаноръ Иванычъ, купи у насъ корову! неожиданно воскликнула старуха, просовывая изъ толпы голову.

Демьянъ обернулся, нахмурилъ брови и сердито почесалъ локоть.

— Э, тетка, и ты здѣсь? изволь, куплю, вымолвилъ фабрикантъ, устремляя на Демьяна свои сѣрые на выкатѣ глаза.

— Что ты ее слушаешь, Никаноръ Иванычъ, произнесъ мужикъ: — баба съ вѣтру вретъ; что вспало ей на языкъ, то и несетъ.

— А развѣ ты не продашь? спросилъ Никаноръ.

Демьянъ посмотрѣлъ на Петра, который стоялъ поодаль, и замялся. На парнѣ лица не было.

— Я, признаться, не то, чтобы больно позарился на нее, продолжалъ фабрикантъ, укладывая мотки: — а, пожалуй, купить куплю, если продашь.

— Купи, касатикъ, подала снова голосъ старуха: — ей-Богу, купи!..

— Дешево больно даешь, промолвилъ, запинаясь, Демьянъ.

— Да ты сколько просишь?.. я почемъ знаю.

Демьянъ почувствовалъ, что кто то дергалъ его за рукавъ.

— А сколько! сколько сами заплатили, за столько и отдадимъ, отвѣчалъ онъ понатужась.

— Сорокъ рублевъ?

— Да.

— Экой!.. гм! гм! ишь его тугой какой!.. надо еще знать, стоитъ-ли цѣны: можетъ, она въ лѣто у тебя похирѣла...

— Можетъ такъ, а можетъ и нѣтъ, пробормоталъ недовольно Демьянъ.

— Нѣтъ, кормилецъ, ей-Богу нѣтъ, возразила съ жаромъ старуха, просовываясь впередъ и размахивая руками:—кажись, еще добротнѣе стала... люди не нахвалятся, спроси кого хошь.

— Надо поглядѣть, сказалъ фабрикантъ:—продавать, такъ лицомъ: веди ее сюда.

Старуха и Петръ, духомъ, безъ оглядки пустились домой. Минуту спустя, толпа дала дорогу коровѣ, парню и старухѣ. Похвалы и восклицанія посыпались отовсюду. Фабрикантъ принялся осматривать животное, пожимая значительно губами и встряхивая головою. Петръ и старуха не пропускали ни одного изъ его движеній и поминутно бросали взгляды на Демьяна, который стоялъ въ сторонѣ и пасмурно косился то на корову, то на присутствующихъ.

— Что говорить, животина хорошая, сказалъ наконецъ фабрикантъ, выпрямляясь и поправляя шапку:—ну, такъ какже, Демьянъ?.. тридцать пять по-моему; какое твое послѣднее слово?.. Берешь, что ли?..

Демьянъ молчалъ.

— Что-жъ ты ничего не говоришь? ась?

Демьянъ поглядѣлъ сначала украдкою на сына, потомъ на жену и вдругъ совершенно неожиданно расправилъ морщины на лбу, махнулъ рукой и воскликнулъ:

— Э! ну, Господь съ тобой... бери, такъ и быть!

— Отдаешь?

— Отдаю! отвѣчалъ Демьянъ, вторично махнувъ рукой.

Петръ едва устоялъ на ногахъ.

Старуха перекрестилась.

— Давно бы такъ, сказалъ Никаноръ Иванычъ, ударяя его по плечу:—вашъ братъ всегда бываетъ смышленъ, да только опосля, а то корячился, корячился, словно взаправду во всемъ уѣздѣ у одного тебя была корова...

— Вотъ то-то, батюшка, глупая то дурость наша, сказала старуха, сама уже не помня на-радостяхъ, что говоритъ.

— Я, братъ, признаться, посерчалъ маленечко на тебя за твою спесь, перебилъ фабрикантъ, обращаясь къ Демьяну:—ну, да теперь подался ты, и дѣлу конецъ; какъ, думаю-себѣ, сорокъ рублевъ далъ всего, а проситъ столько-же, да еще корову въ придачу...

— Да ты какъ провѣдалъ, что я сорокъ рублевъ за нее далъ? спросилъ Демьянъ.

— А, признаться, Домна-солдатка проболталась: — грѣшенъ и я: посулилъ ей за то платокъ.

— Эка пропастная баба, пробормоталъ мужикъ: — счастье ея, что она теперь на фабрикѣ у тебя, я-бъ ей припомнилъ...

— Ну, Петруха, подхватилъ Никаноръ Иванычъ, обращаясь къ парню, который и смѣялся, и чуть не плакалъ съ радости:—Гаврило сказывалъ, ты на Емельяновку хочешь миткаль нести... На кой тебѣ лѣшій туда таскаться, коли ближе есть, гдѣ сбыть его съ рукъ:—давай его мнѣ, намъ никакъ не впервые дѣло вести... завтра же и приходи на фабрику, за-одно: и миткаль сдашь, и деньги за корову возьмешь... такъ, что-ли?..

— Такъ, Никаноръ Иванычъ, отвѣчалъ Петръ, встряхивая волосами: — я завсегда готовъ на тебя работать, если...

— Знаю, знаю, ладно, перебилъ фабрикантъ, лукаво подмигивая ему лѣвымъ глазомъ:—что, Демьянъ, голову-то повѣсилъ, аль корову жаль?..

— Э, произнесъ Демьянъ, взглянувъ на корову и почесывая затылокъ.—Онъ больше ничего не сказалъ.

— Ну, ступай, ступай, бѣлянка, говорилъ фабрикантъ, привязывая корову къ телѣгѣ:—вотъ тебѣ новый хозяинъ... эхъ, хорошая корова!.. у меня же бѣлая шерсть ко двору...

Повторивъ Петру, чтобъ приходилъ завтра въ Бабурино, Никаноръ Иванычъ раскланялся съ толпою, сѣлъ на возъ и тронулъ возжами.

Демьянъ стоялъ молча на одномъ мѣстѣ и не переставалъ слѣдить за коровой, которая то-и-дѣло поворачивала назадъ, къ деревнѣ, голову. Наконецъ когда возъ фабриканта завернулъ къ берегу и коровы не стало видно, мужикъ провелъ ладонью по лысинѣ, махнулъ отчаянно рукою и произнесъ, обратившись къ старухѣ, стоявшей рядомъ съ Петромъ:

— Эхъ, все ты, старая!... ужъ такъ-то жаль коровенку! такъ жаль!... славная такая была... ну, да Богъ съ вами, пойдемъ въ избу, прибавилъ онъ, надѣвая шапку:— авось повеселѣе станетъ...

Они уже подходили къ воротамъ, когда въ толпѣ,

расходившейся послѣ отъѣзда фабриканта, послышался шумъ, и внезапно раздались восклицанія:

— Дарья, Дарья!.. похороны!..

Всѣ трое остановились и обернулись назадъ.

Изъ воротъ маленькой перекосившейся избушки выѣзжала телѣга, запряженная хилой, костлявой кляченкой. На телѣжкѣ, уперши лицо и грудь въ солому, лежала Дарья; русые ея волосы, смоченные слезами, разсыпались въ безпорядкѣ изъ-подъ темнаго, худого платка. Впереди подводы шелъ съ открытою головою рыжій, приземистый мужикъ суроваго вида; онъ держалъ въ одной рукѣ уздечку лошади, въ другой—маленькій гробикъ, живьемъ сколоченный изъ досокъ.

Телѣжка медленно подвигалась къ околицѣ.

Вокругъ, въ толпѣ, уже окончательно разсѣявшейся по улицѣ, все какъ бы стихло. Каждый крестился и молча давалъ дорогу.

Дарьи почти не было видно; изрѣдка лишь сѣрый зипунъ, покрывавшій ея спину, показывался надъ соломой; вслѣдъ затѣмъ слышалось раздирающее рыданіе, и снова все стихало, кромѣ шаговъ лошади, звонко отдававшихся на застывшей землѣ.

У околицы нѣсколько бабъ ввязались-было провожать телѣжку, но скоро отстали за недосугомъ.

Немного погодя, и телѣжка, и мужикъ, и кляча исчезли за косогоромъ.

— Э... хе, хе! жаль бабу, сказалъ со вздохомъ Демьянъ:—ну, да какъ быть? такъ, знать, Господомъ Богомъ положено... Полно, старуха, продолжалъ, онъ, поворачиваясь къ женѣ, которая утирала лицо рукавомъ рубахи:—тебѣ-то, я чай, горевать не о чемъ: поставила-таки на своемъ... продалъ корову... потѣшилъ... Ну, чего хлюпаешь? Дарьѣ этимъ не пособишь... знамо дѣло, однимъ горе, другимъ радость; оно такъ-то споконъ вѣку ведется... Теперь о другомъ думать надыть: вотъ этого шалыгана поженить пришла, видно, пора... Пойдемте обѣдать, переговоримъ, тамъ за шапку, да къ Карпу понавѣдаюсь, что-то онъ скажетъ, а тамъ честнымъ пиркомъ, да и за свадебку!... Пойдемте обѣдать... ну, хе, хе! а

все на сердце у меня какъ словно камнемъ лежитъ коровенка-то: смерть жалко, добре хороша была животина... Ну, ужъ, Петруха, я тебѣ это припомню!...

Сказавъ это, Демьянъ нахлобучилъ шапку и, сопровождаемый старухой, поднялся на крылечко.

Когда они обернулись, Петра уже не было. Въ радостяхъ летѣлъ онъ какъ угорѣлый въ старостинъ коноплянникъ.

VII.

Вслѣдъ за нею зима
Въ теплой шубѣ идетъ.
Путь снѣжкомъ порошитъ,
Подъ санями хруститъ.
Всѣ сосѣди на нихъ
Хлѣбъ везутъ, продаютъ,
Собираютъ казну,
Бражку ковшикомъ пьютъ.

Кольцовъ.

Метель, поднявшаяся въ ночь, утихла. Вѣтеръ падалъ съ каждой минутой, разбивая хребты сизыхъ тучъ, заслонявшія небо. Быстро бѣжавшія тучи открывали то тутъ, то тамъ мутножелтоватыя пятна. Свѣтлѣй и свѣтлѣй становилась окрестность; вдругъ вѣтеръ рванулъ сильнѣе, и, откуда ни возмись, глянуло солнышко... Мигомъ все приняло другой видъ. Ослѣпительной бѣлизной окинулась улица; еще ярче сверкнули на темномъ небѣ занесенныя снѣгомъ избушки съ ихъ бѣлыми кровлями и рѣзными подоконниками, увѣшанными ледяными сосульками, сіявшими какъ алмазы. Разомъ все оживилось. Заскрипѣли ворота и прикалитки. На улицѣ показалась баба, закутанная такъ, что внаружу выглядывали одинъ красный носъ да посинѣвшія отъ стужи руки, которыми поддерживала она валекъ и коромысло. За нею, изъ разныхъ концовъ, выползали ребятишки, едва тащившіе въ мягкихъ сугробахъ отцовскіе полушубки; немного погодя, сбились они въ кучку: составился кружокъ; появилось рѣшето, облитое льдомъ, съ привязанною къ боку веревкой; въ него усѣлась дѣвчонка, еле-еле дышавшая изъ-подъ взгроможденнаго на нее кожуха; толпа схватилась за веревку,

раздался крикъ, и вотъ уже понеслась она, только снѣгъ столбомъ да вѣтеръ съ морозомъ на-встрѣчу.

Почти въ то же время, на другомъ концѣ деревни, остановились широкія пошевни, запряженныя вороной кудластой клячей, подлѣ которой бѣжалъ долговязый жеребенокъ. Изъ саней вылѣзъ Демьянъ. Прежде всего онъ отряхнулъ кожухъ и шапку, провелъ варишками по напудренной инеемъ бородѣ и наконецъ принялся отворять околицу. Затѣмъ онъ взялъ лошадь подъ-уздцы и пошелъ шагомъ по улицѣ.

— Ну, должно быть, въ городѣ-то метелица была не гораздо пуще здѣшней,—ишь какіе намела сугробы! произнесъ Демьянъ, останавливаясь въ недоумѣніи передъ своими воротами.

Онъ отгребъ кой-какъ снѣгъ, въѣхалъ на дворъ, вынулъ изъ пошевней кусокъ мерзлой говядины, потомъ узелокъ, завязанный въ клѣтчатый платокъ и, не распрягая лошади, вступилъ въ сѣни. Тутъ мужикъ принялся шарить по всѣмъ угламъ, отыскалъ плетушку, куда сажаютъ куръ на яйца, сунулъ въ нее украдкою узелокъ и повернулся къ двери, обрамленной сѣдой бахрамой мерзлаго пара. Дверь скрипнула, и Демьянъ, похлопывая лаптями и рукавицами, весело вошелъ въ избу.

— Здравствуй, родной, что такъ поздно? вымолвила старуха, выглядывая сначала изъ-за печурки и тутъ же выбѣгая къ нему на встрѣчу.

— Здорово, хозяйка! произнесъ Демьянъ, отряхаясь съ головы до ногъ: — спрашиваешь: поздно зачѣмъ?,. А выѣхалъ я изъ города чѣмъ свѣтъ, да такая-то метель вьюга поднялась, зги не видно; со мной, какъ на-зло, ввязался жеребенокъ; что станешь дѣлать?.. вернулся назадъ, обождалъ... ну, да теперь недосугъ мнѣ съ тобой калякать.—На, возьми, присовокупилъ онъ, подавая ей говядину:—подкинь ее въ щи, да ступай скорѣй ко мнѣ.

— Ахъ, ты, Господи, намедни барана зарѣзали, а онъ вишь чего... говядину покупать задумалъ! аль денегъ тебѣ дѣвать некуда, куры у те ихъ не клюютъ, что ли? заворчала старуха.

— Ну, вотъ, лиха бѣда! щи послаще за то будутъ! возразилъ, смѣясь, Демьянъ.

Замѣтно было по всему, что онъ находился въ отличномъ расположеніи духа.

— Ну, а молодцы-те наши гдѣ? спросилъ мужикъ, озираясь на стороны.

— Вѣстимо, не сидѣть имъ безъ дѣла, ворчала жена, роясь подлѣ горшковъ:—на гумно пошли... молотятъ...

— Ладно, ладно, ступай сюда, продолжалъ мужъ, торопливо сбрасывая съ себя верхнюю одежду и развѣшивая ее на станъ, занимавшій чуть не половину избы.

Онъ подошелъ къ столу, вынулъ изъ-за пазухи длинный кожанный кошель и бережно высыпалъ на скатерть казну свою, состоящую изъ замасленой, истасканной пятидесятирублевой ассигнаціи и нѣсколькихъ просверленныхъ, истертыхъ гривенниковъ и пятиалтынныхъ, между которыми виднѣлся орѣхъ-двойчатка, положенный туда, вѣроятно, для счастья и прибыли.

— На-ка, возьми ее, хозяйка да подшей хорошенько тряпицей, сказалъ онъ, подавая женѣ ассигнацію:—а то чего добраго, и въ конторѣ ее не примутъ, ишь какая истрепанная; опять въ городъ придется ѣхать, здѣсь не размѣняешь; садись скорѣй.

Въ то время, какъ старушка примостилась къ окну съ иголкою и тряпьемъ, Демьянъ натянулъ на плечи полушубокъ, подпоясался новымъ кушакомъ и снялъ съ шестка новую шапку, подаренную ему молодою.

— Готово?.. давай! время идти... Да вотъ что: неравно запоздаю тамъ, вели Петрухѣ, какъ вернется, убрать лошадь: она стоитъ, сердечная, нераспряженая, сказалъ Демьянъ, торопливо завертывая ассигнацію и направляясь къ двери.

Онъ вышелъ на улицу и побрелъ частымъ шагомъ въ контору. Въ конторѣ пробылъ онъ еще долѣе, чѣмъ думалъ, хотя явился ранѣе многихъ другихъ. Народу толкалось множество; наступилъ послѣдній срокъ взноса оброка; каждому слѣдовало получить росписку; къ тому же и годъ подходилъ къ исходу,—предметовъ для розсказ-

ней нашлось множество. Демьянъ заболтался и кончилъ тѣмъ, что вышелъ изъ послѣднихъ.

Несмотря, однакожъ, на это, радость и довольствіе сіяли во всѣхъ чертахъ мужика, когда онъ вновь очутился на улицѣ.

Трудовой годъ, слава Господу Богу, минулъ благополучно; оброкъ внесенъ сполна; въ домишкѣ осталось еще рублишковъ съ тридцать про случай, и хлѣбушко есть, и гречишка есть, и сына-то поженилъ; хозяйка молодая, сноха выпалась не вздорная какая, а лихая, работящая бабенка,—да смирная, смирная, что водой не замутитъ,—чего же больше... и какъ взаправду не порадоваться?

Душа Демьяна плавала словно въ маслѣ; подбоченясь шелъ онъ по улицѣ, но переставая ухмыляться въ бороду и посматривая то въ ту сторону улицы, то въ другую.

И вокругъ все какъ-то улыбалось ему.

Весело глядѣла сіявшая на солнцѣ улица; весело улыбались охваченныя свѣтомъ избушки, съ ихъ рѣзными подоконниками, обвѣшанными ярко горѣвшими сосульками... Демьяну было такъ легко, такъ весело на сердцѣ, что встрѣтивъ гурьбу ребятишекъ съ рѣшетомъ и сидѣвшею въ немъ дѣвчонкою, онъ никакъ не могъ утерпѣть: захлопалъ въ ладоши и крикнулъ, притопывая ногами: — «Эхъ, терехъ-терехъ-терехъ! — у-ту-ту, погоняй, не стой!...» Въ другой разъ, уже у самаго дома, онъ, ни-съ-того, ни-съ-сего, снялъ шапку и гаркнулъ: «здорово, сватъ!» какому-то мужику, который, по дальности разстоянія, не могъ слышать привѣтствія.

Войдя въ сѣнички, онъ покосился на плетушку: тутъ ли она, — и, натоптавшись вволю, отворилъ дверь избы.

Запахъ жирныхъ щей съ говядиной порадовалъ Демьяна немало; да и все вокругъ какъ-то радовало.

Золотой лучъ солнца, проникая въ окно, игралъ на полу и, захвативъ на пути часть стола и лавки, отражался на потемнѣвшей мѣдной ризѣ старой иконы.

На лавочкѣ, подлѣ окна, сидѣла Параша, повязанная по бабьему; противъ нея торчалъ кленовый, высокій гребень съ бѣлымъ пучкомъ льну, изъ котораго тянула она лѣ-

вою рукою длинную, дрожащую нитку; въ другой рукѣ ея гудѣло, подпрыгивая, веретено, которымъ игралъ пестрый котенокъ; шуму веретена отвѣчало мѣрное пощелкиваніе челнока стана, за которымъ сидѣлъ Петръ. Подлѣ него, на полу, два маленькіе брата возились шумно съ полѣномъ, обращеннымъ, помощью привязанной къ концу мочалки, въ борзую лошадь. Изъ-за перегородки раздавался веселый трескъ печки и торопливое бѣганье старушки-хозяйки, прерываемое то звяканьемъ кочерги или ухвата, то шипѣньемъ горшка.

Въ избѣ было тепло и даже жарко.

— Э... ге ге, да они ужъ дома всѣ!.. Здорово, сношенька, какъ живешь-можешь? здорово, Петруха... Эй, парнишки, что къ отцу не идете? говорилъ Демьянъ, останавливаясь посередь избы и обращая поочередно къ каждому смѣющееся лицо свое: —а я въ городѣ былъ... такато давка на базарѣ, насилу телушку продалъ.

Заслыша рѣчь о городѣ, мальчики бросили полѣно, подобрались къ отцу и начали къ нему ластиться.

— Петруха, глядь, глядь, а!.. произнесъ Демьянъ, лукаво подмигивая ему на ребятъ: — вишь, лакомки какіе! думали, разъ привезъ гостинца, такъ и кажинный такъ будетъ!.. ну, что, аль не вѣрите?.. Взаправду ничего не привезъ.

— Привезъ! привезъ! кричали мальчики, цѣпляясь ему за полы.

— Ой-ли! слышь, вѣры еще неймутъ, а? эки прыткіе!.. а развѣ вы мнѣ денегъ дали? откуда я ихъ возьму!

Парнишки выпустили изъ рукъ полу и тотчасъ же надули губы. Демьянъ покосился на Парашу, которая остановила веретено и глядѣла, смѣясь, на мальчиковъ, потомъ покосился на Петра и, какъ ни въ чемъ не бывало, вышелъ изъ избы въ сѣни, плотно заперевъ за собой дверь.

Онъ вынулъ изъ узелка синій набивной платокъ, спряталъ его за пазуху и, закрывъ узелъ, снова вернулся въ избу.

— Ну, такъ ужъ и быть, подьте сюда, шалыганы! крикнулъ Демьянъ мальчикамъ, жалобно толковавшимъ

о чемъ-то за печуркой съ матерью: — стойте! экъ ихъ! чуть съ ногъ не сбили... погодите... меньшой садись на край... слыхали это?.. Ну, сношенька наша любезная, присовокупилъ мужикъ, подавая ей черные коты, отороченные красными и жолтыми городочками: — вотъ тебѣ гостинецъ... не побрезгай, просимъ носить да насъ миловать.

Тутъ Демьянъ поцѣловался трижды съ Парашей.

— Ну, ребятенки, вотъ и вамъ!.. любо, что ли?.. сказалъ Демьянъ, подавая каждому пряничный конекъ, съ сусальнымъ золотомъ, и дѣлая видъ, какъ бы не замѣчалъ старухи, которая не переставала коситься украдкою на мужа изъ-за своихъ горшковъ.— Хозяйка, подь сюда!.. Ну, родная, тебѣ, знать не на счастье везъ гостинецъ; и Господь это знаетъ, какъ случилось... кажись, въ томъ же узлѣ былъ и крѣпко какъ связалъ его, — глядь, анъ нѣту, не знать, куда дѣвался! должно быть обронилъ его на дорогѣ... Не посерчай, благо, не забылъ и тебя, — купилъ. Что ты станешь дѣлать! далъ зѣвуна, обронилъ, — да и полно!

Далѣе Демьянъ не могъ держаться; онъ нагнулся къ сморщенному лицу старушки, ударилъ себя ладонями по колѣнямъ и залился громкимъ смѣхомъ.

— Ну, чего ты, дурень, чего?.. что те разбираетъ... ишь, ему бы все смѣшки да смѣшки; деньги только понапрасну разсорилъ... знать много ихъ у тебя... чего... эхъ, дурень, прости Господи, право, дурень, хоть бы на старости-то лѣтъ людей посрамился...

Она не договорила далѣе; Демьянъ вынулъ изъ-за пазухи платокъ, тряхнулъ имъ по воздуху, набросилъ его на голову своей старухи и, схватившись за бока, бросился на лавку, заливаясь еще пуще прежняго.

Всѣ, сколько ни было въ избѣ, послѣдовали его примѣру.

— Ну, хозяйка, на радостяхъ-то шевелись, не лѣнись, поворачивайся! что есть въ печи, на столъ мечи, чего нѣтъ, побожись, — давай скорѣй обѣдать! смерть проголодался, да и всѣ-то вы, я чай, ждали... Эхъ, щи-то, щи какъ попахиваютъ, только слюньки текутъ!

Немного погодя, старуха поставила на столъ горшокъ

шипящихъ щей съ пылу; Параша раздала ложки, нарѣзала хлѣба, и вся семья, перекрестившись передъ образомъ, усѣлась обѣдать.

— Ну, вотъ, родные, и оброкъ внесли сполна, и годъ, благодареніе царю небесному, перемогли благополучно, произнесъ Демьянъ, жадно прихлебывая горячихъ щей:— а по веснѣ сдавалось мнѣ, не быть такому добру, да, видно, не земля родитъ, а годъ... Помнишь, Петруха, какъ сомнѣвались мы, идучи березнякомъ? Что говорить, наша доля заботная! Не то радоваться стать, не то плакать. То по дождю болитъ сердце, — станетъ засушь... пропадешь, думаешь; то мало его, — опять бѣда, то града боишься, то за скотинку намучаешься вволюшку... Только вотъ въ зимушку и отведешь душу, вздохнешь! особливо, какъ уродитъ Господь всякаго жита, да всего насторожено про случай... Лиха бѣда, помолиться да хворостинки припасти, а тамъ лежи себѣ на печкѣ да обжигайся, пока не заиграли овражки, не пошла капель съ кровель да не кликнетъ жавороночекъ на проталинкѣ; а тамъ опять пошелъ крестить нивку да почесывать затылокъ, глядя на тучку али на солнышко!.. Нѣтъ, нынче грѣшно говорить, годъ вышелъ хорошій; не знаю, какъ-то Господь пошлетъ будущій...

— Надо, кажись, быть хорошему, касатикъ, возразила старуха: — въ сочельникъ вышла я за ворота, гляжу такъ-то: небо синее, синее, звѣздамъ перечету нѣтъ, такъ и горятъ, словно угольки какіе...

— Давай Богъ; чего много просить! былъ бы такой, какъ нынѣшній: много довольны были бы Господомъ Богомъ! Вотъ, прибавилъ онъ, шутливо трепля по плечу Парашу: — и молодую хозяюшку нынче нажили! Мотри, сношенька наша любезная, живи такъ, чтобы намъ, старикамъ, не каяться!.. а тебѣ жить въ любви съ парнемъ нашимъ, не маяться!.. такъ, что-ли, Петруха?..

Петръ усмѣхнулся и поглядѣлъ на жену, которая, опустивъ глаза, зардѣлась, что макъ алый.

— Ну, теперь, я чай, вздохнуть пора: смерть умаялся съ дороги; печь-то добре горяча; ай-да хозяйки — уважили! произнесъ Демьянъ, выходя изъ-за стола.

Онъ перекрестился, снялъ съ шестка кожухъ и полѣзъ на печь порасправить старыя косточки.

Немного погодя, въ потемнѣвшей избушкѣ сверкнула лучинка; снова загудѣло веретено, снова раздалось мѣрное пощелкиванье челнока; старушка подсѣла къ Парашѣ, ребятишки присоединились къ нимъ вмѣстѣ съ котенкомъ — и полились тихія рѣчи, подъ шумомъ веретена и прялки, которою управляла подслѣповатая хозяйка. Время отъ времени все смолкало въ избушкѣ; каждый, и малый и большой, прислушивались чуткимъ ухомъ къ треску мороза, который стучалъ въ углы и ворота, — и снова гудѣло веретено, снова продолжались мирныя рѣчи...

Быстро проходитъ зимній вечеръ за лучиной: ребятишки уже давно прикорнули подъ образами на лавкѣ; старушка, начинавшая кивать головою, отправилась на печку; Петръ и Параша взмостились на теплыя палати; лучина угасла и вскорѣ все смолкло въ избушкѣ Демьяна.

Одинъ лишь сверчокъ-полунощникъ тянулъ дребезжащую пѣсню... тише, тише... вдругъ остановится, прислушается къ мурлыканью котенка, свернувшагося клубочкомъ подъ печуркой... и снова трещитъ неугомонная пѣснь его всю ночь, вплоть до самаго свѣта...

BINDING SECT.
APR 2 8 1975

462776
LR
G8576
Grigorovich, Dmitry
Полное собр
том I
Translit.: Polnoe

DATE.	N
Feb-26/48	E. W. G
Oct. 10/50	V. Strant
[illegible]	V. Strant
Oct. 20/54	W. REWOT
Sept. 30/57	M. Jenk